

Солженицынские тетради
Studying Solzhenitsyn
Cahiers Soljénitsyne

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

Солженицынские
ТЕТРАДИ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Москва
Русский путь
2012

1

УДК 82.0
ББК 84(2Рос)6 + 83.3(2Рос)6
С-60

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Главный редактор *А.С. Немзер*

Оформление *С.А. Астафуров*

Макет *И.И. Антонова*

Репродукции рукописей и фотографии *О.В. Паршин*

© Авторы, 2012
© Лотман Ю.М. (наследники), 2012
© Солженицын А.И. (наследники), 2012
© Чуковская Л.К. (наследники), 2012
© ГБУК «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына», 2012
© Оформление. ЗАО «Издательство “Русский путь”», 2012

ISBN 978-5-85887-420-1

К ЧИТАТЕЛЮ

Без малого полвека назад Александр Исаевич Солженицын сделал запись, позднее подаренную Корнею Ивановичу Чуковскому для его рукописного альманаха — «Чукоккалы»: «В произведении не должно бы быть слабых (не несущих нагрузки) участков. Ни одного! Произведение должно бы быть в высокой степени однородно. Тогда оно — истинно, и оно привлечёт наше внимание по одной музыкальной фразе (включили случайно приёмник), по нескольким кинокадрам, по нескольким наудачу прочтённым строкам».

Речь здесь идет о главном долге всякого художника, о стремлении к совершенству как условию подлинного творчества. Этому императиву подчинена вся писательская работа Солженицына — от лагерных стихотворений до двучастных рассказов. Высочайшая требовательность к себе, непрестанная забота о смысловой плотности и архитектурной стройности любого сочинения равно значимы для занимающей треть или четверть страницы «крохотки» и десятитомного «повествования в отмеренных сроках». Много раз Солженицын повторял, что он в первую очередь писатель, что его публицистика, посвященная политическим, историческим, религиозным, этическим, литературно-критическим вопросам, частью надиктована конкретными обстоятельствами, частью «договаривает» сказанное в художественной прозе. Однако и в публицистических выступлениях Солженицын опознается по нескольким строкам (если не словам). Выверенность, смысловая многомерность и могучая энергия его речи сохраняются и в статьях, заметках, письмах, положенных на бумагу беседах и интервью. Художник остается художником и в «пограничных» жанрах — тем более, если это автор великого и победительного «опыта художественного исследования».

Но кроме ответственности мастера существует и ответственность читателя. Всегда ли мы, даже искренне восхищаясь «несколькими строками», берем на себя труд увидеть и оценить их неразрывную связь с целым солженицынского повествования? И тем более соотносить глубоко тронувшую нас вещь с другими работами художника? Не довольствуемся ли сразу открывшимися нам — пусть очень важными — смыслами и/или художественными решениями? Иными словами, всегда ли мы слышим истинный голос Солженицына, не подменяем ли его слово — пусть с самыми лучшими намерениями — чем-то иным, нам более привычным, удобным или потребным?

Разумеется, назвать Солженицына писателем «нерасслышанным» невозможно. Уже «Один день Ивана Денисовича» радикально изменил российское общественное сознание — и отменить этот грандиозный поворот, сделать бывшее — небывшим не смогли ни напитанная ядовитой клеветой травля писате-

ля, ни запрет его немногих прорвавшихся в подсоветскую печать сочинений, ни свирепая борьба с самиздатом, ни изгнание. «Архипелаг ГУЛАГ», созданный — как не устал подчеркивать Солженицын — при деятельной помощи читателей «Одного дня...», повернул ход мировой истории. Быть может, со временем мы уразумеем, что и воздействие на мир и нашу страну «Красного Колеса» не так ничтожно, как заверяют его ожесточенные оппоненты. (Не дерзнем судить о том, какую роль вдумчиво прочитанное «повествование в отмеренных сроках» может сыграть в нашем — сейчас сильно затуманенном — будущем.) Книги Солженицына продолжают читать в России, на Западе и на Востоке — свидетельством тому постоянно множась издания и переводы.

Читают Солженицына и профессионалы — филологи, критики, философы, историки, социологи и другие гуманитарии. Было бы сущей неблагодарностью забыть о многих и многих глубоких, благородных и целеустремленных истолкователях слова Солженицына, начиная с сумевшего опубликовать «Один день Ивана Денисовича» великого поэта и кончая российскими и зарубежными авторами новейших исследований. Но точно так же невозможно забыть и о недобросовестной полемике (в иных, увы, нередких случаях переходящей в несусветную ложь и циничное глумление), и о ритуальном заливиستم величании, отменно уживающемся с равнодушием к слову и мысли писателя, и о попытках тенденциозного выворачивания (или «усекновения») сочинений Солженицына для очередной узко понятой «пользы дела», и об обыкновенной — когда простодушной, а когда и изворотливой — халтуре.

Наследие Солженицына заслуживает лучшей участи. Мы по-прежнему в большом долгу перед писателем, завершившим в 1975 году ответ на вопрос цюрихского студента-слависта о своих интерпретаторах нескрываемо печальной нотой: «Истинную критику читать — наслаждение! просто наслаждение! Но, к сожалению, мне это редко доставалось». И через восемь лет развившим этот мотив в интервью Бернару Пиво: «Знаете, такая несчастная судьба: из-за моих публицистических выступлений <...> почти все критики рассматривают меня как своего рода политического деятеля, и почти всё, что я читал из критики, была оценка моей политической позиции, и всё, больше ничего. Меня это огорчает, и, чем я старше, тем больше, потому что получается, что известна не главная моя деятельность, не главная сторона».

Ошибкой было бы противопоставлять этим искренним и не случайно родившимся признаниям писателя его твердую — не раз отчетливо проговоренную — уверенность в том, что «Архипелаг ГУЛАГ» и «Красное Колесо» сами проложат себе дорогу к читателю, что писались эти книги для обычных людей, а не для интеллектуалов и профессионалов. Отношения художника, критики (в широком смысле слова) и публики всегда сложны. Величие Пушкина бесспорно, но читали бы мы его совсем иначе, если б Жуковский не разобрал бумаги погибшего друга, Белинский не написал одиннадцать статей, Анненков не выпустил первое стремящееся к научности издание, сопровождаемое биографией поэта, если б не было длящейся уже более полутора веков и не прекращающейся работы текстологов, биографов, комментаторов, философов, историков, литераторов, крити-

ков по выявлению и осмыслению неразрывно связанных поэзии и жизни Пушкина. Так и с любым большим художником — Солженицын не исключение.

В сентябре 2010 года в научном центре Дома русского зарубежья появился отдел по изучению наследия А.И. Солженицына, с мая 2011-го при отделе начал работать семинар, призванный споспешествовать творческому общению профессиональных исследователей жизни и творчества писателя и его заинтересованных читателей. Появление первого выпуска «Солженицынских тетрадей» — закономерное продолжение этого проекта. И не только потому, что несколько прозвучавших на семинаре докладов обрели в «Солженицынских тетрадях» стабильную форму.

Сотрудники отдела и участники семинара надеются, что новое ежегодное издание станет общим домом для всех, кто занят изучением творчества и судьбы Солженицына, что здесь сохранится дух заинтересованной, азартной и доброжелательной дискуссии, царящий на заседаниях семинара. В каждом выпуске «Тетрадей» будут появляться публикации из творческого наследия Солженицына и его огромного эпистолярия, различного рода документы, связанные с жизнью и работой писателя, мемуары о нем и его эпохе, исследования, посвященные конкретным произведениям, их взаимосвязям, логике творческого пути писателя, его отношениям с предшественниками и современниками — художниками, философами, политическими и общественными деятелями, о месте Солженицына в истории литературы и культуре, его роли в ходе истории XX столетия и той истории, что творится сегодня. Разумеется, «Тетради» будут по мере сил информировать о том, что происходит в пространстве Солженицына, — о значимых изданиях его книг, новинках исследовательской и учебной литературы, конференциях, выставках, спектаклях, фильмах, очередных решениях жюри Литературной премии Александра Солженицына.

Работая над первым выпуском, мы верили, что наше начинание не останется без ответа, что оно стимулирует движение научной мысли и порадует тех, кому по-настоящему дороги «Один день Ивана Денисовича» и «Матрёнин двор», «В круге первом» и «Раковый корпус», «Архипелаг ГУЛАГ» и «Красное Колесо», сердечный лиризм «Крохоток» и напряженная ищущая мысль публицистических статей, — то есть истинный и единый Солженицын во всей его необъятности.

Если это сбудется, то вкладчики и редакторы новорожденного издания со временем заслужат право сделать девизом «Тетрадей» одну из предназначавшихся для «Чукоккалы» пословиц, что, по слову Александра Исаевича, «могут быть поняты как существенные суждения об искусстве и литературе» — «Не на себя пчела работает».

Андрей Немзер

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ: Из наследия Александра Солженицына

Александр Солженицын

ИЗ «ЛИТЕРАТУРНОЙ КОЛЛЕКЦИИ»

*Публикация, подготовка текстов, предисловие и примечания
Н.Д. Солженицыной*

В первом выпуске «Солженицынских тетрадей» мы предлагаем читателю два прежде не публиковавшихся очерка из «Литературной коллекции» и надеемся продолжить публикацию в следующих выпусках¹.

Зарождение «Литературной коллекции» надо отнести к середине 1980-х годов. Зимой 1983/84 в Вермонте Александр Исаевич впервые почувствовал просвет, облегчение давления, которое испытывал от необходимости ежедневной проработки неохватного исторического материала для «Красного Колеса», на что годами уходили все его вечера. Теперь он мог «разрешить себе читать не только для своей работы, но и “просто так”, по выбору, для удовольствия»². Однако, по многолетней привычке читать «с карандашом», он делал пометки на полях (если книга была своя) или точные выписки и попутные суждения, оценки — на отдельных листочках (если библиотечная). Когда таких выписок и пометок собралось много, А.И. ощутил потребность выстроить их в связный текст, — так начали накапливаться записи его впечатлений при чтении разных авторов, и он стал называть это собрание «Литературная коллекция». За два десятилетия набралось таких очерков несколько десятков, первый датирован 1984 годом, последний — 2005-м.

В 1997-м Солженицын начал печатать в «Новом мире» отдельные очерки из «Литературной коллекции». Публикации он предпослал небольшое предисловие без названия (в оригинале над этим текстом карандашная надпись рукой автора: «Объяснение»), где говорит о своих записях: «Я делал это — для себя, без мысли о печатании. Но видя... как ныне выглаживается память о многих примечательных наших книгах, — я склонился напечатать иные из этих заметок,

---

¹ Исходные рукописи «Литературной коллекции» и все последующие редакции находятся в Архиве А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. Полное собрание очерков «Литературной коллекции» наряду с другими работами Солженицына о литературе и языке будет напечатано в составе 30-томного Собрания сочинений, выходящего с 2006 года в издательстве «Время».

² *Солженицын А.И.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2000. № 12. С. 154 (гл. 10).

однако уже ничего не меняя в них»³. Некоторые колебания испытывал А.И. при обозначении жанра — записи, этюды, очерки, заметки? — это так и осталось не вполне разрешенным, автор использует в основном два последних определения и так «объясняется» с читателем: «Заметки эти — вовсе не критические рецензии в принятом смысле, служащие оценке произведения в потребность современному читателю. Каждый такой очерк — это моя попытка войти в душевное соприкосновение с избранным автором, попытаться проникнуть в его замысел, как если б тот предстоял мне самому, — и в мысленной беседе с ним угадать, что он мог ощущать в работе, и оценить, насколько он свою задачу выполнил. (А ещё: зорко примечаю лексику автора и в заключение обычно привожу два-три десятка слов и выражений, которыми он в этой книге отменно расширил наш скудеющий языковой поток.)»⁴.

Приводим для удобства читателя свод опубликованных очерков:

- «Голый год» Бориса Пильняка // Новый мир. 1997. № 1. С. 195–203.
«Смерть Вазир-Мухтара» Юрия Тынянова // Новый мир. 1997. № 4. С. 191–199.
«Петербург» Андрея Белого // Новый мир. 1997. № 7. С. 191–196.
Из Евгения Замятина // Новый мир. 1997. № 10. С. 186–201.
Приёмы эпопей // Новый мир. 1998. № 1. С. 172–190.
Четыре современных поэта // Новый мир. 1998. № 4. С. 184–195.
Иван Шмелёв и его «Солнце мёртвых» // Новый мир. 1998. № 7. С. 184–193.
Окунаясь в Чехова // Новый мир. 1998. № 10. С. 161–182.
Феликс Светов — «Отверзи ми двери» // Новый мир. 1999. № 1. С. 166–173.
Пантелеймон Романов — Рассказы советских лет // Новый мир. 1999. № 7. С. 197–204.
Александр Малышкин // Новый мир. 1999. № 10. С. 180–192.
Иосиф Бродский — Избранные стихи // Новый мир. 1999. № 12. С. 180–193.
Евгений Носов // Новый мир. 2000. № 7. С. 195–199.
Двоеньё Юрия Нагибина // Новый мир. 2003. № 4. С. 164–171.
Давид Самойлов // Новый мир. 2003. № 6. С. 171–178.
Дилогия Василия Гроссмана // Новый мир. 2003. № 8. С. 154–169.
Леонид Леонов — «Вор» // Новый мир. 2003. № 10. С. 165–171.
Василий Белов // Новый мир. 2003. № 12. С. 154–169.
Георгий Владимов — «Генерал и его армия» // Новый мир. 2004. № 2. С. 144–151.
Леонид Бородин — «Царица смуты» // Новый мир. 2004. № 6. С. 149–158.
Алексей Константинович Толстой — Драматическая трилогия и другое // Новый мир. 2004. № 9. С. 137–144.

---

³ Солженицын А.И. Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 1997. № 1. С. 195.

⁴ Там же.

Награды Михаилу Булгакову при жизни и посмертно // Новый мир. 2004. № 12. С. 122–127.

Мой Лермонтов // Что читать. 2008. № 1. Сент. – окт. С. 86–89.

Исходные тексты «Литературной коллекции» написаны черной шариковой ручкой на сложенных вдвое машинописных листах с двух сторон мелким почерком. Позже, когда зрение ухудшилось и почерк стал крупнее, Солженицын уже не складывал листы и писал, как правило, с одной стороны, используя оборот лишь для более поздних вставок. Второй редакцией текста становилась машинописная (позже компьютерная) перепечатка, в которую автор вносил правку шариковой ручкой и цветными карандашами. Некоторые очерки имеют и третью редакцию в виде авторизованной машинописи с правкой.

Тексты печатаются без сокращений. Явные описки исправлены без оговорок. Подчеркнутые слова передаются курсивом, ударения и разрядки сохранены.

Солженицын обильно цитирует своих авторов, и следует оговорить особенности его цитирования. Он до некоторой степени подчиняет цитируемое динамике своего текста: устраняет повторы, побочности, рыхлости, которые иногда возникают при «вживлении» цитаты и тем утяжеляют передачу мысли; сокращает цитируемые фразы, не каждый пропуск обозначая многоточием; может изменить падеж цитируемых слов или облегчить пунктуацию, если фраза, объемлющая цитату, этого требует. «Я разрешил себе выиграть действенность через сжатие... текста, иногда и отдельных фраз, — без малейшего, однако, искажения их смысла. Все цитаты истинны, но не все дословны», — писал Солженицын о принципах цитирования в обзорных главах «Красного Колеса»⁵.

В качестве эпиграфа к будущей полной публикации «Литературной коллекции» Солженицын решил поставить созвучную ему мысль Гёте, как нельзя более точно передающую чувства и настроения, владевшие им в этой работе:

«Если о сочинениях или о поступках не говорить с неким любовным участием, с определенным пристрастным энтузиазмом, то в конце концов остается сказать так мало, что лучше уж вовсе молчать»⁶.

---

⁵ Солженицын А.И. Замечания автора к Узлу Второму // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2007. Т. 10: Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел II: Октябрь Шестнадцатого. Кн. 2. С. 531.

⁶ Гёте И.-В., Шиллер Ф. Переписка: в 2 т. / [пер. с нем. и коммент. И.Е. Бабанова; вступ. ст. А.А. Аникста]. М.: Искусство, 1988. Т. 1. С. 186–187.

НИКОЛАЙ ЛЕСКОВ¹

«Некуда» (1864)

Общее о книге. — Поражает верность общего взгляда Лескова на всё движение либералов, студентов, радикалов и революционеров в России уже в 60-е годы. (Автор применяет к ним не привившееся слово «сепаратисты» — то есть отделившиеся от общества.) Их — ворох, многие кучи, сколько их! Только тут я разобрался, что открытие «бесов» вовсе не принадлежит Достоевскому, увидели и до него, вот в какой чередё романов:

«Отцы и дети» — (1861². Тургенев — первый! — и слово «нигилист» ввёл он). — «Взбаламученное море» Писемского (1863) — «Некуда» Лескова (1864) — «Дым» Тургенева (1867) — «Обрыв» Гончарова (1869 — но как робко!) — «Панургово стадо» Всев. Крестовского (1869 — а использует одну из главных мыслей Лескова). — И только тут «Бесы» (1871³) — одновременно с «На ножах» Лескова.

Но и должны ж были быть у Достоевского предтечи меньшего роста. К чести русской литературы: она рано всё заметила и настойчиво предупреждала!

И понимание у Лескова весьма охватное: он либералов и «граждан»-коммунаров не слишком отграничивает от революционеров. И показал, как все эти движения составляются: из интриг демагогов и из искренних людей, стремящихся к справедливости. И видно, что он побывал в их среде, хорошо наблюдал. И вся фразеология «новых людей» дана правдоподобно. Например, Бергольди: «Семья есть безобразнейшая форма того, что дураки называют цивилизацией. Семья — учреждение безнравственное, об этом спорить нельзя: она удаляет человека от общества и портит его натуру». Коммунары убеждены: «Мать, целуя ребёнка, только удовлетворяет... своим чувственным стремлениям. <...> Надо, чтоб не было узких забот только о тех, кого сама родила». Дальше: «Человечество подло и глупо» — и коммунары, да и шире, «сепаратисты», живут в постоянном раздражении на общество. — Но уже есть и: «Мы удобрим... почву, мы польём её кровью», «ну, миллион вырезать, ну, пять миллионов» (Бычков) — и приходится поверить. Это 60-е годы! — И такой юмор: «Вы не забудете писать, что совершают ваши безобразники. Опасаться нечего, на четвёртый день т а м. — (Т.е. достигнет в Лондоне Герцена.) — После разберёмся, а если случится ошибка, то каждый может оправдаться» (у Герцена же?..).

---

¹ При работе над очерком автор пользовался изданием: *Лесков Н.С. Собр. соч.*: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1956–1958. (Библиотека А.И. Солженицына; с пометами в тексте и на полях.)

² Дата первой публикации романа «Отцы и дети» И.С. Тургенева — 1862.

³ «Бесы» Ф.М. Достоевский пишет и публикует в 1871–1872 годах.

«Дом Согласия» (слепцовская коммуна) — хорошая практическая анти-иллюстрация к Чернышевскому. И общая картина крайнего революционерства — тоже очень правдоподобно.

И название романа означает: таким людям (и — нам с такими людьми) идти н е к у д а.

Однако в конструкции романа всё рыхло-рассыпчато, и многое присутствует совсем случайно. Композиция — раздёрганная, сквозных сюжетов — нет. Слишком много действующих лиц, и все недоработаны, да большинство — даже только мельком. (На число персонажей — размахнулся не по силам.) Проза — совсем не стянутая, не упругая, слишком много расслабленных мест. Полная (не несущая целевой нагрузки) разностильность кусков. Перо небрежно (как бы — от торопливости), это может быть просто 1-я редакция, «как сразу написалось». Многосотенно раз автора подводит отсутствие вкуса и меры. Много характеристик, прямо поясняющих людей и их поступки, это нетерпимо. Немало избыточностей в изложении и приёмах.

Большая часть книги читается безо всякого интереса, уже оттого автор не вызывает расположения читателя, по этой книге его трудно полюбить. У него не выявлено своё писательское лицо, характер, свой слог, манера. И не хватает терпения для методической разработки материала. Что-то несуразное, как вот задевают посуду рукавом — так автор даёт самые неожиданные страницы. Перебивает его не раз и как бы меланхолия. А склонность к анекдотичности — настолько постоянная черта творчества Лескова, что уже закрывает ему первый ряд в литературе. У него не хватает собранности, стройности, всеуместности.

1-я часть (в провинции) — вся скучна и больше чем на половину — не нужна. 2-я часть (Москва) — уже поживей, есть интересные наблюдения, фигуры, темы. Первое сюжетное оживление — только в середине книги, при мнимом аресте студента Богатырёва и последствиях этого. А с 3-й части (Петербург), как пошла коммуна, — живо, интересно, убедительно. Этот «Дом Согласия» — вместо всех несостоявшихся или плохо сочинённых сюжетных линий. К придуманностям относятся и несколько драматических смертей в конце (Помада, Райнер, Лиза) — они и не идут к этому общественно-обозрительному роману или не вытекают из него убедительно.

А есть у Лескова лёгкость повествования. Но сатира его — слишком безудержна, а когда (реже) он проявляет юмор, лёгкую усмешку — это хорошо. Однако очень уж тянет его на анекдотические случаи, а они только засоряют книгу, не украшают её.

Жаль: со столь зоркими мыслями Лесков обвалился художественно, не сдержался от крайнего раздражения и бичующих характеристик во многих случаях, особенно — к маркизе де Бараль (графине Салиас), «углекислым феям Чистых Прудов» (сёстрам Новосильцевым, а сама кличка остроумна) и уж тем более ко многим революционерам. Многие характеристики не-

сдержанно грубы, вечера у маркизы — памфлетны за пределами терпимого. Белоярцев (Слепцов) дан топорно, без художественной работы. Ещё прежде развёрнутого показа коммуны, он (от Лизы): «Вся нравственная нечисть этих людей»; «открыв всю внутреннюю пустоту и бессодержательность своих натур», и что ещё до Движения, «в своих прежних сословиях» они все — «участники грехов». Диалоги в левой среде — сухи, нежизненны, по вехам социальных мыслей, да и размазаны.

Резкость лесковской критики поставила его под общественный бой, вызвала немилосердную травлю и с этого романа (его первого в жизни) уничтожила его литературное имя едва ли не на столетие. Писарев из Петропавловской крепости предал его вечной анафеме. Салтыков-Щедрин: «Это произведение имело для него самое роковое и почти трагическое значение: судьба его как писателя тут же была решена навеки».

Взрыв общественного негодования против «Некуда» был так бурен, что Лескову пришлось выступить с объяснениями и оправданиями ещё прежде того, как было закончено печатанье романа. Но *никто* не решился выступить в его защиту печатно. (Уже тогда какая сила общественного Поля!)

А между тем Лесков в романе всё движение шестидесятников охватно называет «одною из великих поэтических эпох нашей истории» — то есть как они самоотверженно кинулись в новое. Сам он сказал в 1871: «Я признаю (этот роман) честнейшим делом моей жизни». А в 1881 в письме: «Этот памфлет сохранил на память потомству истинные картины нелепейшего движения, которые ускользнули бы от историка. В “Некуда” есть пророчества, целиком исполнившиеся».

И правда же так. Например: «Придёт время — теории всем надоедят». — «Пока мы не будем считать для себя обязательным участие к каждому человеку, до тех пор все гуманные теории — вздор». — «Теории-то эти... погубили и губят людей». Его мысли в защиту авторитета в семье. И что монастыри — не отжили, это — пристанище, у кого недостаток жизненных сил.

Но удивительнее то, что эту книгу душила и кое-что невозстановимо вымарала — цензура! Лесков пишет: «Я не пользовался никаким покровительством властей, но встречал сугубую строгость». (Что раздражало цензуру? — монастырское? сцены дворянской жизни? черты чиновничьего управления? просто испуг всякой объёмной правды?) И М. Катков сказал о Лескове: «Он совсем *не наш*».

И действительно, Лесков бранит не только левых. Не упускает упоминать о казённом воровстве, о злоупотреблении сильных. Даже: «Нацию обуюло себялюбие, двоедушие и продажность». «Мещанство неблаговоспитанно, несосно». Безжалостен он и к старообрядцам: «Кремни... ни крестом, ни пестом их не проймёшь».

Может быть из-за цензуры Лесков пишет о современных тому общественных и уличных событиях — всегда намёками, никогда конкретно. (От

этого — трудно понять без издательских примечаний.) Описывая явно 1860–64 годы, почти минует александровские реформы и отмену крепостного права. Для общественного романа — странно.

Художественные приёмы. — Не заботится ни о единовременности главы, ни о слитности действия. Может целые куски действия пропускать даже без просвета.

Вводит новых лиц сразу по полдюжине и по десятку, и пытается сообщить нам и их наружности, и их одежду, — и так не раз, во многих главах, — неохватимо. (И затем вскоре мы растериваем их, ибо автору к ним невозможно возвратиться. У меня в «Колесе» такая же неизбежность — но я для таких персонажей и не пытаюсь утомлять читателя подробностями, фамилиями.) В самих описаниях наружностей Лесков неисправимо методичен (и излишен) — а между тем потом почти никогда не использует их и не напоминает нам. И вдруг с наружности впервые представляемого человека соскальзывает на объяснение этой наружности или характера, ещё ничем не подтверждённое, например: «до крайности ненадёжное лицо», в нём, «видимо, преобладали цинизм и половая чувственность, мелкая завистливость и злобная мстительность». — Также иногда: обстоятельные медлительные подробности, например комнат, обстановки (ничто в голове не успевает уложиться) — нигде больше никогда не используемые; описывается больше подробностей помещения, чем может видеть читатель, входя.

Многие диалоги — не свободные, и в них много лишнего, приёмы на ощупь, как начинающего писателя. В диалогах интеллигенции — замысловато-книжное, сложное остроумие, далеко от живого разговора. — А народный диалог — везде хорош.

Очень некстати автор иногда вводит и себя. Вот, мол, рассмотрим общество в тарантасе, когда кучер не может заметить нашего присутствия. — Сейчас не место её описывать, но хотелось бы в другой раз. — «Это было очень хорошее свидание. Я таких свиданий не умею описывать».

В изображении многих фигур Лесков сбивается на карикатурность, любит это (и сопровождает плосковатыми остроумиями). И непременно присутствуют у него за пределами странные анекдотические люди, и он старается смешить нас ими — а они совсем не смешны. Искусственно придумывает их? утрирует виденное в жизни? (Здесь такой — Помада, но есть полдюжины персонажей, данных так.)

Претенциозны названия глав — то по-английски, то по-немецки, то по-латыни. То: «Перчатка поднята», то «Два гриба в один борщ».

Искусственна и неожиданна последняя глава, куда без надобности написано героев 1-й части, забытых читателем и ни к чему уже не нужных. И это приправлено ещё новым назидательным образом купца Луки Никоновича — и его устами приговор писателям. Приём неуклюжий.

Из персонажей. — Полная неудача с центральным персонажем доктором (но ничего в нём от доктора) Розановым. Неумело, что именно он вводится как наблюдатель политических нравов провинции, Москвы и Петербурга и даже становится (без всякого к тому убеждения) — прямым участником революционных действий. А то — разоблачает либералов с консервативной стороны. В его убеждениях совершенно невозможно разобратся, автор намешал беспорядочно, а потом легко «отговорил» его одним внушением старого генерала (Стрепетова). Розанов, по сути, — никакой, и характера никакого: почему он пошёл в революцию? Автор как будто нарочно сбивает себе всякую попытку дать Розанову характерное лицо. И совсем он не предан своим больным: легко бросает их на многие сутки ради общественных столкновений. (Впрочем — у большинства действующих лиц избыток свободного времени, и непонятно, когда они могут выполнять службу или обязанности.) Или уж совсем никудышный доктор? — не может найти себе работы в Москве иначе как через подпольное содействие петербургских иезуитов. (А вероятно: докторство просто неудачно придумано, без знания дела, а пытается автор изобразить свои собственные метания и растерянность? Образ «себя» — он-то, как правило, и никакому писателю не удаётся.)

Засвидетельствовано примечаниями, что история с женой — его семейная. Но подана она грубо, и главная неудача в том, что нет попытки обнаружить в жене ни единого человеческого качества. К ней — одна неприязнь, резко слова в её обрисовке, а психологически история семейная совсем не разработана.

Не много удачи и с главной героиней Лизой Бахаревой — она писана суматошными противоречивыми рывками, психологические переходы её совсем мало обоснованы: «вот так, захотелось!» И привязанность к Розанову, и отвязанность от него, и потом увлечение Райнером также прихотливы. И общественное направление её — при стольком чтении! — никак не определено. И в коммуне она — как бы против убеждения, и там она, и не там. Оттого и смерть её — не потрясает.

Райнер, собственно, болтается без смысла и почти без серьёзного показа — кроме патетической (единственной такой во всём романе) вступительной главы, где описывается европейская история его и отца — почти поэма вдруг. — Что за загадка; почему русские писатели XIX века разных направлений в поисках ярко-положительного героя — всегда берут иностранца? — Конечный с ним сюжет — побег к польским повстанцам — закручен совсем неестественно, и не изнутри.

Язык. — Я и спешил читать Лескова, думая выловить что-нибудь для своего словаря. В «Некуда» очень мало нашёл. Авторская лексика свободная, но обогащённых слов в этой книге мало — по её политическому предмету? Хорошо и легко вводит Лесков украинскую речь. Нечувствительно

громоздит: «потряхивающегосся», «пробивающимся», «раскачивающуюся». (Впрочем, это — и посегодняя неизжитый порок в русской литературной речи.)

Запоминается: «трехпогибельный тротуар», «подрукавные литераторы», «субтиль-жантиль миньёночки», «бархатные мышки».

— «Стихи она писала до того белые, что когда сгорала бумага, то бесцветным пламенем».

— «Русский человек зачастую сапоги покупает осмотрительнее, чем женится».

— «Проклято то сердце, которое за любовь не умеет заплатить даже состраданием».

Но есть невозможные небрежности. Слишком часто: «восхитительно хороша», «она прелестна», «прелестные вьющиеся каштановые волосы», «кажется, все нервы её дрожали», «в её больших чёрных глазах виднелась смелая душа, гордая своею силою». — Или, наоборот, сухо: «фанатически преданный делу», «прекрасно отразились на расположении их духа», «вся его особа дышала... натуральностью», «колосистая рожь... изнемога[ла] под невыносимым дыханием летнего бога, наблюдающего своим жарким глазом за сплошную химическую работу в его необъятной лаборатории», в «воздухе... было много... такого, что неприятно действовало на окисление крови», «её дни есть приготовительный термин ко вступлению в жизнь с настоящими представителями бескорыстного человечества».

Эпизоды. — Волнующая история, как молодой муж Феоктисты, старообрядец, в страстной вторник пошёл через лёд добывать ей селянку — и потонул. Только народный, и религиозный, писатель мог такой случай подхватить. И что был бы за рассказ, если б отдельно и тщательно! А здесь — мимоходом, мало высвечен, и Феоктиста дальше пропадает, никто и ничто.

Хорошо развёрнутое описание ловли перепелов в безлунную ночь. Неплохо и описание «султанов» и «повязочек» в приречном камыше.

Вот что не лишнее: по-бальзаковски добротное описание барско-тюремно-богадельно-складского дома, где поселилась коммуна. Сцена в редакции «отсталого» журнала — неплохие начатки.

А семья Бахаревых со всеми их диалогами и обстановкой — потеря времени, что он тут «разоблачает»?

Поляки. — Поддавшись струям того времени? напряжённости между польской и русской интеллигенциями? — всё же малоубедительно представляет поляков и петербургских иезуитов главными направи́телями русских заговоров. Нагораживает тут и конспирацию со стенным подслушиванием, парик, накладную одежду, «мрачный дух», и развеваются чёрные фалды, и никакой высоты стремлений у ордена: «Нужно выбрать... поглупее, эти скоты ко всему пристанут», «полезнее дураков и энтузиастов нет». — И, сам плохо веря? — дал такое один раз, без развития. — А второй раз, ища драмати-

ческого конца? — спохватился о польском восстании, но даёт его в театральных декорациях Беловежа, как эпизод же.

Евреи. — Откровенно с отвращением относится к евреям в целом и без попытки предвидеть их растущее значение для России. Розанов: «Помилуйте, какие у жидка стремления!» С отвращением: Нафтула Соловейчик, «иерусалимский дворянин». Несостоявшийся доносчик, вместо того грабитель — и, в какой-то связи с ним, чуть не идентичен — барон Альтерзон — «дьявол тебя побирай, жида шельмовского». Ещё — эпизодичны один-два, в том же тоне (сын одесского купца Иона Кацен). И пророчит Польше: «Жида вас всех заберут в лапы, и будет новое еврейское царство». — Всё это у Лескова — вполне мимоходом, а, вероятно, решительно повлияло и на судьбу его книги, и судьбу самого. (Годами позже, в 1884, Лесков, по правительственному запросу, написал обстоятельную докладную — в защиту российских евреев.)

«Житие одной бабы» (1863)

Впервые я читал в тюрьме, и уже тогда был поражён диалогами, живым народным языком — почти, местами, непонятным для интеллигентского уха⁴. Теперь перечитываю — да, так, но только в 1-й части.

1-я часть поражает и естественностью ввода каждого очередного персонажа, и естественностью отведенного ему объёма и плотности. Верностью народным характерам (и живодёрам как Костик, и пронзительной покорностью Насти и их матери Мавры, и кузнеца с женой, тёплые отношения их), индивидуальность каждого мужика и каждой бабы так легко достигнута. Отличное детальное знание крестьянской жизни, да какая верная подробность жестов (как ковригу режут; как скребут сосульки с бород; как баба оперлась на ухват, глядя на кипящий в печи чугунок; два мужика влёжку перед огнём). А уж крестьянские диалоги выделяются: как точны, безыскусственны, идеальный слух автора! — и рассказ весь в целом хорошо звучит от подразумеваемого рассказчика (иногда и сам он проступает в звуке, характере, симпатичный).

---

⁴ В архиве А.И. Солженицына есть машинописная перепечатка несохранившейся рукописной записи, озаглавленная «Лесков» (1 лист, печать с 2 сторон); в правом верхнем углу рукой А.С. сделана помета: «Записано в 1945–46 по читанному в Лубянке». О «Житии одной бабы»: «Вообще произведение не сильное, не больше как вольная литературная обработка фольклорных материалов — песен о несчастных замужествах. Но поражают диалоги! Наряду с «Тихоном и Маланьей» — это высшее достижение нашей русской литературы в передаче подлинно народного разговорного языка, того языка, который хотя и состоит из самых простых русских слов, но сложен и почти непонятен для интеллигентного уха в такой же мере, в какой разговор интеллигентных людей, говорящих по-русски, совершенно непонятен для присутствующего при разговорах мужика».

1863) [1 фев 1987]

Мини-эпика дяди Вадима и его в отарке, и что он был паразитом диалогам, живым народным языком-прозой, мистиком, непонятным для интеллигентного уха.

Теперь переиздано - да, так, но только в 1-й части.

1-я часть паразит и естественность вклада карточного игрового персонажа, и естественность одевшего ему одёжа и платности. Вероятно народными характерами (и фивальким, как Костик, и транзит-словами парадоксально Масты и их матери Варвары, и Кузнецов с женой, теплые ароматы их), индивидуальность карточного шуфера и карточной дяди так легко достигают. Одни из величайших знаменитостей крестьянской жизни, да какая верная подражательность (как Коврицу режущ, как скрепят сосиски с баран, как дядя опередил на ухаля, гуды на китизму в пети гургу, Ф. А. что крестьянские диалог и на всём рассказе выделены: как дядя, безыскусственно, идеальной слух автора!

2-й рассказ всё в целом хорошо звучит от подражательного рассказчика (иногда и сам он просочился в звуче, характере, симпатичный).

Насколько же это верно и точнее переизданный бунинский "Верный". Или мималит "дх, хус ма" (конец гл 3) как скромно, искренно и ошел по сравнению с пародией гоголевский "Традиция". Да и адван в конце гл 5: "Беда у нас родится смирными да сиротскими".

И был бы - жемчужина русской литературы, если бы Лесков на 1-й части не остановился. Но он продолжал. И что мешало ему - ни губовца продолжения миним, губовца целого, губовца меры и вкуса (из-за этого его часто замечают, и пародия на свои произведения). Автор - как бы не хватало на повесть. Во 2-й части он открывает большинство действующих лиц 1-й части, а Настю выводит на платонический старт - союзничество, да и повальный уже из такой жемчужины, с душой и целенной песенности, "Красивую" замечательность. А паритетную фемю Свепана с детьми - и вовсе рандо, славилка даже не о ней. У него (как и у "Менца") если что плаха, знала фема, до дх провета и дх едким гуды недовольности. (Видно, своя жена зладово ему досаждал.)

Неудачный послесторонний привесок - автор в 1-й части, и слишком приложительно-маркирует-словами конец с длинной итадой из Минкина.

Страница рукописи А.И. Солженицына «Николай Лесков». 1987.

15 с. 21,6×14 см. Шариковая ручка

Архив А.И. Солженицына

Насколько ж это верней и честней чуженадуманной бунинской «Деревни». Или монолог «Эх, Русь моя» (конец главы 3) — как скромн, искренен и тёпл по сравнению с пафосом гоголевской «Тройки». Да и абзац в конце главы 5: «Беда у нас родиться смиренным да сиротливым».

И была бы — жемчужина русской литературы, если б Лесков на 1-й части и остановился. Но он продолжал. И тут не хватило ему — ни чувства продолжения линии, чувства целого, чувства меры (из-за чего его часто заносит, и портит он свои произведения). Автора — как бы не хватило на повесть. Во 2-й части он оброняет большинство действующих лиц 1-й части, а Настю выводит на любовный сюжет — стандартный; да и поданный уже без такой жизнеподобности, с уклоном в усиленную песенность, «красивую» фольклорность. А покинутую жену Степана с детьми — и вовсе роняет, словечка больше нет о ней. У него (как и в «Некуда») если уж плохая, злая жена, то без просвета и без единой черты человечности. (Видно, своя жена здорово ему досадила.)

Неудачный послесюжетный привесок — автор в Гостомле. И слишком прямолинейно назидательный конец с длинной цитатой из Майкова.

Но какие суровые порядки на Руси! (60-е годы). И разоблачение административных злоделаний вполне стоит Гоголя.

После полностью безлунной ночи через 2–3 дня — поздневстающая луна, такого не может быть.

— «В лавках ему подавали стул» (как точно).

— «Агатовые глаза» — задолго до Бунина.

Срывы сказа, неряшливость: «в этих апартаментах» (о пуньке); «солидарность; эротическое движение; педагогический приём; совершенный контраст»; «rendez-vous; поэтически; подвела [его] под свою теорию; препозиция; аппарат мыслительный; без аффектаций» — всего этого легко было избежать.

Повторяется впечатление от Лескова: ему не хватает точной координации движений, какая-то в них неосторожность, несоразмерность. Это отражается и на языке, и на сюжете, и на композиции.

«Леди Макбет Мценского уезда» (1864)

Действительно, шекспировский размах в характере Катерины Львовны и в убийствах есть. Лесков не уклонился описать с большой подробностью и убийство мужа Зиновия, и удушение мальчика. Малый размер глав даёт чёткость формы и динамику сюжета. Характер Катерины верен до конца (с Сонеткой).

Диалог и тут неплох, но мешает, когда автор вставляет прямые пояснения чувств. Впрочем, тогда все писали так.

Рискнул описывать каторжный этап, которого не знает. Но дух — как будто верен. «Мир каторжников я писал из головы, но Достоевский находил, что я воспроизвёл действительность довольно верно».

— Цепочки лампад, вздрагивающие от ударов в дом (хорошо).

Но: «Эти вокальные вопросы», «апатично», «совершающая драму любви» — режут.

Что привлекло Шостаковича писать эту оперу? Размах безраскаянного злодейства? — это очень доступно его музыке. Но либретто 20-х годов (вместе с каким-то Прейсом)⁵ — позорное, убого советское: напихано атеизма, глумления над опереточным (измысленном либреттистами) священником, над корыстными полицейскими. Многие диалоги — дословно из Лескова, а добавки безвкусные, вроде «силь ву пле», «крокодилица», «где тут умирают?», поцелуй так, «чтоб иконы с киота посыпались».

А у Лескова: «Любовь народа к стройному церковному пению». Переняли всё наоборот. (Хорошо, что не написал Шостакович оперу на «Матрёну».)

«Соборяне» (1872)

И здесь тоже сказывается, что нет у Лескова контроля над сюжетным равновесием. Также и тут его вдруг переключает, переваливает сильно вбок. Он теряет соображение целого, забывается в отдельных сценках — и так теряет смысл всего произведения. Проблему 1-й части, Туберозов и Церковь, тщетную попытку совместить пастырскую любовь к людям и подчинение церковной бюрократии — смазал во 2-й части, даже свёл на шутовство. Нередкий расчёт Лескова — привлечь читателя забавными сюжетами, но зря он наворачивает их. Ахилла — карикатурен, однако не смешон и мало симпатичен.

Всё вместе — весьма неровно. То — живо, вспышками — яркое видение; то — избыточно, ощущение неумастерства, и даже скучно читать. Но — это не подстраивается автором, а несуразности — все из жизни.

С плодомасовскими карликами — слащаво, перебор умильности.

А хорошо переданы чистота и мир семейной жизни Туберозовых. Но смерть его, за бледнением 2-й части, уже не очень трогает.

И тут — избыточность прямых характеристик персонажей (в начале — сразу всех троих). А природа чувств не раскрыта обычно. Преувеличенные словесные краски. Залюбовывается несущественными цветовыми пятнами (тройка карликов, съезжающая с горы; исправник с сопровождающими идёт купаться) — всё поиски забавности.

---

⁵ Работа Д.Д. Шостаковича над либретто оперы «Катерина Измайлова» началась в 1930 году (см.: *Шостакович Д.Д. О моей опере // Шостакович Д.Д. Катерина Измайлова: Опера в 4 действиях и 9 картинах. Текст Д. Шостаковича и А. Прейса по повести Н. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда». М., 1934. С. 11).*

А что, как всегда, отлично видит: опасность нигилизма, ядовитое разложение «передовых». («Грамотность не относится к разрушающим элементам», а у нас «в необходимость просвещённого человека вменяется безверие, издёвка над родиной».) За благо родины — больно ему. («Да соблюдётся до века Русь!») Но не приукрашивает он никогда ни властей, ни Церкви — он даже беспощаден в обрисовке отечественных пороков. («Откуда это взялась у нас такая... вражда и ненависть к вере?») Вот — дикие способы борьбы со староверами (1836): уничтожение их молельни, окачивание молящихся из брандспойтов. Цензурирование проповедей. Замалёвка наивной крестьянской картины, как Старец-Господь лёг отдыхать в 7-й день. — И как винные откупщики жалуются на священников вверх, что те отвращают народ от пьянства. — И эпизод Отечественной войны 1812: казаки грабят помещицу, бьют верную дворню.

— За что же ты молчишь?

— Хочу я быть Каином, да и шабаш.

— Я всегда говорю, что шпионы нужны.

— Пишем статьи в столичные газеты — оттуда отвечают: «Резче!»

«Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе» (1881)⁶

Не знаю, был ли до Лескова в русской литературе жанр сказа. (Отчего бы и не быть? (Да и в фольклоре же!) Однако рецензенты и в «Отечественных записках», и в «Деле» удивлялись и слову, и жанру, и название его приписывали Лескову.)

Но это необыкновенно свежо и смело! Лохматый юмористический лубок — и в этот раз 50-летнему Лескову нигде не отказывает чувство целого и меры (может быть, «междусобный разговор» лишний раз упомянут). Сколько смешного, живость какая, как подхвачен необычный яркий гаерский тон — и всё держится, всё держится, нигде Лесков не срывается, не отклоняется — пока через этот юмор не проступает вся трагически грубая русская жизнь — но и тут ему тоже не отказывает тон. Шедевр! — Удивительно выдержано равновесие: нигде не впадает ни в национальную умильность,

---

⁶ В записи «по читанному в Лубянке» (см. примеч. 4) А.С. так отзывается о «Сказе...»: «Великолепная штучка. Сверкает богатством русского народного языка. В сюжете, пропитанном фольклорными мотивами даже чрезмерно (автор некритически следует даже за вводом и мельканием фигуры Платова, которая совершенно сбоку-припёку), замечательна не только история о том, как наши подковали блоху, но и история о негодности наших ружей и ещё больше — о том, как не ценили в России талантливого человека — как английского шкипера повезли отогреться в английское посольство, а нашего кузнеца оставили на улице замерзать» (Архив А.И. Солженицына).

ни в салтыков-радикальную желчь. (И рецензенты слева и справа выругали Лескова за противоположные грехи, совсем не поняв художественного совершенства вещи, — значит, и в 80-х годах у нас не были к этому способны? а когда же? Для левых это «славянофильский шовинизм», для правых — очернение русских порядков. Одни — что он льстит русскому народу, другие — что принизил его.)

Использовал Лесков только поговорки: «англичане из стали блоху сделали, а наши туляки её подковали и им назад отослали». Всё остальное — блистательное его сочинение. Как скупое и ярко обрисован Платов — и чего стоит поворот этого образа от Государя к народу, от кражи мелкоскопа до вельможных погоняний — сколько здесь собрано русских вельмож XVIII века! — Какая густота в последних страницах: как левшу сдают в квартал, таскают по холоду, по больницам (а сжалуется над ним только англичанин да врач) — и как левша (с выдранными от учения волосами на виску, с родимым пятном на щеке так и виден, других черт и не надо, по-замятински) всё несёт Государю, тщетно, «последний секрет» о ружейных стволах — и неожиданно это ударяет в Крымскую кампанию, отчего рассказ приобретает контуры исторического. (И в таких мимолётностях, как: афонские монахи собирают там, где нечего собирать.)

Чисто, без умильности написано: как тульские мастера начинают с молитвы перед камнесечной иконой св. Николая, приплывшей по Зуше. А об арифметике — и не слышали никогда. «Наша наука... по Псалтырю да по Полусоннику, а арифметики мы нимало не знаем. <...> У нас это так повсеместно».

Самая последняя главка — явно для цензуры, оберегательная, совсем лишняя, её и считать не надо частью рассказа.

В таком сказе — с языком особенно трудная работа: нужно проявить виртуозное штукачество, а нигде не сорваться. И это удаётся Лескову!

Хочется выписывать целыми фразами:

«Каждый человек у них себе все абсолютные обстоятельства перед собою имеет». (То есть: всякий работник у англичан в сытости, одет не в обрывках.)

«Платов мало интересовался французским языком, потому что был женатый».

«У них насчёт казённого строго».

«Нам... удивляться с одним восторгом чувств не следует».

«Против [аглицкой нации] надо взяться подумавши и с Божьим благословением».

«Горите себе, а нам некогда!»

«Чтобы ни одна минута для русской полезности не пропадала».

«Мы... по бедности своей мелкоскопа не имеем, а у нас так глаз пристрелявши».

«Спору нет, что мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные».

«Наши книги против ваших толще».

«Под презентом сидит... и к отечеству смотрит».

Морщится от чаю оттого, что «очень сладко не приучены».

Пояса всё затягивали, «чтобы кишки с лёгкими не перепутались».

И — слова, т.е. народная этимология:

мыльнопильные заводы
междоусобные разговоры
свистовые казаки
двухсестная карета
Аболон полведерский
Твердиземное море
держит свою ажидацию
долбица умножения
горячий студинг

непромокабли
валдахин
верояция
пубель
граф Кисельвроде
клеветон
буреметр
симфон воды
керамиды

«Леон дворецкий сын» (1881)

Но вот сразу же за тем и сорвался: как будто жанр почти тот же, и те же приёмы искажения слов, и понятно — а ухо дерёт. (Показательный случай, как тот же автор в том же году в том же жанре может написать два произведения столь разного уровня.)

Правда, и построение уже сразу нестройное: два введения авторским языком. Потом предрасказ об Александре III в юности — позже вставляется авторский абзац и в сам «сказ», если и его можно так назвать (уже нельзя). — Сбив и в том, что после «Левши» Лесков потом признался: это — его сочинение (вопреки своему же предисловию, что «записал рассказ»). А здесь в предисловии так же настаивает, что это — народное творчество, «устная народная литература» — а он, де, только записал. Элементы этого он, конечно, слышать мог: и в попытках «чернородья» представить себе дворцовый быт, и в народном обмыслении странных слов. Но слишком густо намешано языковых раскоряк, это уже от автора.

Кое-что неплохо: «хап-фрау, пупоны, безбилъе».

Есть и просто народное: к ковсеношне, к кабедне (явная путаница неграмотных), жена была с буланцем, постоянный бекрень в голове, кончатки (как начатки), нет прощады, брыкада, Квазиморда.

Но некоторые слова повторяются из «Левши» (ажидация), а другие — уже шибают перебором, особенно в такой густоте:

Пропуганда, назидация, бугометрия, лепартамент, мигальёны, ванпасье, ванфли, «Бульдыгомус игитур», интригантус, мангральный (минеральный), Дарзанс (нарзан), вятикет — и многие.

«Такую экономию соблюдаю, что... для одной болезни никогда лекаря не зову, а жду, пока ещё что-нибудь заболит, и тогда разом... дешевле стоит».

А про дворцовых хищников — не зря, не зря. Видно, сильно воровали.

«Тупейный художник» (1883)

Посвящено годовщине отмены крепостного права и удача в выборе эпитафия, как редко удаётся авторам, такая теплота: «Души их во благих водворятся», погребальная песнь.

Правдивая жестокая история, глубоко трогает. И повествование захватывает. Веришь, что нет преувеличений ни в театре графа Каменского и почти даже не в том, что в подвале графа постоянно сидят люди на цепях и стонут. Пробирает ужас от крепостного права.

И ведь не случаен же этот предатель-поп? Ведь нет у Лескова нарочитого антиклерикализма. И рядом: как граф на Пасху затравил борзыми священников, обходящих с крестом. Священники — тоже как крепостные...

Повествование захватывает. Динамичные маленькие главки хороши. Без предварения: большей частью от автора, а то от рассказчицы. (Пронзает: любовь её к теляткам, боль, когда их ведут резать, — освещает и весь рассказ.)

Но язык — никакой, местами — страницы расслаблены, особенно в начале. И лишняя последняя фраза: «Более ужасных и раздирающих душу поминок я во всю мою жизнь не видывал» (как несчастная глотает водку по ночам, чтоб успокоиться). Зато: «облей уголь» (сердце) — выпей водки.

Очень, очень удался рассказ. И что почти нет бытовых подробностей, даже наружности, — хорошо, он — поэзия.

«Привидение в инженерном замке» (1882)

Рассказы, связанные с таинственным, всегда производят впечатление на читателя и влияют на него во всяком случае в лучшую сторону.

При этом изложение — и не замечается. А оно у Лескова — самое бесхитростное, *никакое*. И, кажется, это — в большинстве его произведений. Понятия упругости прозы у него нет. А у многих ли в XIX веке оно было?..

Но любовь к рассказу «о чём-нибудь», лишь бы позабавить, часто безо всякой высокой задачи, она и сделала Лескова — как бы второразрядным, как бы не проявившим себя.

ВИКТОР АСТАФЬЕВ¹

В XIX веке в России в литературной общественности веяли порой и такие вопрошения, размышления: вот насытились мы литературой дворянской, последовала за ней и купеческая, и разночинская, — а когда-нибудь придут же авторы и из самой гущи народа (впрочем, уже и тогда пришёл Кольцов) — и каковы они будут? Когда мужик заговорит с а м — что он нам скажет?

Они и пришли — но не в казённо-«пролетарской» литературе, не в сутливой РАППовской колонне. Пришли сначала свежей поэтической цепочкой — но возмущённо подавлены большевицкой властью, да чуть не все затолканы под суд да в ссылку, — и глотки *пролетарские* перекричали их.

С тем вошли мы и в Великую Войну — и во множестве прокатывалась тут *социалистически сознательная* речь, забывая нам уши и сознание. А предожиданный мужик молча поёр не в газетные редакции — а в миллионные, безмолвные красноармейские ряды. И чтоб им проявиться и подать с в о й истинный голос — надо было уцелеть в военной мясорубке, не домереть и в госпиталях — и потом ещё годы и годы возвращаться в сознание и открыть в себе способность к речи и письму.

Среди них — неспешно проявился и Виктор Астафьев. Не прямо он тот, ожидавшийся «от сохи», — нет. Простое сельское бытие отведаль он лишь в самые детские годы. Ранняя смерть труженицы-матери, беспутный гулевой отец («ни к чему в доме соха, была бы балалайка»), впрочем протянутый и через Беломорканал, «раскулачивание» прадеда-мельника, заполярная ссылка деда, ненавистная злая и непутёвая мачеха, беспризорничество, детдомовщина в Игарке, фабрично-заводское обучение, промелькнувший светлый учитель литературы, жажда запоздалых знаний — и пора Родину защищать, натуральнейшим рядовым бойцом. И в 1943 на Днестре — тяжёлое ранение и контузия (и ещё считает, что «везучий»...). И только спустя тому 10 лет — первая книжка рассказов.

Со временем составил Астафьев и своё жизнеописание — не сплошь подряд, а рассыпанное частями по разным его рассказам и повестям. Увидеть это всё в единой совокупности — требует читательской работы. Ранний сельский дух мы почерпнём из «Мальчика в белой рубахе», из «Оды русскому огороду», бесприютность отрочества — из «Бурундука на кресте», «Карасиной гибели», «Без приюта». Иное можно проследить даже обильно, иное достраивать по фрагментам — почти никогда не отнесенных автором к точному году, что затрудняет нам восстановить картину в цельной последовательности. Гуща крестьянского

---

¹ В 2009 году Литературная премия Александра Солженицына была посмертно присуждена Виктору Петровичу Астафьеву — «писателю мирового масштаба, бесстрашному солдату литературы, искавшему свет и добро в изувеченных судьбах природы и человека». Небольшой отрывок из ныне публикуемого целиком очерка был оглашен на церемонии награждения 24 апреля и вслед за тем напечатан в «Российской газете» (2009. 27 апр. № 4897 (Федеральный выпуск)).

быта, неизобразимая сторонним пером. Отдушевный детский рассказ, без литературных приёмов и усвоенных навыков. У Астафьева льётся поток лиц, имён, событий, красочных эпизодов, предметов, но без отчётливой расстановки их, не уследивая для читателей ясной связи между ними; поток авторской речи не малословен, а со щедро вставляемыми побочностями; чтобы удержать всё в едином огляде и охвате — в пору поначалу едва ль не над каждым листом прочерчивать объяснительные линии родства или времени события, придать всему узанному некоторую дисциплину. Но из цельного охвата выступает перед нами жесточайшее, необласканное отрочество Астафьева.

Эта как бы неупорядоченность, стихийность изложения пропитывает и пейзажные картины, столь важные у Астафьева, — тем чувствительнее, что пейзаж, природная жизнь у него бывают обильны деталями, не видными глазу горожанина (и глаза наших писателей XIX века тоже не различали их). Это — и в таёжном, в тундренном охотничестве — и особенно в излюбленном автором рыболовстве. (Ещё и до Астафьева обильная тема рыбной ловли в условиях советской литературы была выходом для тех прозаиков, которые не хотели угождать советской лжи. Вообще-то, слишком обильное усердие некоторых писателей в мелких и мельчайших подробностях рыбной ловли ощущается мной как чужестороннее посягательство на сферу литературы, это уже выглядит как вне-человеческое, вне нашей общей жизни. Хотя у Астафьева мотив рыболовецкой темы — его истинная, жадная страсть к рыболовству, «с малолетства побратался с водою», — такой перебор, переклон ощущается в ряде и его рыболовных картин. Разумеется, этого замечания никак не отнести к его выдающейся удаче «Царь-рыба», имею в виду не всю сплотку под этим названием, а — отдельный такой рассказ, даже и не весь рассказ, он составной, — а разгар браконьерского азарта и богатырский поединок с богатырским осетром.)

Язык Астафьева так же самороден и стихийен, как и сам он, как и вся его жизнь. Он пишет беспритязно, он не *выбирает*, не припоминает слов, они сами живорождённые выныривают к нему, как безошибочно ожидаемые им рыбины — и приходятся к месту. В «Русском словаре языкового расширения» я привёл сколько-то его чудесных слов², но это — ничто по сравнению с подлинным бы их перечнем.

Может быть, не без избалованности этим самопроявлением языкового строя — Астафьев не раз и не раз проявляет и небрежность к промежуточной, чисто служебной словесной ткани. Вдруг: «не гармонирует, книжно го-

---

² Отвечая на письмо В.П. Астафьева, посланное в Вермонт в конце октября 1989 года, Солженицын пишет: «Дорогой Виктор Петрович! ...Что я тоже внимательный читатель Ваших книг, Вы обнаружите, когда скоро (надеюсь) напечатается мой «Словарь языкового расширения»: Вы обнаружите там немало слов, подсмотренных и заимствованных у Вас (разумеется, и со ссылкой на Вас)» (А.И. Солженицын — В.П. Астафьеву, 28 ноября 1989. Архив А.И. Солженицына). Первое издание Словаря: «Русский словарь языкового расширения» / Сост. А.И. Солженицын. М.: Наука, 1990.

вора», «реализуя продукцию личного хозяйства». Так у него, вне «словяных» блёстков, язык, перекидная фраза выстреливается вдруг в общеграмотную череду. (Это бывает и у молодого Астафьева, и у зрелого.) Или — как бы пародийный юмор: «они снова пали друг другу в объятия»; кочегаря в театральной кочегарке, «подавал жара искусству»; или — безответственно подхваченные сравнения: пассажиры парохода «толпятся на выход будто у входа в божий храм перед молебствием»; или — вставляет неуместно шутивно: «не давая загаснуть свету разума», «их скорбный труд не пропадёт», «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий».

«Без приюта»³

Жестокий, щемящий рассказ о диком детстве, о сиротской бессемейности автора-подростка — мало сказать в полной брошенности, но ещё и в приполярной зиме (Игарка). Вместе с таковым же напарником мальчики отчаянно, но и находчиво, и не сокрушаясь духом, колотятся в беспризорничестве, а значит, держась лишь находчивым воровством пропитания и топлива. Воровали овёс у лошадей, мясо у служебных собак. Сильно ожесточились нравом: хоть поджигай дом обидчика. «Раной ноющая обида на весь белый свет». Набрались и вшей. «Отстающая школа» брошена ими, ещё более отстающими, уже с 5-го класса. Ярко описывает свои метания-скитания, но — из любви к воле («щетина на спине поднимается против казённого дома») автор отказывается, отвергается от детдома, от этой «специсправилковки», даже когда и напарник его, столь же непреклонный, уже сбежавший прежде из двух детдомов, наконец сдаётся — томит тоска по родному селу Овсянка под Красноярском и по доброй мудрой бабушке (мать покойной матери), оставшейся там. Всё ж кончается и у него — детдомом.

«Пир после победы»⁴

Автор поместил этот рассказ вместе со сплоткой рассказов о детстве («Последний поклон») — тем самым выразительно перешагивая и через юность свою, и через всю жесточайше изведенную им войну. Мы сразу — в послевоенной весне — «когда всё казалось радостным и от жизни ждали только радости... Ноги пружинисты, душа пружиниста, голова пуста, внутри всё ликовало... Ни о чём долго не думалось, да и не хотелось ни о чём думать».

Лёгкое дело: всего-то Война за плечами, Четырёхлетняя?

---

³ А.С. читал рассказ по изданию: *Астафьев В.П.* Мальчик в белой рубашке: Повести. М.: Мол. гвардия, 1977. (Библиотека А.И. Солженицына; с пометами в тексте и на полях.)

⁴ См. примеч. 3.

Этому настроению соответствует и сам рассказ, не размашный по содержанию. Лишь в начале: на первых же возвратных шагах фронтовика по берегу Енисея, по дороге, бывало, всегда и всеми исхоженной, — колючая проволока. И охранник: «Гражданин! Здесь ходить не положено!» Что, военный объект? Да нет, отвела себе участок семья нового тылового чина. И — дальше так, не его одного. Фронтовик упёрся лбом: *там* была проволока, проволока — и *здесь*?.. И — скольких фронтовиков ждут на отвоёванной родине такие новизны. «Да я по этой дороге на войну уходил!» ...В госпиталях — один халат и одни тапочки на всю палату!.. И бинты мотают уже использованные... «Про всё бы сказал...»

И это — не тема рассказа. Пока. (И надолго.)

Да уж тут научились осаживать таких...

И добрёл дальше фронтовик до своих друзей-родственников, те ему: «А-а, наплюй! Совесть в рукавицах у их ходит. На горе да на слезах развелось барыг. Главно — живой остался!»

А вот — чем угощать нежданного гостя? Да чем же? рыбу словить. И, привычно для автора, уныривает сюжет в поимку крупного тайменя — и ярко же! «Топорщились огненные перья рыбины», волнующая, нелёгкая схватка, художественная. Поймали. Да тут — не на одну семью, ещё делить для родни.

И рассказ укладисто переходит в пир на три дня. И сдерживаются, улегаются в груди фронтовика воспоминания о плацдарменных далёких боях: «Через неделю стали всплывать трупы. Табуны разлагающихся трупов таскало по тиховодной реке... На глубину лопаты пропитанный кровью, раскрошенный взрывами клочок берега...»

Да и о других фронтовиках подобных: в те первые месяцы «набравши разгон на войне, распалились, кричали, грозно потрясая дрекольем... Мы так много истребили зла, что верили: на земле его больше не осталось... Не знаю, что бы мы натворили, скорей всего, схватились бы с кем» — да бабы остановили.

Нет, не пора?.. Пока...

Наследство Астафьева — велико по объёму, я не берусь рассматривать его всё сплошь. Но коснёмся нескольких его рассказов уже времени «Перестройки».

«Слепой рыбак» (1986)⁵

Не могу не остановиться на этом... рассказе, окрестил автор, — нет, конечно, очерке, но каком! Он есть изнывающая любовная боль к нашему нынешнему русскому захудалю, к стонущей обречённости нашей земли и жизни.

---

⁵ В каком издании А.С. читал рассказ, установить не удалось.

Для формы очерк соединён, перемежён с излюбленным рыболовством — бодрая бригада ребят-газовиков на своём грузовике, поездка их к глухим озёрам, на ранневесеннюю ловлю, а там и приставший слепой беспомощный рыбак, да вот и одиночка — сам автор. — При весеннем паводке здешняя цепь озёр соединяется в единую сплавную систему и сюда нагрывают сплавщики-мелиораторы, но сейчас ещё нет их.

А есть — на холме село Мурыжиха, с молчаливой многоглавой церковью, в ней ещё несколько семей, «избывающих тут остатние годы, а больше — одинокие старушки — бессменные сторожа и хранители умолкшей русской деревни и заросших пашен, когда-то родливых полей. Остальные деревушки кругом пусты, развалены». А в Мурыжихе «ещё жил и отворялся раз в неделю магазинишко, переименованный в магазин товаров повседневного спроса... от ранешнего магазина в нём остались хомуты и узды для изведённых лошадей, да детские салазки, хотя детей здесь давным-давно не водилось... Бабы забыли, как и что варить, разучились ткать и шить», а копейку на выпивку добывали сдачею потребсоюзу клюквы, грибов и лекарственных трав. Да ещё каким летом приезжали дикие туристы в поисках икон, прялок, самоваров и другой старины. — Заходи в избу — «никто не вернулся с войны на это подворье — ни отец, ни сыновья... Не орал из деревень петух, не мычали коровы, и сама родливая земля, обездороженная, теснимая со всех сторон кустами и бурьяном, сиротски ёжилась... О русская земля! Где предел твоему величию и страданию!..»

Очерк перемежается двумя-тремя рыбацкими эпизодами, среди рыбаков кроме слепого и инвалидный майор. Находятся абзацы для тихо отпразднованной с хозяйками подошедшей Пасхи (в лампадах чадит подсолнечное масло, а мелкие яйца — не от своих кур, крашены отваром луковой шелухи).

А я, отступая от обычной формы вот этих моих этюдов о писателях, не могу удержаться, не выписать дальше из Астафьева целый абзац его вдохновенный, ибо кто когда прочтёт «Слепого рыбака» — и услышит этот умолкший голос?

«Что с нами стало? Кто и за что вверг нас в пучину зла и бед? Кто погасил свет добра в нашей душе? Кто задул лампаду нашего сознания, опрокинул его в тёмную, беспробудную яму, и мы шаримся в ней, ищем дно, опору и какой-то путеводный свет будущего. Зачем он нам, тот свет, ведущий в геенну огненную? Мы жили со светом в душе, добытым задолго до нас творцами подвига, зажжённым для нас, чтоб мы не блуждали в потёмках, не натыкались лицом на деревья в тайге и друг на дружку в миру, не выцарапывали один другому глаза, не ломали ближнему своему кости. Зачем это всё похитили и ничего взамен не дали, породив безверье, всесветное во всё безверье. Кому молиться? Кого просить, чтоб нас простили. Мы ведь умели и ещё не разучились прощать, даже врагам нашим...»

В эту весеннюю ночь автор «долго сидел на крыльце избы... Душа доверчиво внимала этой вешней ночной тишине». А «на утре ощутил нежное при-

косновение к губам первого весеннего дождя, в котором ивовой цветочной пыли было больше, чем влаги».

...А утром — послышалось и увиделось, как перегонщики (один — с транзистором, повешенным на грудь), «парни на лошадях с молодой дикарской безжалостностью секли в кровь бессловесную скотину, как секли пленных иноземцев-русичей раскосые воины, налетевшие в уремье из пыльных степных земель. Телята и бычки, выросшие под крышей, непривычные к табуну, прячась от кнутов, сбивались в кучу, всплывали друг на дружку». Это — гнали молодой скот на откорм, на заброшенные пастбища, пустующие луга.

А двум рассказам Астафьева этих годов — сильно не повезло: они вызвали резкие обвинения автора в «национализме».

«Ловля пескарей в Грузии» (1986)⁶

Это путевой очерк о путешествии автора по Грузии с его грузинскими друзьями и встречах в Грузии. Очерк начинается с юмористического высмеивания советских писательских «домов творчества» — и дальше течёт в облаке тёплого добродушного юмора. Поехал приглашённый: «чтоб ты увидел Грузию не в кино и не на базаре». Просторно описаны знакомства там, встреченное гостеприимство, а вокруг храма в Гелати автор почтительно поднимается до исторической картины тяжкого времени Грузии, когда она подверглась монгольскому нашествию.

Однажды сопровождающий автора грузинский друг настойчиво показывает: «Смотри на этот Грузия, на этот грузын. Народ по рукам надо знать, которые держат мотыгу, а не по тем, что хватают рубли на рынке». Это он отвечает на прежние слова автора о том «всем надоевшем типе, который торчит по всем российским базарам, вплоть до Мурманска и Норильска» (и почему-то на каждом захолустном базаре — о д и н, это правда, как будто кем-то предусмотрено и устроено, вне конкуренции), «обдирая доверчивый русский народ подгнившим фруктом».

И, Боже мой, что же вспыхнуло от этих базарных наблюдений, какая сотрясательная общественная буря! Как раз шёл съезд Союза писателей СССР. Грузинские делегаты (и не только они) потребовали от Астафьева немедленного нижайшего извинения! — и вся грузинская делегация продемонстрировала уход со съезда. И вслед за тем любая газетная глотка вопила о позорной националистической выпадке писателя. И — несколько лет не забывали (сейчас, ниже, вернёмся).

---

⁶ В каком издании А.С. читал рассказ, установить не удалось.

«Печальный детектив» (1986)⁷

Повесть эта (автор назвал её романом) — из самых общественно насыщенных произведений Астафьева. Она выпукло рисует нам нравственное состояние целой эпохи в жизни русской провинции, какой она была к концу эпохи советской (нашлось место и для замученного колхоза) — и на переходе к «перестроечной», с её обновлёнными признаками искажения. Эпитет «печальный» в заголовке — слаб для главного персонажа Сошнина и слишком слаб для всей удручающей окружающей обстановки — в густой массе расстроенной, расхлебавшейся, искорченной жизни, во множестве примеров того, живописных случаев и характеров.

Уже в то время «блатной» лагерный дух — победоносно вторгся в бытие советской «воли». Удачно для наблюдений над тем выбран герой — милиционер по угрозыску. Тянется, тянется цепь преступлений, уголовной резни. Городские парадные, внутренние лестницы — беззащитны от воровского присутствия, пьянок и грабежа. Целые бои на этих лестницах, типы хулиганов и свинячество. Юный сопляк заколол троих невинных — и тут же, рядом, с аппетитом ест мороженое. Соответственно весь город (немалый, с институтами) содержится в распустейшестве и грязи, и вся городская жизнь в распущенности. Веселящиеся «отряды» молодёжи насилуют женщин, даже и глубоко пожилых, кто подвернётся пьяному. Пьяные угонщики машин, а то и самосвалов сшибают и давят народ десятками. А «продвинутая» в нравах и модах молодёжь щеголяет в перехваченном стиле по мусорным улицам. — Но с особенной болью, часто, и с наибольшим вниманием пишет Астафьев о загублении малых детей, уродливом воспитании их, и особенно в расстроенных семьях.

Порой (как и в других своих текстах) Астафьев обращается с прямым нравственным обращением к читателю, с вопрошением о природе человеческого зла, то — с трёхстраничным монологом о значении семьи, заканчивающем эту повесть.

К сожалению, и в этой повести автор разрешает себе беспечную вольность в порядке выбора изображаемых эпизодов: в общем строении повести не воспринимаешь цельности, даже и во временном порядке следования её, возникают как бы произвольные перепрыги и перекосы эпизодов и персонажей, мелькают мимоходные, неотчётливые, сюжеты дробно разрываются. Этот недостаток усугубляется ещё и частыми побочными отступлениями, анекдотическими (тут и рыболовные анекдоты, конечно) отвлечениями (и уж просто несмешными анекдотами) или ироническими фразами, в разнотон с текстом. Это дробит и ощущение жестокой угрюмости всей обстановки и нарушает цельность языкового потока. (Наряду с ядрёным блатным жаргоном, народными присказками — вдруг обильные цитирования из литературы — и безнадобные, засорительные

---

⁷ А.С. читал текст по изданию: *Астафьев В.П.* Падение листа: Роман, очерки, рассказы. М.: Сов. писатель, 1988. (Библиотека А.И. Солженицына; с пометами в тексте и на полях.)

выражения из письменной речи — вроде: «ни на что не реагирует», «изъять из трудового коллектива», «приводить к конфликтам», «большую драму пережить», «тонкости педагогического характера», «ждёт милости от природы»). Не создаётся авторского стиля, подхватывается язык какой придётся.

Сам Сошнин — боевой оперативник, едва не потерянная нога в одной схватке, едва не умерший от ржавых вил бандита в другой и, один против двоих, безоружно одолевший двух крупных бандитов, — это при мягком характере и добрых чувствах, — он очень хорошо виден и нов в нашей литературе. Но совсем неприкладно добавил ему Астафьев — начинательное писательство да и чтение Ницше по-немецки. Не то чтоб это было невозможно, но — не органично родилось: в пере, мол, Сошнин разогнал из-за многочисленных объяснительных записок, а там, смотришь, поступил на заочное отделение филфака пединститута. Да, душа его стремится к свету, но слишком перегружена мерзостями текущей жизни.

Но, уже воистину анекдотически, эта причастность Сошнина к филфаку — дорого обошлась автору. В мимоходной фразе упомянуто о Сошнине, что он на филфаке «маялся вместе с десятком местных еврейчат, сравнивая переводы Лермонтова с первоисточниками» — добродушнейшее сказано! — но благополучный столичный исследователь пушкинской эпохи Натан Эйдельман — изобретательно вывинтил из этой строчки и огласил на весь Советский Союз (а дальше это загрело и на Западе), что Астафьев сказался тут как гнусный националист и антисемит! Но повёл профессор умело: сперва, конечно, с боли за оскорблённых грузин, а следующим переступом — на эту ужасающую строчку.

«Людочка» (1989)⁸

Как предупреждает нас автор, этот рассказ — об истинном происшествии где-то в середине 70-х годов. Но, прочтя, нельзя не ощутить, сколько душевной силы и сколько художественного видения вложено им самим. А по широте жизненного знания, сгущённого в этом тексте, и по напряжённости нравственного чувства как в гневе на зло, так и в тяготеньи к добру мы, пожалуй, могли бы угадать и имя автора, не напиши он его сам. И каково же многополное знание и советской городской жизни в её гоможеньи, и необратимости деревенской гибели, и, вдобавок, блатного уголовного типажа! Этим содержанием рассказ богат, плотен и вместе целен.

---

⁸ А.С. читал рассказ в журнале «Новый мир» (1989. № 9). (Библиотека А.И. Солженицына; с пометами в тексте и на полях.) В письме Астафьеву Солженицын пишет: «Страшна — глубина падения народного состояния, которую трудно определить и измерить (да у Вас она и в “Печальном детективе”, и в последней “Людочке”, этот “парк ВПРЗ”!). Если Бог пошлёт нам выздороветь, то ведь в лучшем случае нам надо на то 100 лет, а то 150» (А.И. Солженицын — В.П. Астафьеву, 28 ноября 1989. Архив А.И. Солженицына).

Людочка — колхозная девушка, слабенькая от рождения, росла вялая, скромная, в деревенской средней школе «не выходила из троечниц, но и до сплошных двоек не опускалась. Домаяла десять классов» — и мать указала ей ехать в город, в деревне делать нечего. Скромная, «с припрятанной застенчивой улыбкой», девушка пыталась стать ученицей у парикмахерши, но не одолела мастерства и больше служила у неё уборщицей. Людочка покорно терпела и насмешки более успешных подружек, и своё городское бесприютство.

А главное место действия рассказа — погибающий Парк вагонно-паровозного депо, типично советское создание — «насаженный в 30-х годах и погубленный в 50-х». Через весь парк надумали класть трубу с горячей водой, канаву проложили и часть трубы — да не закрыли. Потекла горячая речка с радужными кольцами мазута, с мыльной слизью, потом зловонной тиной, оттого стали облупляться и сникать соседние деревья. Через канаву перебросили мосток, да перила к нему всё не стояли, отваливались. В канаву стали бросать разные отбросы, устоялась вонь, да рядом пошли поросли дурнейшего бурьяна. — А само собой стояли по парку бетонные скамьи для отдыха граждан, «в парке было черно от ворон и галок, ор вороний оглашал окрестности». — На железной эстакаде раньше вешались портреты вождей и лозунги, потом не стало их. Ещё были забытые столбы для волейбола, ещё — решётчатый загон для танцев молодёжи. Там по вечерам «трещала, гудела, грохотала музыка, помогая стаду в бесовстве и дикости».

Через этот Парк Людочке приходилось ходить, она не боялась; однажды затащили её на танцы, с испугом вырвалась. А однажды зацепил её освобождённый из лагеря гнилозубый уркаган Стрекач — и дальше ни вид его, ни наружность, ни поведение, ни окружённость блатной мелкотой — уже не поддаётся нашему цитированию — это зримая, осязаемая, красочная, даже несравненная картина, отчётливо переданная Астафьевым, в чём и центр рассказа. Стрекач поймал за поясок плаща проходившую Людочку, пытался усадить к себе на колени, девушка не садилась, Стрекач перекинул её через скамейку в бурьян — и сам за ней на четвереньках, и лицом её в землю и битое там стекло, чтоб не кричала. Но она нашла в себе силы вырваться и кричать на бегу. О помощи нечего было и думать. Добежала до парикмахерской хозяйки, очнулась уже у неё. Та успокаивала: «И родится баба не под нож, а под совсем другое. Ну сорвали плонбу, подумашь, экая беда. Нонче это не изъян, нонче замуж какую попало берут». Но упредила — не жаловаться на Стрекача, а то «мою избу спалят». Тогда Людочка: «Я к маме хочу». Хозяйка отпустила на день, на два — та деревня близко, электричкой.

...А от деревни родной осталось всего два целых дома, один — материн, а с ней отчим. «Вся деревня, задохнувшаяся в дикоросте, — в закре-

щенных окнах, с разваленными оградами дворов и огородных плетней, с угасающими садовыми деревьями, с дико разросшимися меж изб тополями, осинами». (Соседка, сама при смерти, пророчит: «Этак вот, одна, середь России кол вобьют, и помянуть её, нечистой силой изведённую, некому будет...»)

Мать, сама беременная, хотя уже за сорок, сразу увидела, что с дочерью беда: бледная, лицо в ссадинах, на ногах порезы, осунулась, руки висят. А за догадкой — и материно суждение: «Через ту беду не беду все бабы поздно или рано должны пройти. И каждая баба сама же с бедой и совладать обязана, потому как от первого ветру берёза клонится, да не ломается». — Людочка пошла корову подоила, помогла матери к возврату отчима обед собирать. Отчима она мало знала: он недавно появился в их деревне. Он не обижал Людочку, но и доброты не проявлял. Мать о нём: «С малолетства в ссылках да в лагерях, под охранским доглядом. Жизнь его была ох-хо-хо. Но человек он порядочный».

А на следующее утро Людочка опять уехала в город. Хозяйке парикмахерской сказала: «Хорошо, я в общежитие пойду жить».

Дальше Астафьев проводит Людочку через страдательное воспоминание: когда-то, сама больная, она в больничном коридоре сидела ночью около умирающего парня-дровосека. Сочувствовала ему, но, как ей теперь казалось, не в полной полноте. Так вот и к ней теперь — городские на танцплощадке. И её хозяйка. Да и её мать.

Но через Парк продолжала ходить, не боялась. И присмотрела близ тропинки — тополь с большим корявым суком.

И повесилась на нём.

Хоронить её в родной деревне не решились: «сотрётся с земли пристанище, объединённый колхоз запашет кладбище под одно поле». Похоронили на городском, со стандартными знаками.

Сколько бы ни подлиннен был рассказ досюда — окончание к нему, я полагаю, Астафьев приложил от себя, давая волю своей жажде справедливости: что отчим Людочки нашёл Стрекача в Парке (его и искать не надо, он себя выставляет), обезоружил и швырнул в зловонную канаву. Блатная свора Стрекача не решилась отстоять своего пахана и не сумела захлебнувшегося — вернуть к жизни.

В отчёте областного УВД для уменьшения процента преступности смерть Стрекача отнесена к самоубийствам.

Очень достойный рассказ — и какое свидетельство о позднесоветском времени. Не велик — а сколько вместилось.

«Прокляты и убиты»⁹

Ещё в ходе войны 1941–45, а после неё ещё в большем множестве и густоте — потекли стихи, поэмы, рассказы и романы об этой грозной и протяжной войне. И стали иссякать, может быть, только к концу XX века. На первый взгляд может показаться странным, что Виктор Астафьев, на себе испытавший злейшие условия этой войны, раненый, контуженный, едва не убитый, — едва ли не 40 лет своей литературной деятельности почти промолчал о той Великой войне, разве изредка обмолвками. И только в 1990 годы внезапно — и опоздав от стольких? — выступил с двухтомником «Прокляты и убиты».

Отвергаю всякую мысль, что Астафьев сознательно молчал, понимая непроходимость своей книги через цензуру. Тем более — из соображений комфорта: не обнажиться? Не таков, не таков его характер! Астафьев — затяжно молчал по не им выдуманному закону русских народных уст. Наш народ, сквозь всю глубину своей истории, и всегда опаздывал высказаться, разве только в певучем фольклоре. Астафьев был *переполнен* всем пережитым настолько неисчерпаемо, что должен был испытывать человеческое бессилие выразить всю эту за-человечность, да ещё соревноваться со множеством легко скользких изъяснений. И когда же он опубликовал? В свои 70 лет, одноглазый инвалид, далёкий от успешливых столиц.

И книга его выступила столь невозможной к привычному приятию, что общественности оставалось лучше не заметить, не слишком заметить её — либо неубедительно громить как «клевету». Перевесило первое.

Картину войны Астафьев с жестокой верностью начинает с запасного стрелкового полка перед Новосибирском — в месте мало сказать неприспособленном для человеческого житья — со свирепой обстановки сырых подвалов в лесу, по сути, без устроенных уборных (взамен — окружный лес), без устроенного отопления, без бань — пещерный быт, где меры санитарии — хлюпающий на полах раствор карболки и хлора. В эти «казармы», вот, в конце 1942, зимою привезли 18-летних новобранцев, сплошь подметая сибирскую ширь от 1924 года рождения. (Дыхание растревоженных народных недр! — от старообрядческой глубинки до самых современных блатных урок.) Ужасающая картина грязи и неопрятности — и это названо *карантином*. Спустя время, по отправке маршевых рот на фронт, — карантинных переводят в освободившиеся, но не лучше устроенные помещения отправленных. Обмундирование и обувь не подогнаны по размерам, кого во что попало, ещё мажут какой-то зловонной дезинфекцией в волосяных местах.

---

⁹ Первый вариант очерка об Астафьеве Солженицын написал в 1997 году: он ограничился в нем разбором второй части романа «Прокляты и убиты». В существенно переработанном виде этот вариант вошел в настоящий очерк. А.С. читал первую и вторую части романа в журнале «Новый мир» (1993. № 10–12; 1994. № 10–12. (В библиотеке А.И. Солженицына последние три номера журнала — с пометами в тексте и на полях.)

Кишат вши (и только с умерших уползают сами). В непрогрываемой бане не отмыться. В котёл засыпают картошку не только нечищеную, но не отмытую от земли. И сквозь такой леденящий быт защитников родины обучают на «плацу» (перекопанное поле) с деревянными макетами винтовок — да на соломенные чучела «фрицев». (На упавшего: «встать, негодяй!» — и пинают ногами.) В таких условиях, пишет автор, «половина делом занимается, а половина промышляет себе харч» (разгул для урока!). (Доходит, что жители — с дрекольем и топорами защищаются от воров.) Появляются доходяги, а на переходе к весне — запасников массово охватывает «куриная слепота». Повальная беспомощность всех, «вялое согласие со всем происходящим». Да «скорей бы уж на фронт», «дальше фронта не пошлют, хуже, чем здесь, содержать не будут», «к одному концу, что ли». — Поставленные на переборку овощехранилищ — воруют картошку, но где её испечь? Искитряются спускать на весу в искрящие трубы офицерских землянок — и какая перегоревшая и какая полусырая — лопать до поноса. (Астафьев не раз называет эти казармы «Чёртовой ямой», так назвал и первую половину книги.)

Но для подточенных в здравьи запасников ещё же заботливо, регулярно текут политзанятия. Астафьев цитирует и куски из сводок Информбюро — теперь снова поражающих нашу забывчивую память: какие страшные потери несут немцы, сколько уничтожается у них ежедневно танков и орудий! — только не названы места боёв, населённые пункты, тёмный туман для разъяв. Но сами по себе политзанятия — это «благостный уют» для солдат: пока политкомисар журчит, как заботливо «страна и партия о тебе думают», каждом, — а запасникам хоть сколько-то посидеть в покое и относительном тепле. (Однако комиссар углядывает их дремоту, временами командует: «встать! сесть!») А ведь кто — и верит этим победным сводкам, а 7 ноября, после чтения сталинской речи — поразительно! — «у запасников текли слёзы», а «расхотелись с дружной грозной песней». (А само собой — насильственное пение под маршировку голодных и обессиленных).

Всё это течёт у Астафьева не как литературное изложение, не как литературная претензия, но — как изболелая память о натуральной жизни, его измучивает, переполняет жестокое реальное знание. Автор выделяет с дюжину бойцов, о которых пространны отступления — и настолько иногда, что предыдущую их жизнь вставляет даже отдельными главами. (Выпукло, подробно выведен нескгибаемый старообрядец великан Рындин. Себя автор как бы убрал из книги.) Этот метод усиляет наше плотяное ощущение и от 18-летних бедолаг. Где сильно раздражается — и даёт себе прямую волю выражаться от своего имени: «этот пройдоха, наглое рыло, припадочно брызгая слюной, пройдошистые наклонности, моральный урод, чучело...»

Вот эти крупные авторские отвлечения во времени — весьма обогащают читательский взгляд (а самому Астафьеву дают протоки для боли прошлого). Тут и раскулачивание казаков по всему Иртышу и Оби. И как *спецпереселен-*

цы мёрли в баржах при сплаве их на Север. (И как откупали жертвы у конвоиров; одного малыша, чужого ребёнка, красивая женщина спасла уступкой своего тела конвоиру, а случаи такого откупа мы знаем и другие.) Сюда попадают и «спецпереселенцы» в Архангельске. Много горестных семейных биографий. С сочувствием и правдой о раскулаченной семье: «Зла не помнящие, забитые русские люди — деликатности где же они выучились?» — Сюда попадает и бой под Хасаном — и с подробностями, вероятно доселе не освещёнными: как курсантскую роту, бессмысленно продержав её сутки под дождём, — послали в атаку на сопку «вдребезги разбить зарвавшихся самураев, неуязвимой славой покрыть наши знамёна» — и измученные курсанты «шли на крутой склон в лобовую атаку, а японцы расстреливали их с высоты, не допустили до штыковой схватки». А вслед, на переговорах японцы куражились над самодурствующими советскими правителями и получили все компенсации. (А в советской памяти осталась... славная наша победа.) — И многие ещё, от очевидца, подробности беспорядка в Красной армии. — Тут и память своего помкомвзвода, выздоравливающего от ранения, — о боях под Смоленском в 1941: «свежие части, опоздавшие к боям за город, смела лавина отступавших войск», вовлеклись в её паническое движение. «Пробовали закрепляться на слабо подготовленных рубежах, но тут же наступало людей проклятое слово “окружение” — и они кучами, толпами, табунами и россыпью бежали». «Лучшие бойцы погибали, не увидав врага, не побывав даже в окопах».

Такие глубокие отступления в сторону, весьма свойственные перу Астафьева, часто нарушают конструкцию книги, но и всегда же обогащают содержание новопривлекаемым материалом. Вот мелькает генерал Лахонин, представитель Воронежского фронта, ожидающего пополнения от нашего стрелкового полка (и разумно отставляющий от отправки самых слабых, пусть полечатся). Между тем он вспоминает и Тоцкие лагеря в Оренбуржье — посвирепей, чем наш тут. Там они — в пустынной степи, стройматериал для казарм — ивняк и кусты, из них — и трости вместо палок для «ружейного» макета и опора для доходяг. Запасники спали в песке и пыли, не раздеваясь. Песчаные бури, эпидемия дизентерии. «Случалось, мёртвые красноармейцы неделями лежали забытыми в полуобвалившихся землянках, а их пайки получали живые. Чтоб не копать могил — так в землянках и зарывали» — «Раскапывали могильники павшего скота, обрезали с него мясо». И «никто из проверивших не решался доложить о гибельном состоянии и настоять на закрытии такого военного городка: все чины накрепко запомнили слова товарища Сталина, что “у нас ещё никогда не было такого крепкого тыла”».

За тяжкие месяцы своего пребывания в запасном полку запасники всё более понимают бесцельность своего существования тут: никакой стрелебной учёбы, ни тактической нет, всё с макетами, не такая же война на самом деле. А выгоняют из казармы по подъёму. Первобытная жизнь. Всё такие же

слепокурые солдаты, поддерживаясь за стенки, бредут если не на помойку, за очистками и картофельной кожурой, то норовят в казармы, а там ещё драки за места на верхних нарах. Число доходяг в полку растёт. Когда роте выпадает дежурство по батальону на кухне — все кидаются набить рты чужим съестным, и диким искусственным лярдом вместо натурального жира.

Вдруг в эту казарменную жизнь одно за другим врываются два трибунальских заседания. Первое из них быстро кончается победой подсудимого блатного и таким беспомощным опозорением трибунала, что сперва весь эпизод кажется выдуманным: так не бывает! (А отчего бы *социально близкому* и не одержать верх?) Но вскоре следующий второй трибунал «исправляет» впечатление: доподлинная расправа над беззащитными простачками, рядовыми, двумя братьями Снегирёвыми. Их родное село от казарм — верстах в тридцати, и они по простоте смекнули сходить домой в непогоду. (Тут и мамка написала о домашней радости: корова отелилась!) Но отлучка их длилась до двух суток (вернулись с угощением для приятелей), была засечена, оформлена в особом отделе — и уж тут-то трибунал не пошатнулся: расстрелять обоих, немедленно и публично. Многие, и сами приговорённые, сперва не поверили: пугают, смягчат. Как бы не так! И этот расстрел, подробно описанный Астафьевым, жесточайшей картиной врежется в русскую словесность. (А мать расстрелянных вослед посадили в тюрьму, где вскоре сошла с ума.) И такого ошеломления не испытывали наши читатели, полвека воспитанные на советской «военной прозе».

Многочисленные объёмные и разновесомые отступления, конечно, ломают общую конструкцию, композиция не скреплена, да и язык книги не лёгок, фактура текста становится тяжела. От ранних произведений Астафьева приугасли и уменьшились в числе те стихийные языковые вспышки, яркие саморождённые слова. Авторская речь подтянулась к затёртому деловому изложению, чередованию уровней его, иногда мелькают непроработанные комплекты, как «окружающая действительность», «отрицательно влияла», «не желавший отставать от передовой культуры», «учёно говоря, истратившие энергию», «смятение в боевых рядах» (при подъезде генерала), «согласно историческому моменту». И прямо объяснительные фразы, как «Сталин привычно обманывал народ, врал напрапалую в праздничной ноябрьской речи», «наш любимый крещёный народ — на рельсы передового опыта», да нередко и неуместная ирония, попытки невесёлых шуток: «порицался передовой общественностью», «чуждый идеям пролетариата», «неусыпно трудящийся на ниве поддержания боевого духа». — А свою неприязнь часто выражает напролом, в лоб: «ловкие ярыжки с лицами и ухватками дворовых холуёв», «при разгуле бесовства, в царстве юродивого деспота». Не силится упорядочивать склад фразы. — Иногда — цитаты из молитв старообрядца (оттуда почерпнуто и название всей книги, по неизведанному обрубку: «И будут Богом прокляты и убиты» — вот откуда).

Последние главы «Чёртовой ямы» внезапно приносят нам облегчительную смену всей атмосферы. Это вот отчего: две роты (за которыми автор следил детальнее) перебросили в совхоз под недалёким Искитимом на запоздалую уборку погибающего зерна (типичная картина для сёл первых двух военных зим, обнажившихся от мужского труда, — это и важнейшее, чтоб увидеть нам всю обстановку цельней): какое зерно осыпалось в морозы, какое отсырело в оттепели. Сломанные трубочки стеблей — «словно бы тлели день и ночь поминальные свечки над усопшим хлебным полем, уже оплаканными слезами зёрен». В хозяйстве того совхоза уже «ото всего веяло тленом», «комбайны походили на допотопных животных, которые брели, брели по сниклым хлебным волнам и остановились, удручённо опустив хоботы». Солдаты-запасники оживляются, окрыляются — отрывом от «казармы вонючей, тёмной, почти уже сгнившей, могилой отдающей», и получением здоровой крестьянской еды, и от обильного девичьего присутствия. Но больше всех оживает душой сам Астафьев — от окунания в родимую сельскую обстановку. И вообще всегда склонный к отклонениям от повествовательного стержня — здесь Астафьев охотно отдаётся как бы даже полной смене жанра: глава за главой льётся по э м а сельского житья. Тут — место и для спасительного труда, и для песен, для молодёжного ухаживания, клубных танцев. А уж тут у автора засверкала и природа, он размахивается взглядом, речью и душой — на всю историю земледелия от его зарождения в человечестве — когда «планета росточками прикрепит человека к земле, наградит его непобедимой любовью к хлебному полю, ко всякому земному растению». И — век за веком, когда «воспрянул на земле стыда не знающий дармоед» и «плевал в руку, дающую хлеб», «принёс бесплодие самой рожалой земле русской, погасил смиренность в сознании самого добродушного народа». «Неизвестно перед кем провинившаяся земля. А виновата она лишь в долготерпении». В этих размыслительных соображениях прочтём и о «галифастых пьяных комиссарах», «расхристанных бандах, орущих о мировом пролетарском равенстве». Тут, поблизости, сообщаются нам и подробности быта волков, да, для равновесия ко всему, не забыть же и интеллигентную жизнь: один в роте солдатик-армянин, и к нему приезжает мать, соответственен и уровень их разговоров. — Вдруг — эпизоды добродушного юмора, вдруг — и лирические.

А счастливые дни утекают — и приходит час этих детей нарымских спецпоселенцев «бросать в огонь войны, будто солому навильником». Пока Воронеж ещё не весь сдан немцам (остался малый клочок города), формируется Сибирская стрелковая дивизия. Подлечивать бы больных солдат — да нужно опростать казармы, подпирает набор 1925 года рождения. Но — когда же *этих* учить бою «в обстановке, приближенной к боевой»? Ещё свежи у всех в памяти казнённые братья Снегирёвы... Маршевые роты вдруг одевают в настоящее боевое обмундирование, они преобразены! Из села ухо-

дят в обнимку с девушками. Предотходно прорвалась «Ревела буря, дождь шумел», так дружно ещё им не пелось за «подлый казарменный быт, быдловое существование». Через эту прощальную песню прорвалось «скрытое в этих юных ребятах могущество». И только среди них помкомвзвода, уже побывший на фронте и раненый, заплакал от песни: «он знал, что ждёт тех певцов на войне». — Кто и крестит их вослед (крестить теперь — неудобно, не положено, даже взрослые крестьяне не все отваживаются.) — Напутствует разъединный политкомиссар — и взмывает духовой оркестр. (Отправляемым сейчас — в военный городок под Новосибирском, в старые дореволюционные казармы — «кирпичные, с толстыми стенами, сухие, тёплые, просторные, со множеством служебных комнат, умывальными, туалетными»... Повидают, как было при царе. И автор широко вздыхает вослед: «Русские люди, как обнажено и незлопамятно ваше сердце!»)

В самом переходе из тыловой половины книги во вторую, фронтную, Астафьев, естественно, не мог удержаться в точке видения, понимания и языка простого рядового солдата. Этот переступ месяцев на восемь, через разгар бурного 1943 года сразу вплоть до его осени, мог быть изложен только редким пунктиром — в понимании генеральском и в терминах общих сводок («с честью выполнили задание» и т.п.) — да поди удержишься от всеобщей манеры. Впрочем, в перемежку с тем, — и о замолчанной у нас (и до сих пор забываемой) разгромной битве вокруг Харькова, весной 1943: «Вместо одной шестой армии Паулюса, погибшей под Сталинградом, задушили в петле, размесили в жидких весенних снегах шесть советских армий», «ещё ретивей драпали доблестные войска», немцы, замкнув кольцо, «взяли в плен сразу двадцать штук советских генералов», «Россия не перестаёт поставлять пушечное мясо». (Да, для таких у нас *печатных* суждений — таки-надо было выждать полвека...) А дальше, к лету, нам уже известная Сибирская стрелковая дивизия, при уже известном ген. Лахонине, «перешла к жёсткой активной обороне», с ней и артиллерийский полк майора Зарубина, тоже известного нам из первой части.

Через всю разноречивость этих откровений — автору надо же к началу осенних действий на Днепре — дотянуть в целости сколько-то же своих персонажей из первой половины книги. А они уже многие припогасли и растворились. Но после всех истощений досталась им и покойная некроткая стоянка весной в очищенной от немцев «республике немцев Поволжья». Всё ж вздоровились они от полосы запасничества — и вот готовы воевать дальше. (Тут и — несмешной, даже ёрнический юмор их межсобоиных разговоров.) Тут — и уцелевший командир их роты Щусь (тот самый, мальчиком спасённый когда-то, в раскулачивание, конвойным с енисейской баржи) — а теперь уже командир батальона, капитан. А боец Лёшка Шестаков, в 1-й части

скромно проведенный вторым планом, — теперь, как бы опытный связной, стал старшим телефонистом гаубичной батареи, тем самым в центре предстоящего боя на Днестре.

Весь этот переход через 1943 год не мог быть дан стройным в изложении, тем более при органической манере Астафьева на отвлечения — пейзажные (тоска Лёшки по Оби в сравнении с Днестром), на солдатские да и командирские пересмешки, и их предыдущие семейные истории, или их вяловатые философские рассуждения (не без цитирования Мережковского...). В совокупности все эти эпизоды (ещё ж и отмахивание от политруков — о чём тоже забывать не следует) создают медлительную растянутость. Письмо размашистое, несдержанное, переходы от куска к куску не размечены чётко, единого сквозного стиля не спрашивай, работа идёт как бы не резцом, а сильно разлохмаченной кистью. А Днестр — вот, перед нами, переправляться неизбежно — да с оружием и с тяжёлыми телефонными катушками — на чём? все рыскают за «плавсредствами», ломают сараи ради досок, — а Лёшка угадливо находит спрятанную лодку — и скрывает её от соперников дальше. И на всё это — ушло много, много страниц.

Плавсредств — нет, и ни откуда их не пришлют — плыть-таки на своих животах. И ждать нельзя: противник всё укрепляет свой берег. Отправлять через реку взвод разведки — взвод смертников, и, уже при начале артподготовки, батальону начинать переправу на крутой правый берег, а там пробираться, подниматься по оврагам — к немецким высотам. Но при ночной операции — что предусмотреть?.. Первым намеченным переправщикам «давали наперёд водку, сахар, табак и кашу без нормы». А замполит полка открывает партийное собрание — спешить в последний миг принимать бойцов в партию — «не посрамить чести советского воина! до последней капли крови! за нами Родина! товарищ Сталин надеется». (Иные и забудут про этот приём — а потом по госпиталям и после войны их будут искать, собирать наросшие партвзносы.) — И ещё тут, в последние часы перед началом ночной переправы, — Астафьев проявляет на трёх-четырёх страницах терпение изложить давнюю малозначащую встречу двух совсем второстепенных персонажей. И ещё тут не всё. Астафьев испытывает постоянную духовную жажду время от времени, в момент, который он считает важным, прерываться в изложении, — для своего прямого морального обращения к читателю. Так и тут, перед переправой: «Как же надо затуманиться человеческому разуму, как оржаветь сердцу, чтобы настроилось оно только на чёрные, мстительные дела, ведь их же, великие грехи, надо будет потом отмаливать» (цитирование прерываю, автор ещё вспомнит о средневековых обычаях — и то ещё не всё.)

Эта книга — уникальный случай, когда война описывается простым пешеходцем, «чёрным работником войны», в то время и не предполагавшим, что станет писателем.

Описание днепровской переправы, со всей её беспорядочностью, неясностью, даже противоречиями и невидимостью отдельных движений — жизненно сильно именно своею неразберихой, не охваченной единым общим объяснением. Но оперативный обзор недоступен даже опытному офицеру, и то спустя много времени от события. Также с огромным опозданием, охватным взглядом, Астафьев может написать об этой переправе: «Эти первые подразделения конечно же погибнут, даже до берега не добравшись, но всё же час, другой, третий, пятый народ будет идти, валиться в реку, плыть, булькаться в воде до тех пор, пока немец не выдохнется, не израсходует боеприпасы». Упрекнуть ли автора, что он не показал эту массовидность, как «20 тысяч погубили при переправе»? Зато мы читаем, как телефонист Лёшка, спасая в лодке себя и свои катушки (задание майора протянуть связь по дну реки) — бьёт веслом по головам других, наших тонущих бойцов, чтоб они, цепляясь, не опрокинули бы лодку, не загубили операцию. Никаких и ничьих ахов над свежесрубленными, простой быт. Хотя можно зануть от этого месива от непосредственности пересказа — но всё новые и новые эпизоды, и все правдивы. Между эпизодами нет устойчивой осмысленной связи — так солдату и видны только обрывки событий, тем более не понять ему тактической обстановки.

Разве вот с дощатым баркасом: он загодя нагружен боеприпасами, оружием, его нужно дотолкать до речного острова. «Сотни раз уж было сказано, куда, кому, с кем, как плыть, но всё это спуталось, смешалось» при начале пушечной и пулемётной стрельбы с обеих сторон. Комбат Щусь и его командиры рот натужно-хриплыми голосами гонят: «Вперёд! быстрее! На остров!» И бойцы, пошвырнув на баркас же свою обувь и подсумки, столько ли бредут, плывут и тянут, сколько сами ухватываются за борты. Кто-то кричит, что тонет. Неисповедимым образом баркас всё же достигает острова. Теперь — обогнуть остров и в протоку бы под крутой правый берег! «Но протока была поднята в воздух, разбрызгана, взрывы рвали её дно» — и ещё жидкой грязью наполняли воду. В мокрой одежде тянулись дальше, а немцы сплошно высвечивали протоку ракетами для лучшего обстрела. Кто-то из наших застрял на острове, кто-то уже набегал в трещины правобережных оврагов, а там втискивались в спасительную землю или пытались карабкаться выше. Кто нахлебался воды, кто утопил оружие, а в считанные минуты появились и немецкие самолёты и развешивали жёлтые фонари на парашютах — тут же и советские, высевая трассирующие пули. Хватаясь друг за друга, люди утопали связками.

В этот разгар Астафьев, верный себе, вставляет и проповедное отступление: «Боженька, милый, за что, почему Ты выбрал этих людей и бросил их сюда, в огненно кипящее земное пекло, ими же сотворённое? Зачем Ты отворотил от них лик свой и оставил сатане на растерзание? Неужели вина всего человечества пала на головы этих несчастных, чужой волей гонимых на гибель... Здесь, на месте гибельном, ответь, за что караешь невинных?

Слеп и страшен суд Твой, отмщение Твоё стрелою разящей летит не туда и не в тех, кого надобно разить. Худо досматриваешь, худо порядок, Тобою же созданный, блюдёшь Ты». (Обращения Астафьева к Богу, по разным его произведениям, не редки, но верующий ли он? Или богоборец? Вспомним тут, как родилось название книги: **п р о к л я т ы — к е м?**)

В. Распутин упрекал Астафьева за эту книгу в «отрицательном патриотизме». И правда, ни один боец у него, ни даже лучшие офицеры о родине ни сколько не думают: в лучшем случае только о своём долге, а бойцы — как уцелеть, где раздобыть еды, ну и выручка своих и похороны. Но в этом и правда. «Дай-ка я пожертвую для родины, рискну для родины» — такого и не бывает.

Закончание переправы и последующие бои на немецком берегу — у Астафьева описаны много и подробно.

Свежи — несколько сценок со штрафниками (и за что попадали в штрафную, по какой случайности дикой). Но хотя есть в книге эпизоды с НКВДистскими *посадками* — они как будто прошли в душах людей беспоследственно. Разве что о сексотах говорят неестественно открыто. И осмысления, что же вносится именно *советским режимом* — почти нет. Собственная биография автора могла же горько научить его? Но ощущения, сколько миллионов к той войне ненавидели советский режим и хотели бы «сдыхаться» от него, — этого *совсем нет*. (Если автор ужасается войне — то только как пацифист, а не как жертва этого режима. Его философия — кажется, анархизм, ни признака государственности.)

Спустя дни — автор описывает нам (советским читателям, к такой правде совсем не привыкшим!) состояние после битвы.

«В реке густо плавали начавшие раскисать трупы с выклеванными глазами, с пенящимися, будто намыленными лицами, разорванные, разбитые снарядами, минами, изрешеченные пулями. Дурно пахло от реки, но приторно-сладкий дух жареного человеческого мяса слоём крыл всякие запахи, плавая под яром в устойчивом месте. Сапёры, посланные вытаскивать трупы из воды и захоранивать их, с работой не справлялись. Зажимая пилотками носы, крючками стаскивали они покойников в воду, но трупы, упрямо кружась, прилипали к берегу, бились о камни, от иного отрывало крючком руку или ногу, её швыряли в воду. Проклятое место, сдохший мир»; а «иногда относя изуродованный труп до омута, на стрежь, там труп подхватывало, ставило на ноги и, взяв руки, вертясь в мёртвом танце, он погружался в сонную глубь». А позже в осень «вода в реке убывала. И оттого обсыхали трупы... Все заливчики, излучины были завалены чёрными, раздутыми трупами, по реке тащило серое, замытое лоскутьё, в котором, уже безразличные ко всему, вниз лицом куда-то плыли мертвецы... Мухота, вороньё, крысы справляли на берегу жуткий свой пир. Вороны выклёвывали у утопленников глаза, обожрались человечиною и, удобно усевшись, дремали на плавающих мертвецах». (А ещё: сапёры начисто ограбляют умерших, обшаривая карманы.)

Через сколько миллионов убитых надо было выжить этому солдату, чтобы вот такое написать нам спустя полвека!

Но есть («День первый», после переправы) и странные бодряческие вставки.

Отдельными главами следуют библейским ритмом: «День Второй», «День Третий», «День Четвёртый», «День Пятый», «День Шестой», «День Седьмой»... Это всё — объём, необозримый здесь.

Что у автора полностью неудачно — это все сценки на немецкой стороне. Ах, лучше б он их вовсе не давал. Ведь не знает, не чувствует, пользуется вторичными карикатурными описаниями из советской публичности. Фальшивая придумка так и прёт, это только увеличивает общий разболт и развал повествования. Зачем-то берётся рассказывать ещё и предвоенные истории некоторых немецких солдат — ну, совсем уж поверхностно, из каких-то читанных обрывков. Доходит до языка противонемецких газетных разоблачений того военного времени, почти до «Крокодила». Так он, многими полосами, теряет вкус, чувство меры. Даже и генерала немецкого берётся описывать — ну, уже из рук вон. (А когда возвращается на русскую сторону — какое сразу оживление и осмысленность.)

Астафьев х о ч е т высказать всю правду о войне, но в раскрытие её не поднимается до верхов государства и не опускается до глубины причин. Его раздражение, местами немалое, остаётся на уровне политруков, их лозунгов и их поведения. Высмеивание политруков и их болтовни — местами балаганно, нестрашно. Вот правдивая сцена: как не знающий себе границ коммиссар дивизии Мусёнок издевается над измученными, едва спасёнными на плацдарме офицерами. Капитана Щуся, полумёртвого, заставляет подняться с койки, чтобы слушать разнос. (Потом намёкнуто нам, что Щусь необъяснимым путём взорвал Мусёнка — и даже не заподозрен.)

Правдоподобно добавлен и совестливый политрук Мартемьянов, который стыдится своей должности и роли.

Тон. — Странно не подходит к такому грозному сюжету — авторский тон, часто с ненужным или даже бесцельным задором. Есть немало попыток — юмора (для облегчения читателю?). Но юмор какой-то усиленный, искусственный. (И сам в диалоге отзывается: «ты юмором меня не дави», «не до юмора сейчас».) Избыточно много дешёвого, несмешного солдатского балагурства — в ущерб всяким глубоким чувствам, будто у солдат их нет и в минуты великой опасности. Зубоскальное пустоплётство, паясничанье — и не смешное, да даже и невозможное при той *оглушённости*, которая более всего бывает при mnogой стрельбе и острой опасности. — А вот и от самого автора: о таком крупном событии, как гибель нашего воздушного десанта, — принятие критического тона без внятия в суть.

А при этом же иногда — совсем внезапно, диссонансом, ничем не подготовлено, у Астафьева вырываются патетические моления. И они как раз

удаются ему, ибо идут от сердца. «Боже милостивый! Зачем Ты дал неразумному существу в руки такую страшную силу? Зачем Ты, прежде чем созреет и окрепнет его разум, сунул ему в руки огонь?..»

А и так: «Благословен будь, Создатель небесный, оставивший для этой беспокойной планетки частицу тьмы, называемую ночь. Знал Он, ведал, стало быть, что его чадам потребуется время покоя для того, чтобы подкопить силы для творения зла, опустошения, истребления, убийств. Будь всё время день, светло будь — все войны давно бы закончились, перебили бы друг друга люди. Некому стало бы мутить белый свет».

Офицеры друг друга неторопливо называют по именам-отчествам, как в воюющей армии почти не бывает. Диалоги между офицерами — неживые, да их и мало.

Язык — богатый. Астафьев с лёгкостью подхватывает многообразнейшие слова, и сколько среди них нерядовых, самых свободных и ярких. Много солдатского жаргона. Грубые формы слов многочисленны, но естественны. (Однако ругательств хватило бы и поменьше.)

Утомляет привычка Астафьева к многократным повторениям, как только надо напомнить о персонаже (об одном, ну до 20 раз: «у бар бороды не бывает», о другом, не намного реже: «горный бедняк»). В авторской речи неосмотрительно срывается иногда то в казённость, то в «культурность» («интеллектуально», «ограниченный в культурном смысле»). Допускает стандартные выражения или из официальных военных сводок: «перешла к жёсткой активной обороне»; «обескровленная непрерывными боями»; «империалистическая война» (Первая Мировая).

Та битва на Днестре описана в книге (автор не нашёл иного слова как «роман») обильно, во многих днях, в стычках на плацдарме, а были и ещё две дневные переправы. Как из необъятного мешка высыпано на нас множество и множество самых разнообразных эпизодов, но не в едином смысловом сцеплении — собственно боевых, и политически напряжённых (столкновения с политруками), и житейских, личных. Все они — ярко реальны и пропитаны накопленной горечью, не для каждого читателя увлекательны отнюдь, пропускаю, что многие и пропускают, не все услеживают этот кровавый труд.

А жаль! Ой не все, не все вполне представляют, могут ощутить свирепый воздух той Войны: многое заглажено и временем, и лгунами.

Астафьев — пусть лишь к старости своих годов, пусть без стройной конструкции, пусть в переменном уровне и тоне — эту правду нам выдвинул.

«ОТКРЫТУЮ ПОЧТУ НАМ МОСКВА ОБРУБИЛА В ОБА КОНЦА...»

*Из переписки Александра Солженицына
и Лидии Чуковской
(1974–1977)*

*Публикация, подготовка текстов и комментарии
Е.Ц. Чуковской и Н.Д. Солженицыной,
вступительная заметка Е.Ц. Чуковской*

Эта переписка уцелела с трудом. Письма Солженицына провозили через границу украдкой, их изымали на обысках. Квартиру Чуковских взламывали в отсутствие хозяев, поэтому письма хранились не дома, а у надежных друзей. Письма Лидии Корнеевны сохранились у адресата, никаких копий она не делала, ксероксы и компьютеры тогда были недоступны.

После высылки Солженицына письма шли сначала по почте или с оказией, а с ноября 1974 года — только с оказией. Неподцензурность переписки давала возможность затрагивать и обсуждать любые возникающие вопросы.

В архиве А.И. Солженицына в Троице-Лыкове сохранилось 63 письма Л.К. Чуковской. Оригиналы 60 писем Александра Исаевича к Лидии Корнеевне переданы мною в этот же архив. Вся переписка охватывает 1967–1992 годы.

Переписка представляет значительный интерес, поскольку в ней отразились общезначимые взгляды обоих корреспондентов на историю и современность, на многие общественные и литературные обстоятельства.

Время полной ее публикации еще не настало, слишком мало отдалились обсуждаемые события и их участники от наших дней. Однако многие темы, затронутые в письмах, будут интересны сегодняшнему читателю, а споры по обсуждаемым вопросам не затихли до сих пор.

Для этой публикации нами отобраны 18 из 30 писем за период с марта 1974 года (сразу после высылки Солженицына на Запад) по январь 1977-го. Из этих писем видно, как трудно дается Солженицыну привыкание к Западу. Это время его многочисленных выступлений, время выхода сборника «Из-под глыб» с тремя его статьями, книги «Ленин в Цюрихе» и томов «Архипелага ГУЛАГа». У Лидии Корнеевны на Западе выходит первый том «Записок об Анне Ахматовой», сборник «Открытые письма», статьи в «Русской мысли» и в «Континенте».

Публикуемые письма с полнотой представляют определенные сюжетные линии. Это — обсуждение «Письма вождям Советского Союза», сборника «Из-под глыб» и полемика по этому поводу. Это — восприятие «Ленина в Цюрихе» и томов «Архипелага...». И одновременно — жизнь складывающегося музея Чуковского, обсуждение появившегося журнала «Континент», современного литературного процесса в России. Сокращения, сделанные нами для журнальной публикации, касаются тем и ситуаций, обсуждение которых продолжается в письмах далеко за пределами избранного временного интервала и потому оказалось бы представлено в урезанном виде.

Письма Солженицына по сравнению с письмами Чуковской написаны очень сжато. Отчасти это вызвано темпом жизни и нехваткой времени, отчасти тем, что его аргументы уже сформулированы и опубликованы в статьях, выступлениях и воспоминаниях. В комментариях мы приводим цитаты из этих работ, чтобы полнее представить его точку зрения.

Солженицын писал письма черной шариковой ручкой на сложенных вдвое машинописных листах. Почти все его письма с марта 1974 года отправлялись в СССР с оказиями и потому написаны на тонкой (папиросной) бумаге, с двух сторон, чтобы они занимали минимальный объем.

Л.К. Чуковская писала иначе. Ее письма по причине слабого зрения написаны расплывающимися черными фломастерами. Формат писем — сложенный пополам машинописный лист, бумага обычная.

Письма печатаются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации с сохранением авторских особенностей. Подчеркивание передано курсивом, разрядка сохранена. Бесспорные сокращения слов, имен и фамилий развернуты без угловых скобок (исключение составляют постоянно встречающиеся инициалы Л.К., А.И., К.И., А.Д.¹), купюры обозначены многоточием в угловых скобках. Почтовые письма и открытки Солженицын отмечал арабскими цифрами, «левые» письма, посылаемые с оказией, он не нумеровал, а Лидия Корнеевна нумеровала римскими. Поскольку нами печатается часть переписки, вся эта нумерация не воспроизводится.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БТД — Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996.

Герцен. № тома — Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1965.

Зёрнышко-9, Зёрнышко-11 — Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания // Новый мир. 1998. № 9 или № 11 соответственно.

---

¹ Соответственно Лидия Корнеевна, Александр Исаевич, Корней Иванович, Андрей Дмитриевич.

ОиД — Чуковская Л. Отрывки из дневника: Александр Солженицын // Чуковская Л. Из дневника. Воспоминания. М.: Время, 2010.
Публицистика — Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхне-Волжское изд-во, 1995–1997.

1. А.И. Солженицын — Л.К. и Е.Ц. Чуковским*¹

4 марта 1974. Цюрих²

4.3.74

Дорогие Люшенька и Лидия Корнеевна!

Так как я думаю, что не лишён права переписки, то для первой пробы посылаю Вам это малое письмишко, посмотреть, каковы в отечестве нашем ныне сохранились почтовые нравы. Будем письма строго нумеровать и подтверждать сроки получения. (Мой адрес пока временно: Dr. Fritz Heeb (für A.S.) Tödistrasse 48 8002 Zürich Schweiz, потом дам постоянный.)

Во всех разнообразных испытаниях, какие уже за моими плечами, ещё не хватало, действительно, этого: изгнания, чужбины. Удивительно, как, при самом избыточном и назойливом изобилии, это может не ощущаться ни осязанием, ни кожей, ни языком — всё какое-то не того вкуса. Как будто всё есть, завались... а главного нет, и как будто всё не настоящее. Может быть, со временем и пройдёт. Поскольку я вечный оптимист, то духом не падаю, и надеюсь в считанные годы, меньше чем пальцев на руках, быть в России назад.

Здесь встретили меня исключительно тепло: половина прохожих узнаёт, любой продавец, иные шофёры замедляют и показывают рукой, чтоб я пересекал.

Знать стал меньше, чем в России: радио слышно сбойно, неустойчиво, а газет читать ещё время не выбрал, да и ужасно брать в руки эти пудовые кипы.

Писем и телеграмм получил, не преувеличиваю — с тысячу. И когда же кому же это сортировать, не то что читать?

Держался до сих пор великолепно, но последние 2 дня стало возвращаться давление. Такая идея, Люшенька: узнайте Вы и напишите мне *латинские* названия всех моих давленческих четырёх трав — и я попробую здесь их доставать. <...>

Из моих смешных вещей — на какие место найдётся, сохраните для смеха³.

Буду писать!

Обнимаю, целую Вас обеих!

Ваш АС

---

¹ Здесь и далее знаком «*» отмечены письма, посланные по почте. Первые четыре письма А.И. Солженицына адресованы Л.К. и Е.Ц. Чуковским. Ответные письма Е.Ц. Чуковской не приводятся.

² 12 февраля 1974 года, через полтора месяца после выхода в свет «Архипелага ГУЛАГа», Солженицын был арестован, доставлен в Лефортово, а на следующий день лишен гражданства и выслан из СССР. Вплоть до весны 1976 года местом его пребывания стал Цюрих.

³ В августе 1973 года Солженицын получил из МВД окончательный отказ в московской прописке к семье (см. его заявление: Министру внутренних дел СССР Н.А. Щелокову // *БТД*. Приложение 27. С. 652). Тем же летом завершились неудачей попытки купить жилье под Москвой. Л.К. Чуковская пригласила его в Переделкино, где он и провел осень — зиму 1973 года, вплоть до изгнания. После высылки Солженицына в Переделкине оставались его стол, вилы, велосипед, на котором он путешествовал по России, этажерка, алюминиевый подстаканник с оленем и другие вещи. После его возвращения большинство вещей были ему возвращены, но некоторые так и остались в переделкинском доме Чуковского.

2. А.И. Солженицын — Л.К. и Е.Ц. Чуковским*

16 марта 1974. Цюрих

16.3.74

Дорогие Люшенька и Лидия Корнеевна!

Даже поверить невозможно, что идет всё тот же самый март, когда я должен был всё так же мирно расхаживать по дорожкам Вашего участка, до сих пор ещё и не стаявшим, вероятно, всё в тех же протопах от моих валенок. Минувший месяц в 3,5 раза меньше той тихой зимы, которую я у Вас прожил, — а кажется уже целой эпохой. А Л.К. за это время съездила в Переделкино всего каких-нибудь 4 раза... Скоро будете отмечать день Корнея Иваныча¹. В здешней цюрихской библиотеке (старой, русской) — несколько его книг, есть и Николая Корнеевича («Балтийское небо»)², а Ваших, Л.К., нету. Зато видел Ваш молодой красивый портрет при «Прорыве» в «Русской мысли»³ — этой фотографии я раньше не видел у Вас. Пишите мне по адресу: А. Solschenizyn (окончательная транскрипция по паспорту⁴) Stapferstr. 45 8006, Zürich Schweiz. Как вы? Что у Вас?

Другой раз соберусь написать посерьёзней.

Обнимаю Вас!

Ваш А. Солженицын

---

¹ *День Корнея Иваныча* — 1 апреля, день рождения К.И. Чуковского, который всегда отмечался в его переделкинском доме литературными чтениями и выставками. Хотя во всех энциклопедиях день рождения Чуковского указан как 19 (31) марта 1882 года, сам К.И. всегда считал своим днем рождения именно 1 апреля, прибавляя к дню рождения по старому стилю 13 дней (как для тех, кто родился в XX веке), а не 12 (как для родившихся в XIX).

² Упомянут старший сын К.И. Чуковского Николай (1904–1965) и его роман (1955), посвященный обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

³ 4 февраля 1974 года Л. Чуковская передала в Самиздат свою статью «Прорыв немоты», где речь шла об «Архипелаге...». В разгар газетной травли в советской прессе она писала, что Солженицына называют предателем за то, что он «предал гласности историю гибели миллионов» (см.: Слово пробивает себе дорогу: Сб. ст. и док-тов об А.И. Солженицыне. 1962–1974. М.: Русский путь, 1998. С. 454–455). Позже «Прорыв немоты» был напечатан в парижской еженедельной газете русской эмиграции «Русская мысль» (1974. 28 февр.). Тогда эта газета, издававшаяся с 1947 года, в Советском Союзе была под запретом и пробивалась сюда нелегально с большим опозданием.

⁴ Такова немецкая транскрипция фамилии. После переезда А.И. Солженицына в Соединенные Штаты стала употребляться английская транскрипция — Solzhenitsyn, которая получила наибольшее распространение.

3. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

17 марта 1974. Переделкино

Дорогой Александр Исаевич.

Я уверена, что семья Ваша благополучно добралась до места¹ — и потому заранее решаюсь поздравить вас всех с праздником воссоединения.

Посылаю Вам в дар тропинки и подтаявшие сугробы нашего леса, где каждое дерево помнит и любит Вас. Посылаю проложенную Вами дорожку и крошечный костер, где Вы жгли мусор. Посылаю Вам дом. Сейчас он нем и пуст, но для меня звучит голосами и шагами. Тут Корней Иванович и Вы; тут Фрида Вигдорова, Паустовский, Лариса²; и те гости К.И., которых вы знали, — Твардовский с друзьями и знакомые вам незнакомцы: Пастернак, Ахматова, Самойлов, Корнилов, Роберт Фрост, Петровых³, Галич, Бродский; пушкинисты и толстоведы — Оксман, Гудзий, Непомнящий⁴, все, сколько их есть в России, изучающие Некрасова; все чеховеды и блоковеды; лингвисты, молодые и старые; профессора из Америки и Оксфорда, изучающие русскую литературу; учителя; переводчики с английского на русский и дети, дети, дети — голоса школьников, Ермошек и Игнашек⁵.

Посылаю Вам также столы и углы Вашей комнаты. Вид из окна (14/II и 15/II 74). Ваш пиджак на спинке стула и шапка в кресле.

Когда я вошла, ручные часики на столе еще тикали⁶.

Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well⁷.

Обнимаю Вас.

Л. Чуковская 17/III 74

---

¹ Семья улетела из Москвы лишь 29 марта, но это письмо (как тогда говорили, «левое») Л.К. Чуковская отправила с оказией, а не по почте и полагала, что оно достигнет адресата несоро.

² Вероятно, речь идет об известной правозащитнице Ларисе Иосифовне Богораз (1929–2004), первой жене Ю.М. Даниэля.

³ Фрост Роберт (1874–1963), американский поэт, летом 1962 года приезжал в СССР и был у Чуковского в Переделкине. Фрост записал свое стихотворение в Чукоккале (см.: Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Русский путь, 2006. С. 538–539). Петровых Мария Сергеевна (1908–1979), поэт.

⁴ Оксман Юлиан Григорьевич (1894–1970), пушкинист, историк литературы; Гудзий Николай Калининвич (1887–1965), академик, литературовед, специалист по творчеству Л.Н. Толстого; Непомнящий Валентин Семенович (р. 1934), пушкинист, критик.

⁵ Сыновья А.И. и Н.Д. Солженицыных — Ермолай (р. 1970) и Игнат (р. 1972).

⁶ К письму были приложены фотографии, сделанные через 2–3 дня после высылки Солженицына. В его переделкинской комнате остался его стол с карандашами, ручками, книгами и его вещи.

⁷ Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай (*англ.*). Эти строки Дж.-Г. Байрона из стихотворения «Fare thee well» (1816) А.С. Пушкин взял эпиграфом к «осьмой главе» «Евгения Онегина».

4. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну*

22 марта 1974. Переделкино

Дорогой Александр Исаевич.

Увидя Ваш почерк на конверте, я сначала не поверила глазам своим, а потом испытала радость и облегчение. Вы здесь, Вы с нами, Вы со мной! Я так нуждалась в этом сознании. Мы ведь виделись нечасто и почти всегда на ходу, но Вы были рядом — и это облегчало мне жизнь. Ваше изгнание — самая большая моя утрата с 1969 года¹. (Не говорю уж об общей.)

Ваше письмо, хоть и невеселое, исполнено надежды. Попробую надеяться и я.

Что рассказать о себе? Вы видели мою жизнь. Попытки работать, попытки быть здоровой. И то и другое с переменным успехом.

«И ночь близка, и сил осталось мало»² — а вот долгов и неисполненных обязанностей — тьма тьмущая.

У нас весна. Дороги развезло. Могила купается в солнце и в гомоне птиц³.

Я буду откликаться счастливо и мгновенно на любое Ваше письмо, а Вы пишите, когда вырвете минутку. Надеюсь, Ваши уже отдыхают — какое из-

нуряющее, душевно и физически, время они перенесли! Не в силах помочь, я пыталась хотя бы не мешать.

Сейчас возле Вас уже любимые лица и русская речь.

Обнимаю Вас.

Л. Чуковская

22/III 74

Переделкино. Пустота

---

¹ В октябре 1969 года умер К.И. Чуковский.

² Строка из стихотворения Анны Ахматовой «И ты ко мне вернулась знаменитой...» (1944). Одно время стихи назывались «Надпись на поэме “Триптих”».

³ Речь идет о могиле Корнея Ивановича и Марии Борисовны Чуковских на переделкинском кладбище, где Лидия Корнеевна много раз бывала вместе с Александром Исаевичем.

5. А.И. Солженицын — Л.К. и Е.Ц. Чуковским

25 марта 1974. Цюрих

25.3

Дорогие Л.К. и Люшенька! Всё-таки на подцензурных письмах много не проживёшь: ничего *по сути* сказать нельзя. Итак, посылаю Вам неким путём вот это. (А ещё другим путём, если всё там у вас будет благополучно, скоро получите — от Е.¹ — маленькое карманное издание Архипа², очень изящное — но, увы, пока со многими первыми ошибками, оно фототипировано и уменьшено.) А Вы мне можете отвечать тоже любым доступным Вам каналом, с тем чтобы здесь человек отправил просто по почте — адрес я Вам уже давал.

Всё-таки трудно даётся эта пересадка: вот скоро 1½ месяца, а я ведь ничего не пишу — случай, небывалый в моей жизни. Правда, всё, над чем я работал, от меня оторвано и меня не достигло³, но кое-что по Любимому Персонажу — есть, и местность — та самая, и время то самое (III Узел)⁴ — а вот, не пишу. Но, правда, и занятость сумасшедшая: устройство быта в чужой обстановке не так легко, к каждому разговору (особенно телефонному, более трудному, чем зрительный) сию, заранее готовлю фразы по словарю. Накинулся на меня весь мир, 2000 писем на всех языках — и где-то есть главные, которые нельзя пропустить. Возами везут подарки, в основном книги и альбомы, — но, благо, есть обширный чердак, куда я их отгаскиваю, кряхтя на крутой лестнице, и складываю не глядя. Уж «Комитетов» всяких с материалами на 40 страницах я и не прочитываю, только сую по классификации, но что прикажете делать с американским сенатом, Палатой представителей и Джорджем Мини⁵. Рвут и требуют, чтоб я ехал с турне, изучать американскую жизнь и разъяснять восточные идеи. Я, разумеется, не то что в Штаты, но даже по соседству в Женеве

ву — Люцерн — Локарно никуда не еду, не видел ни Альп, ни заальпийских магнолий, да как-то и не тянет (чего доброго, в Россию ворочусь — и не увижу, не успею). Но отписываться приходится серьёзно⁶, тем более что эти американские черти тотчас же каждое письмо публикуют, так что писать с пооглядкой приходится. Много и неприятностей: собственные дела без меня довольно-таки запутались, хуже всего с Лялей⁷: подумайте, Люшенька: за 5 лет не сделать даже 1/3 работы! (нагло отговаривается теперь тем, что не привыкли работать в условиях потаённости). И в результате, я твёрдо уверен: я и оказался здесь. Если бы их работа была мгновенно подана в январе — меня бы не осмелились выслать. Архип работает чудовищно, не как крот Истории (по Марксу), но как медведь, совершенно меняя дух в Германии и Швеции (где он только и появился пока)⁸. Обидно, что та героическая весна и те романтические Троицыны дни — так и повисли в пустоте, не расцветая⁹. <...> Нет, я не беспокоюсь, что я не пишу, ибо внутренне чувствую, что способности этой не потерял, а просто замотала переписка и встречи, от которых многих нельзя было отказать. Что же касается «третьей эмиграции», то она во встречах и болтовне видит смысл жизни, все рвутся приехать, встречаться и говорить — о чём бесконечно молоть? пускать на это жизнь здесь ещё опаснее, чем в Москве. <...>

И все хотят учить меня жить и «предупреждать от ошибок» своей первоначальной здесь болтовни (а я эту ошибку и предвидел прекрасно). <...> Выбор страны получился из-за адвоката, случайно¹⁰, но, кажется, и без ошибки: в Германии, Англии, Франции своя судьба столь сложна, что и меня бы обременяла, и я — их (кстати, в Англии передачи «Архипелага» оборваны распоряжением-советом министерства внутренних дел ещё при консервативном правительстве!). В Норвегии не так легко было мне место найти, и язык пугал (непомерная работа для головы)¹¹. Здесь — как будто нет политической истории, хотя идут выборы, есть воинская подготовка (очень серьёзные укрепления существовали против Гитлера). Здесь сохранилась та истинная добропорядочная демократия, которой нигде уже нет в хаосе зависти и борьбы: спокойное твёрдое течение жизни и вместе с тем — Вы, конечно, Л.К., помните этот герценовский рассказ в «Былом и думах», как он не мог стать гражданином Швейцарии, даже имея блат и личную дружбу с президентом: всё зависело от кантона, а более того от общины¹², — так вот эта «иерархия наоборот» существует и по сегодня: горячо встреченный Цюрихом, я (и цюрихские власти ещё более меня) не должен задумываться о том, что́ думает по этому поводу швейцарское правительство. Практически же я ещё никакого заявления не подавал, пока просто трёхмесячный международный паспорт¹³.

Так вот крутишься днём с делами, и будто всё ничего. А ночью проснёшься, и дико защежит: да куда ж я попал? что ж это со мной делается? Да как бы это хорошо сейчас проснуться в Переделкине или, по первому холодку, уже переезжать в Борзовку?¹⁴ Когда вернусь (вернусь, конечно), всё уже будет сдвинуто, и неизвестно, в какой точке России предстоит мне доживать свой век.

Очень упала моя осведомлённость о наших там делах: во 1-х, радио слушаю гораздо меньше, из «Русской мысли» тоже много не наберёшься, а бумаги много, западные вырезки тем более многими сотнями ждут меня бесплодно, а во 2-х, главное, изустной молвы, идущей по Москве, никакая радиоинформация заменить не может. Только вчера, например, узнал толком про сборник «Жить не по лжи» — и тепло стало, что не замирают традиции, и живо представил себе эту технику и некоторых составителей¹⁵. — Но при отсутствии живого потока информации очень, конечно, легко сбиться в оценке событий и людских поступков, как опять же о «Колоколе» рассказывала Лидия Корнеевна.

Друзья мои, пишите честно, какие Вам нужны *лекарства*, пока существует этот адресок, будем присылать. Получили ли Вы вторую партию гамма-лона? Нужно ли ещё? Или другое что? Вообще, без стеснения ложного: что нужно? Официальную переписку под №№ будем тоже понемножку продолжать. — Что нужно к УМС'е — пишите тоже мне.

О том, что из этого письма можно рассказывать, а что нет — на понимание Люшеньки. Да Лидии Корнеевне где ж это и вслух прочесть?¹⁶ На переделькинских аллеях можно, а в городской квартире — не сплошь.

Обнимаю и целую Вас обеих.

Ваш АС

Кого бы мне сейчас сюда — это Донца¹⁷. Существует огромный архив Белой армии, недоступный для публики, а мне предлагают — да нешто я могу? (это — в Штатах). А вот бы Донец засел года на три.

---

¹ Е. (Ева) — Наталья Ивановна Столярова (1912–1984), друг и помощница А.И. Солженицына. О ней см.: *БТД*. Невидимки. Очерк 9. С. 487–508.

² Так автор называл свою книгу «Архипелаг ГУЛАГ». Речь идет об издании: *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. Paris: YMCA-Press, 1973.

³ Намек на то, что архив, необходимый для работы и отправленный через западных корреспондентов в обход таможи, еще не прибыл из Москвы.

⁴ Изгнание прервало работу Солженицына над II Узлом «Красного Колеса». *Любимый Персонаж* — Владимир Ильич Ленин, *местность* — Цюрих, где Ленин жил с февраля 1916-го по апрель 1917 года, Ленину в Цюрихе посвящены семь глав II Узла («Октябрь Шестнадцатого», главы 37, 43, 44, 47–50) и шесть глав III Узла («Март Семнадцатого», главы 5, 338, 449, 474, 604, 654).

⁵ 19 февраля 1974 года в Сенат и Палату представителей Соединенных Штатов была внесена резолюция, предлагавшая присвоить Солженицыну почетное гражданство США. Сенаторы Джесси Хелмс и Генри Джексон, лидер американских профсоюзов Джордж Мини, ряд конгрессменов приглашали писателя быть их гостем в Соединенных Штатах для встреч, выстулений и широкого знакомства со страной. (Речь сенатора Хелмса в Сенате и переписку вышеназванных деятелей с Солженицыным см.: *Зёрнышко-9*. Приложения 2–10. С. 113–121; В Палату Представителей Соединенных Штатов // *Публицистика*. Т. 2: С. 78–80.)

⁶ Поблагодарив за приглашения, Солженицын их отклонил и в 1974 не покидал Европу. Он писал: «...принудительно вырванный из родной почвы, я вынужден потратить теперь немало духовных и физических усилий, чтобы на новом месте восстановить и наладить свою работу на прежнем уровне и в прежнем темпе. И я никак не имею права покинуть свою литературную деятельность для политической или даже публицистической, ибо считаю художественное исследование более доказательным, чем публицистическое. Если я и высказываюсь иногда публицистически, то только по крайней необходимости и лишь по самым жизненным вопросам моей родной страны. Её неосвещённая история понуждает меня не покидать моего главного литературного замысла» (*Зёрнышко-9*. Приложение 6. С. 117).

⁷ *Ляля* — Ольга Вадимовна Карлайл (р. 1931), журналистка, художница, внучка Леонида Андреева. В эти годы она жила в Нью-Йорке.

⁸ Рукопись «Архипелага...» к этому времени находилась у Ольги Карлайл уже пять лет (с лета 1968), и по договоренности она должна была в течение двух лет организовать перевод на английский язык, так, чтобы англоязычное издание могло выйти в свет немедленно вслед за русским. Солженицын пишет: «...к концу лета [1973] был схвачен “Архипелаг” гебистами, погибла Вороньянская, — и я отчаянно дёрнул дальний взрывной шнур “Архипелага”. А взорваться было — только тому, что расстарались мы в последнее время: немецкому да шведскому изданию. Главное же, англо-американское, решающее весь ход мирового общественного мнения, — вот, не оказалось готово» (*Зёрнышко-11*. Ч. 1. Гл. 2: Хищники и лопухи. С. 112).

⁹ Весной 1968 года «Архипелаг ГУЛАГ» был закончен и перепечатан в подмосковном летнем домике А. Солженицына. Как раз под православную Троицу брат О. Карлайл Александр Андреев вывез пленку «Архипелага...» на Запад для передачи Ольге. (Подробнее об этом см.: *БТД*. Прорвало! С. 207, 212, а также интервью Александра Андреева в журнале «Огонек» (1997. № 8).

¹⁰ В Цюрихе жил д-р Фриц Хееб, адвокат, который с конца 1969 года защищал авторские права Солженицына на Западе, где до тех пор бесконтрольно печатались его тексты, взятые из Самиздата.

¹¹ В конце 1969 года, после исключения Солженицына из Союза писателей, возник слух, что его высылают из СССР: «...ещё в одной газете намёк. Ещё в одной. На Западе — отзвон изрядный. И норвежцы... предложили мне даже приют у себя — почётную резиденцию Норвегии, присуждаемую писателю или художнику. “Пусть Солженицын поставит свой письменный стол в Норвегии!”... Вторая родина сама назвалась, сама распахнула руки. Север. Зима, как в России. Крестьянская утварь, деревянная посуда, как в России» (*БТД*. Нобелиана. С. 274). Через пять лет, высланный из страны, Солженицын помнил об этом и на девятый день изгнания поехал в Норвегию искать пристанища. (Об этой поездке см.: *Зёрнышко-9*. Ч. 1. Гл. 1: Без прикрепы. С. 54–57.)

¹² См.: *Герцен А.И.* Былое и думы // *Герцен*. Т. 10. Ч. V. Гл. XL: ...Перечисление из надворных советников в тягловые крестьяне. С. 174–182.

¹³ Солженицын и позже не подал никакого заявления и не просил гражданства Швейцарии.

¹⁴ *Борзовка* — так по фамилии прежнего владельца Солженицын называл свой садовый участок, купленный в 1965 году в Наро-Фоминском районе Московской области, близ села Рождество.

¹⁵ Сборник документов «Жить не по лжи», посвященный выходу «Архипелага ГУЛАГа» в декабре 1973 года в Париже и последовавшим травле, аресту и изгнанию А.И. Солженицына,

был составлен и пущен в Самиздат в марте 1974 года (Жить не по лжи: сб. материалов. Авг. 1973 – февр. 1974: Самиздат — Москва. Paris: YMCA-Press, 1975). В сборнике 44 бесцензурных документа в поддержку публикации «Архипелага...» наряду с заявлениями ТАСС, цитатами из статей в советской прессе и писем советских граждан с осуждением Солженицына.

...живо представил себе эту технику и некоторых составителей. — Солженицын получил в Цюрихе «левое» письмо с описанием работы над сборником; главными составителями были Наталья Горбаневская, Александр Гинзбург и Вадим Борисов (двух последних Солженицын лично близко знал).

¹⁶ Намек на подслушивающие устройства в квартире, из-за чего все дела обсуждались только на улице.

¹⁷ *Донец* — Юрий Александрович Стефанов, уроженец Дона, увлеченный собиратель материалов о казачестве, много помогавший А.И. Солженицыну.

6. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну*

5 апреля 1974. Переделкино

5/IV 74, дача

Дорогой Александр Исаевич.

Получили Вашу открытку № 2 в самый день Корнея Ивановича — 1/IV¹ — а отвечаю с опозданием, потому что после всякого сборища сердечный приступ для меня неизбежен, и был — легенький! — но все-таки был и помешал мне написать Вам.

Сейчас я уже снова здорова, работаю, ничего не болит, и пишу Вам.

День был удивительный, весенний, в такой день К.И. непременно работал бы уже у себя на балконе. Небо над могилой сияющее, — не блестящее, а глубокое, словно растворенное светом. Птицы поют. Впервые в этом сиянии даже памятники показались мне красивыми. Пришли домой (было нас человек 35) — и тоже все было хорошо, гармонично — и воспоминания, и выставка, устроенная Люшей, — все гораздо удачнее, чем в тот злополучный 1972². На выставке — 25 изданий «От 2 до 5» и некоторые фотографии Куоккальского дома. Там и я, трехлетняя, в капоре и с мишкой в руках. Потом был голос К.И. — запись его воспоминаний о Леониде Андрееве, сделанная за месяц до смерти, в сентябре 1969.

Голос мне всегда слышать страшно, а тут я еще так ясно услышала, как он задышался, как трудно уже было ему говорить, справляться с дыханием.

Ну вот и началась Ваша новая жизнь. Горькая. Но сейчас Вам уже светлее: семья рядом, да и за работу, наверное, засели. Я в предотъездные недели ничем Вашим не помогала, — старалась хоть не мешать своим присутствием. Но минут 40 посидела с ребятишками в той комнате, где когда-то была елка, и в маленькой — чтоб наглядеться на всех златоглавых и запомнить их. Степушка³

очень благожелательно пускал пузыри (в маленькой комнатушке); Ермолай валял Игната по полу в большой. Ермолай — властимущий: протянул мне листок: — Сделай лодку. — Не умею. — А ты умей! (И верно: следовало бы уметь.) Игнат как-то потише и позадумчивее; строением лица чуть похож на Алё и Митю⁴ («Дмитрий — любимец репортеров»).

Много думаю об Але и Екатерине Фердинандовне⁵. Боюсь, что им тяжелее, чем Вам. Конечно, они принимают участие в Вашей работе и литературная работа — великий наркоз, но хозяйство оставляет голову без наркоза, и это тяжкие часы: память, память, память. Она человека и созидает, она же и уничтожает его заживо.

Ну да с ними дети. Дети мобилизуют.

Очень хотелось бы понять, что это такое: Швейцария. Навид. Вокруг дома. Сад? Парк? Какие деревья? Где-то горы? Цветы? Как вы все разместились (8 комнат на семерых — это не так уж и много). <...>

Люшка, как всегда, тянет 10 возов сразу. Я, как всегда, мечтаю, чтоб она отдохнула — и вместо этого только отяжеляю ее жизнь испугами за меня. В общем, живем обыкновенно. Одна радость: дачу ремонтировать в ближайшее время не будут. Я так боялась этого ремонта! Вот и хорошо.

Моя молодая фотография, которую Вы видели, неуместна там⁶. Ну, да за ними не уследишь. А я вообще свою наружность — и фотографии, все, кроме детских, — терпеть не могу.

Ваши тропки растаяли! Снег в лесу только местами. Ваши смешные штуки действительно такие смешные — до слез.

Обнимаю Вас

Л. Чуковская

Большое спасибо Але за пластинки. Они мои любимые.

---

¹ См. примеч. 1 к письму 2.

² В 1972 году 1 апреля в переделкинском доме отмечалось 90-летие К.И. Чуковского. А.И. и Н.Д. Солженицыны были среди гостей. Л.К. Чуковская считала, что обычные в этот день выступления, чтение, выставка прошли в сутолоке и неудачно.

³ Степан (р. 1973) — младший сын А.И. и Н.Д. Солженицыных.

⁴ Аля — домашнее имя Н.Д. Солженицыной. Митя — Дмитрий Андреевич Тюрин, сын Н.Д. Солженицыной от первого брака.

⁵ Екатерина Фердинандовна Светлова (1919–2008), инженер, мать Н.Д. Солженицыной.

⁶ См. примеч. 3 к письму 2.

7. А.И. Солженицын — Л.К. и Е.Ц. Чуковским

7 апреля 1974. Цюрих

7.4.74

Дорогие Лидия Корнеевна и Люшенька!

Простите, что опять пишу письмо Вам общее: а потому, что написать хочется, а замучен перепискою здорово. И ещё потому, что мои обычные буквы Л.К. всё равно не прочтёт. <...>

Ваше письмо, Лидия Корнеевна, как-то очень за сердце меня взяло, одно к одному там — и тянет... А я в этом году и не видел постепенного таяния и хода весны: сразу перескочил в теплоту и сушь необычно ранней здесь весны. Уже долго живём при 20° и выше. И так больно, что не могу у себя в Рождестве¹ проверить, как обычно: что же раньше распустится — берёза или ольха и, значит, сухое или мокрое будет лето. Впрочем, кроме старой берёзы у моего окна, во дворе посадили мне (для русской природы) и ещё две берёзки. Вообще, как ко мне здесь относятся — этого не пересказать и не описать. Особенно трогают дети: после приезда семьи 5 суток осаждали мой забор корреспонденты; так соседние школьники устроили против них гневную демонстрацию и выставили лозунги: «Оставьте Солженицына в покое». А когда корреспонденты бежали и прыгали вокруг меня у школы (я на почту шёл) — у них перемена была, и они, на подоконники легши человек по десять, гневно кричали на ко́ров. Вообще, такой всеобщей теплоты и приветствий, какие я испытываю здесь, я не только никогда не испытывал на себе, но и не представлял, что бывает (да, наверно, на родине и не бывает, по пословице...). Сейчас, изнемогая от невозможности ответить на всю эту доброту, делаю заявление швейцарскому телеграфному агентству и говорю, что: может быть, в этом уже просвечивает осознаваемое единство человечества?² Все изгнанники до меня были много несчастливее... Когда издали судишь о демократиях, то замечаешь крупные и шальные и пропускаешь тихие и устойчивые, как Швейцария.

Спасибо большое, Люшенька, за латинские названия трав. Но вот чудо: за 2 месяца довольно беспорядочной жизни ни разу не снижал давление. Последний раз мне снижали в Лефортово.

Удивительно: нашёлся старый артиллерист, который воевал в одной батарее с моим отцом в 1916 году, и теперь, по его сведениям, придётся переделывать уже написанные главы.

Лидия Корнеевна! Если ещё нужны какие оптические приспособления — пишите, не стеснясь, сделаем всё возможное. Очень хочется, чтобы Вы ещё много могли поработать. <...>

Стёпка на воздухе быстро отходит³, воздух здесь хороший, горный. (И горная же вода.)

Пока кончаю. Обнимаю Вас, мои дорогие! Не болейте и не унывайте. Кларе⁴ — привет, хотя подозреваю, что пару моих излюбленных рабочих ручек она перевела в разряд сувениров.

Ваш А. Солженицын

---

¹ См. примеч. 14 к письму 5.

² В заявлении «В швейцарское телеграфное агенство» от 8 апреля 1974 года Солженицын пишет: «Я не знаю, были ли изгнанники прежде меня окружённые таким сочувственным теплом на чужбине, как будто это совсем не чужбина, а самая родная страна. Может быть, просвечивает здесь уже наступающее живое единство человечества» (*Зёрнышко-11*. Приложение 11. С. 122).

³ В Москве перед отъездом маленький Степа болел воспалением легких.

⁴ *Клара* — Клара Израилевна *Лозовская* (1924–2011), секретарь К.И. Чуковского, в 1970-е годы — сотрудница его переделкинского музея.

8. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

22–23 мая 1974. Переделкино

22–23/V 74

Переделкино.

Холод — снег! — а вечером соловьи

Дорогой Александр Исаевич.

Вы окружены русской речью и русскими книгами. Конечно, это не все, что составляет «почву», но я верю: сломанная рука срастется. Не знаю, какие нужны дощечки и гипс, но верю — срастется и пойдут, толкая одна другую, страницы. Думаю, дело тут в крутом нарушении покоя, ритма: ведь книга — это ритмическая волна; она естественно подвержена отливам и приливам, но не землетрясениям. Вы же пережили землетрясение — атомный взрыв. <...>

Я перечла Ваше «Письмо к»¹. Спокойно, не торопясь. Ведь впервые, помните, читала я на лету и в неокончателном виде. (Очень горжусь, что по моей просьбе отменили: «какая *нерусская* рука...») И теперь точно сделали: «не сыновняя»².) Именно не сыновняя: не помнящая родства, не принявшая наследства... Но сейчас я о другом. Это Ваше письмо я люблю менее, чем другие вещи Ваши — всё, наверное, из-за адресата. Адресат ведь всегда накладывает свою тень на пишущего. Я понимаю, что адресат Ваш условен, а все-таки Вы, когда писали, видели и реального перед собой. А что у Вас с ним общего, с адресатом? Например, с Маляровым?³ Вы подчеркиваете:

общие деды и прадеды. Это натяжка. (И обида; так, например, у Тани Литвиновой⁴ прадеды не отсюда — из Англии — а она к русской литературе относится *дочерне*.) Общего у Вас с ними мог бы быть язык — и только! и это огромно-много! но язык, то есть самое главное, а у Вас с ними *не общий*. (См. «канцелярит»⁵.) <...> И главное (это я Вам сказала тогда еще): я за демократию, а не за автократию. Вы пишете, что русский народ к демократии не готов. Это правда. Ну так надо начинать когда-нибудь готовиться, а то мы всегда будем не готовы. Нужны все демократические свободы: слова, печати, собраний, суда и пр. Вы об этом говорите как-то мельком, а ведь это — главное⁶, и автократия никогда этого не допустит. У России путь особый, отличный от других наций; так; но в чем ее особенность? свобода думать и говорить и справедливость нужны всем. Не в удушении же — особенность. (Я сейчас говорю не с Вами — с Вами — а с автором письма.) Для читателя автократия ассоциируется только с городovým или К.Г.Б.

Я путей не знаю: мой кругозор узок. Я люблю русскую культуру и попросту люблю здешних людей; так много чистых душ; больше всего на свете люблю наш язык, наши книги, наши поля, наши деревья, наши дороги,

наши шелесты в овсе⁷,

и нашу Неву (в граните), и нашу Волгу (в песках, в холмах). Все люблю русское, национальное, кроме *русского национализма*; его не выношу и боюсь до смерти (особенно сейчас, когда всякий хам считает себя русским *потому*, что он хам. Других оснований для гордыни и для презрения ко всем другим людям у него нет.)

...Вот сейчас «Пенатам» Репина отказали в просьбе: присоединить тамошнюю дачу Чуковского к музею «Пенаты»; у них в Пенатах места нет для экспозиций, а дача К.И. — напротив, и еще цела, и там Репин бывал через день, если не каждый. На той даче в 12–17 гг. бывали Репин, Шаляпин, Леонид Андреев, Ахматова, Гумилев, Маяковский, Короленко... Уже решено было прибить доску, взять дом под охрану, реставрировать внутри. (Это пока легко.) Но: меня исключили из Союза⁸, и решение об охране той дачи отменили (борьба еще идет). Какая *не* сыновья рука забросит этот крошечный клочок земли, песок, сосны, маленький дом, крыльцо, по которому всходил Короленко? И все потому, что я там тоже бегала, когда мне было 5–7 лет! Там жил мой отец, а кругом почти всё финны, русских было (постоянно живущих) мало... И вот когда в 17–19 году дачу разгромили и разграбили (наши), *финский* музей в Гельсингфорсе перевез к себе книги и рукописи из дачи К.И. и потом всё вернул Корнею Ивановичу... Тут уже *их* руки оказались сыновними, а не русские. <...>

Если бы Вы знали, какие замечательные письма от незнакомых людей я иногда получаю! (Кроме угроз и брани.) Где-то теплится и мысль, и жизнь, и братство — я это чувю...

PS. Думала, окончила: нет. Встала ночью и пишу, потому что пишется внутри. А для Вас утомительно — бросьте читать, я не обижусь.

Я все по поводу Вашего «Письма к». Конечно, Вы правы, что не следует лезть в чужие моря и океаны, что нет у нас, России, интересов ни на Кубе, ни в Египте, что надо повернуть внутрь: к школам, к детям, к семье, к восстановлению традиции (где она еще жива). Но не только к земле, а и к городу, потому что русская культура не только деревенская, а и городская (Петербург-Ленинград). Развивать город до безумства не следует, но и архаизировать его — искусственность... Теперь о школах, о детях. Это, наверное, самое главное и есть. Но как же строить школу без интеллигенции? А интеллигенция и автократия всегда несовместны; автократия ее всегда пожирает⁹ — славянофильскую или западническую, все равно. Николай I теснил славянофилов (кроме продажных). Со славянофильством тоже неблагополучно: они прекрасны в любви к своему народу, у них верный нюх в ненависти к бесовщине, но как только дело доходит до чужого дорогого, они глухи и кровавы: «День» Ивана Аксакова поддерживал Муравьева Вешателя, душившего Польшу¹⁰, которая в 1863 году восстала вполне справедливо. Им только дай волю в их неистребимой любви к русскому, как они возненавидят в кровь все не русское... <...>

Герцен к концу согласился со славянофилами, что Россия не должна повторять все петли западной истории, потому что они ведут в кровавые тупики (1848); что Россия может обойтись без революции, потому что ей органична община, из которой сам, без революции, вырастет социализм — если крестьянство станет грамотным и пр. Из этой мысли выросло хождение в народ (учить, лечить), а потом — с.р.¹¹ и бомбы... Путь он не нашел, хотя беспутность Запада понял.

Еще о Вашем письме: Вы большую роль придаете идеологии, а ведь сейчас ее вовсе нет, вся идеология: хищ и методическая месть. В 20-е и 30-е она была, и вела, и даже окрыляла: но не столь идеология, сколь Днепрострой, индустриализация, просветительство и пр. Теперь, мне кажется, и власти, и всем наплевать¹², что написано на 531-й странице XVI тома Ленина, а «простые люди» просто верят, что Ленин — это вам не Сталин, он был справедливый и мудрый. При нем были честные большевики, взяток не брали и простому человеку был ход... Ну да по-всякому.

Конец. Желаю Вам одного: войти в Ваш труд. Тогда и чужбина станет *выносимее*. Обнимаю Вас; привет златоглавым и черноголовым. И Екатерине Фердинандовне.

Ваша ЛЧ

¹ «Письмо вождям Советского Союза» (см.: *Публицистика*. Т. 1. С. 148–187).

² Речь идет о фразе в «Письме вождям...»: «...какая ошалелая несыновняя рука разорвала бульвары...» (Там же. С. 162).

³ *Маляров* Михаил Петрович (1909–1982), заместитель генерального прокурора СССР. Именно Маляров 12 февраля 1974 года в Лефортовской тюрьме предъявил арестованному Солженицыну обвинение в измене родине (статья 64 УК СССР), а на следующий день — указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении гражданства и «выдворении» из страны.

⁴ *Литвинова* Татьяна Максимовна (1918–2011), переводчица, дочь министра иностранных дел М.М. Литвинова. Его жена, мать Татьяны Максимовны — Айви Вальтеровна (1889–1977), родилась и выросла в Англии. Т.М. Литвинова — близкий друг К.И. Чуковского.

⁵ Слово «канцелярит» придумано Чуковским по аналогии со словами аппендицит, дифтерит. Термин введен им для обозначения «главной болезни нашего языка — засилья канцелярских слов и выражений» (см. книгу Корнея Чуковского «Живой как жизнь». Гл. 6: Канцелярит).

⁶ *Нужны все демократические свободы... ~ ...ведь это — главное...* — В 1973 году Солженицын пишет: «В настойчивых поисках политической свободы как первого и главного есть промах: прежде хорошо бы представить, что с этой свободой делать. Такую свободу мы получили в 1917 году (и от месяца к месяцу всё большую) — и как же поняли мы её? Каждому ехать с винтовкой, куда считаешь правильным. И с телеграфных столбов срезать проволоку для своих хозяйственных надобностей... Готовность России к [демократической] системе, весьма низкая в 1917 году, могла за эти полвека только снизиться» (На возврате дыхания и сознания: (По поводу трактата А.Д. Сахарова «Размышление о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе») // *Публицистика*. Т. 1. С. 45, 46).

⁷ Строка из стихотворения А. Блока «Последнее напутствие» («Боль проходит понемногу...», 1914).

⁸ 9 января 1974 года Л.К. Чуковская была исключена из Союза писателей СССР за статью «Гнев народа», написанную в защиту А.Д. Сахарова и А.И. Солженицына и широко распространившуюся в Самиздате. 14 января 1974 года Солженицын сделал заявление для печати: «Не сомневаюсь, что побудительным толчком к нынешнему исключению писательницы Лидии Чуковской из Союза, этому издательскому спектаклю, когда дюжина упитанных преуспевающих мужчин разыгрывали свои роли перед больной слепой сердечницей, не видящей даже лиц их, в запертой комнате, куда не допущен был никто из сопровождавших Чуковскую, — истинным толчком и целью была месть ей за то, что она в своей переделкинской даче предоставила мне возможность работать. И напугать других, кто решился бы последовать её примеру. Известно, как три года непрерывно и жестоко преследовали Ростроповича. В ходе травли не остановятся и разорить музей Корнея Чуковского, постоянно посещаемый толпами экскурсантов.

Но пока есть такие честные бесстрашные люди, как Лидия Чуковская, мой давний друг, без боязни перед волчьей стаей и свистом газет, — русская культура не погаснет и без казённого признания» (*БТД*. Приложение 35. С. 660).

⁹ *А интеллигенция и автократия всегда несовместны...* — Солженицын пишет в 1973 году: «Но и русская интеллигенция, больше столетия все силы клавшая на борьбу с авторитарным строем, — чего же добилась с огромными потерями и для себя и для про-

стого народа? Обратного конечного результата. Так, может быть, следует признать, что для России этот путь был неверен или преждевременен? Может быть, на обозримое будущее, хотим мы этого или не хотим, назначим так или не назначим, России всё равно суждён авторитарный строй? Может быть, только к нему она сегодня созрела?..» (Письмо вождям Советского Союза. С. 181).

¹⁰ Упомянуты славянофил Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886), редактор газеты «День» (1861–1865) и Михаил Николаевич Муравьев (1796–1866), государственный деятель, генерал-губернатор Северо-Западного края, жестоко подавивший польское восстание 1863 года, за что и получил прозвище Вешатель.

¹¹ С.р. — социалисты-революционеры (эсеры).

¹² *Вы большую роль придаете идеологии, а ведь сейчас ее вовсе нет... ~ Теперь, мне кажется, и властц, и всем наплевать...* — Именно так, обращаясь к «вождям», Солженицын и пишет: «Ведь эта идеология, доводя до острейшего конфликта наше внешнее положение, давно уже перестала помогать нам во внутреннем, как помогала в 20-е и 30-е годы. Всё в стране давно держится лишь на материальном расчёте и подчинении подданных, ни на каком идейном порыве, вы отлично знаете это» (Письмо вождям Советского Союза. С. 177). «Моё “Письмо” было направлено именно к *вождям*, с призывом именно *вождям* отказаться от Идеологии, — у меня и намёка нет, чтоб за эту идеологию держалось советское общество или народные массы» (Зёрнышко-9. Ч. 1. Гл. 1: Без прикрепы. С. 66). Однако «если все не верят и все подчиняются — это указывает не на слабость Идеологии, но на страшную злую силу её» (Сахаров и критика «Письма вождям» // Публицистика. Т. 1. С. 217).

9. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

23 июня 1974. Цюрих

23.6.74

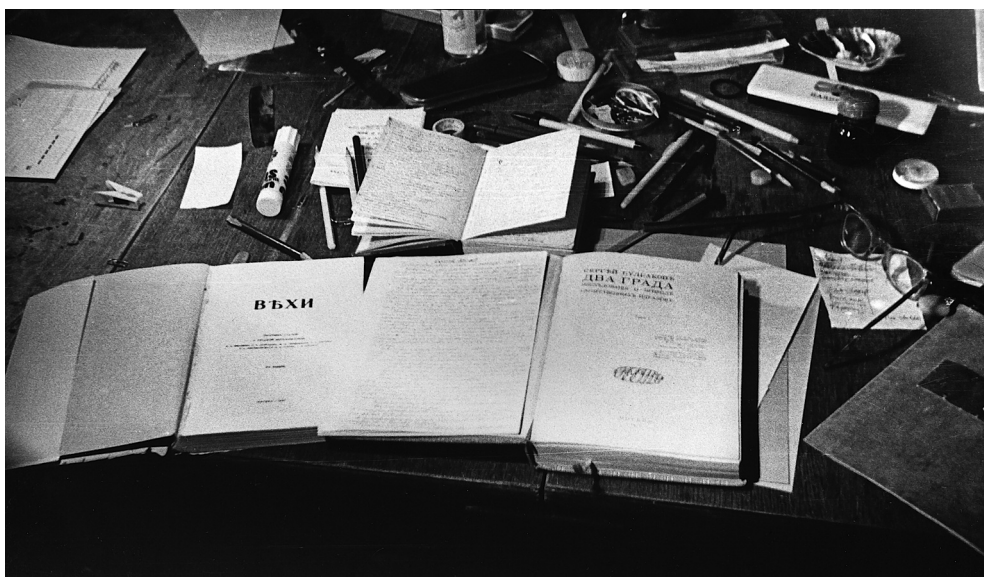
Дорогая Л.К.! Очень перед Вами виноват, что долго Вам не отвечал. А ко всей моей прежней плотности жизни, известной Вам, добавилась ещё такая европейская круговерть (пресса, издательства, ищущие личности, премии и т. д.), что отбиться нелегко. А я через всё это умудрился всё-таки пробиться к нормальной работе, и потекла свободно, вот уже месяц¹, сами понимаете, как я счастлив: пишу снова так легко, будто ничего не изменилось. Но на переписке — отражается (да ведь последние годы у меня и переписки не было никакой).

И сейчас пересматриваю: я даже, кажется, не поблагодарил Вас за милую Вашу затею прислать мне виды Вашей дачи, где я так славно провёл последних своих три русских месяца. «For ever fare thee well»² я не согласен — а в общем-то, как Бог даст. <...>

О П.В.С.С.³ Так много о нём спорят (больше против меня), что нет сил переговорить. В общем, я нисколько не раскаиваюсь, что я его написал. Я не сдал ни одной пяди, а от них требовал сдачи, это при условии, когда у них вся

Дом К.И. Чуковского в Переделкине. 14–15 февраля 1974. Фотография С.С. Букалова
Архив Е.Ц. Чуковской

Комната и рабочий стол А.И. Солженицына в доме К.И. Чуковского. Переделкино.
14–15 февраля 1974. Фотография С.С. Букалова
Архив Е.Ц. Чуковской

власть, чего ж ещё? Обращение с упоминанием, что их деды и прадеды жили в этой стране, и, очевидно, были мужиками и, очевидно, вполне людьми — нисколько не кажется мне натяжкой: я действительно чувствую так, что их отцы и деды меня бы поняли. А к кому же обращаться? Всё к западной помощи? Или к народу, на восстание? Первое — всем надоело, второе — морально запрещено. Одновременно и параллельно я обратился к нашей интеллигенции («Жить не по лжи») — но, как видите, она не пошевелилась (ровно так же, как и вожди...). Вожди — держат в руках мою страну, а стрелять нельзя. Что же делать? Обращаться... Эту ситуацию создали наши отцы, потом и мы — так теперь расхлёбывать. Одними пожеланиями демократии — её не создашь. Воспитываться к ней, для этого предварительно её *получив*? А кто ж её *даст*? *Взять*? — чем? Кстати, с 1901 по 1917 наше общество не так мало к ней воспитывалось — а в 17-м обнажилось, что это — ничто, мы совсем не готовы. Так после 50 лет большевизма — мы ещё меньше к ней готовы, если б ещё один 17-й — и вообще никого не останется, всех вырежут⁴. «Интеллигенция» (не в традиционном русском смысле, а — совокупность высоко-культурных людей) — кстати, не так плохо творила (веками) при просвещённых монархиях, и достаточно нивелируется и обесценивается серым жадным большинством современной демократии. На остальные аргументы не осталось места. Обнимаю Вас сердечно! Храни Вас Бог! Пусть это лето (без ремонта!) будет у Вас хорошим и рабочим.

Ваш АС

О демократии как я думал — так здесь и увидел, кроме изумительной Швейцарии. В нефтяной кризис⁵ на коленях (перед арабами) оказалась именно сама Европа, дух населения её...

---

¹ 8 августа 1974 года Солженицын записал: «Июнь и июль ушли на “Телёнка”. Работаю хорошо» («Дневник Р-17», с 1965-го по 1991 год сопровождавший работу над «Красным Колесом». Архив А.И. Солженицына). В июне 1974-го Солженицын написал «Четвертое дополнение» — «Пришло молодцу к концу», которое вошло в первое печатное издание книги (Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. Paris: YMCA-Press, 1975). В июле писал «Пятое дополнение» — «Невидимки», к которому обращался и позже, но ввиду очевидной опасности для живущих в СССР друзей и помощников («невидимок») оно не могло быть опубликовано вплоть до 1990-х годов, когда появилось сначала в журнале «Новый мир» (1991. № 11. С. 119–146; № 12. С. 5–76), затем в книжном издании (Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. М.: Согласие, 1996).

² «Навсегда прощай» (англ.). См. примеч. 7 к письму 3.

³ П.В.С.С. — «Письмо вождям Советского Союза».

⁴ В «Письме вождям...» Солженицын писал: «У нас в России, по полной непривычке, демократия просуществовала всего 8 месяцев — с февраля по октябрь 1917 года. Эмигрантские группы к-д и с-д, кто ещё жив, до сих пор гордятся ею, говорят, что им её загубили посторон-

ние силы. На самом деле та демократия была именно *их* позором: они так амбициозно кликали и обещали её, а осуществили сумбурную и даже карикатурную, оказались не подготовлены к ней прежде всего сами, тем более была не подготовлена к ней Россия. А за последние полвека подготовленность России к демократии, к многопартийной парламентской системе, могла ещё только снизиться. Пожалуй, внезапное введение её сейчас было бы лишь новым горевым повторением 1917 года» (*Публицистика*. Т. 1. С. 180–181).

⁵ Нефтяной кризис начался 17 октября 1973 года, когда ОПЕК (сокр. от англ.: The Organisation of the Petroleum Exporting Countries), в которую входили все арабские страны, а также Египет и Сирия, заявила в ходе Октябрьской войны, что она не будет поставлять нефть странам, поддержавшим Израиль в конфликте с Сирией и Египтом. Это касалось прежде всего США и их союзников в Западной Европе. Результатом экономического нажима ОПЕК стала Декларация Совета министров стран Общего рынка, поддержавшая позицию арабских государств.

10. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

14 июля 1974. Переделкино

Дорогой Александр Исаевич. Большую радость принесли мне Ваши бумажки. И Ваш голос, который я слышала в 4-м куске — собственный Ваш, не диктора. (Слышала я вообще 3 и 4 куски; надеюсь прочесть 1 и 2¹.) То, что слышала, — отлично сказано и необходимо. <...>

Живу на даче — впервые летом не в будке на болоте, а в доме. Цветет жасмин. Лето дождливое, и потому зелень живая, пышная. Готовим к августу «Костер»² — что бы там со мной ни делал Союз писателей, а ребятишки из трех деревень: Переделкино, Лукино, Чоботы — не должны быть наказаны. Чуть выхожу на улицу, бегут: «Когда “Костер”?» Для меня это дело очень трудное, особенно сейчас, но К.И. мне говорил, что пока меня с дачи не выгонят — чтоб были «Костры», а если выгонят и отдадут дачу другому писателю, то чтоб я просила разрешения все равно на этом участке устраивать «Костер»... (Вот ведь умный был человек, а до чего же наивный!) Ну поселят здесь Чаковского³ — неужели он позволит у него на участке жечь костер, мять траву и петь песни! И так уж Катаев еще при жизни К.И. жаловался, что «Костер» ему мешает работать, и в лицо ему говорил: зачем вы детскую библиотеку построили? публичный дом здесь гораздо нужнее.

Экскурсии — по 100 человек в день⁴ — особенно если погода хорошая (Вы бы не выдержали, и я часто сбегáю в город). Водят Клара Израилевна и Люша. <...> Экскурсанты часто и о Вас спрашивают. «А правда, что тот самый тут жил? Или однофамилец?» — «Тот самый, Александр Исаевич». — «А как к нему К.И. относился?» — «Очень хорошо, очень любил его книги и его

самого». — «А правда, что К.И. ему все свои деньги оставил?» — «Все — нет, а часть — правда».

Не знаю, почему начальство ушами хлопает и долго ль будет хлопать.

Впрочем, не дремлет. Посылает людей ко мне — и в город, и на дачу. Чаще всего, когда я одна. С месяц назад пришел молодой человек, интеллигентный, красивый... «Я к вам... у меня духовный переворот... я к вам как на духу... Я 3 года служил в КГБ и вот недавно прозрел... Слушаю радио... Но у меня друзей нет никого, а я хочу войти в курс... в круг...» Словом, он полагал, что я мгновенно поднесу ему на блюде какой-нибудь Самиздат. Я ему ответила грубо. Он сказал: «Вот, Советская власть добила своего, всех разъединила, и вы мне не верите». И ушел. Приезжаю на дачу, иду к Каверину. Он рассказывает. «У меня был один пожилой человек, роскошно одетый, весь заграничный, и сказал, что с ним случился духовный переворот, открылись глаза, Россия гибнет, надо спасать» и пр. Мы с Вениамином Александровичем много смеялись: как они плохо работают, дуют все по одной шпаргалке. А нас считают олухами? — не пойму. Часто приходят с вопросами: не перешлете ли Александру Исаевичу письмо? Я отвечаю: пишите сами, Цюрих, Швейцария.

Но вот где горечь, Александр Исаевич, это — когда приходит н а с т о я щ и й человек, в самом деле прозревший, и надо ему помочь, необходимо, а — боишься. Все-таки человек с улицы, не знаешь его, хоть и веришь голосу, слову. И потом чувствуешь себя такой дрянью: струсила, не помогла. Недавно был один из Сибири, рабочий. Ему 62 года, 10 лет, до 56, был в лагере. Сейчас пенсионер и обучает машинистов. Хочет «разафишировать», что с ним случилось. Он в столовке кому-то сказал: «Что вы Солженицына браните, вы ж его не читали». А потом на выборы не пошел. Его отвезли в милицию, оттуда в КГБ, беседовал полковник 4 часа. «Ты у нас помолчи, мы тебе в минуту 5 лет за хулиганство дадим». «Ты на своего Солженицына не надейся, мы его кончим». «Тебе незачем его книги читать, ты в “Правде” Яковлева⁵ читал? Понял? И хватит!»

Собрался он совершить поступок безумный, я его как могла отговаривала. Он: «А что мне бояться, моя жизнь прошла, мне уж 62 года, пускай сажают».

Потом поглядел кругом (я была с ним в столовой, одна): «А вы что ж так скучно живете? Я знал бы, вам яблочков привез». <...>

Ваша Л. Ч.

14/VII 74 Переделкино

---

¹ Речь идет о телеинтервью А.И. Солженицына компании Си-би-эс 17 июня 1974 года, которое передавалось по зарубежному радио (см.: *Публицистика*. Т. 2. С. 88–116). Запись в дневнике Л.К. Чуковской: «3 июля, вторник, 74. Только что слышала голос А.И. — отрывок из его интервью (4 кусок). Я слышала этот же кусок и более подробно на даче; но

только голосом диктора. А тут, сейчас, *его голос*. Интервью блистательное... множеством мыслей совпадающее с моими; а некоторое — поправки к письму Вождям — просто *мое*» (ОиД. С. 339–340).

² *Костер* — детский праздник, который К.И. Чуковский устраивал летом на своем дачном участке для окрестной детворы.

³ *Чаковский* Александр Борисович (1913–1994), советский писатель, журналист, главный редактор «Литературной газеты» (1962–1988), секретарь правления СП СССР (1962–1991).

⁴ После кончины Чуковского в 1969 году его дача в Переделкине, которую он арендовал у Литературного фонда, стихийно превратилась в музей. Постоянно дом посещали отдыхающие из окрестных санаториев, школьники, отдельные группы граждан. Постепенно были установлены часы приема таких экскурсий. Обстановка комнат и библиотека тщательно сохранялись без перемен.

⁵ *Яковлев* Николай Николаевич (1927–1996), советский историк, автор книги «ЦРУ против СССР» (1979), который сделал своей специальностью клевету на Солженицына и Сахарова. Позже, в горьковской ссылке А.Д. Сахаров дал ему пощечину.

11. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

26 декабря 1974. Цюрих

26.12.74

Дорогая Лидия Корнеевна! Вас, наверно, изумляет моё молчание. В лучшем случае Вы объясняете его тем, что прервались наши каналы. С каналами действительно очень плохо, и не знаю, как будет дальше и когда, например, достигнет Вас вот *это* письмо. Но я и *правых* писем за всю осень если написал 3–4, то это много. Только сегодня мог написать Вам с Люшей и тётё Ире¹ — единственным во всем мире, больше никому! — новогодние поздравления. Я раньше всегда считал, что моё время уплотнено до предела — как бы не так! только в эту осень я узнал. Люди как остервенели, специально едут в Цюрих, изобретают ложные правдоподобные причины или создают инциденты, чтобы только меня «увидеть на полчаса», или ввязаться со мной в какую-то связь, или втравить меня в какое-нибудь начинание, моим именем подпереться или загородиться. Телефон не умолкает (разгласили его добрые люди добрым людям), почту доставляем тяжёлыми тележками, распечатывать Катя² не управляется и до позднего вечера (ведь дети же рвут её на части!), а уж где там читать, даже классифицировать невозможно. Наслали мне больше тысячи книг, из них гора на чердаке (несмотренных), начинают звонить и требовать, чтобы я возвращал. Уважаемейшие люди добиваются бесед, советов, встреч, передачи каких-то материалов. Вообще, Европа хочет слопать меня живьём вместе с печенью и кишками, и дружными усилиями все добиваются, чтоб я ничего не писал, кроме автографов (у каждого в сумке — 4–5 книг)³. С весны по осень я только тем спасался, что жил в горах⁴ — и

поэтому писал. Когда же с осени я решил всё-таки узнать, в каком состоянии мои переводческие и издательские дела, то я пришёл в ужас. За все те годы, что меня душило КГБ, — з д е с ь толпы недобросовестных рвачей корёжили мои книги, халтурно переводили, связывали неравноправными подлыми бумажками и обворовывали, кто только мог черпнуть. Октябрь и ноябрь я пытался воевать с издателями, испытал быстрое отвращение и усталость (даже на «Архипелаге» почти все хотят пожить и не жертвовать в фонд экам) — и поручил ведение мировых литературных дел издательству «Seuil» (Париж)⁵. А переводами ещё много придётся заниматься, это откуда ж брать время и голову? На английском, например, меня просто *нет* (кроме «Матрёниного двора» и «Крохоток»), всё — не я. Но для новых переводов я же должен выкупать у проходимцев права на... свои книги! Вообще, Запад за любезностью — ужасает сухостью, расчётом (тем самым, как продавали КГБ машины для ловли «преступников»⁶), всеобщим тревожным злым соревнованием и забытием души. — Если теперь добавить, что несколько месяцев надо было иссилиться в поисках связи, чтоб доработать с моими со-авторами «Из-под глыб», согласованно выпустить⁷, дать 2 пресс-конференции (2-я — в Стокгольме), и обе по 4 часа, одно часовое теле-интервью⁸ (и пяти компаниям отказать), всё это стараться издать брошюрами⁹, поддерживать «Континент»¹⁰, налаживать вместе с Алей Русский Общественный Фонд¹¹, выверять тексты для печатания, — да когда-то же стараться и книгу писать, и в этой сумятице описана только половина моей деятельности, то, может быть, Вы меня и извините. Правда, разрешили себе недельную поездку по Швейцарии (ведь так и умрёшь — не увидишь дальше своего забора), вынужденно съездили в Стокгольм¹², да завтра еду в Париж — но исключительно на сбор материалов от старичков¹³. <...>

Интересно, дошёл ли уже до Вас Самиздатом мой ответ Сахарову по поводу «Письма вождям». Я ждал «Из-под глыб», а теперь уже никак было нельзя обмолчать главных вопросов¹⁴. Я считаю, что реакция Андрея Дмитриевича на «Письмо» была поспешной и малообдуманной¹⁵ — а всё из-за напряжённости у нас всех национальных вопросов, да и неправильного понимания их. Помните, мы прошлой зимой в Переделкине с Вами толковали об этом: национализм — национальное чувство, самосознание и т. д. Сейчас Борисов дал высокое обоснование этому: личностный характер нации¹⁶ (исходя из Достоевского). Но в Союзе так несправедливо сложилось, что в этом личностном характере никому не отказывают, кроме русских. Предвижу много ещё споров об этом, но хотелось бы не Вас иметь оппонентом. <...>

Как Ваши глаза? Господи, продли Вам сроки работы. Используйте слух и диктофон! Разгружайте глаза! (Хотя вот этими каракулями я Вам даю хорошую нагрузочку.) Обнимаю Вас с душевной нежностью. Посылаю Люшеньке и Вам по «правой» открытке одновременно.

¹ *Тетя Ира* — Ирина Ивановна Щербак (ок. 1887–1980), жена дяди (брата матери) А.И. Солженицына, жившая в Георгиевске.

² Екатерина Фердинандовна Светлова. О ней см. примеч. 5 к письму 6.

³ Запись Солженицына в «Дневнике Р-17» от 25 января 1975 года: «Какой суетной год (на Западе) — сколько отвлечений, лишнего и непривычного. Вся эта волна сочувствия, письма и встречи, только отбирала время и силы. И вся необычность западных дел и отношений. И ненужные начинания, избыточные интервью. Через год после высылки я от романа дальше, чем был, и как будто не продвинулся, а назад ушёл. Дальше так жить нельзя, из Европы надо уезжать, и в глушь».

⁴ Весной и летом 1974 года Солженицын уезжал для работы в горы — в Штерненберг, в пустующий дом мэра Цюриха Зигмунда Видмера. (См.: *Зёрнышко-9*. Ч. 1. Гл. 1: Без крепости. С. 79.)

⁵ В главе «Хищники и лопухи» подробно рассказано о судьбе западных изданий — по-русски и в переводах — «Ракового корпуса», «В круге первом», «Архипелага ГУЛАГа» и «Августа Четырнадцатого». (*Зёрнышко-11*. Ч. 1. Гл. 2. С. 93–119.)

⁶ На пресс-конференции в Стокгольме (12 декабря 1974) Солженицыну был задан вопрос: «Что вы думаете о продаже Советскому Союзу американской аппаратуры, при помощи которой КГБ удалось разыскать баптиста Георгия Винса и открыть подпольную группу в Риге?» (*Публицистика*. Т. 2. С. 199.)

⁷ Работа над сборником «Из-под глыб» началась в 1971-м. Кроме Солженицына, который был инициатором, одним из составителей и автором трех статей сборника, участвовали еще шесть авторов. В начале 1974-го работа была близка к концу, позднее Солженицын вспоминает: в январе «я... мирно ездил в Переделкино, неторопливо надыхивался под носами, и в темпе необычно для меня медленном (ах, спохвачусь я по этим денёчкам!) доканчивал статьи для сборника «Из-под глыб»». В момент ареста А.И. 12 февраля эти три статьи лежали на московской квартире «на столе же прямо, и ещё других авторов проекты, полузаконченные, ай-ай-ай, пропало «Из-под глыб», три года готовили — в прорву» (*БТД*. Пришло молодцу к концу. С. 350, 381). Арест и изгнание Солженицына осложнили и затянули последний этап работы, и сборник был обнародован лишь в середине ноября 1974 года. Его выход в свет ознаменовался двумя согласованными событиями: авторы сборника — Игорь Шафаревич, Михаил Агурский, Вадим Борисов и Евгений Барабанов — дали пресс-конференцию в Москве 14 ноября, Солженицын — в Цюрихе 16 ноября 1974 года.

⁸ ...дать 2 пресс-конференции (2-я — в Стокгольме), и обе по 4 часа, одно часовое телеинтервью... — См.: «Пресс-конференция о сборнике «Из-под глыб», «Пресс-конференция в Стокгольме», «Из телеинтервью компании Си-би-эс» (*Публицистика*. Т. 2. С. 130–202, 88–116.)

⁹ ...всё это стараться издать брошюрами... — Первые публикации упомянутых текстов по-русски были осуществлены эмигрантскими издательствами: *Солженицын А.И.* Мир и насилие. Frankfurt/Main: Посев, 1974; Из-под глыб: сб. ст. Paris: YMCA-Press, 1974; Две пресс-конференции: К сборнику «Из-под глыб». Paris: YMCA-Press, 1974.

¹⁰ «Континент» — литературный, общественно-политический и религиозный журнал, издававшийся в Париже с 1974 по 1992 год, затем — в Москве. Основатель и главный редактор — писатель В.Е. Максимов (1930–1995). Оказавшись в эмиграции в 1974 году,

Максимов задумал выпускать в Париже литературно-политический эмигрантский журнал, для чего нужны были немалые средства. Солженицын писал: «Максимов... искренний и горячий противник коммунизма, уже выглядел, кто бы мог дать деньги на подобный журнал — германский богатейший издатель правого направления Аксель Шпрингер, с его таким же искренним неприятием коммунизма. Однако чтобы Шпрингер дал на журнал деньги, весьма значительные, он должен был получить основательную рекомендацию, письменное поручительство, и Максимов не видел другой возможности, как от меня. С этим он и приехал в Цюрих» (*Зёрнышко-9*. Ч. 1. Гл. 1: Без прикрепы. С. 76). Солженицын написал требуемую бумагу, предложил само название журнала — «Континент», написал приветствие в первый номер (Слово к журналу // *Континент*. 1974. № 1. С. 7–8).

¹¹ *Русский Общественный Фонд* — В январе 1974 года, еще до высылки из СССР, Солженицын публично объявил, что гонорары за «Архипелаг ГУЛАГ» «пойдут на увековечение погибших и на помощь семьям политзаключённых в Советском Союзе» (Заявление прессе // *Публицистика*. Т. 2. С. 61–63). После высылки он основал Фонд, которому отдал все мировые гонорары: «Доход от “Архипелага” не считаю своим — он принадлежит самой России, а раньше всех — политзэкам, нашему брату. Так вот — и пора, не откладывать! Помощь нужна не *когда-то там* — но как можно быстрее. Жёнам зэков — собирать передачи и ехать на свидания *сейчас*, дети зэков и старики-родители недоедают *сейчас*» (*Зёрнышко-9*. Ч. 1. Гл. 1: Без прикрепы. С. 73).

¹² В декабре 1974 года в Стокгольме состоялась церемония вручения А.И. Солженицыну Нобелевской премии, присужденной ему в 1970-м.

¹³ Работая над «Красным Колесом», Солженицын спешил увидеться с еще живыми участниками событий: «...я приехал настигнуть эмиграцию здесь — но главная её масса, воинов, мыслителей или рассказчиков, не дождавшись меня, уже вся залегла на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа... Я опоздал. Правда, ещё кто-то жил в инвалидном доме по соседству с кладбищем... Ещё в разных местах Парижа навещал я старичков с памятью *того* времени, даже крупных по своим бывшим постам... И ко мне в номер приходили старики, тогдашние молодые офицеры, рассказать перед магнитофоном впечатления революционных дней, деформированные сумраком полувека. Ещё повидал я и сына Столыпина, и бывшего сталинского приближённого Бажанова» (*Зёрнышко-9*. Ч. 1. Гл. 1: Без прикрепы. С. 99).

¹⁴ Речь идет о статье Солженицына «Сахаров и критика “Письма вождям”» (см.: *Публицистика*. Т. 1. С. 215–222), опубликованной в журнале «Континент» (1975. № 2) спустя 9 месяцев после критического выступления Сахарова. Солженицын так объясняет это промедление: «Я не мог из-за границы — туда, где Сахаров оставался во власти врагов, отвечать полновесно и остро. Именно моя свобода при его несвободе связывала мне руки». И еще: «Мне — очень хотелось ответить немедленно, конечно... [Но] вопросы — все очень принципиальные, а мы с единомышленниками готовили в СССР широкий по охвату самиздатский сборник статей “Из-под глыб”... Так обгонять ли “Из-под глыб” с его взвешенными глубокими формулировками — поспешной газетной полемикой? Скрепя сердце пришлось от немедленного публичного ответа Сахарову отказаться» (*Зёрнышко-9*. Ч. 1. Гл. 1: Без прикрепы. С. 65, 67).

¹⁵ ...реакция Андрея Дмитриевича на «Письмо» была поспешной и малообдуманной... — Имеется в виду статья «О письме Александра Солженицына “Вождям Советского Союза”» (3 апреля 1974) (*Сахаров А.Д. Собр. соч.: в 8 т. М.: Время, 2006. Т. 1: Тревога и надежда*. С. 211–227). «Чего я никак-никак не ожидал, — писал Солженицын, — это внезап-

ного враждебного отголоска от Сахарова... Едва кончилась правительственная расправа со мной — Сахаров, определившийся вождем либерального направления, атаковал меня... На второй день как семья моя выехала, он — вчуже громыхнул на весь мир ответом, — да с какой поспешностью! как ещё не передавались самиздатские статьи: по телефону из Москвы в Нью-Йорк, 20 страниц по телефону! — какая же острая спешка, почти истерика, на Андрея Дмитриевича слишком не похоже... Но — ещё обиднее: так спешил Сахаров, что даже “Письма” моего, видно, не прочёл хорошо? или только по радио слышал, и вот по слуховой памяти? — приписал “Письму”, чего там вовсе не было» (*Зёрнышко-9*. Ч. 1. Гл. 1: Без прикрепы. С. 64, 65).

¹⁶ Речь идет о статье историка В.М. Борисова «Национальное возрождение и нация-личность», помещенной в сборнике «Из-под глыб». Солженицын ссылается на «высокую нравственную аргументацию В. Борисова, напоминающего нам о нации-личности в личностной иерархии христианского космоса, о том, что не историей создаются нации, но нации создают историю, на долгой жизни своей, то в свете, то во тьме, ища, как предельно-полно выразить свою личность. И подавление этой личности — величайший грех» (Сахаров и критика «Письма вождам» // *Публицистика*. Т. 1. С. 220).

12. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

3–5 февраля 1975. Москва

3/II 75 – 5/II 75

Дорогой Александр Исаевич. Близится годовщина¹. Результат — в смысле общения: пишу в никуда и в никогда, не понимая, что дошло. От Вас до меня последними дошли строки из письма от 19.1.1975, в котором упоминается Ваше декабрьское письмо ко мне, которого я *не* получала². Хотелось бы понять, *кто* (кроме Г.Б.) распоряжается нашими письмами, т. е. почему имеет возможность распоряжаться? Аля передала мне, что моя открытка с картинкой дошла; телеграфные поздравительные наши не дошли (это — Министерство связи); ну а письмо V и VI (со вложением ошибок в цитатах из Мандельштама в «Вестнике»)³ дошли или нет? Понять не могу. Если НЕТ, то и это письмо, видимо, пишу зря. Понимая степень Вашей занятости, не прошу ответов на письма; но прошу хоть извещать: что получили? Если *не* получаете, то и я перестану писать.

А на этот раз все-таки пишу, хотя Вам, наверное, и читать некогда.

Прочла № 1 «Континента». Огромное дело, огромное впечатление: от Вас, от Пахмана и от кардинала. Бродский выбран хорошо⁴. Колонка редактора интересна. Коротко о книгах — умело. Вообще сильный номер. Одно, что меня привело в отчаяние, это — статья Синявского⁵. За этой статьей — как и за его «Фантастическими повестями», как и за «Голосом из хора» — стоит дрянная, мелкая, ничтожная, хихикающая душа. По-видимому, свое мелкое хихиканье он принимает за сатиру... Кроме того, статья совершенно пуста по содержанию: ноль, дырка от бублика. Кроме того, я не желаю читать, что «Россия —

сука», что «Манделштам сдох в лагере», что Щедрин бежал «поджав ушки». Все это сплошные плевки... <...> «Цинизм выражений обличает циничную душу»⁶, — писал Герцен... Единственная золотая мысль в статье Синявского — это что слово в России имеет особый вес, потому что за слово тут люди платятся каторгой, но эта мысль давно уж высказана Герценом г о р а з д о с и л ь н е е... (Не везет Герцену!) Редакция «Континента» в своем умном и достойном предисловии объясняет, будто «Колокол» повторить нельзя и не надо потому, мол, что «Колокол» — газета политическая, а тогда в России можно было художественные вещи печатать с в о б о д н о и в заграничном издании художественная литература не нуждалась. Неверно. «Воскресение» или «Ответ Святейшему Синоду» Толстой вынужден был печатать за границей — раз (художественная литература была свободна по сравнению с советской, а не вообще; от цензуры страдали и Тургенев, и Гоголь, и Пушкин, и др.); второе — и главнейшее: «Колокол» Герцена повторить нельзя потому же, почему нельзя повторить «Дневник писателя» Достоевского; Герцен в *своих статьях* был гений художественного слова (как и Достоевский), а гении неповторимы. Толстой писал: «Герцен, как писатель художественный, был равен лучшим писателям нашим»⁷ — и писал это не о «Сороке-Воровке», не о «Кто виноват?», а о с т а т ь я х Герцена в «Колоколе»... Хотя бы и за то уважала Герцена редакция «Континента», что он первый из русских «социалистов» осудил н а с и л ь с т в е н н ы е перевороты вообще, а в России — особенно; первый стал звать к проповеди, первый написал «проповедь нужна миру», «проповедь и к врагам — великое дело»⁸ — за что его и обругал Ленин. Но оставляю Герцена его странной судьбе (его извратил Ленин⁹, ненавидел Сталин и ни за какие деньги не читает русская интеллигенция, хотя Толстой говорил, что если бы Герцена прочитали и поняли его путь — от проповеди революции к проповеди ненасилия, то *вся русская история пошла бы иначе*)¹⁰, оставляю Герцена и возвращаюсь к гадостной статье Синявского. Кроме всего прочего, он жестоко переврал строки Ахматовой — и размер, и смысл — и громко восхищается деепричастием «ликуя» («Деепричастия-то каковы!» — пишет он), когда этого деепричастия в стихах Анны Ахматовой вовсе нет¹¹. (...К счастью, строки Ахматовой сохранились не в памяти, а на бумаге и когда-нибудь выйдут в Собрании сочинений не в синявском, а в подлинном виде)... <...>

Вчера прочла наконец Ваше большое интервью целиком¹². Умно, глубоко, точно, *верно*. Полно. Впечатление гораздо сильнее, чем когда я слышала в отрывках. Рада была также узнать, что цюричане научились не мешать Вам, если это правда, а не просто с Вашей стороны дань учтивости... У меня к Вам одна мелкая придирка. Вы правы, говоря, что в Советском Союзе лучшие переводчики мира потому, что у нас вынуждены крупнейшие поэты заниматься переводами. Но Вы опустили другую причину. Сейчас перечислю виртуоз-

ных теперешних переводчиков: Гелескул, Рита Райт, Н. Любимов, Волжина, Левик, Нора Галль, Н. Гребнев, Лорие и т. д. Они сами по себе вовсе не поэты и не прозаики, уж во всяком случае не крупные, а переводчики они — виртуозы. Иногда переводят даже *выше* лучших поэтов наших: Самойлова, Петровых, Корнилова, Межирова; а Пастернак иногда просто плохо переводил... Чем же вызван такой взлет переводов, качества переводов в Советском Союзе? Тем, что в культуре советской существует переводческая школа, и даже не одна; теоретические работы Чуковского, Кашкина, Эткинды, Федорова; тем, что первая теоретическая работа «Принципы художественного перевода» была написана Гумилевым и Чуковским еще в 19–20 гг., а сейчас ежегодно выходят специальные сборники статей о переводах (член редколлегии Эткинды)¹³. У нас существует высокая культура перевода, что видно хотя бы из переводов Маршака (а началась она с Жуковского в XIX веке...). Это я так, между прочим, к сведению... Если взять книгу К.И.Ч. «Высокое искусство» — видно как эта культура росла и развивалась. Конечно, перевод «Фауста» гениален, потому что Пастернак гений; но Сэллинджер переведен совсем не гениальной Ритой Райт — изумительно, совсем не из-за ее гениальности. <...>

Что сказать о нас? Вы нашу жизнь знаете. <...> Пошли анонимки отдельно мне, отдельно Люше с матерной бранью в стихах. Письма же вообще не доходят совсем или ходят странно: мое письмо в Ленинград к старому другу шло 18 дней... Открытки от ленинградских друзей, случается, совсем не доходят. Лифтеры осатанели и недавно остановили моего близкого друга, 75-ти лет, за то, что он *не поздоровался с лифтером*. Один слесарь в Переделкине, вызванный прочистить раковину, пришел, прочистил, получил чаевые, потом сказал (не мне, но про меня): «Скоро мы вас всех отсюда тью-тью!» Взрослых книг К.И. нет ни в одном плане ни одного издательства... В общем я считаю нашу жизнь нормальной и даже прекрасной, потому что иногда — очень редко, вижу А.Д.¹⁴, потому, что работаю (барахтаюсь в черновиках); потому что Люшу спасли врачи; потому что зима чудесная, снежная, сухая, мороз градусов 10. Мұка — люди, от которых спасения нет и которые лезут в дом во все щели: шпики, психи, провокаторы, а среди них и настоящие люди, стóящие, с бедами — и не знаешь, чем им помочь. Обнимаю Вас. Извещайте хоть, что получили; ничего не знаю о V, VI, а это VII. Алю благодарю. Надеюсь, Митя принят в гимназию, а малыши — они уже великаны! — здоровы. Екатерине Фердинандовне привет. *Если* Вы или кто-нибудь связан с Чапским, если случайно будет возможность, передайте ему мой привет, мою память о нем и мечту прочесть его книгу¹⁵. Обнимаю Вас. Простите, что длинно — иначе не могу. <...>

Еще раз обнимаю.

Не могу кончить. Еще о Синявском. Его статья не соответствует заглавию и поставленной задаче. Литература в Советском Союзе существовала *всегда*, даже в те годы, когда, как пишете Вы, «ни книги без лжи». Да, ни книги, ни страницы без лжи. Но в 20-е годы существовали журналы «Русский современник» (где печатались Замятин, Ахматова, Добычин) и «Дом Искусств»; в 30-е печатались Ахматова, Пастернак, Твардовский, Мандельштам; в 40-е, в 50-е — тоже; в 60-е — целый взрыв новых голосов — и все с падениями в ложь... У Зощенко — в 30-х и начале 40-х можно найти 5–6 чистых и сильных рассказов; у Тынянова — рассказы и повести, у Пантелеева, у Платонова. И у всех с падениями в ложь. Вы назвали недавно «Новый мир» «честным журналом»¹⁶ — справедливо; а подсчитайте-ка, сколько страниц в каждом номере уходило на ложь, чтобы сказать *страницу* правды... Это — в 60-х годах; в 30-е на 1 слово правды приходилось 10 томов лжи. И в то же время, с 29-го по 36 год, в России была лучшая детская литература в мире; по сию пору — создавалась лучшая переводческая школа; а что такое, например, «Литературное наследство», благодаря которому найдены и нам возвращены (с лживым идейно и фактически правдивым комментарием) — страницы Достоевского, Толстого, Герцена? Где еще в мире есть такое издание, на таком уровне богатства и точности, кто еще в подобных условиях совершил такой подвиг культуры? А подвиг пушкинистов? Бонди, Цявловский, Ахматова — сейчас Непомнящий (вообще, после отъезда Якобсона¹⁷ лучший критик в Советском Союзе). Так вот, мне представляется, об этой дороге: 10 строк лжи для одного слова правды (по которой, увы! шли *почти* все, включая «Новый мир») и обязан был, вместо плевков, рассказать Синявский. Потому что эта дорога (я ее *порицаю*, хоть иногда и шла по ней) в конце концов сменилась требованием: Ни слова лжи! Жить не по лжи! Вот об этом и следует рассказать, а не плевать... Всё. <...>

---

¹ Годовщина высылки А.И. Солженицына из СССР 13 февраля 1974 года. См. также примеч. 2 к письму 1.

² Письмо от 19 января 1975 г. было адресовано Е.Ц. Чуковской и начиналось словами: «Если мама получила мое декабрьское к ней письмо и познакомила Вас с длинной жалобой на жизнь, которая там содержится, то Вы, м.б., отчасти и поняли, почему мне не до писем».

³ В не публикуемом здесь письме от 21 октября 1974 года Л.К. Чуковская указывала на опечатки в цитатах из стихотворений О. Мандельштама в статье Ю. Карабчиевского «Улица Мандельштама» (Вестник РСХД. 1974. № 111).

⁴ В первом номере «Континента» напечатаны статьи А. Солженицына «Слово к журналу»; Людэка Пахмана «Новая “Пражская весна” — вопрос и задача»; «Мемуары» кардинала Миндсенти, стихотворения Иосифа Бродского «На смерть Жукова», «Конец прекрасной эпохи», «В озерном краю».

⁵ Речь идет о статье Абрама Терца (А. Синявского) «Литературный процесс в России» (Континент. 1974. № 1. С. 143–190).

⁶ У Герцена: «...цинизм выражений всегда выражает циническую душу» (*Герцен А.И.* <Письмо мое к Александру II...> // *Герцен*. Т. 12. С. 455).

⁷ Неточная цитата из письма Л.Н. Толстого к В.Г. Черткову от 9 февраля 1888 года (*Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. [Юбил. изд.]: в 90 т. / под общ. ред. В.Г. Черткова. М., 1936. Т. 86. С. 121–122).

⁸ Неточная цитата из статьи А.И. Герцена «К старому товарищу» (Письмо четвертое. Июль, 1869). У Герцена: «Проповедь нужна людям... Апостолы нам нужны... апостолы, проповедующие не только своим, но и противникам. Проповедь к врагу — великое дело любви» (*Герцен*. Т. 20. Кн. 2. С. 593).

⁹ Имеется в виду статья В.И. Ленина «Памяти Герцена», напечатанная впервые к 100-летию юбилею Герцена в 1912 году, а в советское время внедряемая в школах и в институтах.

¹⁰ Л.К. Чуковская пересказывает и объединяет мысли Толстого о Герцене из двух источников: письма к В.Г. Черткову 9 февраля 1888 года — «Доказывать несостоятельность революционных теорий — нужно только читать Герцена, как казнится всякое насилие...») — и статьи И.И. Горбунова-Посадова (Столетие со дня рождения Герцена // *Свободное воспитание*. 1912. № 8). См.: *Чуковская Л.* Мои чужие мысли. Толстой о Герцене // *Чуковская Л.* Избранное. М.: Время, 2011. С. 449.

¹¹ У Синявского: Вы меня, как *раненого* зверя, / На кровавый подымете крюк, — / Чтоб, ли к у я, д и в я с ь и н е в е р я, / Иноземцы ходили вокруг (Континент. 1974. № 1. С. 156).

У Ахматовой: «Вы меня, как *убитого* зверя, / На кровавый подымете крюк, — / Чтоб хихикая и не веря / Иноземцы бродили вокруг...» (цит. по автографу. См.: *Чуковская Л.* Два автографа // *Горизонт*. 1988. № 4. С. 57). (Курсив — наш, разрядка А.Д. Синявского. — *Е.Ч., Н.С.*)

¹² Пресс-конференция в Стокгольме (12 декабря 1974) была дана корреспондентам многих изданий из многих стран, съехавшимся на нобелевские торжества 1974 года. Текст пресс-конференции (неполный) был напечатан в «Русской мысли» 16 января 1975 года. (Полный текст см.: *Публицистика*. Т. 1. С. 167–201.)

¹³ Первой теоретической работой из перечисленных была брошюра «Принципы художественного перевода» (1919), где Н. Гумилев написал статью «Переводы поэтические», а К. Чуковский — «Переводы прозаические». Начиная с 1959 года в Москве периодически издавались сборники статей по теории перевода «Мастерство перевода». Вышло 11 выпусков (по 1977 год).

¹⁴ *А.Д.* — Андрей Дмитриевич Сахаров.

¹⁵ *Чапский* Юзеф Гутен (1896–1993), польский живописец, публицист. В 1942 году он ведал культурной работой в штабе генерала Андерса под Ташкентом. В Ташкенте Чапский познакомился с Анной Ахматовой и с Лидией Чуковской. Позже в книге «На бесчеловечной земле» (1949) он описал эти знакомства. С 1948 года Ю. Чапский — член редколлегии польского журнала «Культура», выходящего в Париже. Подробнее о нем см.: *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. М.: Время, 2007. Т. 2, 3 (по указателю имен).

¹⁶ См.: *Солженицын А.И.* Слово к журналу // *Континент*. 1974. № 1. С. 7.

¹⁷ *Непомнящий В.С.* — см. примеч. 4 к письму *З. Якобсон* Роман Осипович (1896–1982), русско-американский лингвист, литературовед, специалист по поэтике и семиотике. Один из основателей ОПОЯЗа. С 1921 года жил за границей.

13. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

2–5 апреля 1975. Переделкино

2/IV 75 – 5/IV 75

Дорогой Александр Исаевич. Какая боль — не ожидать ответа и даже подтверждения, получено ли. Боюсь, долго я этого не выдержу. Такое чувство, что пишешь, пишешь, пишешь, а потом письмо летит прямо в мусоропровод или еще мусорнее — в какое-нибудь заведение... Теперь уж ничего мы не получаем, даже открыточек¹. <...>

А сейчас пишу, потому что прочитала Ваш сборник² и чувствую себя обязанной отозваться. Может быть, это чувство обязанности ложное. Но повинуюсь ему.

Сначала не о сборнике, а основу моей с Вами общности. Я ценю и люблю три Ваши художественно-публицистические произведения: «Мир и насилие», «Жить не по лжи!» и вот теперь новое: «Образованщина»³. Это не значит, что остальные отвергаю, не значит и наоборот, что в этих трех любимых принимаю всё. Но они мне родные.

А вот этот сборник *в целом* мне чужой, а Вам он наиболее близок, это Ваше любимое дитя.

Но как же в целом он может сделаться близким *мне*, если я — неверующая? Тут ни близости не может быть, ни спора. Верить не умею, не в состоянии, не способна.

Уважаю верующих, завидую им, их стойкости, их мужеству, ненавижу гонителей. Но сама верить — нет. При этом и извинения не имею никакого: не было у меня пионерского детства и безбожной комсомольской юности. В детстве — религиозная, православная и любимая бабушка; лампадка; утренняя... Всё «как у людей», не могу жаловаться. В Куоккале в гимназии учитель Закона Божия был казенный, но в Петрограде мне очень повезло: в гимназии Таганцевой был у нас законоучитель образованный, умный, даже, я сказала бы, мудрый. Потом гимназию закрыли, нас перевели в Тенишевское училище; там Закона Божия уже не было, но весь состав преподавателей сохранился до-революционным, и общим кумиром был человек замечательный, знаток старого Петербурга и старой Москвы, Н.П. Анциферов⁴. Под предлогом открытия Сельскохозяйственной выставки он возил наш класс в Москву; выставку мы глядели 1 день, а остальные 6 — московские храмы, Кремль, Подмосковье. Был Анциферов человеком религиозным, за что его 3 раза и арестовывали, и ссылали. Комсомольцев же, т. е. безбожников, ко дню окончания мною Тенишевского училища, насчитывалось на все сотни учащихся двое... В 24–25 гг. я поступила на литературное отделение государственных курсов при Институте истории искусств; тут комсомольцев было уже человек 20; вели они себя как хунвейбины, неучи, без конца разоблачали профессоров — Тынянова, Эйхенбаума, Жирмунского, а также студентов. О себе в

стенгазете я прочитала таковы слова (помню наизусть до сих пор): «Прежде всего, необходимо освободить Институт от детей тех до-Октябрьских шавок, которым октябрьская колесница отшлепала хвосты»... (До-Октябрьская шавка — это тогда был К.И.)

С чего я ударилась в свою автобиографию? А к тому, что нету моему безбожии или, точнее, моей а-религиозности — обычных оправданий: с детства, мол, меня воспитывали без Бога. Нет. В книге Нейгауза «Об искусстве фортепьянной игры» он употребляет такой термин: «музыкальный кретинизм». Ну, существует, наверное, и религиозный кретинизм, и я — кретинка. Моим любимым другом была Тамара Григорьевна Габбе — религиозная, церковная, православная; любимым поэтом — Ахматова: религиозная, церковная, православная; любимым наставником — Н.П. Анциферов — то же, да еще знаток... Так в моей а-религиозности не повинен никто, кроме меня самой. Не имею права я свалить этот грех на семью или власть. Я такова, вот и всё. Злую силу, царствующую в мире, я чувствую очень остро; Христа же — лишь изредка и только сквозь искусство: Эрмитаж, «Рождественская Звезда», или «Дурные дни» Пастернака, или еще и еще стихи Тютчева, Пушкина, Ахматовой. А Евангелие, страшно сказать, оставляет меня холодной.

Вот какова я — читательница Вашего сборника.

Прочла четырех «молодых»⁵. Все четверо, кроме дара верить, одарены еще и литературным, в особенности Дима. Интересно, взволнованно начата его статья; но я, как дошла до Пятидесятницы, сразу сникла: это письмо НЕ мне.

Если воскрешение России должно совершиться через Церковь, то я счастлива буду воскрешению, но сама останусь на паперти. В Церковь мне дороги нет, мне там всегда неловко, неприятно. Это чужой Дом, чужая святыня. Два раза в неделю, не менее, я — поднимаюсь (теперь пешком, потому что шофера выгнали) на кладбищенскую гору, на могилу К.И., самое для меня дорогое и светлое место на земле. Если я одна — я читаю там вслух стихи Блока, которые он любил. Не ем у, потому что он их не слышит, но это для меня естественный способ духовного единства с ним; читаю те, что он читал при мне в детстве, и те, что читал в больнице, перед смертью («Последнее напутствие»); и вот тут моя церковь, а вот в ту, которая чуть повыше, на вершине пригорка, меня не тянет, и я туда ни с горем ни с радостью не пойду. «Религиозный кретинизм».

На что ж мне отозваться, читая Ваш сборник, прикасаясь к Вашему любимому детищу?

Отзовусь на «Образованщину». У-у-у, как ненавидите Вы интеллигенцию! Заслуженно ли? Заслуженно вполне. Я тоже и ее, и себя в ней ненавижу и презираю, да только я-то и ненавижу ее — люблю и дня без нее прожить не могу, а Вы ее просто ненавидите. Заслуженно ли? Снова спрашиваю я и снова твердо отвечаю: заслуженно. (И добавлю: вполне традиционно.)

К списку ее недостатков и дурных черт я прибавлю еще одну черту, и притом на собственном примере: послереволюционная интеллигенция — образованщина — очень необразованна. Я это испытала на себе, когда встретилась с Ахматовой. Между мною и ею поколение: 17 лет. Я, кроме русского, слегка знаю английский; Ахматова знала французский, английский, итальянский, латынь. Я знаю историю России весьма приблизительно, и толком — лишь один период; она знала ее досконально. Я из русской литературы знаю только поэзию XIX в. и отчасти XX — она XVIII, XIX, XX, а Пушкина — как специалистка. Для нее живы были античность и Библия; для меня — мертвы.

Образованна ли советская образованщина техническая — мне судить трудно; но гуманитарная — совсем не знает ни родного языка, ни родной истории. Вы правы, что интеллигентность не синоним образованности, но я нахожу, что интеллигентность все-таки обязывает к познаниям, а современная образованщина необразованна. Вы правы: ключ ко всему — школа, и не только к интеллигентности, к чувству чести, но и к образованности в самом простом смысле. «Если б я была царицей», я всю ученую интеллигенцию призвала бы к созданию Университета для подготовки учителей и профессоров, которые учили бы тех, кто будет учить в других университетах и готовить, готовить неустанно — учителей для школ. В 9-м классе проходят «Бориса Годунова». Девочка спрашивает, что значит слово «инок»? Учительница отвечает: а это от слова икона. Он молится иконам, и потому его зовут инок... Девочка в 3 классе жалуется: — Марья Петровна, скажите Кольке: он под партой толкается. Учительница отвечает: — А ты лягни его хорошенько, он и перестанет.

Да кому я рассказываю? Вы это всё лучше меня знаете.

Ключ ко всему — школа. Святые Ваши слова.

Теперь уже не взыщите, уж пойду по сборнику вкривь и вкось, потому что читала урывками. Может быть, из этой разбросанности и выйдет какое-нибудь цельное мнение.

Сначала о другом — в одном из Ваших интервью Вы поясняете, что хотя Вы за демократию, но в Советском Союзе демократию необходимо вводить *плавно*, иначе начнется межнациональная резня⁶. Это мысль правильная — хотя и неясно, как именно следует что бы то ни было вводить плавно, если нет основной демократической свободы, т. е. свободы слова, проповеди, объединения братьев по мысли. Не знаю как; но согласна с Вами, что взрыв — за демократию — приведет в нашей стране к межнациональной резне. Значит, взрыва нельзя. Так. Подписываюсь. Но я проглядела, *когда* именно в России началось воспаление национального нерва (узбеки, таджики, украинцы, белорусы — это было всегда), но вот когда в России так воспалился национальный нерв — я (вина моя) не заметила. Я росла, жила, училась, работала (с 16 лет), сидела в тюрьме, была в ссылке, писала книги (которые сейчас мне стыдно читать), влюблялась, выходила замуж, воспитывала Люшу, дважды бежала из Ленинграда, спасаясь от ГПУ-НКВД, дружила с литераторами

и физиками, служила и пр. и т. п. — словом, жила, как все люди моего поколения в России — и не ощущала ни дома, ни в школе, ни в ссылке, ни на работе воспаления национальных нервов. Никогда не приходилось мне задумываться: кто «настоящий» русский, а кто «не настоящий»; о еврействе уж и не говорю: антисемитизм я привыкла считать низостью, ну, чем-то вроде взяточничества, неприличием — и никогда не задумывалась: Шура Любарская (пережившая следствие 37 года, потом блокаду; знаток русского фольклора; потерявшая одного мужа в тюрьме — расстрелян — а второго — на войне; знающая наизусть «Евгения Онегина») — русская она или нет? По паспорту «еврейка», но ведь паспорт — нечто казенное, нечто вроде анкеты, прописки, черт ли в нем? А вот «Евгений Онегин» — это нечто вроде леса или моря — *нашего* леса, *нашего* моря. Память у нас с ней общая — русская память нашего поколения. И вот на моих глазах тысячи Любарских (к счастью, не моя) были загнаны, вбиты в сознание еврейства; их вбили в это сознание сапогами, а также гипнотическими пассажами; иначе как гипнозом и психозом эти теперешние отъезды в Израиль русских людей еврейского происхождения, на чужбину, с тем чтобы изучать там «родной» (!) язык и ходить в «родную» синагогу, я назвать не могу. Некоторые едут в расчете на «сладкую жизнь»; откинем их; не о них речь. Я скорблю о тех, кого русским удалось заставить всерьез вообразить себя «евреями». И не потому скорблю, что «в России без евреев будет скучно», как пишет, кривляясь, Синявский⁷, а потому, что в России дорог каждый порядочный и умелый человек, а тут уезжают тысячи людей, среди которых десятки — драгоценны, без которых разрываются важные для страны внутренние человеческие органически возникшие связи, братские, плодотворные; рвутся узлы — те незримые звенья, которые связывают людей в труде и дружбе и, переплетаясь, образуют ткань культуры... Вы где-то проводите параллель: евреи и немцы; у них, дескать, существуют свои государства, естественно, что они стремятся туда. Параллель ложная. Вы были когда-нибудь в Республике немцев Поволжья? Я была. Провела день. (Удрала из Саратова.) Это другая страна. Там говорили по-немецки. Там по-иному, чем у нас, были вспаханы поля. Иного вкуса хлеб. Это — немцы. Им естественно тянуться к себе, т.е. в ФРГ. А евреи? Быть может, жаль, что они, живя в России, утратили свою национальную самобытность; («нации — цветы человечества»⁸); но они ее *утратили*, это совершившийся факт; и лживым и фальшивым представляется мне внезапное — искусственное — пробуждение в них «национальных» чувств. «Еврейское движение». Не верю. Вы пишете, что если люди чувствуют себя в России чужими, то естественно им уезжать к себе на родину... Да ведь можно устроить так, чтобы и «настоящие русские» почувствовали себя чужими в России, даже если у них в паспорте не стоит пометка «еврей», и их сыновья приняты в ВУЗ, и они сами благополучно служат. Отравить жизнь человеку можно и не классово, и не национально — способов много.

Я к чему говорю о евреях? А вот к чему. Подумайте сами: если поднять как главное знамя демократию, пишете Вы (я утрирую), мы сразу докатимся до межнациональной резни. Переход к демократии, пишете Вы, должен быть постепенный, плавный. Так. Верно. Ну а до чего мы докатимся, выдвигая на первое место национальный вопрос? Мне кажется, до резни. Откуда воспаление национального нерва, снова спрашиваю я. Россию уже века целые никто не угнетал, кроме русских. Мы сами угнетали и угнетаем себя — да и других. С *другими* ясно: справедливость требует отпустить их на волю из-под русского сапога. Россия же, как Вы сами пишете, должна прекратить соваться в чужие дела и заняться своими делами⁹. Одно из своих дел, в частности: гасить, а не накалять «национальный вопрос». В России живут русские; это так же естественно, как то, что во Франции — французы, в Англии — англичане и пр. Нация? Общность языка, общность исторической памяти, запечатленная в языке, в культуре, в обычаях, в чувстве ответственности, в общей боли. Всякая культура (в особенности искусство) *национальны*, и не нарочно, а потому что иными они и быть не могут. Национальную культуру надо беречь, хранить, и созидать, и продолжать; национальный вопрос? в России? А о чем, собственно, спрашивает тот, кто его задает?¹⁰ Мне совсем неинтересно, поляк ли Мстислав Ростропович или русский, и в котором поколении; вопрос для меня один: как сделать так, чтобы ему вольно дышалось и игралось в России, а не в Америке.

Но Вы ощущаете нацию как некое «мистическое единство...»¹¹. Чуть дело доходит до мистики — вступает в силу мой религиозный кретинизм. Я перестаю понимать. Для меня что Вы, что Саша Горлов¹² — оба русские, хотя он по паспорту еврей. Он мой сын, сын России, и мне стыдно, что я так низкомерно с ним обошлась.

(Я, заметьте, против отъездов, но только я рассматриваю их внешнеационально). Шафаревич пишет: уезжающие сдались, не выдержали¹³. Правильно. Однако я не чувствую себя вправе осуждать их, потому что я ведь их не защитила... Я — родина — выронила своих сыновей из рук, не спасла. Вправе ли я буду осудить Марченко¹⁴, если, когда с него снимут наручники (его в наручниках приводили в суд!), он уедет? Нет, я вправе только плакать. И так называемых «евреев» я тоже не вправе корить; никто не обязан выносить организованное хамство «сверху» и стихийное «снизу», а я опять-таки не защитила их от «гипнотических сеансов», доводящих русских людей еврейского происхождения до шестиконечной звезды, ОВИРа и «репатриации» на родину, которая им такая же родина, как Португалия. Теперь они зубрят «иврит», а почему не португальский? В 40 лет учатся говорить «папа» и «мама» на «родном» языке. Самообман, фальшь, ложь.

Иду вразброд. «От составителя» — Ваша вещь, разумеется, написана великолепно. Читаю конец¹⁵ и думаю о Герцене (такова я, он всегда возле),

словá его об истории: «я работаю в ней, она работает через меня, мною» (цитирую по памяти).

Теперь терминология в статье «На возврате» и пр. Я согласна, что термин «сталинизм» не годится, потому что особого учения Сталин не создал¹⁶, он продолжал Ленина и в теории, и на практике. Но я употребляю термин «сталинщина» (махровость явления). Сталинизм — продолжение ленинизма, а сталинщина — пышный расцвет на практике их общей теории. Ленин жестоко подавлял крестьянские восстания в Сибири и на Тамбовщине, а Сталин провел коллективизацию по всей стране, т. е. выселил десятки миллионов крестьян, а не сотни тысяч. Ленин стрелял в горожан и высылал их; а Сталин миллионы горожан переселил на Колыму. Вот это — этот пышный цветок, это превращение сотен тысяч в миллионы, этот пик террора я и называю сталинщиной. Таких вершин террора было несколько при Сталине. (При Ленине — не тот размах.) Вы утверждаете, будто 37–38 гг. отличались от других вершин террора только тем, что Сталин сажал в эти годы более всего партийных деятелей. Убеждена, что статистика Вашего утверждения не подтвердит. Действительно, в 37–38 гг. сажали и крупных партийцев, они окрашивали поток, но поток был так огромен, что они составляли разве что $\frac{1}{10}$. (И между прочим, права я или нет, зачем Вы пишете «пресловутый 37 год»? Чтобы оскорбить жен и детей? Герцен был человечнее Вас, он писал: «Чья бы ни лилась кровь, где-нибудь льются слезы»¹⁷.) Я пережила в Ленинграде и 34–35 и 37–38; я свидетельствую, что в пресловутом 37–38 гг. погибали тысячи тысяч рядовых советских горожан, а вовсе не только руководители партии. Могла ли бы Ахматова написать:

Это было, когда улыбался
Только мертвый, бесчувствию рад,
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград...¹⁸

Чтобы многомиллионный город болтался как привесок возле своих тюрем, нужен «пресловутый 37» (даже убийство Кирова не идет в сравнение¹⁹ — ни по количеству жертв, ни по «манерам» карателей). У меня гибли близкие во все годы, могу сравнивать. Убийство Кирова было поджогом Рейхстага — началом восхождения на Альпы. Очень картинная постановка: я помню грузовики, которыми были заставлены переулки; я помню убийцу, шедшего за гробом убитого под звук шопеновского марша; я помню, что было дальше в моем городе... Эшелоны дворян (т. е. стариков), отправляемых под Караганду; в газетах — списки расстрелянных (десятки или сотни); тысячи арестованных, среди них Р.Р. Васильева²⁰, наш друг (потом погибла при операции «кирпичный завод», в лагере — расстрелы Кашкетова²¹). Так вот: мы собирали для нее теплые вещи; нам (не родственникам! редакторам!)

давали с ней свидания; мы могли опекать ее сына; мы с ней переписывались (до кануна ее гибели, до 37-го). А в 37? Какие там списки, какие свидания, кому — с кем, какие передачи вещей, какие письма! Сутками (толпами) стояли в очередях, чтобы на минуту подойти к окошечку и услышать оттуда рык: «не числится», «выбыл», «обратитесь в прокуратуру»... А в прокуратуре лежали на ступенях лестницы (жены, сестры); нет места, куда ногу поставить... В 35 г. Анне Андреевне удалось, передав письмо в Кремль, спасти Леву и Пунина — сына и мужа; в 35 г. Корнею Ивановичу удалось спасти (сняли телеграммой с эшелона уже в пути) чету Пыпиных, он объяснил в Смольном, что они — родственники Чернышевского²²; а в 37! Кто только ни хлопотал о моем муже!²³ Иоффе; Фок; физики Мандельштам и Тамм²⁴; Маршак; Чуковский — не только не удалось спасти, даже вещей не удалось передать, при всех-то связях. Потому что поток 37–38 гг. был многодесятковмиллионный, а Вы утверждаете, будто тогда сажали по преимуществу крупных членов партии... Да откуда их было столько набрать? Это то же, что заявить, будто во времена «пресловутой» коллективизации сажали одних лишь председателей сельсоветов... А ведь выселяли целые деревни, целую Россию, как знаете Вы, лучше, чем я. <...> И тут снова иду к «Образованщине». Здорово надавали Вы по щекам, исхлестали интеллигенцию нашу. По заслугам. Что поделаешь! Я к ней принадлежу, я — малая частица ее, и все пощечины принимаю и защищать(ся) не берусь... Отмечу некоторые неточности. Вы пишете, что отчужденность от народа образованщина (в прошлом — интеллигенция) почувствовала в 40-х гг. нашего века и отчужденность все растет. О нет, еще Баратынский писал — узнала с юности и выучила наизусть — «Россия для нас *необитаема*, и наш бескорыстный труд докажет *высокую моральность мышления*»²⁵. И Некрасов:

Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал²⁶.

Кто из русских писателей — и интеллигентов простых, рядовых, — не прожил жизнь в ощущении своего родства и отчужденности: вместе, одновременно, зараз? Чехов попытался понять интеллигенцию так: «Лучшее, что каждый из нас делает, есть дело народное»²⁷. (Это мне близко.) Глеб Успенский, говоря о хождении в народ, написал: «Не суйся»...²⁸ И он конечно был прав: где уж интеллигентам соваться... Класс не класс, слой не слой, ничтожество, дослужившееся до бранной клички. И если я продолжаю верить в Россию и в интеллигенцию (образованщину), то это только потому, что любовь слепа. <...>

Обнимаю Вас. Простите сумбур.

Ваша Л.Ч.

Лекарство, посланное Алей, не дошло. <...>

¹ В первые месяцы после высылки Солженицына от него и к нему приходили открытки по почте, но довольно быстро их перестали доставлять, и почтовая переписка была оборвана. Солженицын писал: «С конца 1974, после выхода “Из-под глыб”, открытую почту нам Москва обрнула в оба конца (ни даже открытки ко дню рождения ребёнка не пропускает)» (*БТД*. Невидимки. Очерк 9. С. 506).

² Имеется в виду сборник «Из-под глыб».

³ «*Мир и насилие*» (см.: *Публицистика*. Т. 1. С. 138–147). Статья написана летом 1973 года, в сентябре напечатана в ряде русских эмигрантских изданий и ведущих западных газет («Нью-Йорк таймс», «Нойе цюрхер цайтунг», «Афтенпостен»). Солженицын завершил статью выдвиганием А.Д. Сахарова на Нобелевскую премию мира: «Пользуясь правом нобелевского лауреата выдвигать кандидатов на нобелевские премии и не имея возможности обратиться к Нобелевскому комитету иначе как посредством этой статьи... я прошу считать эти мои строки формальным выдвиганием Андрея Дмитриевича Сахарова в кандидаты на присуждение Нобелевской премии мира 1973 года» (Там же. С. 147).

«*Жить не по лжи!*» (*Публицистика*. Т. 1. С. 187–192). Призыв к соотечественникам, написан в 1973-м, обнародован 13 февраля 1974 года, на следующий день после ареста Солженицына.

«*Образованщина*» (*Публицистика*. Т. 1. С. 87–132) — одна из трех статей Солженицына, написанных для сборника «Из-под глыб». Завершена в феврале 1974 года, опубликована в ноябре того же года.

⁴ *Анциферов* Николай Павлович (1889–1958), преподаватель в Тенишевском училище, культуролог, автор работ по истории Петербурга, в 1930-е годы — заключенный на Соловках.

⁵ ...*четырёх «молодых»*. — Речь идет о выступлении историков Бориса Михайлова, Евгения Барабанова, Льва Регельсона и Вадима Борисова в поддержку публикации «Архипелага ГУЛАГа». Их статьи распространялись в Самиздате и были опубликованы в сб. «Жить не по лжи» (см. примеч. 15 к письму 5).

⁶ Солженицына удивляет, что даже не рассматривается «допустимость и реальность какого-нибудь иного пути развития нашей страны, кроме внезапного (и необъяснимо откуда) наступления полной демократии... Мне фальшиво приписано вместо сомнений о внезапном введении демократии в сегодняшнем СССР — полное отвращение к демократии вообще. [Нужно помнить] о величайшей опасности *межнациональных войн*» (Сахаров и критика «Письма вождям» // *Публицистика*. Т. 1. С. 218). «И если Россия веками привычно жила в авторитарных системах, а в демократической за 8 месяцев 1917 года потерпела такое крушение, то, может быть, — я не утверждаю это, лишь спрашиваю, — может быть, следует признать, что эволюционное развитие нашей страны... будет для неё естественней, плавнее, безболезненней?» (На возврате дыхания и сознания // *Публицистика*. Т. 1. С. 47).

⁷ А.Д. Сиянский пишет: «Как же без евреев? Это скучно будет» (*Терц* А. Литературный процесс в России // *Континент*. 1974. № 1. С. 183).

⁸ Вероятно, Л.К. Чуковская имеет в виду известное высказывание Солженицына в «Нобелевской лекции»: «Нации — это богатство человечества» (*Публицистика*. Т. 1. С. 16).

⁹ ...прекратить соваться в чужие дела и заняться своими делами. — В статье «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» Солженицын писал: «Надо перестать выбегать на улицу на всякую драку, но целомудренно уйти в свой дом» (*Публицистика*. Т. 1. С. 84). В «Письме вождям Советского Союза»: «Достало бы нам наших сил, ума и сердца на устройство нашего собственного дома, где уж нам заниматься всею планетой. <...> Потребности внутреннего развития несравненно важнее для нас как народа, чем потребности внешнего расширения силы. <...> И мы не смеем изобретать интернациональных задач и платить по ним, пока наш народ в таком нравственном разорении и пока мы считаем себя его сыновьями» (Там же. С. 166, 173).

¹⁰ ...национальный в о п р о с ? в России? А о чем, собственно, спрашивает тот, кто его задает? — Отвечая А.Д. Сахарову, Солженицын пишет: «Можно было бы искать загадку во всеобщей путанице терминов: империализм, нетерпимый шовинизм, надменный национализм и скромный патриотизм (любовь-служение своей нации и стране с откровенным раскаянием в её грехах...). Но кто хорошо знает нынешнюю обстановку в советской общественной среде, тот согласится, что дело — не в путанице терминов, а в исключительной накалённости чувств. Когда в нобелевской лекции я сказал в самом общем виде: «*Нации — это богатство человечества, это — обобщённые личности его, самая малая из них несёт свои особые краски, таит в себе особую грань Божьего замысла*», — это было воспринято всеобщее-одобрительно: всем приятный общий реверанс. Но едва я сделал вывод, что это относится также и к русскому народу, что также и он имеет право на национальное самосознание, на национальное возрождение после жесточайшей духовной болезни, — это было с яростью объявлено великодержавным национализмом. Такова горячность... широкого слоя в образованном классе» (Сахаров и критика «Письма вождям» // *Публицистика*. Т. 1. С. 219–220).

¹¹ В сборнике «Из-под глыб» Солженицын пишет о нациях: «Тот, кто оценивает существование наций наиболее высоко, кто видит в них не временный плод социальных формаций, но сложный, яркий, неповторимый и не людьми изобретенный организм, — тот признаёт за нациями и полноту духовной жизни, полноту взлётов и падений, диапазон между святостью и злодейством (хотя бы крайние точки достигались лишь отдельными личностями). <...> Между личностью и нацией сходство самое глубокое — в мистической природе нерукотворности той и другой» (Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // *Публицистика*. Т. 1. С. 53–54).

¹² Горлов Александр Моисеевич (р. 1931), инженер, друг семьи Солженицыных. В августе 1971 года случайно стал свидетелем обыска, производимого сотрудниками КГБ в пустующем садовом домике Солженицына. Его избивали, потребовали подписку о неразглашении, в ответ на отказ пригрозили серьезными неприятностями (см.: Солженицын А. Открытое письмо министру Госбезопасности СССР Андропову // *БТД*. Приложение 19. С. 634–635; Горлов А.М. Случай на даче. Paris: YMCA-Press, 1977). Горлову не дали защитить докторскую диссертацию, лишили работы и в 1975-м он вынужден был эмигрировать. Живет в Бостоне, профессор Северо-Восточного университета (Northeastern university).

¹³ На пресс-конференции, состоявшейся в Москве 14 ноября 1974 года в связи с выходом сборника «Из-под глыб» (см. примеч. 7 к письму 11), И.Р. Шафаревич затронул, в частности, проблему «эмиграции культуры»: «Добровольно уехавшие деятели русской культуры просто не выдержали давления <...> у них не оказалось достаточных духовных ценностей, которые могли бы перевесить угрозу испытаний, — конечно, тяжелых, но вполне доступных человеческим силам, как показали многочисленные примеры»

(*Шафаревич И.* О сборнике «Из-под глыб» // *Русская мысль.* 1975. 9 янв. № 3033. С. 4; см. также: Две пресс-конференции: К сборнику «Из-под глыб». YMCA-Press, 1975. С. 16). Мнение И.Р. Шафаревича вызвало полемику, ему отвечали Ю.М. Даниэль, М.Л. Ростропович (*Русская мысль.* 1975. 6 февр. № 3037. С. 2; 1975. 13 марта. № 3042. С. 1–2).

¹⁴ *Марченко* Анатолий Тихонович (1938–1986), правозащитник, политзаключенный, автор книги «Мои показания» (1967). В 1986 году Марченко умер в тюрьме, не сняв свою голодовку с требованием освободить политзаключенных, хотя ему и предлагали уехать за границу.

¹⁵ «От составителя»... ~ *Читаю конец...* — Текст «От составителей», предваряющий сборник «Из-под глыб», написан Солженицыным. Заканчивается словами: «Ожидая от истории дара свободы и других даров, мы рискуем никогда их не дожидаться. История — это сами мы, и не минут нам самим взволочить на себя и вынести из глубин ожидаемое так жадно» (Из-под глыб: Сб. ст. Paris: YMCA-Press, 1974. С. 5; То же. М., 1992. С. 3).

¹⁶ Речь идет о статье А. Солженицына «На возврате дыхания и сознания» (см.: *Публицистика.* Т. 1. С. 26–48). В статье автор, в частности, обсуждает термин «сталинизм» в трактовке А.Д. Сахарова (С. 33).

¹⁷ У Герцена: «Какая бы кровь ни текла, где-нибудь текут слезы...» (*Герцен А.И.* Журналисты и террористы // *Герцен.* Т. 16. С. 222).

¹⁸ Строки из «Реквиема» Анны Ахматовой. Л.К. Чуковская цитирует по памяти. В публикациях «Реквиема» печатается «Только мертвый *спокойствию* рад» (курсив наш. — *Е.Ч., Н.С.*).

¹⁹ *Киров* Сергей Миронович (1886–1934), первый секретарь Ленинградского губкома ВКП(б) был застрелен 1 декабря 1934 года в Смольном (Ленинград).

²⁰ *Васильева* Раиса Родионовна (1902–1938), писательница, работала с ленинградской редакцией С.Я. Маршака, ее повесть легла в основу сценария фильма «Подруги», где одной из героинь была сама Р. Васильева.

²¹ ...*расстрелы Кашкетова*... — Кашкетин Ефим Иосифович (1905–1940), лейтенант госбезопасности. О кашкетинских расстрелах на кирпичном заводе в 1938 году рассказано в «Архипелаге...» (Ч. III. Гл. 13).

²² Речь идет о Николае Александровиче Пыпине (1876–1942) и его жене Екатерине Николаевне. В начале 1935 года их выслали из Ленинграда. К.И. деятельно хлопотал о них, ходил в Смольный, написал А.М. Горькому (подробнее см.: *Чуковский К.И.* Дневник. 1922–1935 // *Собр. соч.:* в 15 т. М.: Terra — Книжный клуб, 2006. Т. 12. С. 601). Н.А. Пыпин — историк литературы, сын двоюродного брата Н.Г. Чернышевского А.Н. Пыпина. В результате хлопот Чуковского Пыпиных телеграммой вернули с дороги в Ленинград. Они опасались жить в своей прежней квартире, и туда переехала Л.К. Чуковская. А Пыпины въехали в ее часть квартиры Чуковских.

²³ Муж Л.К. — физик-теоретик Матвей Петрович Бронштейн (1906–1938) был арестован 6 августа 1937-го и расстрелян 18 февраля 1938 года. М.П. Бронштейн — автор многочисленных специальных работ, а также научно-художественных книг: «Солнечное вещество» (1936), «Лучи икс» (1937), «Изобретатели радиотелеграфа» (1936). Его судьбе посвящены воспоминания Лидии Чуковской «Прочерк» (1986).

²⁴ Перечислены известные ученые-физики, академики — *Иоффе* Абрам Федорович (1880–1960), *Фок* Владимир Александрович (1898–1974), *Мандельштам* Леонид Исаакович (1879–1944), *Тамм* Игорь Евгеньевич (1895–1958).

²⁵ Цитата из письма Е.А. Баратынского к И.В. Киреевскому, июнь 1832. Выделено Л.К. Чуковской.

²⁶ Из стихотворения Н.А. Некрасова «Скоро стану добычею тленья...» (1876).

²⁷ Неточная цитата из «Записных книжек» А.П. Чехова: «...лучшее, что мы делаем, есть дело народное!»

²⁸ «*He суйся!*» — название одного из очерков цикла «Крестьянин и крестьянский труд» (1880) писателя-народника Глеба Ивановича Успенского (1843–1902).

14. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

22 сентября 1975. Цюрих

22.9.75

Дорогая Лидия Корнеевна!

Воротясь из своей большой поездки¹, застал Монблан писем. И что теперь делать? В СССР, заботами КГБ, я не знал бича переписки, и то не успевал ничего делать. А что теперь? Начать отвечать — значит, не работать. Отбрал десяток корреспондентов, а остальным не отвечу никогда. Теперь-то, после поездки, и надо работать, вся душа изныла, жизнь утекает, а большая Книга всё впереди. Поэтому не обессудьте, что и Вам коротко, на что отвечу, на что нет. (Ваши письма IX и X — апрельское и июньское — получены. Обо всём частном, о чём Вы просите подтверждения, Аля послала Вам летом.)

В своих выступлениях в Америке пытался я сделать что-то в общем виде и в крупном масштабе². Будут ли последствия — покажет время. Но Запад — и равнодушной, и слабей, и лицемерней, чем мы себе там у нас представляем. И оттого охватывает ужас: что против насильников нет на Земле сил и как бы не пришлось всю эту планету им отдать. Тем более сдавливают сердце от мрачных новостей из Союза, о новых безнаказанных преследованиях, вот и против Вас (взлом московской квартиры, угрозы в Переделкине). Рад бы я был не хлестать образованщину, и вовсе это не выражение ненависти, но негодования: чтоб ей стыдно стало, надо же взбодриться и спасти страну своими руками, а не ждать помощи с Запада. С Запада — передайте кому угодно: помощи *не будет*, этим впору цепляться духовно за нас. Среди некоторых неосознанных предвзятостей в Вашем письме — такая фраза: «в России дорог каждый порядочный и умный человек». Да *везде* они дороги! Только у нас их гораздо больше, чем здесь — и порядочных, и умных, поймите! При этой слабости (хорошо, если не обречённости) Запада я смотрю на еврейскую эмиграцию из СССР в Израиль не так, как Вы... Израиль — один из немногих «орешков» на Западе, один из немногих очагов твёрдости. Возрождение их национальных чувств совсем не «живое», а может быть, имеет всемирно-историческое значение.

Я с большим интересом прочёл Вашу исповедь о «религиозном кретицизме», как Вы выражаетесь. Поучительно и познавательно. Но вот что: *от-*

дельные люди могут быть безупречно-нравственны и без религии, но *целые общества* — никогда. Итак, когда безверие приобретает масштабы национальные или *всеземные* — надеяться больше не на что. «Культура без религии» — XVIII век — и родила сегодняшний безумный мир. Религия совсем не сводится к нравственности и не её единственную имеет целью. Оригинальность России много веков была не только в общине (действительно, жемчужине России; по Би-би-си была недавно тельниковская передача³, как англичанин-этнограф, годами изучав нашу общину, признал, что она ни в чём не уступает английскому парламентаризму), а и в том, что вся психология жизни была пронизана христианством, очень впитали мы его когда-то, — а теперь успешно вытравили из нас. Вы, пишете, «проглядели, когда именно в России началось воспаление национального нерва». А — с *первых* дней революции, вот когда и началось. Я — так с 10-летнего возраста эти все картины и помню. Пишете: «можно устроить так, чтоб и “настоящие русские” чувствовали себя в России чужими». Так *так* оно и *было* устроено с первого же похвата Октябрьской революции. Как пример настроения 1930 года — почитайте развязные и доносительские статьи Бескина (Осипа, их двое) против Клычкова–Клюева–Орешина⁴. Вы правильно пишете: «общая боль» как один из признаков нации. Так вот, *русской боли* не имела все десятилетия ни советская правящая верхушка, ни советская интеллигенция. «Онегин» и берёзки — это, знаете, ещё не вся Россия. А вот как же 15 миллионов мужиков *культурный круг* пропустил — и не заплакал?⁵ А легенда о «чистых светлых 20-х годах»? А бесстрашное глумление Ильфа и Петрова над поверженными? Правильно! — не в том дело, какая кровь течёт, а в том — какая боль перед глазами, я с Вами согласен. Так вот наш культурный круг до революции *страдал* за народ — а после революции *перестал* — и вот этим-то он себя от России и отверг. В годы величайших страданий народа — интеллигенция их не чувствовала и не разделяла, — пока не ударили по ней по самой, тогда схватилась. Ещё задолго до газовых камер Гитлера — у нас умерло 6 миллионов крестьян на Украине — что ж молчали? Не знали? Но ведь о Гитлере же узнали, хотя это дальше и своими глазами никак не увидеть. <...>

Что ж, дорогая Л.К., Вы *мне* объясняете: что такое был 1937 год? Как-нибудь я это знаю. Но Вы сравниваете его с 1935 — вот она и ошибка — характерная и типичная. Я в «Архипелаге» пишу: было три великих потока, три: раскулачивание — 1937 — и послевоенный («итоги войны»). Три, но не один. А когда говорят всё о 37-м, а раскулачивания и послевоенного не услышишь — так вот за то и «пресловутый»: что нельзя им забивать, затирать два остальных. (Что 37-й из одних партийцев состоял — такого нигде в жизни у меня нет. Но так как большинство партийцев попало именно туда, то *партия* *дозволяет* интеллигенции *этот* поток называть и называть. Потому и «пресловутый». А назовите-ка хоть сегодня — послевоенный? Или голод на Украине?) Пре-словутый = чья «слава» обгоняет другие. <...>

Ах, Лидия Корнеевна, в письмах всего не переговоришь, время жмёт за горло. Всё-таки будем надеяться, что ещё увидимся когда-нибудь! Всем сердцем желаю, чтоб не трогали, не разорвали Вашей переделкинской дачи⁶. <...>

Обнимаю Вас сердечно.

Главное — держали бы Ваши глаза!

Ваш А. Солженицын

---

¹ Три месяца, с 28 апреля по 1 августа 1975 года, Солженицын провел в Канаде и Соединенных Штатах: искал место для переселения из Европы, работал в Гуверовском институте при Стэнфордском университете (Калифорния) и в Бахметевском архиве российской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета, ездил на Аляску и в штат Орегон к старообрядцам, посетил толстовскую ферму Александры Львовны Толстой, выступал с речами в Вашингтоне и Нью-Йорке.

² *В своих выступлениях в Америке...* — «Речь в Вашингтоне» 30 июня 1975; «Речь в Нью-Йорке» 9 июля 1975 перед представителями профсоюзов АФТ—КПП; «Речь на приеме в Сенате США» 15 июля 1975 года (см.: *Публицистика*. Т. 1. С. 229–284).

³ *...по Би-би-си была недавно тельниковская передача...* — Тельников Владимир Иванович (1937–1998), переводчик, правозащитник, заключенный. Эмигрировал на Запад и работал на радиостанции Би-би-си.

⁴ Бескин Осип Мартынович (1892–1969), советский литературный критик, выступавший с разгромными статьями «Россеяне» против крестьянских поэтов — Сергея Антоновича Клычкова (1889–1937), Николая Алексеевича Клюева (1884–1937) и Петра Васильевича Орешина (1887–1938). Все они были арестованы и расстреляны в 1937–38 годах.

⁵ Имеется в виду коллективизация (конец 1920-х — начало 30-х), о ней в «Архипелаге ГУЛАГе» глава «Мужичья Чума» (Ч. VI: Ссылка).

⁶ В 1975 году переделкинский дом К.И. Чуковского был взят под охрану государства как памятник истории и культуры местного значения. Л.К. Чуковская опасалась вмешательства государства в деятельность складывающегося музея.

15. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

16–19 ноября 1975. Москва

Дорогой Александр Исаевич. Вот уже недели две, как получила я снова Ваши буковки, такие долгожданные, щедрые, добрые, а отвечаю только сейчас, да и то неизвестно, когда пойдет... Все последнее время я читала Вашу книжку: отрывки из глав¹. А это — мука мученическая для слабо видящих, потому что напечатано еле-еле и на плохой бумаге. Почему так? Вслух же не послушаешь под нашим потолком. Книга необычайная, как всё для меня Ваше. Вы всегда поражаете, берете за горло, от Вас не отвертишься — худож-

ник. Да в соединении с документами. Сразу веришь (и без документов), а в документах своя поэзия (вдобавок к граниту). Каковы пейзажи! И удалась обе женщины вполне, особенно отсутствующая — ее чувствуешь и в отсутствии². И сам!³ Одно могу спросить: о нем — будет ли где юность, детство, — т. е. причины создавшегося характера. Ведь без причины ничего не бывает, особенно ненависть к людям: откуда она в нем зародилась? Детство его у нас совершенно оболгано; материала наверное нет, но как Вы думаете?.. Теперь о мелочах: жену Гришки звали не Зинаида, а *Злата* Ионовна⁴. Это наверняка. О сыне Вы не поминаете (и не надо); но я училась с ним в школе (в 15 лет законченный негодяй), и фамилия у него была почему-то Радомысльский. Может быть, материнская?

(Это я к тому, что проверьте постоянную фамилию отца.) Конечно, Ваш герой не мог думать о Гришкиной жене: Зинка, потому что она была Злата... Это все вздор (я пишу), но на случай. Далее: на стр. 239 слово «сужен» вместо «осужден». Опечатка? Надеюсь, да. Ведь «сужен» по-русски не «судим» или «осужден», а — «суженого на коне не объедешь», сужденного судьбой. Это другое. Может быть, Вы имели в виду — судим.

Забавно: Вы у меня познакомились как-то с сыном Парвуса. Ему сейчас 75 лет, человек прекрасный. Вы его видели минуты 3. Он — незаконный сын, одессит; воспитывался у матери; отца ненавидел...⁵ (Зачем вы обозвали Парвуса «гешефтмахером», это для меня непостижная загадка...) В спор не пускаюсь, потому что все равно никогда не пойму. Для меня — кстати — настоящий русский (интеллигент или крестьянин) — это тот, кто никогда не назовет еврея «гешефтмахер». Да ведь и не точно это: гешефт — слишком мелко для авантюриста столь крупного масштаба... Но это я все в сторону, мельком). <...>

Ух, как я была горда Вами, когда Вы не пошли. Я до этого спорила, и даже пари держала, что Вы не пойдете ни за что. Даже Ваши поклонники уверяли: «пойдет, потому что хочет ему сказать». — Да ведь он уже все сказал, и как! (Я очень люблю оба Ваши длинные выступления⁶, хотя и сознаю свою полную некомпетентность. В данном случае мое суждение равно нулю: я невежда.) Ну вот, но я знала, что Вы не пойдете, знала...⁷ Из-за Вас тут вообще большие споры, и это естественно, так тому и быть. Вы как кочергой размещаете все сердца и головы, это полезно, пусть думают, пусть работают головами и душами. И я слушаю, иногда спорю, но всегда понимаю, у кого где граница понимания и любви. Кто любил Вас, тот и сейчас верит и любит. Статья об интеллигенции — в моих глазах — правда, горькая правда; единственный недостаток: огульность, которая всегда неверна. Недавно я взяла в руки «Русский современник», журнал 24 года (закрыли на 4-м); ух! какая высота (вот «Континенту» бы поучиться!). Перечитываю я и дневники свои (у меня, кроме

«Записок об Анне Ахматовой», сохранились дневники разного времени) нет! огулом русскую интеллигенцию охаять нельзя, несправедливо; а плюху-то она за поведение заслужила: «в общем» это так. Вы поминаете (мне, в письме), что раскулачивания, т. е. гибели 6 миллионов крестьян, интеллигенция не заметила. Так. Срам. Гнусь. Прощения этому нет. Но ведь не с 17 года пошла разлука. Об этой разлуке с XVIII века стон идет, в XIX крик. Недаром «хождение в народ» — значит, откуда-то куда-то надо идти, значит, разлука.

Герцен писал: «Петр таким колом вбил нам просвещение, что нация треснула пополам, да так и осталась врозь»⁸ (цитирую по памяти). И разлука-то была взаимная. В 21 году мы жили в Порховском уезде (Псковской губернии) — бежали туда из Петрограда от голода, и там голодали. А рядом, в деревне Захонье — пироги, и масло, и яйца, и мясо. В 1921 г. расстреляли Гумилева и умер Блок. Для нас это было национальное горе (особенно Блок, как гибель Пушкина); Блок для нас был Бог; а в деревне и имени его не слышали, хотя он из-за веры в Россию и в избы России, утратив в них веру, погиб. Винить крестьян в невежестве нельзя; они неповинны, но каково же и интеллигенции... Ведь и те, кто «принял Октябрь» и пошел «служить большевикам» (ну, кроме швали), пошел, поверив, что вот теперь матросам и солдатам мы расскажем о Пушкине и Достоевском. И когда город вымирал от голода, тифа, испанки — деревне было наплевать (по заслугам). Интеллигенция вовсе не сразу выродилась в образованщину, да и не только из корысти, да и, главное, не вся. И знаете что? Вот позволило бы мне время, я составила бы список *прозаических вещей* нелживых, если брать не писателя целиком, а выбирать у каждого, где он не сдался. Врет Синявский, будто «выплыл один Булгаков»⁹. Да, Булгаковы стадами не плавают; а если дать избранное у Замятина, Зощенко, Добычина, Житкова, Пантелеева, даже Олеси (2 рассказа), даже у прохвоста Ал. Толстого, Бабеля, Горького (воспоминания) — так и проза у нас наберется... Вглядись с любовью: найдешь... А что 37–38 г. стал «пресловутым», оно недаром. Вот Конквест¹⁰ пишет точнее Вас, да, точнее. Рассказав о разгроме всех райкомов и обкомов, о разгроме партии, он кончает главу так: «Если учесть, что на двух руководящих деятелей партии приходилось 10 обыкновенных граждан, то читатель получит представление о том, что в 37–38 творилось в стране»¹¹. Вот это — правда. На двух руководителей — десять обыкновенных граждан. Потому этот год и запомнился, потому и стал, как Вы неуважительно выражаетесь, «пресловутым». Он стал *символом* в с е х годов террора. Вы пишете (мне), что террора 40-х гг. интеллигенция не заметила. Очень даже заметила; молчать у нас еще не значит — не заметить.

Ваш друг Тигр¹² был на Вас в обиде очень давно, Вы сами мне сказали однажды: «Тигр обидчив и ревнив, как женщина». Обида была простая (жен-

ская): «Саня не уделяет мне внимания, он не навестил меня в больнице» и пр. Но тогда обида легко снималась единым Вашим приветливым словом; ведь Вы — главная любовь Тигриной жизни. И он Вам *всегда служил всей душой*, с обожанием (пусть иногда и неудачно). И когда Вас изгнали, пытался быть полезным Вашей семье и на аэродроме рыдал... А от Вас ни разу ему не пришло ни слова. Тут он решил расправиться со своей любовью к Вам. «Идеологию» же под душевную рану подвести нетрудно. Вот он и подвел базу. Я с ним насчет идеологии и Запада спорить не в силах; я невежда; я только понимаю твердо, что «разрядка должна не на улыбках стоять, а на граните, т. е. на общественном контроле над правительством, на свободе слова» (Солженицын)¹³; а Тигр-то ведь во всех оттенках политики разбирается: левые — правые... Но горько на Вас нападает. При мне — я запретила. При мне он молчит. Но мы от этого, конечно, ближе не стали, и с ним видимся все реже, и разговоры все поверхностнее, и я не знаю, что пишет он, а он — что я... С нею лучше¹⁴. <...>

Вы пишете (мне): «Отдельный человек может быть нравственным и без религии, но народу религия *нужна*». Очень уж рациональное рассуждение, не кажется ли Вам? Если я скажу: «нужна влюбленность! Влюбляйтесь!» Правда, влюбленность — цвет человеческих чувств, да ведь не скажешь *нужна*, а либо влюбишься, либо нет... Кончаю — пока. Москва. Как и когда пошло — не имею представления.

16.XI.75. Москва

<...> Мне кто-то пересказал передачу о Вас, будто у Вас депрессия? Может ли быть? Не верю. Думаю, Вы просто отъездили и отговорились и сели за работу. (Который же Узел идет?) Я рада, что Вы «дома», т. е. на месте: значит, работа и большая безопасность; когда Вы ездите, я *боюсь*. Господи, были бы только целы и здоровы. Обнимаю Вас крепко и нежно, благодарю помощников (?) Ваших, хотя они и не нуждаются в благодарности... Думаю, как выросли дети: ведь уже не Игнат, а Степушка бегает, наверное, и говорит... Я всегда с Вами, и сердце падает в переделкинской передней — нет Вас в комнате! — а по переулку в Москве не могу ходить. Будьте здоровы. Не хочу верить, что Вы больны, надеюсь — дипломатически. Умеете ли Вы отдыхать? Надеюсь на Ваш и Алин р а з у м. А здесь «мороз крепчает». А.Д., чистейший, заподозрен в возможности выдать секреты. Скоты. Да ведь если бы хотел — мог бы и отсюда передать, не ездя в Осло¹⁵. Скоты... <...>

Что-то Вы хотели мне сказать, когда собирались ко мне прийти за 2 часа до ареста?

А я говорю одно: будьте здоровы. Всех обнимаю, Вас первого.

19/XI 75

<...> PPS. А насчет дачи Вы пока не беспокойтесь: «взять под охрану» — это не значит отнять, это значит: нельзя перестраивать, надо беречь как памятник культуры... Но вот что будет потом — поглядим.

Насчет депрессии — у Вас — не верю, не верю, не верю. (Может быть, это я себя утешаю...)

---

¹ Речь идет о книге А. Солженицына «Ленин в Цюрихе». В феврале 1975 года Солженицын решает выпустить «ленинские» главы первых трех Узлов «Красного Колеса» отдельной книгой, обгоняя окончание работы над самими Узлами. В книгу вошли 11 глав, 10 из которых относятся к 1916-му и началу 1917 года — периоду, когда Ленин жил в Цюрихе, что и определило название книги. Единственная «ленинская» глава Первого Узла (22-я глава «Августа Четырнадцатого») была написана в 1970-м, но автор не напечатал ее при первой публикации Узла в 1971-м. Семь «ленинских» глав «Октября Шестнадцатого» и три «Марта Семнадцатого» Солженицын писал уже после высылки, летом — осенью 1974-го и в начале 1975 года. Запись в «Дневнике Р-17»: «8 февраля 1975. Что за 2 недели в Sternenberg'e! Как я работал! Сделал все ленинские главы II-го и III-го узлов, 102 страницы. Почти готовы к отдельному печатанию. Так, наверно, и решу». Книга вышла ранней осенью 1975 года (Солженицын А.И. Ленин в Цюрихе: главы. Paris: YMCA-Press, 1975). В опубликованном окончательном тексте «Марта Семнадцатого» — шесть «ленинско-цюрихских глав».

² ...обе женщины... — Н.К. Крупская и И.Ф. Арманд; ...отсутствующая... — И.Ф. Арманд.

³ Т.е. В.И. Ленин.

⁴ Гришка — Г.Е. Зиновьев. Злата Ионовна Лилина (1882–1929), его первая жена.

⁵ Имеется в виду Евгений Александрович Гнедин (1897–1983), дипломат, писатель, просидевший в лагерях больше 15 лет, участник диссидентского движения, автор двух мемуарных книг: «Катастрофа и второе рождение» (1977), «Выход из лабиринта» (1982).

⁶ Т.е.: Речь в Вашингтоне (30 июня 1975) и Речь в Нью-Йорке (9 июля 1975) перед представителями профсоюзов АФТ—КПП. См.: Публицистика. Т. 1. С. 229–279.

⁷ Записи в дневнике Л.К. Чуковской: «23 июля 75. Сердце живят радиосведения об А.И., его речь перед Джексоном и Мини. Господи, какой человек! Форд отказался его принять; потом пригласил — и я уверяла, что А.И. не пойдет. Так и вышло. Не пошел. Умница. Он все сказал в сенате — зачем ему Форд... 12 сентября 75. От классика никаких вестей, кроме радио — громовой речи в Вашингтоне перед профсоюзами. Как я была счастлива и горда, когда он не пошел к Форду — тот колебался, принять ли. “Но не пошла Москва моя”. Я спорила: не пойдет. Не пошел. Не унизил себя и нас» (ОцД. С. 347).

⁸ У Герцена: «Петр I таким клином вбил нам просвещение, что Русь не выдержала и треснула на два слоя» (Герцен А.И. Лишние люди и желчевики // Герцен. Т. 14. С. 318).

⁹ См.: Терц А. Литературный процесс в России // Континент. 1974. № 1. С. 157–158.

¹⁰ Конквест Роберт (р. 1917), американский историк, автор книги «Большой террор: Сталинские чистки 30-х» («The Great terror», 1968).

¹¹ Неточная цитата из русского издания книги Р. Конквеста. У автора: «...на каждого пострадавшего члена партии приходилось 8–10 брошенных за решетку простых граждан» (*Конквест Р. Большой террор / пер. с англ. Л. Владимировой. Firenze: Ed. Aurora, 1974. С. 521 (Гл. 9: Вакханалия)*).

¹² *Тигр* — Лев Зиновьевич Копелев.

¹³ Л.К. Чуковская свободно пересказывает мысль, часто повторяемую Солженицыным в статьях и интервью того времени. Например: «Я всё время подчёркиваю, что подписи наших руководителей не гарантированы решительно ничем, кроме улыбок. Не гарантированы ни общественным мнением, ни общественным контролем, ни прессой, ни парламентом, и в любую минуту их можно зачеркнуть» (Телеинтервью компании NBC: Программа «Встреча с прессой» (13 июля 1975) // *Публицистика. Т. 2. С. 284–291*).

¹⁴ Речь идет о Раисе Давыдовне Орловой, жене Л.З. Копелева.

¹⁵ А.Д. Сахаров был удостоен Нобелевской премии мира, но его не пустили в Осло ее получать.

16. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

29 марта 1976. Цюрих

29.3.76

Милая, дорогая Л.К.!

Стыдно-престыдно бесконечно, что отвечаю на Ваше XI с таким страшным разрывом. А виной тому — конечно не «депрессия» (как Вы могли усумниться! когда я её знал! просто Аля за меня отказала, что я так ушёл в работу, что не поеду по приглашению австрийского Пен-клуба и даже не могу им сам ответить, недоступен — т. е. в работе, — они же истолковали как «депрессию» — раз не еду на дискуссию с Крайским¹ о социализме... «Нойе цюрхер цайтунг» высмеяла их, что они даже забыли, для чего писатель существует). А я — сперва нырнул в работу месяца на 4 совершенно непрерывную (чуть прервись — и вся ткань разорвётся), а потом готовился к новой поездке и боям, и вот ездил выступал по всем телевидениям — английскому, французскому, испанскому и даже (заочно) японскому, да разные интервью газетам, ну и сами же поездки — еле ноги притянул после 5-недельного путешествия². <...>

Эффект от моих выступлений довольно заметный, но жаль на это тратить столько сил, ведь давно не молод, все Узлы — впереди, хочу сейчас замолчать на порядочное время. Отдыхать? — увы, такого слова я с детства не знал, не умел и только в могиле отдохну. Но силы пока Бог даёт, и здоровье.

Архипелаг-III наверно уже до Вас дошёл³. Закончен труд, несмотря на все рытвины по пути! Рад Вашей оценке «Избранных глав»⁴ — оказались они не по росту сегодняшнему литературному вкусу Запада; почти все в недоумении: мол, слишком тонко завязано, нет ясности. Думаю, что только в Союзе их и оценят. Очень понравилось Ваше ожидание, что надо когда-то

и детство показать, ключ ко всему. Верно, и интересно, и надо бы! — но главы I и II Узлов и так утонули в ретроспекциях, надо будет изловчиться где-нибудь попозже. «Злату» учту, хотя в материалах везде «Зина». «Радо-мысльский» — был один из его псевдонимов. В «гешефтмахере» Вы зря почувствовали что-то специфически еврейское, да даже и пренебрежительное к масштабу: я ведь все материалы о Парвусе читал по-немецки, и там совершенно серьёзно употреблялось «geschäftmacher» в смысле «бизнесмен». У нас в XX веке это слово стало ироническим, но в Германии очевидно нет — и бизнесменом не переведёшь, и «деловой человек» вроде неуклюже. «Сужен» я взял из просторечия, надоела однообразность «осуждён», может быть, не имел права. <...>

Рад, что Вы готовите к печати «Записки». Я всегда их очень ценил; читал, Вы помните, заглотом. И жалел, что Вы их частично разодрали для «Ахматовского сборника»⁵, который имеет случайный состав, а у Вас цельность. <...>

Большое впечатление произвело на меня путешествие по Испании (на машине, видел 12–14 городов, сделал кольцо по всей стране, включая Ла-Манчу, и пустынные районы Кастилии, и мавританскую Андалузию, и все места, знаменитые в русской литературе — Севилью, Гранаду, Кórдобу, Гвадалквивир и т. д.). Много было неожиданностей. Специально искал музеев и памятников гражданской войны 1936–39 гг., которую так ярко переживало в юности моё поколение, — и почти ничего не нашёл, кроме знаменитого толедского Альказара (где республиканцы шантажировали коменданта крепости убийством его сына — и он отдал сына на расстрел, а крепость удержал). Почему же нет ликующих памятников, полотен и музеев, как у нас везде? Оказывается, политика Франко была: «наши противники тоже воевали за Испанию, как они её понимали», — и трупы погибших *вместе* похоронены в Долине Павших, и над ними ежеутренне служитя *общая* панихида, каждый день по провинции. (Сравните: у нас бы «псов-белогвардейцев» могли бы хоронить и почитать рядом с «красными героями»?) Под впечатлением этого я сказал по испанскому телевидению: «у вас после гражданской войны победило христианское мировоззрение на неё, у нас — коммунистическая идеология»⁶. Западная пресса с её слонячьей тонкостью (вы не представляете, до какой грубости довела массовизация, а ничтожные публицисты всё хвастаются своей «сложностью» и «тонкостью») передала так: «У вас христианство оружием победило коммунизм» — и начались толкования. Второе поразительное — сама страна: безводная, малоплодная, жестокая к людям, пустынная во многих местах. Третье и главное — сам народ, и его неожиданное сходство *во многих чертах...* с русскими! (это — при полном физическом несходстве). Да ещё и странные параллели в нашей истории: отстоянье независимой Европы с двух сторон, встреча культур на тихоокеанском побережье Америки, устоянье против Наполеона, крупнейшие гражданские войны XX века... Много бы и с удовольствием написал Вам об этой неожиданной

русско-испанской параллели (видно, чувствовала её наша литература и музыка!..) — но совершенно задыхаюсь со временем⁷.

Во всяком случае, материал даёт много размышлений об индивидуальности национальных характеров, о том, как яркая индивидуальность нации развивает индивидуальности личностей — и горе последним, когда они теряют первую (как многие эмигрантские дети) — они теряют много в душевном рельефе, плоскуют. <...> Мы — пленники здесь на Западе, временные бродяги (хоть и на 50 лет), а родина наша — Россия, и многие усилия кладём, чтобы дети определились как русские, прежде чем забарахтаться в иностранном море. (Ермолая не отпускаю в детский сад, и пока не учим никакому языку, вопреки законам.) И у каждой нации так, и счастье, что ещё пока так...

Увы, дорогая Лидия Корнеевна, надо кончать. Мысленно представляю Вас не на городской квартире, а всё в Перedelкино, и с Вашей сердечностью там, и с Вашими тревогами о судьбе дома. Одно могу сказать: дай Бог, чтоб сохранилось всё цело, а ценой какого ремонта или административных изменений — мне отсюда не разглядеть. Тепло и благодарно вспоминаю и времена Корнея Ивановича, но особенно — наши с Вами там последние зимние месяцы.

Сердечно обнимаю Вас!

Прежде всего — глаз, глаз и общего здоровья!

Ваш А. Солженицын

[Приписка рукой Л.К. Чуковской:] «Кл<ассик> 29/III 76; дошло — в начале июля».

---

¹ Крайский Бруно (1911–1990), федеральный канцлер Австрии в 1970–1983, председатель Социалистической партии Австрии (СПА) в 1967–1983 годах.

² Во второй половине февраля 1976 года А.И. Солженицын поехал в Англию, оттуда в начале марта — во Францию, в середине марта — недельная поездка по Испании, за это время он дал девять теле-, радио- и газетных интервью и провел несколько бесед (см.: *Публицистика*. Т. 1 и 2).

³ Имеется в виду издание: *Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ*. Paris: YMCA-Press, 1975. Т. 3.

⁴ Имеется в виду книга «Ленин в Цюрихе» (см. также примеч. 1 к письму 15).

⁵ *Ахматовский сборник* — Памяти А.А. Ахматовой: Стихи, письма, воспоминания. Париж: YMCA-Press, 1974. В сборник вошли стихотворения Анны Ахматовой, не напечатанные в СССР, отрывок из книги Лидии Чуковской «Записки об Анне Ахматовой», а также стихи, посвященные Ахматовой.

⁶ *Солженицын А.И.* Выступление по испанскому телевидению (Мадрид, 20 марта 1976) // *Публицистика*. Т. 2. С. 451.

⁷ Подробнее о поездке в Испанию см.: *Зёрнышко-11*. Ч. 1. Гл. 3: Ещё год перекаати. С. 143–152.

26.12.74

Дорогая Людмила Карнеевна! Вас, наверное, изумляет мое молчание
в лучшем случае Вы одерживаете его тем, что превратиле наши канавы.
С канавами, действительно, очень плохо, и не знаю, как будет дальше, и
когда, например, достигнет Вас вот это письмо. Но в первых письмах
за всю осень если написал 3-4, то это много. Только сейчас моя
написано Вам с тремя и две три — единственными во всем мире, дого
ны никому! — новаторские предложения. Я раньше всегда считал, что
мое время упущено до предела — как бы не так! — только в эту осень
и 13 мая. Люди как ослепшими, специально след в вояжах, куда ре-
гано лажки правдоподобных приемы или сабвато индентов,
годы только меня "увидел на полосу" или выйдя со мной
в какую-то сеть или вояжов меня в каком-нибудь какавине,
макт и имен подпертой или передевать. Неудачи не упол-
кают (ради насильно его вояжов люди вояжов меня), потому вояжов
предельно телеграмми, распространяют когда не упущивает, и во
позднее, ввезде (везде ведь же ввезде же!), а вк, до вояжов
важ, ввгде классическая работа невозможна. Наслали мне давшие
такого книг, и у них заар на гербаке (не смею думать), начинаю
Звоню и вояжов, вояж и вояжов. У вояжов мне след
фотываюте Двасев, советев, вояж, перываю, ками-то материяю
вояжов; Едрата хаяте аларате меня живаюте ввезде с воя-
мно и кми ками, и ввояжов ми услив ми все вояжовте,
звоню я милево не писал, вояж аввояжов (у какаво в сумме
4-5 книг). В вояжов по осени я вояжов тем сакал, это жем в
заях — и подалу писал. Когда же с осени я решил все таки
узнать, в каком состоянии мои переводческие и издательские
дела, я пришел в вояж. За все те годы, что меня ввояжов КГБ
здесь вояжов медаповосовных ввояжов какакви маю книги,
халутно переводили, свывовали неравноправными подвояжи
Фрима, скажи, и аввояжоввали, кто вояжов по вояжовте
ввояжов я вояжов я вояжов ввояжов с вояжовте, и вояжов вояжов
аввояжовте и вояжовте (вояжов на "Архипетий" все хаяте по воя-
вояжов и не вояжоввал в вояжовте) — и парум ввояжовте
мывових ввояжовте ввояжовте ввояжовте (вояжов). А вояжовте
еще много привояжов заммывовте, жов аввояжовте в вояжовте
и вояжовте? На аввояжовте, например, жем ввояжовте жем (кр-
ме "Марьяна Двора" и ввояжовте), все жем. Но вояжовте
перывовте я же вояжовте ввояжовте у вояжовте ввояжовте права
на свои книги! Ввояжовте вояжовте за ввояжовте — ввояжовте
свухастов, рас вояжовте (тем какакви, как ввояжовте КГБ ма-
шима для вояжовте "привояжовте"), ввояжовте ввояжовте
жем ввояжовте ввояжовте и вояжовте ввояжовте. — Если ввояжовте

Письмо А.И. Солженицына к Л.К. Чуковской. 26 декабря 1974. Цюрих.

Первая из четырех страниц. Папиросная бумага. 21×15 см. Шариковая ручка

Архив А.И. Солженицына

Р. С. Думала, охотница : неуж. Витала подвою и
 нашу, потому что пишется внутри. А где Вас
 утешит слово - простите изнутри, а не обидитесь.

И все по повелю Вашего, письма к : Конечно Вы
 правы, что не следует петь в душе моря и океана,
 что петь у нас, России, интересы ни на Кубе, ни в
 Вьетнаме, что надо повернуться вглубь : к шкатулке, к ве-
 щам, к семье, к восстановлению традиций (где они
 еще есть). Но не только к земле, а и к воздуху, в.е.
 русская культура не только держалась, а и в
 германской (Петербург - Ленинград). Развивать город во
 будущее не следует, но и архитектуровать его - искусствен-
 ный... Теперь о шкатулке, о вещах. Это наверно самое
 важное и сурь. Но как же строить шкалу бытия и тем-
 пературы? А иная температура и антикратия ванда
 несомненно; антикратия ее ванда померзает -
 слава покровительскую или западнорусскую, все равно. Ни-
 какой Тресни слава покровитель (крепко предаваться). Со
 слава покровительская тоже неблагоприятно : от
 красавицы в любви к своему народу, у них
 браки свои тех в любви к бесовским делам
 влюбил в бесовские, но как только дело
 доходит до чужих дорог, они духи и
 кровавы : Демь» Иван Аксаков подтверди-
 вал Муравьева Виталия, думавшего поехать, како-
 раз в 1863 году всеюмо вилла

О нас писать скучно. Все тот же смрад. Костя вряд ли выживет, и не знаешь, чего желать⁵. В квартире Льва вторично выбили стекла⁶. Мустафа снова голодает⁷. Мы почти не получаем писем; много шантажных. Я была в Ленинграде (наконец! наконец!); там, где я остановилась, мгновенно выключили телефон. Ходили за мной по пятам. Здесь как-то недавно моя приятельница остановила машину на шоссе (из Переделкина в Москву), в машине — адмирал, наш сосед. Она заговорила о позорном состоянии дачи К.И., об истории муз[ея], об экскурсиях и пр. Он ей: «У вас информация неверна. Там жил Солженицын и давал пресс-конференции иностранцам. Теперь там живет эта Л и д и я. Никаких экскурсий нет, она принимает только иностранцев. В благодарность за клевету они отремонтировали ей дачу. *Весь этаж, где жил К.И. Чуковский, снесен, и там нет ни одной его вещи.* Они ей построили гараж на 2 новые машины. Она с ними выпивает». Конечно, это все выдумал не данный охламон: таковы, наверное, инструктажи... Моя приятельница предложила ему самому прийти и взглянуть, в каком виде дача, сохранен ли этаж, книги, вещи К.И. Чуковского, сделан ли ремонт, каков гараж... «Не пойду ни за что!» — гордо ответил адмирал.

Я послала как-то для Вашего Мити 2 книжки моего мужа: «Солнечное вещество» и «Лучи икс»⁸. Не знаю, получены ли. Не знаю, получены ли и письма мои. Не знаю, где Вы... У меня вышла в Америке книжка «Открытое слово»⁹ — я просила послать ее Вам — не знаю, дошла ли. В «Континенте» № 7 напечатана моя заметка об ахматовских строфах из «Поэмы без героя» — видели ли Вы?¹⁰ (Когда-то я читала их Вам у нас во дворе.) Видели ли «Иванькиаду» Войновича с Люшиным приложением о «Чукоккале»?¹¹ Читали ли Вы мое «письмо» — «Лицо бесчеловечья» — о суде над Мустафой и Дворянским¹²; оно неудачное, но мне хотелось попытаться спасти Дворянского. (Сведений нет.) Скоро, кажется, выйдет I том моих «Записок об Анне Ахматовой», но уж не чаю дождаться. Работаю из последних (нет, предпоследних) сил над II томом «Записок об Анне Ахматовой» и параллельно над ответом Надежде Яковлевне, который превращается не то в книгу об Ахматовой, не то в «Былое и думы»¹³. Вообще же, глаза очень подводят.

Как у Вас сказано о двух нациях, о разъединении, об орангутангах; как — одной строкой! — об истории России; как... ну без конца. Какие главы «Поэзия под камнем», «Мужичья Чума», «40 дней Кенгира», «Освобождение»¹⁴ — нет, все главы какие! Каждый человек на этой планете должен прочесть Вашу книгу¹⁵.

А Вам я желаю (Вам и себе и всем) счастливой, вдохновенной непрерываемой работы над романом, и счастливого роста сыновей и Алиного счастья, и навсегда благодарю. Обнимаю Вас. Еще обнимаю.

Холод, дожди, лета нет.

ЛЧ
14/VI 76

---

¹ Экземпляры «Архипелага...» с трудом просачивались через советскую границу, их провозили дипломаты или рискующие многим наши граждане.

² Об этой статье Л. Чуковской см. примеч. 3 к письму 2.

³ В 1862 году в отсутствие Толстого в Ясной Поляне был произведен обыск (искали тайную типографию).

⁴ Гусев Николай Николаевич (1882–1967), историк литературы, личный секретарь и биограф Л.Н. Толстого, мемуарист. В 1909 году Н.Н. Гусев был арестован по обвинению в революционной пропаганде и распространении запрещенных книг. С 1909 по 1911 год находился в ссылке в с. Корепино Чердынского уезда Пермской губернии.

⁵ Костя — Константин Петрович Богатырев (1925–1976), переводчик Рильке, друг Генриха Бёлля. В апреле 1976 года Богатырев был жестоко избит в подъезде своего дома, после чего мучительно умирал в больнице в течение полутора месяцев.

⁶ Речь идет о Льеви Зиновьевиче Копелеве. Побуждая его к отъезду, КГБ разнообразно портил ему жизнь: отключали телефон, разбивали окна в его квартире на первом этаже.

⁷ Мустафа Джемилев (р. 1933), лидер движения за права крымских татар.

⁸ См. примеч. 23 к письму 13. После реабилитации М.П. Бронштейна (1957) были переизданы его научно-художественные книги: Солнечное вещество / предисл. Л.Д. Ландау, послесл. А.И. Шальникова. М.: Детгиз, 1959; Лучи икс. М.: Малыш, 1965.

⁹ Чуковская Л. Открытое слово. Нью-Йорк: Хроника, 1976.

¹⁰ Чуковская Л. Полумертвая и немая: (Автограф пропущенных строк) // Континент. 1976. № 7. С. 430–436.

¹¹ Упомянуто письмо Е.Ц. Чуковской к В.Н. Войновичу с рассказом о том, как его герой С.С. Иванько, главный редактор художественной редакции Комитета по печати, сорвал издание «Чукоккалы» (см.: Письмо Е.Ц. Чуковской: Приложение // Войнович В.Н. Иванькиада. Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру. Ann Arbor: Ardis, 1976. С. 107–112).

¹² Л.К. Чуковская написала открытое письмо «Лицо бесчеловечья» о повторном суде над Мустафой Джемилевым в Омске 14 апреля 1976 года (см.: Континент. 1976. № 10. Специальное приложение; Хроника защиты прав в СССР. 1976. Вып. 20–21 или URL: <http://www.chukfamily.ru/>). См. также: Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978. Новый срок Джемилеву присудили за антисоветские разговоры, которые он, по показаниям Дворянского, вел в лагере. Но на суде Дворянский от своих показаний отказался, и за это его привлекли к уголовной ответственности.

¹³ См.: Чуковская Л. Дом поэта. М.: Время, 2012. Надежда Яковлевна — Н.Я. Мандельштам.

¹⁴ Главы под таким названием в т. III нет. Вероятно, подразумевается глава «Кончив срок».

¹⁵ Запись в дневнике Л.К. Чуковской: «9 мая 76. Сейчас я купаюсь в океане благоуханной русской речи: читаю III том. Перед этим все мелко. Это книга книг. “Игру эту боги затеяли”. Тут, в этом жанре (“научно-художественном”, как говорил и писал когда-

то Маршак), он не сравним ни с кем и бесспорен, вне зависимости от ошибок мыслей и обобщений. (Завирается насчет XIX века.) Читаю с наслаждением как великое совершенство. В его языке (когда он работает не по Далю) есть нечто ахматовское, пушкинское — мощь. И какой гениальный путь — путь *гениального* человека, которому всё по плечу: и книга, и жизнь. М. б., третий том самый сильный» (*ОцД.* С. 350).

18. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

25 января 1977. Вермонт

25.1.77

Дорогая Лидия Корнеевна!

Я слышал — Вы болеете. Душевно желаю Вам — держаться!

Сердечно прошу Вас простить меня за долгое молчание: уменьшается сил — и все их собираю, в отчаянной попытке выполнить хоть часть своей жизненной задачи. Ваша борьба с болезнями и худым зрением — всегда для меня образец: уж в таком-то состоянии — да так работать!

Очень рад, что наконец — Ваши полные воспоминания об Ахматовой!¹ В «Сборнике»² досадно было видеть отрывки.

Достаточно ли крупно я сейчас пишу, разбираете ли Вы меня?

Растроган глубоко Вашими строками о III «Архипелаге». С таким сердцем и у нас-то в стране не многие воспринимают, а здесь — здесь я вообще удивляюсь, что хоть что-то поняли (ещё ведь и переводы посредственные или плохие). Говоря по-архипелажному — здесь мир небитых фреев и жить между ними ужасно тоскливо, просто отчаянно! Старый Свет, Новый Свет — не знаешь, где хуже. К этому обществу формальной свободы и существенно-бессердечия мне, да и многим нам, привыкнуть совершенно невозможно. Живём — как не живём, а только: когда вернёмся? Вот этот камень, на котором я сижу с сыновьями, они знают — есть заколдованный крылатый конь, и ночами он слегка дышит, как дышит Россия, а как только Россия полностью вздохнёт — так конь расколдуется, и мы на нём полетим на родину. Ложась вечером, ребята просят: а ты ночью проверь — дышит?³

Люблю Вас, обнимаю, не сердитесь на редкость и краткость моих писем!

Живём мы в страшное время (здесь — тоже страшное, по-другому) — даст Бог, кто-то из нас доживёт до лучшего.

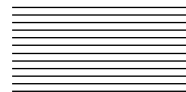
Ваш А. Солженицын

---

¹ В 1976 году в издательстве «УМСА-Press» вышел первый том «Записок об Анне Ахматовой» (1938–1941).

² Речь идет о сборнике «Памяти А.А. Ахматовой» (см. примеч. 5 к письму 16).

³ К письму приложена фотография с этим камнем, на котором сидят А.И. Солженицын и трое его маленьких сыновей.

А.С. Немзер

ЖИЗНЬ И ПОЭЗИЯ В РОМАНЕ «В КРУГЕ ПЕРВОМ»¹

Сюжетная структура романа «В круге первом» ставит перед читателем (и/или исследователем) два, на поверхностный взгляд, наивных вопроса. Во-первых, непонятно, зачем Солженицын сводит в одном тексте рассказы о шарашке и формально неудавшемся подвиге Володина, обычный, словно бы случайно выбранный фрагмент летописи марфинской спецтюрьмы (промежуток с субботнего вечера по утро вторника так же полно и точно воссоздает бытие насельников гулаговского лимба, как один день — всю лагерную жизнь Ивана Денисовича) и невероятную — детективно-авантюрную — историю, максимально «свое» (автобиографизм романа акцентирован уже посвящением «друзьям по шарашке»²) и совершенно «чужое». Во-вторых, столь же непонятно, кто ведет повествование о безвозвратно сгинувшем в гулаговской бездне Володине, откуда взяты сведения о его «нормальной» жизни, роковом выборе, чувствах и мыслях. Привычная отсылка ко «всезнающему автору» здесь едва ли продуктивна.

Не касаясь этой сложной теоретической проблемы в целом (как кажется, позиция «всезнающего безличного автора» используется в новой и новейшей словесности не так уж часто), обратим внимание на выразительно субъективную (автобиографическую) окраску «шарашечных» глав. Разумеется, и здесь описываются не только те события, участником или непосредственным свидетелем которых был Нержин, однако «реконструкция» душевных

---

¹ Доклад на семинаре отдела по изучению наследия А.И. Солженицына 31 мая 2011 года в Доме русского зарубежья (ДРЗ). — Ред.

² *Солженицын А.И. В круге первом* // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2011. Т. 2. С. 9. (Далее роман цитируется по этому изданию; страницы указываются в тексте, в скобках.) Даже если предположить, что в ранних (потаенных) редакциях личный опыт автора был лишь «материалом», то уже в предложенном «Новому миру» тексте (несмотря на существенную деформацию смысловой конструкции) автобиографизм оказывался семантически нагруженным: читатели «Одного дня Ивана Денисовича», безусловно, понимали, что автор рассказа прошел сталинские лагеря, соответственно, избравший писательскую стезю герой-заклученный (Нержин) просто не мог не ассоциироваться с Солженицыным. Отметим, что автобиографические мотивы отчетливо звучат уже во втором обнародованном сочинении Солженицына — рассказе «Матрёнин двор».

состояний других героев, прежде всего — Рубина и Сологодина, выглядит совершенно естественной: всех марфинских персонажей романский Нержин хорошо знает. При этом мы не ощущаем какого-либо контраста «шарашечных» и «володинских» глав, не видим какого-либо изменения авторской позиции. Неведомый марфинским зэкам дипломат (даже фамилии пятерых подозреваемых известны лишь Рубину) так же индивидуально конкретен, как персонажи, имеющие прототипов. С другой стороны, «обычные» тюремные будни в итоге оказываются поворотными в судьбе главного героя. Дело не в том, что в финале романа Нержин спускается в ад (покидает шарашку)³, но в добровольности его выбора. Хотя уже субботним вечером Яконов, раздраженный отказом строптивца сменить «артикуляцию» на «математику» («туфту», оставляющую время для писательства, на изматывающий умственный труд), делает в блокноте запись: «Нержина — списать» (61), судьба дарует герою шанс (подсовывает искушение) закрепиться «в круге первом» — Рубин предлагает Нержину принять участие в выявлении дипломата, звонившего в американское посольство: «Второй раз за сутки ему предлагали спасение. И второй же раз спасение это не радовало его» (335)⁴.

В «Разговоре три нуля» особо важны два смысловых обертона. Во-первых, Нержин отказывается признать в неизвестном дипломате «подлого московского стилиста», который «спешит выслужиться перед боссами» (335). Нержин *доверяет* анониму, как доверяет он — преодолевая понятные сомнения — ведущему рискованную игру Руське Доронину, появление которого в конце главы формально обрывает спор друзей, а по существу становится аргументом в защиту загадочного информатора американцев. (Руська сообщает о плане разоблачения стукачей (339), то есть об авантюрном, но далеко не бессмысленном боевом действии против якобы неодолимой чекистской системы.) Во-вторых, Нержин видит в том, кого Рубин почитает аморальным корыстолюбцем, героя высокой литературы. «— Лёвочка! Поэзия и жизнь — да составят тебя одно. За что ты так на него серчаешь? Это же — твой Алёша Карамазов, он защищает Перекоп» (339). Володин отождествляется не только с двоящим-

³ «Шарашечная» часть повествования жестко закольцована: она открывается прибытием в Марфино новой партии зэков (буквально первые фразы гл. 3 — «Шарашка» — возгласы: «— Новички! — Новичков привезли!» — 20), а завершается описанием замаскированного воронка, в котором увозят Нержина и других списанных заключенных (716–720). Сама по себе смена контингента — типовая примета «круга первого».

⁴ Третий шанс выпадает Нержину буквально перед этапом. Теперь соблазнителем выступает Сологдин: «Ещё не поздно. Дай согласие остаться расчётчиком — и я, может быть, успею тебя оставить. Тут в одну группу. <...> Но придётся *вкалывать*, предупреждаю честно» (705). Эпизод этот (почти точно дублирующий предложение Яконова) нужен, прежде всего, для смысловой симметрии: непримиримые идеологические противники — Рубин и Сологдин — идут на сотрудничество с режимом (хоть и по разным причинам) и, сохраняя приязнь к Нержину (оба пытаются уберечь друга от низвержения в нижние круги лагерного ада), в равной мере не понимают и не принимают его выбора.

ся персонажем «стихотворного этюда» Рубина (237), но и с его «прообразом» из романа Достоевского. Рубин, который «не был поэтом, но иногда набрасывал стихи задушевные, умные» (237), может почувствовать и передать тайное единство противоборствующих юных идеалистов в прошлом, но не способен распознать (признать) их сегодняшнего наследника. Для него жизнь (воспринимаемая по идеологической — марксистской — схеме) отделена от поэзии. Для Нержина же (и тем более для автора) истинная поэзия неотделима от жизни, в которой поэт прозревает и открывает недоступные обыденному сознанию высшие смыслы. Герой не случайно цитирует строку Жуковского, отнюдь не предполагающую банального приукрашивания действительности: жизнь равна поэзии тогда (и только тогда), когда незванное Вдохновение наводит «животворящий луч» на «все земное»⁵. Нержин призывает (тщетно) «не поэта» Рубина мыслить о жизни «поэтически» — это касается и поступка советского дипломата (для которого Рубин сразу находит тривиальное низкое — и неверное! — объяснение), и жизненного выбора самого Нержина. Ранее, узнав об отказе Нержина перейти в Семёрку, Сологдин наставительно замечает: «Ты ведёшь себя не как исчислитель, а как пиит» (179).

Он совершенно прав: Нержин избирает писательскую стезю. А для того чтобы стать настоящим писателем, чье «слово разрушит бетон» (653), ему в равной мере необходимо — нарушая законы здравомыслия — оставить уютную шарашку и разгадать тайну «предателя», открыть в нем человека, ведомого высоким чувством. Предлагая Рубину признать в корыстном стилисте Алёшу Карамазова, Нержин словно бы примеривается к собственному рассказу об этом человеке, угадывает (пока — неуверенно) в странном дипломате «своего» героя, по внешним параметрам (социальный статус и предыстория) значительно отличного от потенциального автора, но сущностно с ним схожего. Отвергая рубинскую трактовку звонка в американское посольство, Нержин убеждает себя: жизнь и поэзия могут быть едины, а сам он избрал верный (хоть и рискованный, опасный, возможно — самоубийственный) путь.

Между тем для большинства романских персонажей коренное различие «жизни» и «литературы» сомнению не подлежит. Любимая поговорка Даши, соседки Нади Нержиной по аспирантскому общежитию, — «жизнь — не роман». Повторенное героиней дважды (352, 355), речение это вынесено в название 49-й главы, близко соседствующей с 47-й («Разговор три нуля»), где всплыла чуть измененная формула Жуковского «Жизнь и Поэзия одно»⁶. Жен-

---

⁵ «Я Музу юную, бывало, / Встречал в подлунной стороне, / И Вдохновение летало / С небес, незванное, ко мне; / На все земное наводило / Животворящий луч оно — / И для меня в то время было / Жизнь и Поэзия одно» (Жуковский В.А. «Я Музу юную, бывало...», 1824) // Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М., 2000. Т. 2. С. 235).

⁶ Разделяет их глава «Двойник» (в названии осязательны традиционно литературные семантические обертоны), повествующая о невероятной (достойной приключенческого романа) авантуре Руськи Доронина.

ские истории, представленные в сплотке глав об общежитии на Стромынке, внешне подтверждают правоту Даши. Откликаясь на рассуждения Людочки, намеревающейся обмануть испанского поэта (сымитировать девственность), Оленька «весело» восклицает: « — Так героини мировой литературы совершенно зря калялись перед женихами и кончали с собой?» — и слышит в ответ: « — Конечно ду-у-уры!» (348). «Книжные» деньги Оленька намерена потратить на «гранатовое, креп-жоржетовое» платье (357). Научная работа занимает почти всех аспиранток много меньше, чем житейские («женские») проблемы.

Впрочем, две стромыньские девушки — Муза и венгерка Эржика — воспринимают коллизию «литература и жизнь» иначе. Поэтическое имя (Муза; ср. цитату из Жуковского в устах Нержина) и род занятий (Тургенев, традиционно почитаемый наиболее «романтичным» и «возвышенным» из русских классиков) некрасивой интеллигентной аспирантки, истово увлеченной своим делом, наглядно контрастирует со страшной западней (вербовка чекистами — 346–347), в которую она попала. Соответственно, все представления Музы о мире словно бы ставятся под сомнение: верить в любовь, отвергать «мещанство», восхищаться русскими литературными героями, которые (в отличие от западноевропейских, озабоченных деньгами и карьерой) ищут «справедливости и добра» (361), — временный (пока жестокие обстоятельства не возьмут за горло) удел «книжных» идеалистов.

Дело, однако, обстоит сложнее. Муза убеждена, что «истинная любовь перешагивает гробовую доску» (353) не только потому, что она начиталась Тургенева (и много кого еще, включая Жуковского), но и потому, что помнит об идиллических отношениях своих пожилых родителей, которые «до сих пор любили друг друга как молодожёны» (346). Она не представляет себе, какие испытания выпадают ныне разлученным возлюбленным. Надя Нержина склоняется к разводу с осужденным мужем, но в романе явлены и другие варианты поведения жен заключенных. Человека можно сломать, принудить к нарушению нормы, но от того любовь не перестает быть любовью. Вера Музы в лучшие чувства (любящей женщины вообще и Нади — в частности) той же естественной природы, что ее неуступчивость в противоборстве с чекистами: «Как же можно рассуждать о гамлетовском и донкихотском началах в человеке — и всё время помнить, что ты — доносчица...» (352–353). Вопреки «литературному» миропониманию Музы демобилизованный капитан Щагов не входит в число «тех неумных натур, кто постоянно тычется в поисках всеобщей справедливости» (370). Он действует подобно героям западных «романов карьеры»⁷ — планирует выгодную женитьбу без любви, пробивается к возросшему в цене «кандидатскому званию» (371) без особой страсти к науке, всеми силами борется за «свой кусок пирога». Но при этом

⁷ «Собственно, это не было ново для нашей планеты, а только для революционной страны» (370).

не сводится к амплу Растиньяка. Порукой тому и мысленные оговорки Щагова⁸, и — главное — его реакция на неожиданное признание Нади. Услышав о том, что ее муж отбывает срок, Щагов не бежит от жены зэка (как сперва кажется героине и читателю), но проникается особым чувством и к «жене солдата», и к самому фронтовику, которому выпала горькая участь. Боевой офицер отлично знает, что в тюрьму многих бывших солдат приводит резонный вопрос: за что дрались? И хотя сам он избрал другой путь, чувство фронтового братства берет верх над «карьерными» установками. Надина двоящаяся (согревающая и страшая, чреватая изменой мужу) приязнь к Щагову обусловлена тем «фронтовым обаянием», что в ее глазах роднит двух капитанов. Здесь героиня не ошибается: тост Щагова — «За воскресение мертвых!» (373) — выражает главное поэтическое чувство Нержина, что строит его жизнь и воплотится в его будущем романе о буднях шарашки, неизвестном герое и становлении писателя⁹.

Резкая метаморфоза Щагова всего сильнее свидетельствует о правоте Музы (и музы) и зыбкости казавшегося неоспоримым присловья Даши. Заметим, что Дашина «жизненная» трактовка положения и душевного состояния Нади («Он жив, но бросил её!») вполне — при соблазнительной правдоподобности — «литературна» и отнюдь не соответствует той окружающей персонажей действительности, о которой Даша не может (не хочет) думать. Муза тоже не способна прозреть до конца (сопоставить только что обрушившийся на нее зловещий сюжет с Надиным), но ее «отвлеченная», уходящая от простых объяснений *неизвестного*, основанная на доверии к Наде версия происходящего очень близка к истине: «— Значит, она жертвует собой во имя его счастья! <...> Значит, почему-либо нужно, чтоб она молчала и не выходила замуж!» (354). Еще одним — комическим — опровержением Дашиной уверенности в том, что «жизнь — не роман» выступает ее собственная история с буфетчиком, где героиня скрывает свой высокий социальный статус, невольно воспроизводя полнящийся иронией сюжет «Барышни-крестьянки», что предполагает столь желанную для Даши свадебную развязку¹⁰.

⁸ Ср.: «...он взял бы его («кусочек пирога». — А.Н.) иначе, если б талантливых людей у нас не загрызали на полпути <...> несмотря на то что его невеста живёт в праздных условиях, она не очень испорчена» (372).

⁹ В двухтомных изданиях романа «В круге первом» (начиная с «вермонтского» Собрания сочинений, 1978) первый том завершается 52-й главой, то есть тостом Щагова. Это середина повествования (пусть не строго формальная — в романе 96 глав), отчетливо маркированная во всех крупных сочинениях Солженицына.

¹⁰ Едва ли случайно Солженицын легким намеком вводит позднее в текст этот пушкинский шедевр. Вечер понедельника Володин собирался провести в театре — на «Акулине», оперетте Т.Н. Хренникова по мотивам последней повести Белкина (о чем, впрочем, герой, кажется, не знает, а читатель специально не информируется) (607). Вместо спектакля о веселом и счастливо завершившемся розыгрыше Володина ждет арест, проведенный с издевательскими чекистскими мистификациями.

Наконец, достойно внимания, что антироманная сентенция вложена в уста героини романа.

«Жизнь — не роман», если роман (или сочинение иного жанра) эту самую «жизнь» игнорирует, упрощает, сводит к загодя известной схеме¹¹. Иными словами, жизнь — не «Избранное» Галахова, которое увлеченно читает венгерская аспирантка. «Эта книга раскрывала перед ней мир высоких, светлых характеров, цельность которых поражала Эржика. Персонажей Галахова никогда не сотрясали сомнения¹² — служить родине или не служить, жертвовать собой или не жертвовать¹³. Сама Эржика по слабому знакомству с языком и обычаями страны ещё не видела таких людей тут, но тем более важно было узнавать их из книг» (347–348). Самообман Эржика коренится не только в вере бывшей подпольщицы в СССР как авангард человечества, но и в трепетном отношении к словесности. Действительность, в которой есть «моментальные», то есть «временные», дурные черты (348), в сущности, прекрасна, ибо таковой предстает она в сочинениях Галахова, которым надлежит верить больше, чем собственному опыту. Эржика не замечает подмены, которую отлично понимает другой читатель, оценка которого введена в повествование раньше: «Ещё книга была — “Избранное” известного Галахова. Несколько отличая имя Галахова и чего-то всё-таки ожидая от него, Хоробров уже читал этот том, но прервал с ощущением, что над ним так же издеваются, как когда составляли добровольный список на выходной. Даже Галахов, неплохо умевший писать о любви, давно сполз на эту принятую манеру писать как бы не для людей, а для дурачков, которые жизни не видели и по слабоумию рады любой побрякушке. Всё, что действительно рвало сердца человеческие, отсутствовало в книгах. Если б не началась война — писателям только оставалось перейти на акафисты. Война открыла им доступ к общепонятным чувствам. Но и тут выдували они какие-то небывлые конфликты — вроде того, что комсомолец в тылу у врага десятками пускает под откосы эшелоны с боеприпасами, но не состоит на учёте ни в какой первичной организации и день и ночь терзается, подлинный ли он комсомолец, если не платит членских взносов» (216–217).

¹¹ Либо — вопреки намерениям автора и самой своей стати — воспринимаются как «выдумка» или навязанный авторитет, далекие от проблем «сегодняшнего» читателя. Ср. отношение Клары Макарыгиной к школьному и университетскому курсам «литературы» (291).

¹² Ср. рефлексию как главную особенность персонажей Тургенева (колебания меж гамлетовским и донкихотским началами), наследием которого занимается Муза. Герои западных (да и некоторых русских) романов, что гонятся за славой, деньгами, карьерой, вовсе не рождаются «прагматиками», но приходят к этой позиции после долгих колебаний, описание (осмысление, истолкование) которых и составляет главный предмет авторского внимания.

¹³ Здесь необходимо вспомнить о выборе Володина. Формулы, извращенные советской демагогической практикой, обретают для Володина истинный смысл, а потому роковому решению сопутствуют страх, успокаивающий самообман, упреки себе за уже совершенный поступок, неведомые персонажам Галахова.

Отношение Хороброва к Галахову не только предсказывает и дискредитирует читательскую реакцию Эржики, но и объясняет ее, а заодно и широкую популярность сочинений многократного сталинского лауреата. Галахов вовсе не бездарен. Он хочет выразить «общепонятные чувства». Он явно не случайно предан военной теме, в которой дозволяется сказать чуть больше, чем при разработке иных сюжетов. Он понимает, что новейшая литература не может быть бесконфликтной: если Эржике кажется, что галаховские персонажи никогда не сомневаются, то Хоробров примечает у них мнимые духовные коллизии (комически балансирующие на грани пародии). Полярные по оценке суждения двух читателей (изошренного и простодушного) одинаково свидетельствуют о разрыве «жизни» и «поэзии» в галаховских сочинениях, что «заменяют» истинную литературу. Так готовится появление самого Галахова, напряженно играющего роль настоящего писателя¹⁴.

Поведение Галахова на вечеринке Макарыгиных точно соответствует типовым представлениям о писателе. Сановный прокурор Словута не ошибается, предполагая, что припоздавший Галахов ничего не рассказывает, потому как придумывает «новый роман». Двумя абзацами ниже сообщается: «Галахов действительно на прошлой неделе задумал писать о заговоре империалистов и борьбе наших дипломатов за мир, причём писать в этот раз не роман, а пьесу — потому что так легче было обойти многие неизвестные ему детали обстановки и одежды. Сейчас ему было как нельзя кстати проинтервьюировать свояка, заодно ища в нём типические черты советского дипломата и вылавливая характерные подробности западной жизни, где должно было происходить всё действие пьесы, но где сам Галахов был лишь мельком, на одном из прогрессивных конгрессов. Галахов сознавал, что это не вполне хорошо — писать о жизни, которой не знаешь, но последние годы ему казалось, что заграничная жизнь, или седая история, или даже фантазия о лунных жителях легче поддадутся его перу, чем окружающая истинная жизнь, заминированная запретами на каждой тропинке» (451).

---

¹⁴ До выхода персонажа на сцену имя Галахова возникает трижды. Кроме рассмотренных эпизодов о читателях «Избранного», известный писатель упоминается в главе «Женщина мыла лестницу» — сообщается о его романе и женитьбе на старшей сестре Клары Макарыгиной. Абзацем выше говорится о браке другой сестры и Володина). Такое композиционное решение мотивировано не столько необходимостью указать на свойство Галахова, Макарыгиных и Володина и объяснить его присутствие на воскресном вечере в доме прокурора (это можно было сделать и в главе, посвященной празднеству), сколько движением все той же темы «жизнь и поэзия». В отличие от сестры (будущей жены Галахова), упоенно перечитавшей «всю мировую литературу от Гомера до Фаррера» (290), Клара равнодушна к словесности, которая не говорит ей «что-то очень главное о жизни» (291). Своим кошмаром («поломойка и сегодня стоит на их лестнице») она делится не с писателем Галаховым, который вроде бы должен знать про жизнь самое важное, а с младшим зятем, по всем статьям ей чужим, — Володиным (295–296). Клара интуитивно предпочитает мнимого писателя скрытому будущему герою того романа, что воссоздает жизнь и является ее неотъемлемой частью.

Галахов напрасно надеется, что обращение к «заграничной жизни» избавит его от всегдашних трудностей советского литератора. Сперва Володин озадачивает его сравнением писателей и следователей («Всё вопросы, вопросы, о преступлениях»), потом возражением на реплику о поиске в чело- веке «достоинств» («Тогда ваша работа противоположна работе совести») и, наконец, замечанием «Ведь у нас (дипломатов. — А.Н.) есть что скрывать» (452)¹⁵. Все высказывания Володина мотивированы его состоянием (звон- нок в американское посольство — «преступление», связанное с секретной составляющей дипломатической службы и совершенное по велению сове- сти), — все они сводят на нет литературные установки Галахова. Автор, рас- считывавший получить ценную информацию от профессионала, не слышит (и не может услышать), что ему говорят, не видит в собеседнике героя (в обо- их — здесь неразрывно связанных — смыслах слова), но испытывает от раз- говора странное (бессознательное) смущение, смешанное с раздражением.

Володин вовсе не хочет обидеть свояка, задавая ему болезненные вопро- сы о «военной теме» («Коллизии, трагедии — иначе б откуда вы их брали»¹⁶), поставленных ей «пределах» и ее фальсификациях, назначении писателя («Ведь писатель — это наставник других людей, ведь так понималось всег- да?»), смысле литературных свершений тридцатисемилетнего («Пушкина в это время уже ухлопали») Галахова, ответственности поколения (452–453), но каждая его фраза звучит приговором. Особенно убедительным потому, что Галахов все сказанное Володиным сам отлично знает. Как знает, что со- ветскому литератору можно лишь «втайне» примериваться к «пушкинскому фракку» и «толстовской рубахе» (453), то есть к роли настоящего писателя (потому не случайно в речи его всплывает пошлая костюмная атрибутика). Галахов в глубине души понимает, что он совсем не такой писатель, какими были Пушкин и Толстой, что он принадлежит подменной литературе, той, которая может обеспечить «славу», но не «безсмертие», «взмахи» которого, по страшной догадке героя, «только и были в тех немногих стихах, заучива- емых девушками» (455).

Отказ от «безсмертия», совершенный не одним Галаховым, но всем (как ему кажется) литературным цехом, оправдывается необходимостью «влиять на течение жизни сейчас». Но это «влияние» либо вовсе фиктивно (неотли- чимо от воздействия газет, транслирующих волю «партии»), либо ничтожно, когда одаренный и до известной степени стремящийся быть честным ли- тератор (Галахов как раз из таких) соглашается «писать хоть ту четвёртую, восьмую, шестнадцатую, ту, чёрт её подери, тридцать вторую часть правды,

¹⁵ Ср.: «Главная-то работа (о которой знает и не хочет знать Галахов. — А.Н.) была вторая, тайная: встречи с зашифрованными личностями, сбор сведений, передача инструкций и вы- плата денег» (434).

¹⁶ Ср. выше размышления Хороброва.

которую разрешалось, хоть о поцелуях и о природе, — хоть что-нибудь лучше, чем ничего» (455). Традиционная (неразрешимая и плодотворная) антиномия «чистое искусство — общественная польза» в советской ситуации утрачивает смысл: отказ от «правды» ведет к оскудению (в конечном итоге — смерти) «поэзии». Потому Галахов и чувствует, что «его пьесы, его рассказы и его роман умерли у него на глазах ещё прежде, чем автор дожил до тридцати семи лет» (455). Потому (а не только из-за вновь нахлынувшего страха) Володину остается лишь «досказать» («но голосом потерянным и с кислой, кривой улыбкой, когда вот-вот растечётся лицо») единственно потребную его собеседнику банальность (начиненную издевательской двусмысленностью, что тоже едва ли ускользнет от «инженера человеческих душ»): « — А черты нашего дипломата? <...> Ты и сам можешь их себе хорошо представить. Высокая идейность. Высокая принципиальность. Беззаветная преданность нашему делу. Личная глубокая привязанность к товарищу Сталину. Неукоснительное следование инструкциям из Москвы. У некоторых сильное, у других — слабоватое знание иностранных языков. Ну, и ещё — большая привязанность к телесным удовольствиям. Потому что, как говорят, жизнь даётся нам — один только раз...» (456)

В последней фразе Володин повторяет непрестанно используемые советской пропагандой слова героя романа Николая Островского «Как закалялась сталь» (ч. 2, гл. 3): «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы отданы самому главному в мире: борьбе за освобождение человечества»¹⁷. Галахов, как и читатель, должен опознать цитату и воспринять ее как литературную рекомендацию. Именно так должно писать о советских дипломатах, для которых «борьба за освобождение человечества» слилась с «привязанностью к телесным удовольствиям». Финал монолога Володина раскрывает те реальные смыслы, что стоят за произнесенными ранее «правильными» словами, необходимыми для создания «правильного» произведения о советских дипломатах и маскирующими как «эпикурейский» цинизм большинства володинских сослуживцев (и до недавней поры его самого), так и трагедию Володина нынешнего (и, возможно, еще кого-то из его прозревших, но таящихся коллег). Эти «персонажи» стоят своих потенциальных «авторов», которым только вредно (что понимает и Галахов) знать, чем же на самом деле заняты и что чувствуют и думают «беззаветно преданные нашему делу» чиновники МИДа.

Как Володин не может раскрыться в разговоре на вечеринке, так его свояк не может угадать в собеседнике героя романа. Причиной тому измена Галахова писательскому назначению; он существует не в литературе, а в со-

¹⁷ Островский Н.А. Как закалялась сталь // Соч.: в 2 т. М., 1953. Т. 1. С. 198.

ветской литературе, озабочен не единством поэзии и правды (бессмертием своего, и только своего, слова), а соответствием принятым нормам¹⁸, адресует свои сочинения не «брату, другу и сверстнику-читателю», но «прославленному, главному критику Ермилову» (455). Подмене книги, строящейся с учетом реакции надсмотрщика, предшествует подмена представлений о литературе как таковой. Принимаясь за каждую «новую большую вещь», Галахов параллельно «сочиняет» будущую статью Ермилова, которую погромщик начнет «с каких-нибудь самых святых слов Белинского или Некрасова <....> и выяснится, что Белинский или Герцен горячо засвидетельствуют, что новая книга Галахова выявляет нам его как фигуру антиобщественную, антигуманную, с шаткой философской основой» (456). Останься Галахов писателем, приговор ему был бы вынесен от имени фальсифицированной литературной традиции. Но это значит, что поддавшийся «контраргументам Ермилова» сочинитель отторгается теми самыми классиками, фамилии которых бессовестно прикреплены советскими «критиками» к потребным для их зловещих игр фантомам. Имя Герцена маркировано — оно вводится не в зачине угадываемой статьи Ермилова, но в обвинительном пассаже, что придает ему особый вес. И это закономерно: одним из важнейших стимулов к душевному перевороту Володиной (и его поступку) стали вопросы Герцена, которыми ошеломил благополучного племянника «тверской дядюшка»: «— где границы патриотизма? Почему любовь к родине надо распространять и на всякое её правительство? Пособлять ему и дальше губить народ?» (441). Эти же слова вспоминает Володина в лубянской камере, обретая «второе дыхание» (691, 692). Герцен с Володиным, а не с Галаховым.

Для того чтобы понять Володина (увидеть в нем не «обычного дипломата» или «дипломата-предателя»), надо быть писателем. Это не дано Рубину, влюбленному в настоящую литературу, иногда заражающемуся чужим поэтическим словом (не случайно в его нравящемся Нержину «перекопском» стихотворении возникает раздвоившийся Алёша Карамазов), но не способному почувствовать поэтичность (непредсказуемость, свободу) в окружающей действительности, которая, с его точки зрения, регулируется (и должна регулироваться) марксистскими законами. Это не дано Галахову, изначально одаренному поэтическим чувством и тягой к бессмертию, но променявшему их на внешне комфортное бытие успешного советского литератора. Это дано Нержину, буквально ничего не знающему о человеке, позвонившем в американское посольство, но сперва отказывающемуся судить о нем по шаблону, а потом — годы спустя — «достроившему» личность и судьбу героя, который бесследно сгинул в казематах Лубянки, но — вопреки всему, и в том числе собственным предчувствиям, — обрел бессмертие. В о с к р е с е н и е м ё р т в ы х,

¹⁸ Ср. вопросы Володиной: «...кто ты? Какими идеями ты обогатил наш измученный век?.. Сверх, конечно, тех неоспоримых, которые тебе даёт социалистический реализм» (453).

за которое предлагает выпить Наде Щагов, — это не только возвращение Нержина и других (оставшихся в живых) узников ГУЛАГа, но и сохранение памяти обо всех погибших. И едва ли не в первую очередь о тех, кто был уничтожен «за дело» — тех, кто дерзнул вступить в поединок с коммунистической системой, тщившейся поработить (лишить свободы) всё человечество.

В выборе неведомого дипломата Нержин распознает *свой* выбор. Один должен совершить подвиг (пусть без практического результата), другой — сохранить в себе писателя. Бессмертие писателя невозможно без полного подчинения неразрывному единству «жизни и поэзии», которое, в свою очередь, может потребовать самопожертвования. Его и совершает Нержин, расставаясь не только с относительным благополучием существования на шарашке, но и с самым дорогим — сделанными в Марфине набросками книги о революции. Чтобы стать писателем, должно на время оставить собственное писание и утратить «материальные» плоды своей работы. Стратегия Нержина прямо противопоставлена практике Галахова, которому «всё трудней становилось писать каждую новую хорошую страницу». Галахову требуются идеальные бытовые условия — «иначе он никак не мог писать». Однако ни специально выбранное время («он заставлял себя работать по расписанию»), ни свежий воздух и «восемнадцать градусов Цельсия» (455), ни чистота на столе (вообще-то споспешествующие литературному труду и упомянутые не только для дискредитации персонажа!) не могут избавить его от «соавторства» с Ермиловым, сделать свободным. Галаховский эпизод — история *умирания* советского писателя, противопоставленная истории *рождения через смерть* писателя настоящего¹⁹, каким станет Нержин, будущий автор романа о шарашке, верности «жизни-поэзии» и «бессмысленном» подвиге прозревшего дипломата.

Тема духовного родства будущего автора (Нержина) и потенциального романного героя (Володина) актуализируется в финале разговора Нержина и Герасимовича. Вера Нержина в *слово*, что *разрушит бетон*, не встречает понимания у его собеседника, уповающего на действие практическое — военный переворот (по Нержину, невозможный и ненужный). Пытаясь подкрепить свою веру в слово (естественно соотнесенное с тем Словом, что было в Начале, что «исконней бетона»), Нержин говорит:

« — Здесь — тайна. Как грибы по некоей тайне, не с первого и не со второго, а с какого-то дождя — вдруг трогаются всюду. Вчера и поверить было нельзя, что такие нёрды могут вообще расти, — а сегодня они повсюду! Так тронутся в рост и благородные люди, и слово их — разрушит бетон.

---

¹⁹ Потому день рождения Нержина и приходится на Рождество, подразумевающее Воскресение. Сложная система рождественских мотивов (и скрыто присутствующих в тексте мотивов пасхальных) романа «В круге первом» должна быть рассмотрена отдельно. Здесь же отметим, что Галахов выводится на сцену именно 25 декабря (Рождество, день рождения Нержина, воскресенье).

— Прежде того понесут ваших благородных кузовами и корзинами — вырванных, срезанных, усечённых...» (653). Горькая реплика Герасимовича закрывает главу «На задней лестнице», прямо за которой следует глава об аресте Володина — «Да оставит надежду входящий». Нержин не говорит Герасимовичу о странном дипломате, решившемся словом помешать черному делу, но несомненно помнит о нем (в разговоре с Герасимовичем важное место занимает тема атомной бомбы), этот неизвестный — один из неожиданно обнаружившихся благородных людей. Мы знаем, что Володин переменился благодаря *словам*, в которых сохранилась подлинная история его семьи и его страны (письма и архив матери, разговоры с тверским дядюшкой). Он движется по тому же пути, который сознательно избрал Нержин, занятый восстановлением истории, уяснением причин сегодняшних бед — работой над книгой о революции. Нержин полагает, что только этот путь ведет сперва к внутреннему освобождению отдельных личностей, а затем освобождению России: совершить подвиг, подобный володинскому, способен лишь человек, не только осознающий бедственное положение страны и исходящую от Сталина угрозу человечеству (как, например, Герасимович), но и приобщившийся к истории, увидевший ее трагически искривленный ход и принявший на себя ответственность за грехи родителей, о необходимости искупления которых говорит Володину дядюшка Авенир (447).

Интимный, страстный и побуждающий действовать интерес к новейшей истории России²⁰ — важная, но далеко не единственная «нержинская» черта Володина. Обратимся вновь к «разговору три нуля».

« — Никуда ты, никуда не денешься! — грозно толковал Рубин. — Придётся тебе дать отчёт: по какую сторону баррикады ты стоишь?!

— Вот ещё, мать твою, фанатиков перегрёб, — всю землю нам баррикадами перегородили! — сердился и Нержин. — Вот в этом и ужас! Ты хочешь быть гражданином вселенной, ты хочешь быть ангелом поднебесья — так нет же, за ноги дёргают: *кто не с нами, тот против нас!* Оставьте мне простору! Оставьте простору! — отталкивался Нержин» (337–338). Акцентированное повтором слово «простор» отсылает к названию уже знакомой читателю главы «На просторе», где Володин (словно предсказывая Нержина) делится с Кларой своей главной печалью. Значимость его монолога подчеркнута отсылкой к заглавию романа, семантика которого решительно изменяется именно в этой точке повествования (прежде читатель должен был видеть в словосочетании «круг первый» лишь ироническое именование шарашки): « — Вот видишь — круг? Это — отечество. Это — первый круг. А

²⁰ Этот мотив сложно переплетен со многими другими, предсказывающими будущую книгу Нержина о русской революции и проясняющими ее творческую историю. Очевидно, что во внероманной реальности аналогом книги Нержина выступает заветный труд прототипа главного героя романа «В круге первом» — «Красное Колесо». Взаимосоотнесенность этих сочинений Солженицына — предмет отдельного исследования.

вот — второй. — Он захватил шире. — Это — человечество. И кажется, что первый входит во второй? Нич-чего подобного! Тут заборы предрассудков. Тут даже — колючая проволока с пулемётами. Тут ни телом, ни сердцем почти нельзя прорваться. И выходит, что никакого человечества — нет. А только отечества, отечества...» (313). Нержин и Володин хотят быть «гражданами мира» в пору, когда «чужеземный» эквивалент понятия становится бранной кличкой — тема разворачивающейся борьбы с космополитизмом проходит сквозь весь роман, начиная с диалога Рубина и Нержина в главе 5:

« — Слушай, Глебка, в конце концов, ведь я — еврей не больше, чем русский? и не больше русский, чем гражданин мира?

— Хорошо ты сказал. Граждане мира! — это звучит безкровно, чисто.

— То есть космополиты. Нас правильно посадили» (33).

«Правильно» посадят и Володина — не без помощи Рубина, которому идеологические шоры (вера в «классовую» природу справедливости и необходимость борьбы с империализмом) помешают остаться гражданином мира, а потому и истинным сыном отечества. Напомним, что свою исповедь Володин проговаривает на русском просторе и надиктована она во многом тем чувством, что он испытывает при встрече с реальностью неприкрашенной, растоптанной большевиками России.

Спор Нержина и Рубина об информаторе американцев, атомной бомбе и судьбе человечества предсказывает и те «политические» убеждения Володина, что переменили его судьбу:

« — Ты согласен получить Хиросиму? На русской земле?

— А по-твоему — воровать бомбу? Бомбу надо морально изолировать, а не воровать.

— Как изолировать?! Идеалистический бред!

— Очень просто: надо верить в ООН! Вам план Баруха предлагали — надо было подписывать! Так нет, Пахану бомба нужна!» (339)²¹.

Ровно так рассуждает и Володин: «Новое назначение нравилось ему — и пугало. Иннокентий полюбил идею ООН — не Устав, а какой она могла бы быть при всеобщем компромиссе и доброжелательной критике. Он вполне был и за мировое правительство. Да что другое могло спасти планету?.. Но так шли в ООН шведы, или бирманцы, или эфиопы. А его толкал в спину железный кулак — не для того» (435). Не менее наглядна переключка с аргументами Нержина в более поздних раздумьях ждущего возмездия Иннокентия: «Если бы объявили (о его звонке в американское посольство. — А.Н.) — соотечественники с наслаждением пбили бы его камнями! Кто бы понял его? — хорошо, если тысяча человек на двести миллионов. Кто там помнит,

---

²¹ Сталину бомба еще как нужна. Она и должна сделать «Пахана» «императором Земли»: «Начать можно будет, как атомных бомб наделаем... <...> Вообще, путь к мировому коммунизму проще всего через Третью Мировую войну: сперва объединить весь мир, а уже там учредить коммунизм. Иначе — слишком много сложностей» (160).

что отвергли разумный план Баруха: отказаться от атомной бомбы — и американские будут отданы под интернациональный замок? <...>

Ты не дал украсть бомбы Преобразователю Мира, Кузнецу Счастья? — значит, ты не дал её Родине!

А зачем она — Родине? Зачем она — деревне Рождество?» (609)²²

Густота мотивных переключек между «володинскими» и «нержинскими» главами знаменует понимание неведомого обреченного героя, который, возрождаясь в слове, окажется похожим на своего будущего автора (Нержина-персонажа, Нержина 1949 года, еще не помышляющего о «шарашечно-шпионском» романе). Но не только на него.

«Разговор три нуля» закономерно завершается появлением Руськи Доронина, личность и судьба которого тоже дают Нержину-автору «материал для реконструкции» героя. Сопоставление двух персонажей, вступивших в поединок с системой (отказавшихся от роли шпионов, перешедших на сторону «противника»), дано прямо: за главой «Насчёт расстрелять» (разоблачение Руськи) следует глава «Князь Курбский», открывающаяся размышлением о «нашей способности к подвигу».

«Тяжелей всего даётся нам подвиг, если он добыт неподготовленным усилием нашей воли (случай Володина. — А.Н.). Легче — если следствием усилия многолетнего, равномерно направленного (случаи Нержина и других опытных заключенных. — А.Н.). И с благословенной лёгкостью, если подвиг был нам прирождён: тогда он происходит просто, как вдох и выдох.

Так жил Руська Доронин под всесоюзным розыском — с простотой и детской улыбкой. В его кровь, должно быть, от рождения уже был впрыснут пульс риска, жар авантюры.

Но для чистенького, благополучного Иннокентия недоступно было бы — скрываться под чужим именем, метаться по стране» (604). Зримое различие персонажей, однако, не отменяет их родства. Оба все же совершают свои авантурные подвиги (при этом лихость и опыт Руськи не спасают его от провала — он разоблачен и низвержен в тот же послепраздничный понедельник, что и Володин). Оба наделены «детскими» чертами — наивностью, жадой справедливости, жизнелюбием («эпикурейство» Володина до его прозрения не так далеко отстоит от Руськиного желания жить в свое удовольствие). Отмеченное Klarой сходство Володина с вернувшимся в Россию

²² Цитируемая глава называется «Князь Курбский». Возникающая в ней историческая аналогия — «Кто князь Курбский? — изменник. Кто Грозный? — родной отец» (609) — во-первых, отсылает к активно насаждаемой исторической мифологии 1940-х годов (фильм С.М. Эйзенштейна, драматическая диалогия А.Н. Толстого, «Ливонская война» И.Л. Сельвинского и др.), демонизирующей «изменника» Курбского, во-вторых, актуализирует тему вынужденной эмиграции (бегства), заставляющей еще раз вспомнить о Герцене, в-третьих, переключается с темой «мнимых изменников», развернутой в главе «Князь Игорь», что вновь сближает Володина с заключенными шарашки (в том числе — с охотящимся за ним Рубиным, инициатором пародийного суда над героем «Слова о полку...»).

Есениным (305) ассоциируется с «русскостью» и соответствующей имени «русостью» (340) молодого зэка²³. Наконец, но не в последнюю очередь оба персонажа — избранники еще одной чистой души, Клары Макарыгиной, что почти полюбила своего зятя (не будь они в свойстве, не вставай меж ними во время путешествия «на просторе» тень Дотнары, наметившиеся взаимопонимание и приязнь непременно бы выросли) и просто — вопреки всему, что внушалось ей с детства, — полюбила «врага народа».

Фигура Клары весьма важна для генезиса романа Нержина. Будущий автор знает не только о любви зэка и лейтенанта МГБ (в этом нет ничего удивительного — ср. отношения самого Нержина с Симочкой и Сологодина с Еминой), но и о происхождении (семье, социальном статусе) Клары. И это не простое знание. Когда заходящийся страстью Руська называет старшему другу имя своей возлюбленной, тот совершенно потрясен:

« — Тс-с-с... Клара...

— Клара?? Дочь прокурора?!» (89).

Если дочь прокурора может полюбить заключенного, значит, суть человека определяется не одними «социальными обстоятельствами», значит, и выходцы из номенклатуры способны чувствовать, а стало быть, и думать, различать добро и зло, совершать непредсказуемые поступки. Узнав о звонке некоего дипломата в американское посольство, Нержин соотносит его (возможно, сперва бессознательно) с чувством Клары к Доронину, в которое он уже поверил. В дальнейшем он параллельно достраивает судьбы и личности Клары и неизвестного, сводя их в один сюжет. Нержин знает, что его начальник Ройтман живет в построенном зэками доме у Калужской заставы, где сам он клал паркет. И — хотя прямых указаний в тексте на то нет — должен знать (со слов Ройтмана), что Макарыгины квартируют там же. Это объясняет появление главы «Женщина мыла лестницу», в которой раскрывается особенная статья Клары. При насыщенности шарашки информацией о людях, входящих в это закрытое сообщество, естественно предположить, что Нержину известно и о том, что одна сестра Клары — жена прославленного писателя-лауреата, а другая — дипломата, который отождествляется им с преступным мидовцем.

---

²³ «Есенинская» тема прихотливо связывает Руську, Володина и Нержина. Дабы поддержать репутацию осведомителя, Руська сообщает майору Шикину о принадлежащей Нержину книге Есенина. Не желая возвращать сборник, чекист глумливо спрашивает Нержина, на что «намекается» строками:

Розу белую с чёрной жабой
Я хотел на земле повенчать...

И слышит в ответ: « — Очень просто... Не пытаться примирять белую розу истины с чёрной жабой злодейства!» (700). Ответ Нержина отсылает и к жизненной трагедии Есенина, и к испускительному подвигу Володина, который многим видится преступлением, и к невольному промаху Руськи, не подумавшему, каким злом может отозваться его затеянная с благородной целью «двойническая» игра.

Все эти мотивировки введены в текст без педалирования и в принципе могут быть не замечены даже заинтересованным читателем. На то, что Нержин-персонаж является «скрытым автором» романа «В круге первом», прямых указаний в тексте нет. В окружающей романного Нержина «реальности» звонить в американское посольство мог и дипломат, не состоящий с Кларой в родстве, но в «нержинском» романе — это Володин, с годами «угаданный» эзком, который однажды поверил в его благородный порыв, а потом вырвал из небытия, одарил именем и судьбой. И таким образом оживил, оправдал и, кроме прочего, отблагодарил сгинувшего героя, чей «бессмысленный подвиг» помог его писательскому становлению.

Вибрация текста меж «объективным повествованием» (всё происходило именно так, а скрещения судеб возникают в результате игры случая) и «повествованием субъективным» (все эпизоды, происходящие вне шарашки, даны сквозь призму писательского воображения Нержина) вновь заставляет нас вспомнить о сложных отношениях «жизни» и «поэзии», «жизни» и «романа», резко расходящихся в обыденном или идеологизированном сознании и ложной словесности, но единых в том слове, которое стремится наследовать Слову начальному, а потому способно разрушить бетон и воскресить мертвых. Смысловая близость ключевых для романа речений «человека жизни» Щагова и «человека поэзии» Нержина, сложная система мотивных переключек, насыщенность текста цитатами и реминисценциями (большая часть которых здесь оставлена за кадром²⁴), появление Галахова, работающего над пьесой о борьбе за мир советских дипломатов (то есть «негативом» читаемой нами книги), настойчиво (но ненавязчиво) свидетельствуют об особой значимости «литературной темы» в романе Солженицына.

«В круге первом» — книга о становлении писателя и своем собственном рождении, книга о том, как слово преодолевает кошмар истории и в конечном счете побеждает смерть, книга, естественно соотносящаяся с другими русскими романами XX века о тождестве творчества и бессмертия — «Да-

---

²⁴ Легенды о святом Граале, «Фауст» (о финале которого вдохновенно и недоуменно размышляет Рубин), постоянно цитируемый Потаповым «Евгений Онегин», декабристские сюжеты (в их литературном преломлении, в том числе — эпилог «Войны и мира»), «Ночь перед Рождеством» Гоголя и рождественские повести Диккенса (ассоциации с которыми вызваны временем действия), шедевры Дюма («Граф Монте-Кристо», читаемый Абрамсоном и Хоробровым, мушкетерская трилогия, введенная мотивом «Железной маски»), восхищающие Соллогдина — по весьма специфическим причинам — романы Достоевского, отвергаемая Нержиным и любимая Рубиним проза Хемингуэя, «Молодая гвардия» Фадеева (обсуждение этого бестселлера занимало важное место в ранних редакциях и ушло в подтекст), «Далеко от Москвы» Ажаева и ряд иных сочинений так же плотно и значимо включены в структуру романа, как Слово о полку Игореве, переписка Грозного с Курбским (и ее трактовки), программное стихотворение Жуковского, «Барышня-крестьянка», речь Тургенева «Гамлет и Дон Кихот», западноевропейский («балзаковский») «роман карьеры» и поэзия Есенина, о которых — по необходимости бегло — говорилось выше.

ром», «Мастером и Маргаритой», «Пушкиным» и «Доктором Живаго». Приступая к работе над романом о жизни на шарашке и неизвестном герое, Солженицын не читал ни Набокова, ни Булгакова, ни Пастернака (Тынянова если и читал, то отнюдь не в интересующем нас ключе). Тем закономернее и символичнее, что книга, которую великий писатель (тогда — никому не ведомый и не предполагавший скорой встречи с читателем) счел вполне состоявшейся (что не исключало позднейших переработок), оказалась на важнейшей линии движения русской прозы XX века.

В предисловии к «подлинному» (освобожденному от вынужденных искажений и «усовершенному») роману Солженицын писал: *«Судьба современных русских книг: если и выныривают, то ущипанные. Так недавно было с булгаковским “Мастером” — перья потом доплывали»* (7). Позволю себе дерзкое предположение: автор «В круге первом», отмечая сходство судеб двух книг, намекал и на сходство их «сущностей», на их смысловое родство, обусловленное общностью великой традиции, что и в страшном XX веке сохраняла верность заветной формуле Жуковского «Жизнь и Поэзия одно».

И.Е. Мелентьева

СОЛЖЕНИЦЫН ЧИТАЕТ ЛЕСКОВА¹

С творчеством Лескова Солженицын познакомился в 1940-е годы. Пристальное перечитывание произведений этого писателя происходит между 1975-м и 1988 годами в процессе подготовки «Русского словаря языкового расширения» (1988), в который попали 75 лесковских лексических единиц (см. Приложение). «С 1975 года я <...> заново стал прорабатывать словарь Даля, привлекая к нему и словный запас других русских авторов, прошлого века и современных...»² — пишет Солженицын. Следы размышлений Солженицына о лесковской поэтике находим в беседе писателя со студентами-славистами Цюрихского университета: «Возможно обогащать язык разными методами. Например, Лесков (я думаю, старшекурсники уже знакомы с Лесковым) выхватывал словечки такие далёкие от всеобщего употребления, которые поражают как бриллианты, смотришь — какое слово! ну и слово!.. Но эти слова не имеют никакой надежды войти в употребление, они далеки от этой общей области...»³ Собственно оформление текста очерка о Лескове, вошедшего в «Литературную коллекцию», произошло в 1989 году.

В двучастном рассказе «Настенька» Солженицын называет писателей «из русской классики»⁴, невозможных или почти невозможных для чтения в советской школе 1930-х годов: вместе с Пушкиным, Лермонтовым, А.К. Толстым, Достоевским — и Лесков. Почему в соседстве с признанными великими появляется писатель, по словам Солженицына, «как бы второразрядный, как бы не проявивший себя», которому закрыт «первый ряд в литературе»?⁵ И почему Солженицын готовит лесковский очерк для «Литературной коллек-

---

¹ Доклад на семинаре отдела по изучению наследия А.И. Солженицына 21 сентября 2011 года в ДРЗ. — *Ред.*

² Русский словарь языкового расширения / сост. А.И. Солженицын. 3-е изд. М.: Русский путь, 2000. С. 3.

³ *Солженицын А.И. Беседа со студентами-славистами в Цюрихском университете (20 февраля 1975) // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1996. Т. 2: Общественные заявления, письма, интервью. С. 217.*

⁴ *Он же. Настенька // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006. Т. 1. Рассказы и Крохотки. С. 370.*

⁵ *Он же. Николай Лесков: Из «Литературной коллекции» (Архив А.И. Солженицына). Впервые опубл. в наст. изд. С. 11–24.*

ции», очень личного цикла, приоткрывающего дверь в творческую лабораторию писателя? Ведь этот текст — не только побочный продукт лексикографической работы: «спешил читать Лескова, думая выловить что-нибудь для словаря»⁶, но и «попытка войти в душевное соприкосновение с избранным автором»⁷. Может быть, Солженицын чувствовал некую общность с ним, соприродность дара, русскость? «Он — враг усреднённого литературного языка; его словарь, широкие ритмы его фразы могут раскрыться только тем читателям, которые владеют богатствами русского языка»⁸. О ком это пишет современный критик — о Солженицыне? о Лескове? А вот еще одно высказывание: «Вообще, этой своей в лучшем слове неуклюжестью, меткостью языка Солженицын напоминает Лескова ...»⁹

Лесковские отзвуки слышны в произведениях Солженицына. Вот эскизы дробят камень: «Нетрудно как будто, а говорить не хочется. Не трудно как будто, а работа каторжная»¹⁰, а мы слышим голос Ивана Северьяновича Флягина («Очарованный странник»): «Отодрали меня ужасно жестоко, даже подняться я не мог, и к отцу на рогоже снесли, но это бы мне ничего, а вот последнее осуждение, чтобы на коленях да камешки бить... это уже домучило меня до того, что я думал-думал, как себе помочь, и решился с своею жизнью покончить»¹¹.

И оппозиция женских типов у Лескова и Солженицына выстраивается по близкой модели. В творчестве Лескова противопоставляются образы евангельских Марии и Марфы¹² как выражение духовного и материального начал (Лесков даже выдумывает словечко «марфунство»¹³), но оценка этих образов писателем в течение времени претерпевает изменения, к тому же сравнива-

---

⁶ Там же.

⁷ Солженицын А.И. «Гольый год» Бориса Пильняка: Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 1997. № 1. С. 195.

⁸ Озеров Л. Поэзия лесковской прозы // В мире Лескова: Сб. ст. М.: Сов. писатель, 1983. С. 275.

⁹ Стенограмма расширенного заседания бюро творческого объединения прозы московской писательской организации СП РСФСР (16 ноября 1966) // Слово пробивает себе дорогу: Сб. ст. и док-тов об А.И. Солженицыне. 1962–1974. М.: Русский путь, 1998. С. 266.

¹⁰ Солженицын А.И. Знают истину танки // Собр. соч.: в 9 т. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2005. Т. 9. С. 368.

¹¹ Лесков Н.С. Очарованный странник // Собр. соч.: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 4. С. 405. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках номера тома и страницы.

¹² В лесковедении есть много работ на эту тему. См. напр.: Муллер де Морозус И. Марфа и Мария: Образ идеальной женщины в творчестве Н.С. Лескова // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, сюжет, жанр. Вып. 2. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводск. гуманитарн. ун-та, 1998. С. 442–453.

¹³ Лесков Н.С. Обойденные: Роман в 3 частях // Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: ТЕРРА, 1998. Т. 5. С. 201.

ются не только внутренние качества, но и внешний облик. И так оказывается, что в творчестве Лескова противостоит и сопоставляются худые и полные женщины (или, по определению критика А. Волинского, «цыбастая и рыхлая красавица»¹⁴). В повести «Запечатленный ангел» старообрядец Марко характеризует эти два типа красоты — модно-современный и исконно русский: «Мы длинных цыбов, точно, не уважаем, а любим, чтобы женщина стояла не на долгих ножках, а на крепоньких, чтоб она не путалась, а как шарок повсюду каталась и попевала, а цыбастенькая побежит да споткнётся. <...> Но нынешний вкус, разумеется, от этого доброго типа отстал и одобряет в женском поле воздушную эфемерность, но только это совершенно напрасно» (4, 332–333). Сходная образная композиция, но только перевернутая, и у Солженицына в «Раковом корпусе». Как шарок катается и всюду попевает крепконогая и крепкошея «пчёлка» Зоя, но не она выражает авторский идеал, а «тонконожка» Вера Гангарт. Героини последовательно сравниваются по ряду признаков: имя, телесные характеристики, поведение, отношение к долгу, нравственность и т.д. и в итоге оказываются выражением противостояния себялюбия и жертвенности, плотского и возвышенного. И это устойчивая черта солженицынской поэтики — именно в тщедушном и миниатюрном женском существе гнездятся мощные духовные силы.

Лесков и Солженицын в своем романном творчестве не делают любовную сюжетную линию главной: она присутствует, но приглушена. Акцентирование только любовного сюжета задевало Лескова — по поводу создателей и читателей массового романа писатель высказывается в статье «Жития как литературный источник» (1882)¹⁵: «Этим людям непонятно и досадно, как можно полюбить что-либо, кроме бесконечных вариаций на темы “влюбился — женился” или “влюбился — застрелился”»¹⁶. А Солженицыну даже звучание литературного термина, в котором, как в любом многозначном слове, просвечивают другие значения, было явно неприятно: «А роман (мерзкое слово! нельзя ли иначе?)»¹⁷. Неприязнь к слову «роман», возможно, возникает на почве отвращения к блатному образу жизни, ведь «**тискать роман** (блатн.) — рассказывать в камере авантюрно-любовную историю»¹⁸.

В самом же романном жанре каждый из писателей выбирал свою разновидность. Солженицын признавался: «Наиболее влекущая меня литера-

¹⁴ Волинский А.Л. Н.С. Лесков // Н.С. Лесков: Классик в неклассическом освещении / отв. ред. О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2011. С. 80.

¹⁵ Схожая мысль есть и в «Некуда».

¹⁶ Н.С. Лесков о литературе и искусстве / вступ. ст. И.В. Столяровой, коммент. А.А. Шеловой. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 39.

¹⁷ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 28.

¹⁸ Он же. Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования: 1918–1956 // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2010. Т. 6. С. 506.

турная форма — “полифонический роман” (без главного героя, где самым важным персонажем является тот, кого в данной главе “застигло” повествование) и с точными приметам времени и места действия»¹⁹. Это дает возможность автору «влезть в шкуру» каждого героя и не использовать прямые характеристики и оценки. Лескова же полифонизм не увлекает, им разрабатывается жанр общественного антинигилистического романа («Некуда», «На ножах», «Соборяне»), и здесь он новатор и первопроходец. Но, несмотря на своеобразие поэтики, Лесков часто пользуется приемами массовой беллетристики своего времени. Так, Солженицын отмечает, что смерти главных героев «Некуда» надуманны и слишком драматичны²⁰. И тут реальные события подтверждают догадку писателя. Дело в том, что к моменту окончания печатания романа (1865) прототипы Лизы Бахаревой (Мария Николаевна Коптева) и Райнера (Артур-Вильгельм (Артур Иванович) Бенни) были ещё живы. Бенни умер в 1867 году, Коптева, ставшая его женой, ещё позже (дата смерти неизвестна). Таким образом, Лесков «разделяется» со своими героями, чтобы эффектнее закончить произведение, следуя стандартам и стереотипам, бытующим в литературе той эпохи.

Читая сочинения Лескова, Солженицын в тексте и на полях делает пометы: подчеркивает, комментирует²¹. Вот что привлекло внимание писателя в издательских примечаниях к «Некуда», где цитируются слова Лескова: «У меня есть наблюдательность и, может быть, есть некоторая способность анализировать чувства и побуждения, но у меня *мало фантазии*. Я выдумываю тяжело и трудно, и потому я всегда нуждался в живых лицах, которые могли меня заинтересовать своим духовным содержанием. Они мною овладевали, и я старался воплощать их в рассказах, в основу которых тоже весьма

---

¹⁹ *Он же*. Бодался телёнок с дубом. С. 596.

²⁰ О чуткости Солженицына к «придуманностям» в тексте свидетельствует Л.И. Бородин: «Уже вернувшись в Россию, читал Александр Исаевич мою повесть “Царица смуты”. По прочтении опять же предложил мне ознакомиться с его замечаниями.

В целом повесть он принял. К слову сказать, некоторые мои писания он не принял категорически, и должен заметить, что это надо уметь — категорически не принять работу и при этом не обидеть, не задеть самолюбия автора.

Случилось так, что, когда повесть уже была почти закончена, я обнаружил в ней весьма существенный сюжетный прокол, расстроился, почти на месяц отставил работу, временами, однако ж, напрягаясь — как бы исправить сюжетный просчет. В итоге нашел, как мне казалось, идеальный вариант. Он и был идеальным, поскольку никто из читавших повесть не споткнулся на искусной, но искусственной “зацементовке” в сюжете.

Александр Исаевич прочитал мой недодел элементарно. И, соответственно, разнес со свойственной ему прямоотой» (Бородин Л.И. Солженицын-читатель // Между двумя юбилеями: 1998–2003: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах / сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. М.: Русский путь, 2005. С. 350–351).

²¹ Произведения Лескова прочитаны и цитируются Солженицыным по самому авторитетному на сегодняшний день изданию: Лесков Н.С. Собр. соч.: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1956–1958.

часто клал действительные события. Так почти написано всё, а по преимуществу роман “Некуда”...» (2, 719) (выделено синей ручкой двумя прямыми полускобками); о романе «Некуда»: «...он сохранил на память потомству истинные картины нелепейшего движения, которые непременно ускользнули бы от историка, и историк непременно обратится к этому роману... В “Некуда” есть пророчества, все целиком исполнившиеся» (2, 719–720) (выделено синей ручкой двумя прямыми полускобками и отчеркиванием на полях).

Солженицын, признававшийся в поэме «Дороженька»: «Я ношу в себе заряд историка / И обязанности очевидца»²², не мог не обратить внимание на сходство художественных задач, особенностей творческого преломления реальности и отношения к вымыслу. События современности становятся толчком к созданию солженицынских «Случая на станции Кочетовка», «Одного дня Ивана Денисовича», «Матрёнина двора», «Ракового корпуса», «В круге первом», «Архипелага ГУЛАГа»... О последнем сам автор говорит: «В этой книге нет ни вымышленных лиц, ни вымышленных событий»²³, а также: «Без сомнения, без раздвоения вступил я в удел: писать только для того, чтоб об этом обо всём не забылось, когда-нибудь известно стало потомкам»²⁴.

А вот как высказывается сам писатель в очерке из «Литературной коллекции» о лесковских текстах: «...слишком густо намешано языковых раскобряк...»; «И лишняя последняя фраза...»; «Многосотенно раз автора подводит отсутствие вкуса и меры. <...> У него не хватает собранности, стройности, всеуместности» и т.п.²⁵ Интересно, что это качество — избыточность — отмечали как современники Лескова, так и исследователи XX века. Например, Л.Н. Толстой: «Много лишнего, несоразмерного <...> излишек таланта...»²⁶; Б.М. Эйхенбаум: «чрезмерный писатель»²⁷ и др.

В связи с лесковской избыточностью следует отметить важную особенность цитирования в очерке. Солженицын переводит лесковский текст в свою систему координат, сжимает, придает «упругость», цельность. Так, фраза из «Леди Макбет Мценского уезда» «Наш народ набожный, к церкви Божией рачительный и по всему этому народ в свою меру художественный: благолепие церковное и стройное “органистое” пение составляет для него одно из самых высоких и самых чистых его наслаждений» (1, 129) передается Солженицыным в очерке в очень сокращенном виде: «Любовь народа к стройному цер-

²² Солженицын А.И. Дороженька // Солженицын А.И. Дороженька. М.: Вагриус, 2004. С. 125.

²³ Он же. Архипелаг ГУЛАГ // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2010. Т. 4. С. 11.

²⁴ Он же. Бодался телёнок с дубом. С. 10.

²⁵ Он же. Николай Лесков: Из «Литературной коллекции».

²⁶ Л.Н. Толстой — Н.С. Лескову, 3 декабря 1890 (Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 19. С. 209).

²⁷ Эйхенбаум Б.М. «Чрезмерный писатель»: К 100-летию со дня рождения Н. Лескова // Эйхенбаум Б.М. О прозе. О поэзии: Сб. ст. / сост. О.Б. Эйхенбаум. Л.: Худож. лит., 1986. С. 237–253.

ковному пению»²⁸. А витиеватое и смешное от недосказанностей «Платов не мог по-французски вполне говорить; но он этим мало и интересовался, потому что был человек женатый» (7, 26) сгущается и превращается в совершенно парадоксальное: «Платов мало интересовался французским языком, потому что был женатый»²⁹. Здесь работает тот же принцип использования чужого текста, что и в «Красном Колесе»: «Все цитаты истинны, но не все дословны, концентрация действительности есть требование искусства»³⁰; «...только уплотняю сам текст, чтоб не было пустоты, не было этой рыхлости...»³¹

В очерке о Лескове часто повторяются слова «карикатурность», «анекдотичность». «И непременно присутствуют у него запредельно странные анекдотические люди...»³² — удивляется Солженицын. Лесков же в письме И.С. Аксакову (от 23 марта 1875) пытается отвергнуть обвинения в окарикатуривании действительности, сыпавшиеся на него с разных сторон, и показать, что он только отображает жизнь, полную чудаковатых уродцев: «Дмитрий Самарин, встретясь со мною недавно у Щербатовых (Александра Петр<овича>), сказал мне, что памятуя “Захудалый род”, он помнит и “огромную утрировку, допущенную в лице Дон-Кихота Рогожина”. Когда бы мне это говорил петербургский сановник или даже писатель реальной школы, я бы не обратил на это внимания, но Дмитрий Самарин ведь не мог же не знать наших чудаков, которыми кишели мелкопоместные губернии (например, Курская и юго-западные уезды Орловской, где я родился и вырос). Дон-Кихот лицо почти списанное с памятного мне в детстве кромского дворянина и помещика 17 душ Ильи Ив<ановича> Козюлькина, который вечно странствовал, а приют имел у Анны Н. Зиновьевой. Он был очень благороден и честен до того, что требовал, чтобы у него в указе об отставке после слова “холост” было дописано: “но детей имеет”. Он служил попечит<елем> хлеб<ного> магаз<ина> и замёрз в поле, изображая среди метели Манфреда. Почему этих чудаков нельзя вывести, чтобы даже хорошие люди не закричали, что “это утрировка”? А я утверждаю, что утрировки нет» (11, 388). И пожалуй, здесь действительно не утрировка, а особенность отбора фактов, доведение «до логического конца тех “возможностей”, которые были заложены в сатирическом герое...»³³.

²⁸ Солженицын А.И. Николай Лесков: Из «Литературной коллекции».

²⁹ Там же.

³⁰ Солженицын А.И. Замечания автора к Узлу Второму // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2007. Т. 10: Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел II: Октябрь Шестнадцатого. Кн. 2. С. 531.

³¹ Он же. Интервью с Н.А. Струве об «Октябре Шестнадцатого» для журнала «Экспресс» (30 сентября 1984) // Солженицын А.И. Публицистика. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. Т. 3: Статьи, письма, интервью, предисловия. С. 263.

³² Он же. Николай Лесков: Из «Литературной коллекции».

³³ Горячкина М.С. Сатира Лескова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 172.

Солженицын отмечает у Лескова устойчивый автобиографический мотив «злой жены» («Некуда», «Житие одной бабы»), который решается грубо, плоско и однозначно. Личная неприязнь Лескова, по мнению Солженицына, приводит к профессиональной неудаче, так как собственные чувства не дают посмотреть на ситуацию со стороны, глазом художника, и потому в итоге — «психологически история семейная совсем не разработана»³⁴.

Сам Солженицын мог бы в «Октябре Шестнадцатого» изобразить не менее «злую» и не менее «автобиографичную» жену Алину такими же красками, что и Лесков, и полностью оправдать поведение Воротынцева. Но писатель идет по другому пути — он сосредоточивается не на обвинении героини, а на ее страдании, жалеет ее, показывает ситуацию ее глазами. По Солженицыну, в данном случае Лесков нарушает «закон поэзии — быть выше своего гнева и воспринимать сущее с точки зрения вечности»³⁵ — и поэтому не прав и нехудожественен. То же можно сказать и про изображение маркизы де Бараль, «углекислых фей» и вообще про установку на сатиричность и карикатурность.

Вот откуда столь острая критика, хотя подмечается и «верность общего взгляда Лескова на всё движение», и «лёгкость повествования», и что «народный диалог — везде хорош», и что он «народный, и религиозный, писатель». Суровость критики идет еще от того, что Солженицын относится к анализируемому тексту с той же требовательностью, как к собственному (хотя и с оговорками: «Впрочем, тогда все писали так»³⁶).

Обратим внимание еще на один фрагмент лесковского текста, отмеченный Солженицыным: «...Настя <...> вздрагивала при малейшем шорохе, который производили мыши» (1, 362)³⁷. Слово «производили» рукой Александра Исаевича волнисто подчеркнуто и волнисто отчеркнуто на полях книги простым карандашом. Задача «Литературной коллекции» Солженицына — проникнуть в замысел другого писателя, «как если б тот предстоял мне самому <...> и оценить, насколько он свою задачу выполнил»³⁸. В данном случае мы можем даже узнать, как выполнил эту задачу сам Солженицын. Обратимся к рассказу «Матрёнин двор».

Мышиные звуки — важная составляющая этого рассказа. Вначале изображение жизни мышей (а также кошки, фикусов и тараканов) направлено на создание атмосферы бытия Матрёниной избы, где каждый чувствует себя привольно: «нагло шуршали», «вслед их шуршанью», «редкое быстрое

³⁴ Солженицын А.И. Николай Лесков: Из «Литературной коллекции».

³⁵ Он же. Бодался телёнок с дубом. С. 14.

³⁶ Он же. Николай Лесков: Из «Литературной коллекции».

³⁷ А вот в романе «Некуда» про мышей понравилось: «Сидят в укромной теплой каморке, а по хоромам ветер свищет, да бегают рослые крысы и бархатные мышкы» (2, 388).

³⁸ Солженицын А.И. «Голый год» Бориса Пильняка. С. 195.

шуршание»³⁹. Ближе к развязке мышинные звуки становятся интенсивнее, тревожнее и многообразнее: «мышь предчувствует беду («очень уж, как никогда, развозились мыши: всё нахальней, всё шумней они бегали под обоями, скребли и попискивали»; «Мышами овладело какое-то безумие, они ходили по стенам ходенём, и почти зримыми волнами перекатывались зелёные обои над мышинными спинами»; «Мыши пищали, стонали почти, и всё бегали, бегали»)⁴⁰.

Палитра мышинных звуков у Солженицына одновременно и разнообразна, и уместна, и точна. Стилистически же чужеродное для русской избы и русской деревни калькированное слово «производили» — сухо, невыразительно, придает ненужный, пусть малый, но комический эффект, лишний в данном контексте. К тому же лесковское трехсловное «шорох, который производили» могло бы быть легко заменено емким и экономным солженицынским «шуршанье».

Пожалуй, даже эти несколько примеров показывают, что художественные миры Лескова и Солженицына имеют точки и соприкосновения, и отдаления. В чем же это еще проявляется? Попробуем разобраться.

Обратимся к биографическим параллелям. Оба писателя по рождению укоренены в русской народной жизни. Лесков пишет о своем детстве: «Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе...»⁴¹ А Солженицын как-то сказал в одном из интервью: «Я всю жизнь прожил в социальных низах...»⁴² Оба поздно вошли в литературу (Лесков в тридцать лет, Солженицын в сорок три года). И тот и другой интересовались причинами зарождения и развития нигилизма (но каждый по-своему: Лесков — изнутри, Солженицын — с высоты истории). Боль за судьбы христианства в России также испытывали оба писателя. Но тоже по-разному, что обусловлено и эпохой, и личным складом: если Лескова мучило, что «во Христа-то мы крестимся, да во Христа не облакаемся» (5, 467), то Солженицына — гонения на православие безбожной властью, невозможность христианского воспитания детей, вытравливание религиозной составляющей жизни. Оба сочувственно относились к старообрядцам. Сочинения обоих писателей подвергались нивелирующей редактуре. «Вместо “не столько мяса поешь, сколько зуб расплюёшь” заменено словом “растеряешь”» (10, 277–278), — жалуется Лесков в письме. А в «Бодался телёнок с дубом» о правке «Одного дня Ивана Денисовича» читаем: «Взял Кондратович, и с первых же строк понял, что безымянный <...> тёмный автор лагерного рассказа даже

³⁹ Он же. Матрёнин двор // Собр. соч.: в 30 т. Т. 1. С. 121.

⁴⁰ Там же. С. 138, 141.

⁴¹ Лесков Н.С. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 3. С. 206.

⁴² Солженицын А.И. Телеинтервью компании «Останкино» (28 апреля 1992) // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 3. С. 368.

расстановки основных членов предложения толком не знает, да и слова-то пишет какие-то дикие. Пришлось ему карандашом исчеркать первую, вторую, пятую, восьмую страницы, возвращая подлежащие, сказуемые да и атрибуты на свои места. Но рассказ оказался весь до конца неграмотный, и Кондратович с какой-то страницы работу эту бросил»⁴³.

Но были и очень существенные различия. Лесков, несмотря на постоянную тягу к знаниям, так и не получил систематического образования, а Солженицын, как известно, блестящий универсальнт, студент двух вузов, в конце жизни — академик. Да и отношение к Церкви у двух писателей в итоге оказалось противоположным: Лесков в последние свои годы ударился в протестантизм толстовского толка, а Солженицын окончил жизнь верным чадом Русской православной церкви. К тому же Лесков, хотя и считал себя опытным и бывалым человеком, но не имел такой суровой школы, как война, преодоление смертельной болезни, тюрьма и ссылка.

В поэтике писателей можно найти много сходного. «Всё, что я усвоил, я перенял у русской литературы»⁴⁴, — мог бы сказать о себе не только Солженицын, но и Лесков. Оба писателя активно используют сказовую манеру, широко вводят в свои произведения так называемые живописные сюжеты (экфрасис), практикуют поэтику мемуарных жанров (исповедь, воспоминания и др.), «рождают» новые жанры (Лесков: рапсодия, пейзаж и жанр, сказ и др.; Солженицын — крохотки, двучастные рассказы, повествование в отмеренных сроках, художественное исследование и др.), обновляют старые (роман, рассказ); и у того и у другого — большой корпус публицистических произведений. Почти все острые проблемы общественной и литературной жизни были отражены в произведениях обоих писателей.

В книге «Бодался телёнок с дубом» Солженицын признавался: «Такое уж моё свойство, я не могу обминуть ни одного важного вопроса. Например, еврейский вопрос, — зачем бы он мне нужен? Спокойнее миновать. А я вот не могу»⁴⁵. И у Лескова, и у Солженицына изображение национального характера — одна из важнейших черт поэтики. Не так много у Лескова произведений, где каким-либо образом не затрагивалась бы «еврейская проблема», а 1870–80-е годы писатель особо заостряет свое внимание на данной тематике: «Владычный суд» (1876), «Ракушанский меламед» (1878), «Жидовская курвырколлегия» (1882), «Новозаветные евреи» (1884), «Уха без рыбы» (1886), «Сказание о Феодоре-христианине и об Абраме-жидовине» (1886), 20 статей под общими заголовками «Еврейская набожность» (1880) и «Религиозные обряды евреев» (1880–1884). Благодаря этим произведениям Лесков прослыл антисе-

⁴³ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 25.

⁴⁴ Он же. Письмо IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей (16 мая 1967) // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 2. С. 24.

⁴⁵ Он же. Бодался телёнок с дубом. С. 101.

митом. Но в 1884 году без подписи выходит малотиражная брошюра (50 экземпляров с указанием «В продаже не обращается») «Еврей в России: несколько слов по еврейскому вопросу», в которой содержится апология еврейства. Обратимся к истории создания этого текста. «Известно, что к 1884 г. у писателя состоялись контакты с руководителями еврейской диаспоры в Петербурге. Петербургскую еврейскую элиту в то время составляли богатые коммерсанты, осевшие в столице при Александре II. Согласно воспоминаниям Андрея Лескова в 1883 г. руководители диаспоры, очевидно знакомые со статьями писателя о еврейских обрядах в “Петербургской газете” и его рассказами, предложили Лескову написать брошюру в защиту евреев для предоставления в комиссию гр. Палена⁴⁶. Это было своеобразным “заказом”, и Лесков его добросовестно выполнил. Своей цели — разрушение мифа о еврее как враге русского народа — писатель достигает при помощи тщательно продуманной риторической организации текста. Брошюра поделена на три главы, а те, в свою очередь, — на главки, которые посвящены разным сторонам жизни евреев, их национального характера. Каждая главка имеет трёхчленное построение: выдвигание негативного стереотипа еврея — его разрушение — вывод»⁴⁷.

Побудительным же мотивом создания Солженицыным объемного двухтомника «Двести лет вместе» был зов к взаимному покаянию: «Я призываю обе стороны — и русскую, и еврейскую — к терпеливому взаимопониманию и признанию своей доли греха, — а так легко от него отвернуться: да это же не мы...»⁴⁸ Ведь по мысли писателя: «Раскаяние личное, общественное и национальное всегда только очищает атмосферу»⁴⁹.

Даже не углубляясь в сопоставительный анализ этих работ двух писателей о еврейском вопросе, а рассматривая лишь побудительные мотивы к их написанию, можно заметить, что Лесков в этой брошюре выступает односторонне и только с защитой евреев, а Солженицын анализирует двусторонность и взаимность русско-еврейских отношений. И что интересно, после выхода

---

⁴⁶ «В начале 1883 года в кабинете Лескова появилась почти карикатурная фигурка: очень маленький, крикливо одетый брюнетик, с бритой верхней губой, черной, “метелочкой”, бородкой и ежиком остриженными конскими волосами. Представился он как доверенный барона Зака, барона Г.О. Гинцбурга и прочих виднейших представителей столичной еврейской общественности. Себя он назвал кандидатом прав Казанского университета П.Л. Розенбергом. От имени пославших его он передал просьбу составить записку по вопросу о положении евреев в России, предназначенную для представления ее затем в так называвшуюся “Паленскую” комиссию, созданную для обсуждения мероприятий по предотвращению впредь еврейских погромов, подобных прокатившимся на юге в 1881–1882 годах» (Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным запискам и памяткам. Тула: Приокск. кн. изд-во, 1981. С. 433–434).

⁴⁷ Кузьмин А.В. Иноходец в творчестве Н.С. Лескова: проблема изображения и оценки. СПб.: Филологич. ф-т СПбГУ, 2003. С. 106–107.

⁴⁸ Солженицын А.И. Двести лет вместе: в 2 ч. М.: Русский путь, 2001. Ч. 1. С. 6.

⁴⁹ Он же. Интервью журналу «Тайм» (19 января 1974) // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 2. С. 66.

«Двести лет...» появляется ряд ругательных статей, авторы которых, упрекая Солженицына за слишком резкие высказывания в адрес евреев, ставят ему в пример Лескова, сумевшего «подняться над былым предубеждением»⁵⁰, и не обращают внимания на то, что Солженицын пытается не только «рассеять непонимание ошибочное и обвинения ложные, а напомнить и об обвинениях справедливых»⁵¹.

Думается, что критики Солженицына меньше возвеличивали бы Лескова, если бы знали, что «в своих беседах с А.И. Фаресовым Лесков признавался: “Есть много вопросов в русской жизни, о которых я много читал, думал и всё-таки не имею о них мнения, на котором бы настаивал. Это вопросы: еврейский, об общине и обязательном в России обучении <...> для себя я имею мнение, что лучше жить по-братски со всеми национальностями, и высказываю это мнение; но сам боюсь евреев и избегаю их. Я за равноправие, но не за евреев <...> Если мне нужно купить сапоги и передо мной будут сапожники — немец, поляк, русский и еврей — то я пойду к немцу; если нет немца, пойду к поляку и т.д. К еврею пойду после”»⁵².

Еще одна болезненная для русской литературы тема — польская. Поляки изображаются Лесковым так, как было принято в его время: мужчины обычно — хитры и галантны, а женщины — невероятно красивы. Но у лесковских поляков есть то, что не всегда имеется у русских, — любовь и преданность отечеству: «Дорогая родина моя! Прости мне мою измену, мою зависть к злейшим и до вечным врагам твоим! ...Не могу не завидовать горячему и простому патриотизму усатого, застенкового польского шляхтича. <...> Боюсь, что мне не суждено дожить до того, чтобы увидеть в людях страны моей столько же любви к существующей России, сколько есть этой любви в сердце каждого поляка для его несуществующей Польши»⁵³. Солженицын же всегда акцентирует у поляков высокое чувство чести, непреклонность, рыцарственность, вот что пишет он в «Архипелаге...» о поляке Юрии Венгерском, единственном, кто не прекратил голодовку: «Видение дымящейся каши не могло заслонить от него — безтелесной Свободы! Если бы все мы были так горды и тверды — какой бы тиран удержался?»⁵⁴

⁵⁰ Зеленин Г. Лесков против Солженицына // *Общ. газ.* 2002. 7–13 февр. С. 10.

⁵¹ *Солженицын А.И. Двести лет вместе.* Ч. 1. С. 8–9.

⁵² Кузьмин А.В. *Иноходец в творчестве Н.С. Лескова...* С. 115. (Цитируется: *Фаресов А.И. Против течений: Н.С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем.* СПб.: Тип. М. Меркушева, 1904. С. 298, 300, 301.)

⁵³ *Лесков Н.С. Русское общество в Париже (1863 г.): Очерки в письмах к редактору журнала* // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 3. С. 282.

⁵⁴ *Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ* // Собр. соч.: в 30 т. Т. 6. С. 235–236. Солженицын специально посвятил русско-польским отношениям несколько страниц статьи «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» (см.: *Солженицын А.И. Публицистика.* Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. Т. 1: Статьи и речи. С. 73–76.)

Есть у Солженицына и Лескова переключки, в которых поражает и сходство, а особенно различие. Так, в одном из лесковских «рассказов кстати», «Бесстыдник», где героями обсуждается «современное обмеление чувств, мысли и характера» (6, 146), «черноморский офицер», участник обороны Севастополя, рассказывает случай, по его словам подтверждающий «многосторонность и талантливость русского народа» (6, 147). В одном «очень большом и пёстром собрании» (6, 147) в Петербурге этот моряк выражает возмущение ненасытностью «интендантской утробы» (6, 149), казнокрадством, злоупотреблениями при поставках продовольствия и обмундирования во время Крымской кампании. Возмущение это упирается в отпор разжиревшего «провиантщика», который заявляет, что его собеседник оскорбляет «русских людей», деля их на две части — честных и воров, тогда как «мы, русские, как кошки: куда нас ни брось — везде мордой в грязь не ударимся, а прямо на лапки станем; где что уместно, так себя там и покажем: умирать — так умирать, а красть — так красть» (6, 158). Далее этот персонаж произносит фразу, через столетие почти дословно повторенную Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГе»: «А если бы вышло, например, такое повеление, чтобы всех нас переставить одного на место другого, нас, например, в траншеи, а вас поставить к поставкам, то мы бы, вору, сражались и умирали, а вы бы... крали...» (6, 158). Сначала у читателя создается впечатление, что Лесков ради красного словца («Бесстыдно, но хорошо сказано» (6, 158)) оправдывает провиантщика, да и сам рассказ — легкое анекдотоподобное чтение, но настоящий смысл становится понятен только после размышления и уже за пределами самого произведения. Примечательно, что правду о том, где проходит граница между истиной и ложью, нравственностью и безнравственностью, подвигом и преступлением, высказывает не положительный, не автобиографический герой, а бесстыдник, преступник и вор, причем Лесков старается вызвать у читателя к нему омерзение: «...в провиантском мундире этакая огромная туша» (6, 149); «Он и сосал, и чмокал, и языком по нёбу сластил, и губами почавкивал» (6, 154). Провиантщик указывает офицеру, считавшему себя «чисты[м] и... этак, знаете, совершенно чисты[м]» (6, 153), «честнейшим человеком» (6, 153), такие глубины, о каких тот и не помышлял: «...откровенно вам скажу, нынче часто об этих бесстыжих речах вспоминаю и нахожу, что бесстыдник-то — чего доброго — пожалуй, был и прав» (6, 158).

Нравственная коллизия лесковского рассказа зеркальна нравственной коллизии автобиографического героя в «Архипелаге ГУЛАГе». В первом герой прозревает благодаря остроте грешника, во втором — к покаянию приводит осознание собственных поступков, там — покаяние рассказчика вынесено за рамки текста (да и вообще может создаться впечатление, что деяния провиантщика обелены его остроумным ответом), тут — покаянный плач — одна из важных составляющих повествования. Вот слова заключенного офицера

Солженицына, который тоже не разделяет русский народ на две части — святых и грешников: «Я приписывал себе безкорыстную самоотверженность. А между тем был — вполне подготовленный палач. И попади я в училище НКВД при Ежове — может быть у Берии я вырос бы как раз на месте?.. <...> И перед ямой, в которую мы уже собрались толкать наших обидчиков, мы останавливаемся, оторопев: да ведь это только сложилось так, что палачами были не мы, а они. А кликнул бы Малюта Скуратов нас — пожалуй, и мы б не сплошали!..»⁵⁵ Таким образом, покаянное начало проявляется у Лескова опосредовано (через отрицательного персонажа), а у Солженицына — непосредственно (через автобиографического героя).

Лесков и Солженицын любят исконное русское слово, но подход к отбору в писательский словарь совсем разный. «Свою записную книжку 1894 г. Лесков неслучайно озаглавил “Порча слов и речей”, заноса туда народные произношения и соответствующие им литературные обороты речи. Из этих записей видно, откуда идут “лесковские” меткие словечки, сатирически переосмысливающие многие понятия, и слова образованных сословий, дающие образное, свежее восприятие мира: “натянутые дамы — нарядные; крестол — престол; благоухание — благоухание; маниль — ваниль; телешом ходить — голый; кот бормочет — тихо мяучит” — и т.п.»⁵⁶ Лескова в писательской практике интересовало слово яркое, эксцентричное, сверхэкспрессивное, «испорченное» и потому не предназначенное для общего использования. А солженицынские задачи были другими — сохранить вкус и аромат русского языка, собрать слова «ещё вполне гибкие, таящие в себе богатое движение — а между тем почти целиком заброшенные, существующие близко рядом с границей нашего изношенного узкого употребления...»⁵⁷. Потому и замечает Солженицын о романе «Некуда»: «Авторская лексика свободная, но обогащённых слов в этой книге мало...»⁵⁸

Введение иноязычной лексики не приветствовалось обоими писателями. Лесков: «Новые слова иностранного происхождения вводятся в русскую речь беспрепятственно и часто совсем без надобности. Надо беречь наш богатый и прекрасный язык»⁵⁹. Солженицын: «...если беспрепятственно допускать в русский язык такие невыносимые слова, как “уик-энд”, “брифинг”, “истеблишмент” и даже “истеблишментский” (верхоуставный? верхоуправный?), “имидж”, — то надо вообще с родным языком распрощаться»⁶⁰. Но,

⁵⁵ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Собр. соч.: в 30 т. Т. 4. С. 158–159.

⁵⁶ Горячкина М.С. Сатира Лескова. С. 192.

⁵⁷ Русский словарь языкового расширения. С. 4.

⁵⁸ Солженицын А.И. Николай Лесков: Из «Литературной коллекции».

⁵⁹ Н.С. Лесков — М.Г. Пейкер, 1878 (РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 161). Цит. по: Горячкина М.С. Сатира Лескова. С. 199.

⁶⁰ Русский словарь языкового расширения. С. 3.

видимо, засилье нерусских слов каждый из них понимает по-своему, так как Солженицын в тексте «Леди Макбет Мценского уезда» подчеркивает карандашом волнистой линией и делает на полях карандашом же волнистое отчеркивание: «вокальные вопросы» (1, 129), а в тексте очерка из «Литературной коллекции» рядом с этим и подобными словосочетаниями замечает: «режут»⁶¹. Интересно, что «Русском словаре языкового расширения» Солженицын предлагает: вместо «вокальная музыка» можно сказать «певчая музыка»⁶².

Да и к стилю Лескова претензии не только с точки зрения использования иноязычных слов, но и с точки зрения благозвучности: «Нечувствительно громоздит: “потряхивающегося”, “пробивающемся”, “раскачивающуюся”»⁶³. В разговоре со швейцарскими студентами Солженицын утверждает: «Мне жаловались, кстати, даже не русские, а люди, которые со мной в лагерях сидели, других национальностей, что вот очень трудно выговаривать наши причастные обороты на “щися”. И правда, не украшают язык эти “щися”, “щяся”, “щуюся”, действительно тяжелы. И я почти изгнал их, вы в “Архипелаге” почти не найдёте таких слов, хотя, в общем, в русской литературе сейчас на каждой странице одно такое слово есть, а то и больше. Их все можно заменять прилагательными великолепными, которые не употребляются ежедневно, но которые так и ложатся, — лёгкие, хорошие прилагательные»⁶⁴.

Но некоторые претензии были бы и у Лескова к Солженицыну. Вот как примерно мог бы звучать их диалог. «Тургенев — первый! — и слово “нигилист” ввёл он», — восклицает Солженицын⁶⁵. Лесков (заметка «Откуда пошла глаголема “ерунда”, или “хирунда”» (1884)) отвечает: «Слово “нигилист” изречено впервые не покойным Тургеневым, а <...> оно еще ранее встречалось в творениях св<ятых> отец, у блаж<енного> Августина» (11, 90). А исследователи XX века добавили бы: «Слово “нигилист” в России употреблялось задолго до Тургенева: Н.И. Надеждиным (1829), Н. Полевым (1832), В. Белинским (1836), М. Катковым (1840). В 30–40-х годах, когда лагерь демократии еще не сформировался, слово “нигилист” не могло обозначать определенную социальную или политическую силу, оно относилось вообще ко всем людям невежественным и темным. <...> ...Европейские справочники и словари относят происхождение этого понятия к русской жизни, а слово “нигилизм” (несмотря на латинское nihil) считают взятым из русского языка и приписывают авторство Тургеневу»⁶⁶.

⁶¹ Солженицын А.И. Николай Лесков: Из «Литературной коллекции».

⁶² Русский словарь языкового расширения. С. 165.

⁶³ Солженицын А.И. Николай Лесков: Из «Литературной коллекции».

⁶⁴ Он же. Беседа со студентами-славистами в Цюрихском университете. С. 218.

⁶⁵ Он же. Николай Лесков: Из «Литературной коллекции».

⁶⁶ Пустовойт П.Г. Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети»: Комментарий: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1983. С. 155–156.

Лесков и Солженицын так часто пишут о близких и схожих предметах, но настолько по-разному их освещают, что тянет вспомнить Герцена: «У нас была одна любовь, но не одинакая...»⁶⁷ Оба писателя подходят к одному предмету, но с противоположных сторон и разными методами. Если Солженицын старается добиться эффективности минимальными средствами, всё уплотняя и уплотняя ткань произведения, сжимая и концентрируя, то Лесков расцвечивает повествование, максимально распространяет текст и в сюжетном плане, и в плане изобразительно-выразительных средств, добавляет детали, подробности. Лесков умудряется сочетать такие эклектичные элементы, которые в эстетике Солженицына немислимы, и делает это намеренно. Парадоксальность какого-то неразрывного сходства-различия писателей даже в том, что расположение фразы о «праведных, без которых нет граду стояния» у Лескова и Солженицына композиционно зеркально друг другу: первый пишет ее в зачине к циклу «Праведники», намереваясь идти разыскивать их, а у второго в «Матрёнином дворе» это народное речение ставит точку в повествовании. И хотя «мастер мастеру не указ»⁶⁸, Солженицын с высоты своего дара оценивает творчество Лескова, который, несмотря на разномасштабность талантов, для Солженицына родной брат-писатель, чьи неудачи огорчают, успехи — радуют, а книги — питают.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК СЛОВ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.С. ЛЕСКОВА, ВОШЕДШИХ В «РУССКИЙ СЛОВАРЬ ЯЗЫКОВОГО РАСШИРЕНИЯ» А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА⁶⁹

безнуждно нч. (Лс⁷⁰) [«Некуда»]

бельмисто нч. (Лс) [«Некуда»]

бесповодный (Лс) [«Некуда»]

благопоказно (Лс)

благопокорность (Лс) [«Некуда»]

варистая печь (Лс), **варкая** — в которой пицца быстро варится [«Некуда»]

ветриться где — дрз. знч. легкомысленно себя вести (Лс) [«Некуда»]

взыскать гостя (Лс) — угостить [«Соборяне»]

враг **вредует** (Лс)

⁶⁷ Герцен А.И. Былое и думы // Соч.: в 9 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 5. С. 132.

⁶⁸ Солженицын А.И. Заметки между делом (1963–1966) // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 2. С. 18.

⁶⁹ Произведения Н.С. Лескова указаны в квадратных скобках.

⁷⁰ нч. — наречие, Лс — Лесков.

вспира́ться (Лс) [«Некуда»]
втретѣй нч. — в третий раз (Лс) [«Некуда»]
га́достник, га́достница (Лс) [«Некуда»]
говельщик, говельщица (Лс) [«Некуда»]
дро́глый (Лс) [«Житие одной бабы»]
живообра́зность, живообра́зно (Лс) [«Леон дворецкий сын»]
изнаро́чна нч. (Лс) [«Житие одной бабы»]
исчу́жи нч. (Лс) [«Житие одной бабы»]
камнесече́нный (Лс) [«Левша»]
кривосу́дство (Лс) [«Соборяне»]
коневьё собр. (Лс) [«Житие одной бабы»]
ма́литься (Лс) — уменьшаться [«Некуда»]
малопрочи́нный (Лс) [«Некуда»]
меледа — непутёвая работа, вздор; однообразная забава (Лс) [«Некуда»]
мести́ться (Лс) — помещаться, занимать место [«Левша»]
мимово́льно (Лс) [«Леди Макбет Мценского уезда»]
надбре́жный (Лс) [«Некуда»]
санный нато́р (Лс) [«Некуда»]
наязы́чить чего (Лс) [«Леди Макбет Мценского уезда»]
недоброслужа́щий (Лс) [«Соборяне»]
недру́жливый (Лс) [«Житие одной бабы»]
неоправди́мый (Лс) [«Соборяне»]
неотёс м. (Лс) [«Некуда»]
не́ровня об. (Лс) [«Некуда»]
не́родица — др. знч. (Лс) женщина, не способная рожать [«Леди Макбет Мценского уезда»]
неста́точность (Лс) [«Леон дворецкий сын»]
неуло́мный члв. (Лс) [«Житие одной бабы», «Соборяне»]
нищечебро́д м. (Лс, В. Аф.⁷¹) [«Некуда»]
ночле́говать (Лс), **ночлежить** где [«Некуда»]
ну́жно нч. (Лс) [«Некуда»]
ны́ла об. (Лс) [«Некуда»]
по оба́польности (Лс) [«Житие одной бабы»]
остаре́ть (Лс) [«Соборяне»]
отзы́бнуть дверь (Лс) — слегка приоткрыть [«Некуда»]
пев м. (Лс) — пение птиц [«Некуда»]
пе́клый жар (Лс) [«Житие одной бабы», «Леди Макбет Мценского уезда»]
подозли́ть кого (Лс) [«Некуда»]
полголо́сные рассказы (Лс) [«Некуда»]
посрамительный (Лс) [«Левша»]

⁷¹ В. Аф. — Виктор Астафьев.

предвещательный знак (*Лс*), видение [«Привидение в Инженерном замке»]
предвозвещательный (*Лс*) [«Привидение в инженерном замке»]
предвозвышаться перед кем (*Лс*) [«Левша»]
пристрашенный (*Лс*) [«Некуда»]
пропускная стопочка (*Лс*) [«Житие одной бабы»]
просовы (*Лс*) — оседания снега [«Некуда»]
пошёл на **разживу** (*Лс*) (искать поживы) [«Житие одной бабы»]
душа с телом на **ро́сстали** (*Лс*) [«Житие одной бабы»]
сблизу нч. (*Лс*) — изблизил [«Житие одной бабы»]
свариться, свариться (*Лс*) — вздорить, кориться, ссориться [«Некуда»]
сдействовать (*Лс*) [«Житие одной бабы»]
семьяне мн. (*Лс*) [«Некуда»]
слепотствующее общество (*Лс*) [«Некуда»]
смоли́ть грех с кого (*Лс*) [«Некуда»]
не срамничай! (*Лс*) [«Некуда»]
стропотность (*Лс*) [«Соборяне»]
суволока (*Лс*) — сугроб [«Некуда»]
сугиб м. (*Лс*) [«Левша»]
сухотить кого (*Лс*) [«Житие одной бабы»]
табачневый цвет (*Лс*) [«Некуда»]
трёхприёмный поцелуй (*Лс*) [«Житие одной бабы»]
С увёркою (*Лс*) — с гарантией [«Левша»]
вот тебе **удобьице** (*Лс*) [«Житие одной бабы»]
урекать (*Лс*), **урекнуть**, **уречь** кого — корить [«Житие одной бабы»]
утупить глаза (*Лс*) [«Некуда»]
шатость (*Дй, Лс, М-Пч*⁷²) [«Соборяне»]
широкопастый (*Лс*) [«Леди Макбет Мценского уезда»]

---

⁷² *Дй* — Достоевский, *М-Пч* — Мельников-Печерский.

Б. Н. Любимов

«ПИР ПОБЕДИТЕЛЕЙ» НА СЦЕНЕ МАЛОГО ТЕАТРА

Из истории постановки¹

Тема «Солженицын и театр», конечно, не является центральной в изучении наследия писателя, но мне она представляется не совсем уж и периферийной. Эта тема заслуживает отдельного подробного рассмотрения, а сегодня хотелось бы вспомнить спектакль «Пир победителей». Мне довелось наблюдать его зарождение и жизнь в течение не очень долгого, но все же достаточно продолжительного времени, и я хотел бы поделиться своими воспоминаниями и размышлениями.

Осенью 1963 года я пошел учиться в школу рабочей молодежи и устроился осветителем в театр «Современник». Тогда «Современник» «жил Солженицыным». Его любили, ценили, постоянно говорили о нем, особенно о его пьесе «Олень и шалашовка». Предполагалась ее постановка. Пьеса лежала в литчасти, но текст получить было невозможно — понятно, по каким причинам. Я страшно жалел, что опоздал на сезон. Если бы родители меня отпустили раньше, я бы читку услышал². Пьесу хорошо знал весь театр — не только актеры, но даже мои коллеги по электроцеху, рабочие. Они мне объяснили, что такое «олень», что такое «шалашовка», рассказывали о замысле спектакля, по которому мы, осветители, должны были в какой-то момент из зрительских лож софитами «слепить» зрительный зал — как прожекторами на зоне. Мне врезался в память этот образ, очень театральный: осветители, направляющие свет софитов на созданную художником «зону»... (Забегая вперед, скажу, что художник несостоявшегося в «Современнике» в 1963-м спектакля участвовал в постановке пьесы в 1991-м, во МХАТе имени А.П. Чехова³.)

Театр поддерживал связь с Солженицыным. Помню разговоры в коридорах, обсуждения впечатлений Александра Исаевича от первых спектаклей Театра на Таганке, образовавшегося в 1964-м. «Современник» очень ревниво

---

¹ Доклад на семинаре отдела по изучению наследия А.И. Солженицына 23 ноября 2011 года в ДРЗ. — *Ред.*

² Читка пьесы состоялась в январе 1963 года. — *Ред.*

³ Постановка О.Н. Ефремова, режиссер И.П. Власов, художник П.М. Кириллов.

отнесся к появлению нового театра. Я, кстати, думаю, что если бы постановка пьесы тогда состоялась, отношения Александра Исаевича с «Современником» стали бы такими же непростыми, как с редакцией «Нового мира». Безусловно, театр числил бы его «своим», ревновал бы, следил за каждым шагом, а если бы он отнес какую-нибудь пьесу на Таганку или, скажем, в Ленком, обид было бы много... Но это попутные соображения.

По роду службы я не много общался с «верхушкой» театра, но об Александре Исаевиче говорили тогда «сверху донизу». Хорошо помню, как после какого-то спектакля на выходе из театра сантехник лет тридцати обсуждал с кем-то только что опубликованный рассказ Солженицына «Для пользы дела». Я зацепился, разговорились, потом пошли к нему в подсобку и проговорили до утра — сперва о рассказе, а потом уже обо всем, что к тому времени было напечатано Солженицыным.

В 1970-х мне попал в руки первый том «Архипелага ГУЛАГа». Каждый читатель вычитывает в книге что-то относящееся к своей профессии, то, на что могут не обратить внимания остальные. Читая первый том «Архипелага...» глазами работника театра, я обратил внимание на то, что при описании судебных процессов Александр Исаевич создает некий образ спектакля, используя театральные термины, «театральный метаязык», как определили бы литературоведы 1960–70-х. «Роль», «текст», «спектакль», «пьеса», «лубянские суфлеры», «главный Режиссер», «живо, как во МХАТе», «отступил... от системы Станиславского» и т.д. — это рассеяно по десяткам страниц⁴. Сопоставив этот факт с появлением в романе «В круге первом» театрального критика, спектаклей «Васса Железнова» и «Незабываемый 1919-й», я вдруг понял, что театр занимает не последнее место в художественном сознании Солженицына. Тогда мне не было известно, что одно время, еще до войны, Александр Исаевич думал об актерской стезе, его знал Ю.А. Завадский, работавший тогда в Ростове.

Еще одно попутное размышление, прежде чем перейти к «Пиру победителей». Недавно здесь, в Доме русского зарубежья, демонстрировалась видеозапись интервью Александра Исаевича французскому телевидению 1983 года. Здесь мы слышали русский текст, французский шел фоном. А в тот день в 1983-м я был в Париже и смотрел там это интервью, где, наоборот, фоном была русская речь. И я сквозь французский перевод вслушивался в то, что говорит по-русски Александр Исаевич, всматривался в его лицо... Вот Завадский предполагал, что Солженицын будет великим писателем, поэтому незачем ему быть артистом, но чего-то он не доглядел. Я абсолютно убежден, что у Александра Исаевича был артистический дар — не только в самом широком, но и в «специальном», профессиональном смысле этого слова.

---

⁴ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956: Опыт художественного исследования // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2010. Т. 4. С. 375, 353 и др.

У него совершенно поразительная мимика, очень выразительные глаза. Например, говоря о «наших плюралистах», он эдак прищуривается, глазки становятся маленькими, мелкими — и сразу возникает образ, и понятно, что он о них думает. Говоря же о чем-то важном, он острым, глубоким взглядом всматривается в собеседника, словно вкладывая ему в голову свои мысли... Всматривается в журналиста, но — и в нас, зрителей. И выразительнейшие у него жесты, сами руки — с какой точностью показывает он, к примеру, пилку и колку дров... Из одной этой записи явственно, что слово для Солженицына должно быть еще и «видно». А это, собственно, и есть основа театра, зрелища в самом широком смысле слова. Вряд ли кто-то пожалеет о том, что Солженицын не избрал артистическую карьеру и стал писателем, однако дар артиста в нем несомненен. Не случайно остались записи его произведений в авторском чтении — очевидно, что для него было важно слово не только написанное, но и произнесенное. Но это мысли по ходу...

Наступает 1988-й, борьба за Солженицына. Уже понятно, что вот-вот будет что-то напечатано. Летом этого года Е.Ц. Чуковская в «Книжном обозрении» написала о необходимости публикации его текстов⁵. Я тогда в журнале «Театральная жизнь» вел рубрику под названием «Русские идеи», републиковал фрагменты произведений русских мыслителей с собственными комментариями. Как-то осенью мы сидели с приятелями, бывшими студентами. Я говорил, как хорошо было бы поместить в журнале хоть фрагмент из какой-нибудь пьесы Солженицына или по крайней мере дать информацию о существовании этих пьес — ведь мало кто о них знает. Но как достать текст? И оказалось, что в библиотеке одного из моих собеседников, племянника Ростроповича, есть томик пьес и киносценариев, изданный в Париже в 1981-м! Я стал подряд читать всё. О некоторых вещах я знал. Знал, что есть пьеса «Пир победителей», но прежде не читал ее. Знал о «Свече на ветру», потому что она одно время лежала в литчасти Ленкома. Понятно, что знал про «Оле-ня и шалашовку»⁶. Но даже не слышал о существовании киносценариев. Я договорился с журналами «Советский экран» и «Театральная жизнь», что напишу о них. Но в борьбе за публикацию Солженицына было не так просто и «Новому миру», а уж тем более таким «мелкокалиберным винтовкам», как «Советский экран» и «Театральная жизнь»...

По странному стечению обстоятельств, как только я закончил чтение, позвонил приятель, режиссер Б.А. Морозов — с сообщением, что в Малом театре освободилась должность завлита и новый художественный руководитель Ю.М. Соломин приглашает на эту должность меня. Работать в Малом те-

---

⁵ См.: Чуковская Е.Ц. Вернуть Солженицыну гражданство СССР // Книжное обозрение. 1988. 5 авг.

⁶ Кстати, в середине 1970-х, работая уже не в осветительном цехе, а в литчасти «Современника», я не обнаружил там и следов пьесы.

атре я совершенно не собирался. Но подумал: постановка солженицынской пьесы была бы хорошим началом для нового художественного руководителя в новое время — и решил дать им томик пьес. Я предполагал, что речь пойдет об «Олене и шалашовке». В тот период перестройки уже и «Доктор Живаго» был опубликован⁷, и про ГУЛАГ можно было говорить всем — пока что кроме Солженицына. Но «Олень и шалашовка» спокойно пройдет. А «Пир победителей»... Режиссер должен увидеть, почувствовать крайне непростую образную систему этой пьесы. Столько мотивов там переплетено! Да еще стихи, которые актеры прощают в пьесах разве что Шекспиру, на худой конец Шиллеру. Поэтому я и не надеялся на возможность постановки «Пира...».

Мы с Морозовым пришли к Соломину домой — дальнейшее напоминало пассаж из булгаковского «Театрального романа». Они говорили о том, как бы было хорошо, если б я пошел работать в Малый театр, а я — как хорошо, если б они прочитали Солженицына и подумали о постановке хоть одной из пьес. В результате через две недели я работал в Малом театре, а режиссер Морозов прочитал книгу, и у нас с ним затеялся разговор. Будучи уверен, что речь пойдет об «Олене и шалашовке», я все-таки посоветовал обратить внимание на «Пир победителей». Он ответил: «А “Пир победителей” больше всего и привлек. Там есть образ — зеркало, я его так театрально вижу. Я представляю, как это может быть сценично, зрелищно». И речь пошла о включении «Пира победителей» в репертуар Малого театра.

Нужно было связаться с Александром Исаевичем. В январе 1989 года я был в Мюнхене, через общих знакомых узнал адрес и решил, что напишу письмо — официальное или полуофициальное — о возможности постановки «Пира победителей» в Малом театре. Но что-то меня остановило. Интуиция подсказала, что не стоит торопиться. Вскоре позвонили из Министерства культуры СССР (тогда еще существовавшего), которому подчинялся Малый театр, и «разъяснили», что ставить пьесу Солженицына сейчас не время. Конечно, звонок был по указке ЦК. Запрет касался всего, что вышло из-под пера Солженицына, в первую очередь — «Архипелага ГУЛАГа»...

Рано или поздно запрет был снят. Но к тому времени, как часто бывает, идею постановки заслонили другие планы. Замысел оставался на периферии нашего сознания, не исчезал, в разговорах с режиссером мы к нему постоянно возвращались, но театральная ситуация то и дело откладывала его воплощение — вплоть до 1994 года.

Вопрос о запрете уже не стоял. Но возникла другая сложность. Когда мы думали о постановке в 1988–1989 годах, не было речи о приезде Солженицына. А в 94-м еще не определилась дата возвращения, но оно ожидалось, и у театра появилась совершенно иная мера ответственности — уже не перед ЦК КПСС, а перед Александром Исаевичем, который спектакль увидит. Даст

ли вообще разрешение на постановку? Как примет? Получится ли поставить пьесу целиком, как он отнесется к возможным сокращениям? К тому же приближалось 50-летие Победы, и спектакль планировалось выпустить к юбилейной дате. Какова будет реакция ветеранов? Принять решение в такой ситуации театру было крайне непросто.

Пришли к очень верному, на мой взгляд, стратегическому решению — подготовить спектакль как можно быстрее и показать его в декабре 1994 года. Если все хорошо — покажем и в праздничные дни. А если спектакль получится неудачным — к весне 1995-го он уже вполне может пройти, и можно не включать его в праздничную афишу. Но принять такое решение — одно, воплотить — другое. Академические театры, и Малый в том числе, живут эпически. Истории театров насчитывают и сто, и двести лет, актеры живут порой по восемьдесят-девяносто. Сейчас Ромео, Джульетту или Чацкого играют и в пятьдесят, и в шестьдесят. Работать привыкли неторопливо — год, полтора и т.д. А тут до премьеры оставались считанные месяцы...

Мы написали письмо Александру Исаевичу о возможности предоставления права на постановку, и он ответил осторожным, но сочувственным согласием. Это этап пройденный. Но вот сезон заканчивается, лето — репетиционный период. Приступать к репетициям можно было где-то с октября. За два месяца в академическом театре сделать спектакль, тем более такой непростой, даже технически трудно. Видевшие спектакль согласятся, что он очень технически сложный — и для актеров, и для художников. Всем было понятно, что нужно сделать рывок, выложиться, для этого нужна крепкая команда. Как у футболистов — потом, после матча, можно и подраться, но на поле надо стоять друг за друга. Предстояло собрать коллектив, который сможет работать быстро, слаженно, динамично, без параллельного участия в съемках, без «халтуры», с пониманием того, что они играют.

Настроения, разговоры в театре были разные. Помню, пожилая актриса в буфете сказала: «Ну что, “власовскую” пьесу ставите?» А текст она и не читала. Не каждый мог принять эту пьесу во всей ее глубине и сложности. Дело в том, что пьеса не «власовская», хотя эта тема там присутствует. Но тогда, в 1994-м, те, кто с гордостью носил партбилет в течение десятилетий, само упоминание этой темы воспринимали как абсолютный подрыв устоев Малого театра. Так что некоторую политическую, а отчасти и эстетическую косность надо было преодолевать и внутри театра, а отнюдь не только в зрительном зале.

И тут мы узнаем, что приезжает Александр Исаевич. Значит, премьера состоится при нем, времени на раскачку нет. На мой взгляд, это оказалось к лучшему. Это стало некой встряской для команды, осознавшей, что надо подняться над внутренними конфликтами, от которых, конечно, никуда не денешься в театре (ведь если актер получил роль Гамлета, то режиссер хороший, и художественный руководитель хороший, а если не получил, то

и спектакль плохой, и режиссер плохой, и художественный руководитель плохой).

Репетиции должны были начаться в середине октября, а где-то во второй половине сентября у меня в квартире раздался звонок. В трубке мужской голос — и знакомый, и незнакомый: «Борис Николаевич, это говорит Солженицын». Какое-то ощущение дыхания истории — литературы, культуры, театра и вообще истории — возникло у меня от звуков этого телефонного голоса. Он спросил, правда ли, что театр собирается включить в план «Пир победителей», я ответил, что да, уже есть распределение ролей, вот-вот должны начаться первые репетиции. Речь пошла о необходимости встречи. Мы договорились, что начнется работа, у актеров накопятся вопросы, и где-нибудь вскоре после праздников (тогда еще праздновалось 7 Ноября) Александр Исаевич придет в театр.

Встреча состоялась 10 ноября 1994 года. Я впервые его увидел (как, впрочем, и все в театре). Сохранились фотографии встречи. Одна — в репетиционном помещении, где Солженицын отвечал на вопросы труппы. Другая — в кабинете художественного руководителя (кстати, она подтверждает мои наблюдения насчет замечательной театральной мимики Александра Исаевича). Я обратил внимание на одну особенность Александра Исаевича. Когда актеры задавали ему вопросы — очень важные или не очень важные, может быть, даже пустяковые, но конкретные, которые касались пьесы: движения сюжета или какой-нибудь реалии, — у него были живые глаза и он мог отвечать на эти вопросы столько, сколько надо. Как только начинался пустой театральный актерский треп — глаза его гасли, ему сразу становилось неинтересно. (И в дальнейшем, если я по телефону задавал ему какой-то конкретный вопрос, он всегда отвечал очень обстоятельно, с мельчайшими подробностями, если что-то не помнил — тут же уточнял, перепроверял и давал максимально подробную, точную информацию.)

Вопросов оказалось много, и встреча была очень важна для театра. Стало ясно, что всё это — не миф. До того дня было ощущение, что из затеи ничего не выйдет — либо он не разрешит, либо художественное руководство в какой-то момент спектакль прикроет, либо высшее начальство скажет «нет». Это ощущение работало и на атмосферу пьесы, мы ощущали себя ее действующими лицами...

В процессе работы всплывали самого разного рода сложности. Например, отвычка актеров играть хотя бы относительно современную пьесу — до того лет десять-пятнадцать ставили только классику. Вдруг выяснилось, что уже научились носить костюмы времен Грибоедова, Шиллера и, как это ни странно, совсем забыли, как выглядит человек в советской гимнастерке. И стихи, которые давно не звучали со сцены, и переплетение самых разнообразных тем... Я уже не говорю о том, что нельзя было играть так, как играли в пьесах о войне в 50–60-е и даже 70–80-е годы... Эта пьеса не со-

поставима ни с чем. Один из актеров спросил у Александра Исаевича: «Не кажется ли Вам, что эти офицеры — совсем не такие, какими все привыкли их видеть? Как будто это булгаковские герои из “Дней Турбиных”, дожившие до 1940-х годов, “наследники” Турбиных?» И Александр Исаевич согласился.

Многие — и из тех, кто приходил в зрительный зал, и внутри театра — ожидали «антисоветчины», пропаганды с обратным знаком. В том-то все и дело, что в основе пьесы — не банальное переверачивание советского в антисоветское, а свободный, независимый взгляд автора на события. Потрясает, что эта вещь создавалась в неволе (даже не написана, а сочинена устно и сохранена в памяти!) — в лагере, даже не в «шарашке», где условия все-таки помягче... Совершенно нет злобы, которая могла бы быть у лагерника. Удивительно передано ощущение абсолютной победы, победительности жизни у нормальных, здоровых, крепких духом людей — практически большинства персонажей. В пьесе, в сущности, почти нет отрицательных героев. Упоминается смершовец — это, конечно, «законченный» персонаж. Даже к Бербенчуку автор относится с иронией, насмешкой — но не как к негодяю. Несколько сомнительнее человеческие качества его жены Глафиры, которая все-таки в конце «стучит», а это в пьесе не должно прощаться. Но все остальные — хорошие люди! Они заслужили Победу, они заслужили праздновать ее так, как они празднуют, они заслужили и выстрадали право дойти до Берлина. В 1951 году автор вместе с ними заново переживает то, что было в январе 1945-го. Ощущается гордость автора за этих людей. При встрече с Александром Исаевичем актеры это прочувствовали. Но как мог сохранить, не расплескать такое ощущение января 1945-го Александр Исаевич — в тех условиях, в каких он находился с февраля 1945-го до 1951 года, когда создавал пьесу, — просто не укладывается в голове! Как можно было сочинить в лагере пьесу, излучающую веселье, свет, радость, чувство победы? Одна из загадок солженицынского абсолютного сопротивления тем условиям, в которые его ставит жизнь...

Еще одна встреча была у нас в конце ноября 1994-го, когда мы с режиссером спектакля пришли к Александру Исаевичу с предложением небольших сокращений. Пьеса длинная, она создавалась в определенный исторический период, а театр ставил ее во времена хоть и «доинтернетские», почти «доклиповые», но все-таки «телевизионные». Больше часа действия зрителю выдержать достаточно трудно... Режиссер шел в Козицкий переулок с белым лицом, потому что до нас доходила информация о «страшном характере», «отстаивании каждой фразы», «невозможности переспорить» и т. п. И опять меня Александр Исаевич поразил. Практически все наши предложения были приняты, может быть кроме одного-двух, касающихся каких-то реалий, важных для понимания ситуации 30-х годов (например, в монологе политрука). Выйдя с этой встречи, мы с режиссером переглянулись. Он ожидал если не

катастрофы, то долгих споров и убеждений, а беседа вышла достаточно краткой, очень конкретной, динамичной, и в результате мы получили свободу играть текст в предложенной нами редакции.

Как будто какие-то силы работают на спектакль, какие-то — против. Играть надо было или в конце декабря 1994-го (потом уже детские каникулы — елки, спектакли для детей — сцена занята) или уже в 20-х числах января 1995-го. Хотелось перед Новым годом, числа 24–25, но не получилось — не успевали. Актеры сказали: «Ну и давайте сыграем в 20-х числах января». И только один, игравший эпизодическую роль, говорил: «Ну давайте 24 декабря!» Это был Валерий Носик. На Рождество он позвонил мне и поздравил, а через два дня — скончался. Как будто предчувствовал... Для спектакля это означало ввод другого артиста на роль начхима. Роль невелика и не сложна, но пьеса построена так, что во 2-м акте все задействованы. Выучить текст не так уж долго, но «развести» актера — указать ему место, где он должен выйти, в какой момент — не так просто, это требует определенного времени, которого нет...

И мы придумали: приурочить премьеру не к 50-летию Победы, а к 50-летию событий в пьесе — действие ее происходит 25 января 1945-го! Мы понимали, что до премьеры надо показать спектакль Александру Исаевичу. Прогон был 17-го или 18 января 1995-го. Ничего страшнее я в жизни своей не видел. У актеров всё пусто. Всё, что было накоплено, сыграно, собрано уже артистами, они за эти две безрепетиционные недели забыли: у кого елки, у кого съемки, кто-то отдыхал... Театр — коллективное дело, что поделать! Ощущение такое, что не было репетиций в декабре и даже хуже того — тогда актеры искали, а тут как будто нашли, но на полтора метра ниже, чем должны были бы сыграть. Впору отказываться от спектакля либо переносить премьеру на февраль, март, апрель... На следующий день собрались в кабинете художественного руководителя, и режиссер получил, в общем, абсолютно справедливые замечания, что в таком виде спектакль играть нельзя. Надо еще репетировать...

21 января — показ спектакля Александру Исаевичу. Состояние у всех, кто болел за постановку, было буквально предынфарктное. Ждали разноса...

В пьесе фигурирует персонаж по фамилии Нержин. Если бы мы играли спектакль, скажем, в 1989-м, когда еще не был известен роман «В круге первом»... Но к 1995-му роман был уже многими прочитан. Понятно, что этот образ — некий набросок будущего «автопортрета». Как актер должен быть одет, загримирован, с какой степенью похожести/непохожести? Масса вопросов... Вряд ли эта пьеса была самой важной для Александра Исаевича, но, так или иначе, это его детище, и текст им выстрадан. Я сел в зрительный зал и смотрел на выражение его лица, на то, как он реагирует. До последнего у меня совершенно не было уверенности в том, что он этот спектакль примет...

Премьера — 25 января 1995 год

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН

ПИР ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Комедия в 4 актах

(Спектакль идет с одним антрактом)

- ✓ Бербенчук, подполковник, командир отдельного армейского разведывательного артиллерийского дивизиона — **Ю. Н. Васильев**
- Ванин, майор, заместитель командира дивизиона по политчасти — **В. А. Барinov**
- ✓ Доброхотов-Майков, капитан, начальник штаба — **В. И. Бочкарев**
- ✓ Нержин, капитан, командир батареи звуковой разведки — **А. Ю. Овчинников**
- ✓ Лихарев, капитан, командир батареи топографической разведки — **Д. Д. Кознов**
- ✓ Гряднев, старший лейтенант, уполномоченный контрразведки СМЕРШ — **А. Г. Прякин**
- ✓ Анечка, капитан медицинской службы, врач дивизиона, фронтовая жена Ванина — **Т. Н. Лебедева**
- Глафира, жена Бербенчука — **Е. К. Глушенко** *Нар. Титова*
- Галина Прокопович, техник-лейтенант разведки — **Л. В. Титова**
- Партгор дивизиона, «освобожденный» Начхиз дивизиона — **В. В. Варенин**
- ✓ Ячменников, лейтенант, командир взвода в батарее Нержина — **С. Писов**
- К а т я — девушки из соседней части — **В. Г. Богук** ✓
- О л я — две неразлучных Замалий (Замалиев) — **Т. И. Короткова**
- Р а д и с т — краснопарма-татарина — **И. В. Тельпугова**
- Повар дивизиона — **В. В. Дахенко**
- Старшина — **А. Н. Анохин**
- **Г. В. Подгородинский**
- **С. Л. Тезов**
- заслуженный работник культуры России — **В. И. Колосов**

Действие происходит 25 января 1945 года в Восточной Пруссии

РЕЖИССЕР-ПОСТАНОВЩИК — заслуженный деятель искусств России **Б. А. МОРОЗОВ**

✓ ХУДОЖНИК — народный художник СССР, лауреат Государственных премий СССР **И. Г. СУМБАТАШВИЛИ**

В. Носик (Проконин) ✓

- ✓ КОМПОЗИТОР — заслуженный деятель искусств России **Г. Я. ГОБЕРНИК**
- Балетмейстер — **В. Г. УСТИНОВА**
- Концертмейстер — **М. Г. КОМАРОВА**
- Военный консультант — **В. Н. КУЛИКОВ**
- Ассистент режиссера — **И. Н. МИХАЙЛОВА**
- Помощник режиссера — **В. С. КУВШИНОВА**
- Художник по свету — заслуженный работник культуры России **А. А. Ремизов**
- Монтажно-декорационные работы под руководством — **С. А. Азриели**
- Мебель, реквизит — **И. М. Ячменев**
- Г р и м — заслуженный работник культуры России **С. И. Аксютин, Т. Н. Черняева**
- Костюмы — заслуженный работник культуры России **Н. Ф. Данилова, К. И. Даниловская**
- Ведущие светооператоры — **А. Е. Изотов, Н. Е. Никонова**
- Звукорежиссер — **А. П. Казарин**
- Ведущие звукооператоры — **К. Б. Сорокин, И. А. Григорьева**
- Служба электронного оборудования — **Е. А. Иосифов**
- Моделирование костюмов, головных уборов и обуви под руководством заслуженного работника культуры России **Л. Н. Варламовой, Т. Г. Коноваловой, Е. Г. Шапиро, Б. Ф. Николаева**
- Изготовление металлических конструкций под руководством заслуженного работника культуры России **В. П. Сучкова**
- Столярно-декорационные работы под руководством **А. Н. Кошелева**, заслуженного работника культуры России **Е. Ф. Корнева**
- Изготовление бутафории и реквизита под руководством **Ш. Х. Имамеддинова**
- Живописно-декорационные работы под руководством **Б. В. Трунова**
- Главный художник — народный художник России **Е. И. Куманьков**
- Руководство художественно-постановочной частью — **В. Е. Барабашкин, Г. А. Цыбульская**
- Заведующий музыкальной частью — **В. И. Мороз**
- Помощник художественного руководителя театра по литературной части — заслуженный деятель искусств России **Б. Н. Любимов**

Художественный руководитель театра — народный артист СССР **Ю. М. СОЛОМИН**

Светлана Суряева + А. Терехова
Татьяна Сорокина

Продолжительность спектакля 3 часа

200 руб.

АО «КТФ» Зак 680—2000

(Рапис) Томас Сиваров

Афиша спектакля Малого театра по пьесе «Пир победителей» с пометами А.И. и Н.Д. Солженицыных. 1995

Архив А.И. Солженицына

И вот спектакль закончился. Ощущение того, что он состоялся, у меня было. Но — что скажет Александр Исаевич?.. Я помню почти стенографически точно его слова: «Сегодня один из самых счастливых дней моей жизни — я увидел “Пир победителей” на сцене».

Я как будто кожей ощутил: в условиях, когда проблема просто выжить, эзк сочиняет пьесу, потом проходит через «раковый корпус» и все то, через что прошел Александр Исаевич, — и видит эту пьесу на сцене! Вспомнился булгаковский образ коробочки, сценического пространства, в котором фигурки оживают, начинают двигаться...

Потом был подробный разбор, очень сочувственный. Александр Исаевич говорил обо всех персонажах, но пропустил смершевца. У игравшего его актера была довольно сложная ситуация в театре. И вдруг неожиданно Солженицын сказал про сыгранный им персонаж: «Это лучше, чем я написал». Выражение лица артиста, которому были сказаны такие слова, — наверное, в первый и последний раз в его жизни — для меня тоже входит в образ спектакля. Помню и лица не занятых в спектакле артистов театра, пришедших на обсуждение. При каждой фразе Александра Исаевича, каждой его похвале лица всё темнели, мрачнели, сокрушались. Они-то ждали: ну вот, сейчас рубанут спектакль руками Александра Исаевича — и не будет его. Но не дождались. Премьера состоялась 25 января⁸, и я с гордостью и любовью смотрел, как Александр Исаевич поднимается под овации на сцену Малого театра...

Вспоминается еще много параллельных сюжетов, связанных со спектаклем. Например, был (и сейчас есть) в труппе артист В.И. Езепов — сын следователя, который допрашивал Александра Исаевича. Была мысль именно его назначить на роль смершевца. Но вышло бы уж такое «масло масляное»! Конечно, он мог бы и отказаться (хотя как раз любит персонажей такого рода). И потом возникло бы столько отвлекающих и уводящих от смысла пьесы разговоров, легенд — и внутри театра, и у журналистов... Решили этого не делать. Но — следователь И.И. Езепов пришел на премьеру! Уже об этом можно сериал снять. О чем он думал? «Эх, вот шлепнул бы я его тогда, в 1945-м — и ничего бы этого не было — ни “В круге первом”, ни “Архипелага ГУЛАГа”...» Или: «Как хорошо, что не шлепнул его тогда, вот благодаря этому...» Не заглянешь в душу его...

Невероятные сюжеты окружают тексты Александра Исаевича — как будто соприкасаясь с жизнью, эти тексты «высекают искры». Почти все персонажи имеют реальных прототипов, но носят фамилии вымышленные. Кроме одного из самых симпатичных персонажей — Доброхотова-Майкова. Его прототип погиб, и Александр Исаевич понимал, что в 1951 году ему уже ничто не грозит — даже если он будет под своей фамилией, ни КГБ, ни Смерш

---

⁸ Режиссер-постановщик Б.А. Морозов, художник И.Г. Сумбаташвили, композитор Г.Я. Гоберник.

до него уже не дотянутся... После премьеры появились рецензии, и вскоре в Малый театр поступил звонок от сестер Доброхотовых-Майковых. Фамилия не так уж часто встречающаяся. Из рецензии они поняли, что речь идет об их отце. Театр пригласил их. И вот — в зале сидят дочери и внучки Доброхотова-Майкова и видят на сцене своего погибшего отца и деда...

Не пустой это оказался спектакль, не пустое дело затеяно было еще в 1988 году... «Пир победителей» был показан и к юбилею Победы. И 9 мая 1995-го молодые ребята, игравшие в спектакле, не разгримировавшись и не переодеваясь, «воткнулись» в праздничную толпу на Театральной площади...

Спектакль еще жил какое-то время. К его безвременному концу привел, прежде всего, уход режиссера в Театр Советской армии. У спектакля не стало хозяина, не стало «болельщика». Потом умер артист, игравший Нержина... Но шлейф от спектакля остается в театре и сейчас. Все, кто был занят в нем, вспоминают его с любовью и благодарностью. Как-то в театральном центре «На Страстном» был вечер В.И. Бочкарева, который играл Доброхотова-Майкова, и он прочел монолог, очень сильно прозвучавший на премьере. На мой взгляд, в сцене этого монолога сплелось чрезвычайно много удачного. Это работа и художника И.Г. Сумбаташвили, и композитора Г.Я. Гоберника, создавшего замечательный музыкальный образ финала. Когда Доброхотов-Майков остается один на сцене, он ставит пластинку Шуберта «Зимний путь», фрагмент «Шарманщик». При том, что в пьесе речь о войне с Германией! Хотя тема взаимоотношений России и Германии и не главная в пьесе, но все же это одна из важных тем. И вот после головокружительного финала — и драматичного, и трагичного: понятно, что судьба ни у кого легка не будет, а мы уже знаем, через что придется пройти и Нержину, и нет перспективы у Галины, и Доброхотов-Майков погибнет... — вдруг музыка Шуберта. Некое остранение всего, что происходило, — такой сильный финальный аккорд...

Из критики хотелось бы выделить статью в газете «Сегодня» — на мой взгляд, наиболее адекватную тому, о чем думал Александр Исаевич, когда сочинял пьесу, и о чем думал театр, когда ее ставил⁹. «Пир победителей» — единственный, может быть, в драматургическом наследии Солженицына, да и вообще редчайший пример комедии о недавней войне. К примеру, «Гусарская баллада» — сочинение о событиях более чем столетней давности. А «Пир...» создавался в опаленное войной время, которое выжгло столько участников этих событий... Да надо еще не забывать, где находился автор!

Вообще, природа солженицынского юмора, мне кажется, еще не очень раскрыта, а это очень важная тема — непочатый край работы для исследователей. Недаром Александр Исаевич так любил Диккенса, у которого столько смешного даже в самых грустных и печальных его вещах. Здесь есть о чем подумать. Вероятно, это внутреннее сопротивление всему тому, что вокруг

⁹ Зайонц М., Немзер А. В зале старинного замка // Сегодня. 1995. 28 янв. С. 12.

него происходило, когда он сочинял... В пьесе очень много смешного — при том, что поднимается ряд тем, которые станут столь важными и для «Архипелага ГУЛАГа», и вообще для всего солженицынского творчества. Вот в самом конце появляется эпизодический персонаж, они выпивают с одним из главных героев.

За что же выпьем, победитель? —

спрашивает тот.

...Чтоб как-ни-то
Колхозы распустили¹⁰.

Я помню, как «грохнул» зал в 1995 году. А ведь это было сказано в 1951-м, когда казалось, что колхозы — это навечно, навсегда...

Многое в пьесе прозвучало впервые. Тема участия в войне Русской освободительной армии... Показаны талантливость народа — от простого солдата до офицера, рыцарское отношение к женщине — независимо от того, разделяются ее взгляды или нет... Не впервые ли в русской драматургии предпринята сама попытка объемного взгляда на историю России, историю армии, со всеми ее доблестями, позором и неудачами?

Мне кажется, «Пир победителей» — не только факт литературной биографии Солженицына, не только свидетельство его драматургического дара. Большой писатель без драматургии чаще всего не обходится. А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, И.С. Тургенев, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков, А.К. Толстой, М.А. Булгаков, В.В. Набоков... Исключением можно назвать А.Н. Островского, который не писал романов, или Ф.М. Достоевского, чьи ранние пьесы не сохранились, но наследие которого столь значимо для театра. Драматургическое наследие Солженицына — одна из значительных вех в истории театра.

---

¹⁰ Солженицын А.И. Пир победителей // Солженицын А.И. Пьесы и киносценарии. Париж: YMCA-Press, 1981. С. 118.

Л.А. Колобаева

«РЕКА, ВПАДАЮЩАЯ В ПЕСКИ»?

*Художественные прогнозы Александра Солженицына
(«Раковый корпус»)¹*

Фигура Александра Солженицына с течением времени, как это и пристало подлинным художникам, все полнее утверждается в нашем сознании в своем величии, значении и уникальности. Об этом говорят научные конференции и многочисленные публикации трудов, обращенных к исследованию его творчества. Среди них выделяются работы М.А. Николсона, Ж. Нива, А.В. Урманова, А. Климова, Л.И. Сараскиной, П.Е. Спиваковского, недавно вышедший у нас сборник статей «Солженицын: мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974–2008» (М.: Русский путь, 2010). В этой книге творческая деятельность писателя, рассматриваемая историками, философами, литературоведами и критиками, получает разностороннее, нередко оригинальное и глубокое истолкование. Здесь очерчивается мировоззрение Солженицына, представлено осмысление его творчества в контексте современности, рассматриваются основы эстетических и философских убеждений писателя, предлагается характеристика его художественных произведений. Нельзя не обратить внимания на блестящие статьи Л. Токер об «Одном дне Ивана Денисовича», Р.Л. Джексона о «Матренином дворе», Ж. Нива о романе «В круге первом», на далеко не бесспорные, но интригующие по мысли статьи А. Безансона «Солженицын в Гарварде» или М.А. Николсона «Солженицын как “социалистический реалист”», на убеждающие точностью обзора и анализа статьи Э.Э. Эриксона (о мировоззрении Солженицына и др.). Эти работы западных ученых и критиков, радующие многообразием подходов к материалу, способов аргументации, нередко задевают нас за живое эмоциональностью своего отношения к русскому писателю. Вот мелькнет, например, такая реплика о Солженицыне: «...он — русский, и этого достаточно» с предваряющим пояснением: автору «Архипелага...» чуждо «чувство межкультурной сопричастности»². В других же статьях, напротив,

---

¹ Доклад на семинаре отдела по изучению наследия А.И. Солженицына 29 февраля 2012 года в ДРЗ. — *Ред.*

² Безансон А. Солженицын в Гарварде // Солженицын: мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974–2008: Сб. ст. М.: Русский путь, 2010. С. 369.

проявится вдруг такая степень «причастного» понимания образа героя, что почувствуешь словно бы *родственное* проникновение в глубину авторского сознания, как в статье Роберта Л. Джексона «“Матренин двор”: Сотворение русской иконы».

Вопрос о характере творческого мышления Солженицына, о сущности и формах его реализма, естественно, возникает в исследовательских работах о нем, в этой книге тоже. Не раз звучит мысль о том, что творчество А.И. Солженицына принадлежит эпохе *классической*, питающейся корнями русского традиционализма, — эпохе «Записок охотника» И.С. Тургенева, не только «Войны и мира», но и поздних рассказов Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и других классиков XIX века. Л. Токер называет реализм Солженицына *парадигматическим*, то есть действующим по закону типизации, возведения частного и индивидуально-конкретного к образу-обобщению, говорит о «парадигматическом методе повествования» в рассказе «Один день Ивана Денисовича», построенном на «взаимозависимости функции и формы»³. Ж. Нива видит в Солженицыне писателя эпохи «классической, в некотором смысле дофрейдовской»⁴. Как замечает исследователь, в произведениях Солженицына нет снов (точнее, почти нет), то есть поэтики бессознательного⁵. Другими словами, предполагается, что по своему основному творческому принципу, способу художественного видения и освоения мира творчество Солженицына принадлежит реализму XIX века. Вместе с тем высказываются суждения и иного рода, что солженицынский материал не вмещается в рамки традиционного реализма и уже его рассказ «Один день Ивана Денисовича» может быть прочитан «как *постмодернистская* модификация жанрового романа» (Л. Токер)⁶. Словом, полной ясности и определенности на этот счет пока нет.

Мне же хотелось бы прежде всего показать, что не только своими идеями, системой ценностей, смыслом произведений, но и самим их существом, художественным их «способом» Солженицын принадлежит современности, новому реализму XX–XXI веков. Я постараюсь это подтвердить анализом его повести «Раковый корпус». И это, конечно, не социалистический реализм, даже не «социалистический реализм» в *кавычках* или социалистический реализм *наоборот*, как утверждают некоторые критики — и западные, и отечественные — например, в ряду последних Б. Сарнов и Б. Хазанов, упомянутые в статье М.А. Николсона «Солженицын как “социалистический реалист”»⁷.

³ Токер Л. Некоторые особенности повествовательного метода в «Одном дне Ивана Денисовича» // Солженицын: мыслитель, историк, художник. С. 538–539.

⁴ Нива Ж. «Круги» Александра Солженицына // Там же. С. 597.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Токер Л. Некоторые особенности повествовательного метода... С. 544, 542.

⁷ См.: Николсон М.А. Солженицын как «социалистический реалист» // Там же. С. 497.

Оригинальным и новым солженицынским реализм делает небывалый масштаб его трагизма, ломающего судьбы не отдельных личностей, а целых поколений, миллионов людей, в конечном счете — страны в ее историческом бытии. Кроме того, специфика творчества Солженицына состоит в открытии особой реальности, которая была спрятана, запретна, закрыта и потому недоступна пониманию множества людей («Архипелаг ГУЛАГ» — ее символ). И это художественная реальность некой **нереальности** — реальности невидимой, **смертельной** болезни общества и человеческих душ — болезни, угрожающей им сегодня и завтра. Сполна пережитая и осмысленная писателем уникальность самой исторической ситуации России в XX веке, ставшая главным предметом художественных и историко-философских дум Солженицына, и является основой уникальности его творчества.

Обратимся к «Раковому корпусу», опубликованному в 1968 году, после рассказов «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», «Случай на станции Кочетовка» и др. Автор называет «Раковой корпус» *повестью*. И это авторское определение жанра, разумеется, неслучайно. Хотя произведение вполне может быть прочитано как роман: из множества персонажей — больных «ракового корпуса» — здесь выделяется все-таки один, яркая личность, Костоготов, в узловой момент его духовного развития и с необходимым для романного жанра личностным, любовным планом повествования, собственно «романическим» сюжетом (взаимоотношения с врачом Верой Корнильевной Гангарт, Вегой, и медсестрой Зоей). В статье Х. Мучник, посвященной анализу «Ракового корпуса», этот сюжет выделен как наиважнейший, определяющий во многом «судьбу и вину» героя⁸. С моей точки зрения, при всей значимости романического сюжетного плана в произведении сердцевина его художественного целого заключена отнюдь не в нем. Недаром же автору понадобилось введение в повествование целой группы персонажей, некоего *множества* людей, равно значимых для художественного замысла. Точнее, это даже не собственно группа, а именно некое множество чужих друг другу людей, случайно — роковой болезнью — соединившихся, страдающих и живущих в одно время в одном месте. Это могло послужить некой матрицей для изображения сколь угодно большой, многосоставной человеческой общности, — «общества», «народа», целой страны. Поэтому и необходимо было некое эпическое повествование, словно об истории в древней летописи вроде русской Повести временных лет. Потому-то «Раковый корпус» и назван автором *повестью*. На повествовательную структуру, в чем-то сходную с летописью (принцип одновременности параллельно движущихся событий) в произведениях Солженицына более позднего времени уже обращали внимание исследователи, в частности А.М. Ранчин в статье «Летопись Александра

---

⁸ См.: Мучник Х. «Раковый корпус»: судьба и вина // Там же. С. 558–596.

Солженицына»⁹, Э.-Б. Вахтель в статье «Назад к летописям: Солженицынское «Красное Колесо»»¹⁰. Солженицын шел к этому постепенно, начиная со своих ранних произведений.

Главная коллизия, кардинально определившая весь строй произведения — его сюжетно-композиционную структуру, систему персонажей, художественное время и пространство, художественную речь, стилистику, — словом, авторский замысел и его художественное воплощение, поэтику, — ситуация «предстояния перед смертью» (по определению самого художника). Ситуация универсальная, вечная и много раз явленная нам в литературе, русской и мировой. Однако она развернута в повести поистине неповторимой своей стороной.

И первая же выраженная реакция на эту ситуацию одного из персонажей повести, Ефрема Поддубова — сознание *выросшего в наше время ужаса смерти*, преследующий современного человека *ужас* рака и просыпающаяся память о том, что раньше, в прошлом люди умирали иначе. Вот отрывок из подобных раздумий:

«Смолоду слышал Ефрем да и знал про себя и про товарищей, что они, молодые, росли умней своих стариков. Старики и до города за весь век не доезжали, боялись, а Ефрем в тринадцать лет уже скакал, из нагана стрелял, а к пятнадцати всю страну как бабу перещупал. Но вот сейчас, ходя по палате, он вспоминал, как умирали те старые в их местности на Каме — хоть русские, хоть татары, хоть вотяки. Не пыжились они, не отбивались, не хватили, что не умрут, — все они принимали смерть *спокойно*. Не только не оттягивали расчет, а готовились потихоньку и загодя, назначали, кому кобыла, кому жеребенок, кому зипун, кому сапоги. И *отходили облегченно, будто просто перебирались в другую избу*. И никого из них нельзя было напугать раком. Да и рака-то ни у кого не было.

А здесь, в клинике, уж кислородную подушку сосёт, уж глазами еле ворочает, а языком всё доказывает: не умру! У меня не рак!» (81)¹¹.

Непосредственно мотивировки явленной в повести «беспомощности» людей перед лицом смерти, объяснения того, что они — «слабаки», как говорит Ефрем Поддубов о своих соседях по палате, в тексте произведения нет. Но ответ брезжит в глубине повествования, в подтексте, и открыто прозвучит позже, в других произведениях. Это, разумеется, безрелигиозность современного человека. Образные намеки на этот счет мелькают где-то на периферии повествования, в эпизодах и деталях второго и третьего плана, например в реплике-укоре старой тети Стефы в адрес молодых, Демки: «не-

⁹ См.: *Ранчин А.М.* Летопись Александра Солженицына // Стрелец. Париж; М.; Нью-Йорк: Третья волна, 1995. № 1. С. 176–192.

¹⁰ См.: *Вахтель Э.-Б.* Назад к летописям: Солженицынское «Красное Колесо» // Солженицын: мыслитель, историк, художник. С. 627–647.

¹¹ Здесь и далее цифры в скобках означают ссылку на издание: *Солженицын А.И.* Раковый корпус: Повесть // Малое собр. соч.: в 7 т. М.: ИНКОМ НВ, 1991. Т. 4. (Курсив везде мой. — Л.К.)

христи растут» (101). Существенен, кроме того, выделенный автором образный мотив — поиска «незыблемого» (319), вечного в состоянии «между двумя вечностями» — ощущение, которое испытывает Костоготов: «Он шел <...> и думал, что идет между двумя вечностями. С одной стороны — спуск обречённых умереть. С другой стороны — в е ч н а я ссылка. Вечная, как звезды. Как галактики» (67).

Мотив вечности в осознании старого доктора Орещенкова наполняется уже неким метафизическим смыслом: «В такие минуты весь смысл существования — его самого за долгое прошлое и за короткое будущее, и его покойной жены, и его молоденькой внучки, и всех вообще людей представлялся ему не в их главной деятельности, которую они постоянно только и занимались, в ней полагали весь интерес и ею были известны людям. А в том, насколько удавалось им сохранить неомутненным, непродрогнувшим, неискаженным, — *изображение вечности, зароненное каждому.*

Как серебряный месяц в спокойном пруду» (330).

В воспоминаниях Поддуева о том, как умирали старые люди прежде, можно предположить авторскую аллюзию на бунинский художественный опыт, воплотившийся, в частности, в одном из замечательных его «крестьянских» рассказов о смерти «Худая трава» (1913). В нем нарисована, по представлениям Бунина, характерная для русского мужика и вместе с тем удивительная, «легкая» кончина человека, поражающая самого автора (у Солженицына, в воспоминаниях Поддуева, «облегченная»). «Ничего ты не бойся, — говорит Аверкий своей “старухе”, — я удобно помру», и «умер так неслышно, что старуха и не заметила»¹². И феномен спокойной, легкой смерти русского мужика мотивирован в бунинском рассказе собственно не его религиозностью (этот мотив не акцентирован в рассказе), а впитанной с молоком матери органической включенностью крестьянина в живой, исполненный для него смысла природный цикл, где смерть «худая трава — из поля вон»¹³ не только неизбежность, но *благая* необходимость ради цветения *трав свежих*. (Текст повести Солженицына в целом, надо сказать, насыщен разнообразнейшими интертекстуальными связями, и это отсылки не только к XIX веку, но в большой степени к русской литературе XX века. Но об этом ниже.)

Однако главный исток художественной оригинальности и повести, и избранной автором ее сюжетной ситуации заключен не только в этом, даже не столько в этом. Дело в том, что изображенный в повести мир больных «ракового корпуса» автор *связывает* с другим миром — ссыльных, недавних заключенных (через Костоготова и его друзей), миром столь же непонятым, необычным, «ненормальным». И это уже обещает развитие в повести интригующего мотива «*нормальности и ненормальности современного человека*»,

---

¹² Бунин И.А. Худая трава // Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1966. Т. 4. С. 150. Курсив мой. — Л.К.

¹³ Там же. С. 142.

человека и мира. Об этом упоминает в разговоре с врачом Костоглотов, хотя намеренно и уходит от этой темы: «Людмила Афанасьевна, — спокойно от- вел Костоглотов большой рукой, — дискуссия о *нормальности* и *ненормальности* современного человека завела бы нас очень далеко...» (45).

В повести открываются острые, неожиданные художественные ракурсы тогда, когда вплотную соприкасаются персонажи из этих разных сфер жизни — из мира больных «ракового корпуса», с их отчаянным страхом, шатки- ми надеждами и иллюзиями, — и мира, стоящего за спиной Костоглотова, — «вечной ссылки», тюрьмы и лагеря. Тогда на страницах повести возникает, к примеру, диалог какой-то особой, странной формы — диалог вперемеш- ку с глухотой, когда один человек не слышит другого, *не может услышать*, потому что ничего не знает *о той*, другой жизни. Так происходит в тот мо- мент, когда Костоглотов пробует что-то рассказать о своей прошлой жизни врачу Людмиле Афанасьевне Донцовой или медсестре Зое и натывается на их искреннее непонимание всего им рассказанного. Например, он расска- зывает о том, что его после «раковой» операции, сделанной лагерным вра- чом, отправляли поездом в товарном вагоне, что означало верную гибель. Представить возможность подобной жестокости Донцова — умный и чест- ный человек, опытный врач — действительно не в состоянии. «Ну вот, он (Костоглотов. — Л.К.) четверть часа рассказывал ей — и что же рассказал? Она (Донцова — Л.К.) снова ничего не понимала» (61). Их диалог начинает буксовать, повторяясь и не достигая цели. И так происходит не один раз и в общении с разными людьми.

Эти миры в изображении Солженицына не только резко разделены, но и как-то таинственно связаны, в чем-то сходны между собой. При этом тот, другой, закрытый мир в повести не вырисовывается непосредственно в сюжетном действии, он дан лишь *косвенно, отраженно*, в обрывках воспо- минаний, в некоторых деталях и оценках, мелькающих в диалогах отдель- ных действующих лиц (Костоглотов, «диковинная воспитанная санитарка» Елизавета Анатольевна, человек «нерасчётливой доброты» (365), бывший большевик Шулубин). При этом многие косвенные образные детали, на- сыщенные напряженной авторской эмоциональностью, превращаются в *образы-символы*. Например, в ответ на реплику Русанова: «Да! Что может быть на свете хуже... (рака? но у него был не рак), — этих... онкологиче- ских... и вообще рака!» — мы слышим ответ Костоглотова, изведавшего лагерный опыт. «...Костоглотова ничуть не тронула эта доверительность старшего и по возрасту, и по положению, и по опыту человека. Обматывая ногу рыжей портянкой, сохнувшей у него в обвой голенища, и натягивая отвратительный истрёпанный кирзовый сапог с грубыми латками на сги- бах, он ляпнул:

— Что хуже рака? *Проказа!*

Тяжёлое грозное слово своими сильными звуками *прозвучало как залп*.

<...>

— Хуже тем, что вас, *ещё живого исключают из мира*. Отрывают от родных, сажают за проволоку. Вы думаете, это легче, чем опухоль?» (120).

Обратим внимание на авторскую ремарку к словам Костоглотова: «Тяжёлое грозное слово своими сильными звуками прозвучало как залп». Стена молчания, окружавшая эту «прокаженную» жизнь, прорывается пока лишь отдельными голосами, звучащими подобно выстрелу. Заметим, в 1963 году В.Т. Шаламовым был написан рассказ «Прокаженные», развивающий колымскую тему. В целом эта зона жизни, где «ещё живого исключают из мира», предстает в повести Солженицына неким символически означенным непроницаемым, «полупотусторонним» миром. «Полупотусторонним» названо в повести положение Русанова, который причастен к «руководству» этим миром (153). Важно отметить также, что люди этого «прокаженного» лагерного мира в освещении Солженицына стоят ближе к пониманию «главной правды» и потому в каком-то отношении нравственно более чисты, чем другие люди. Один из аргументов в подтверждение этого преимущества неоспорим: «...хоть *врали меньше*», — как замечает Шулубин (333). Нельзя не сопоставить два эпизода, где показано разное восприятие людьми 5 марта, дня смерти Сталина: одни проливали слезы, другие — за колючей проволокой — не скрывали своих яростных чувств по случаю смерти тирана. Неслучайно персонажи, так или иначе связанные с лагерным бытием, в авторской оценке — личности наиболее значительные и симпатичные. Это Костоглотов, ссыльные Кадмины, санитарка «нерасчётливой доброты», доктор Орещенков — из круга врачей-«самоотверженцев» (276).

Сложными нитями Солженицын связывает и сопоставляет представленные в повести разные сферы и состояния общества — условно *больных и здоровых* — по главным этическим параметрам: *отношению к правде и лжи, к смерти и вечности*. И выбор «ракового корпуса» как главного объекта художественного исследования оказывается как нельзя более подходящим и емким. В образах *врачей* «ракового корпуса» выделен, может быть, самый сложный, острый и тонкий нерв в мотиве *правды*. Это давний, вечный философский мотив *истины и сострадания*, тот самый, что прозвучал в русской литературе еще в начале XX века, в частности в пьесе «На дне» М. Горького. Но дилемма «истина или сострадание?» разрешалась в горьковской пьесе все-таки двойственно. Как мы помним, Лука из жалости к людям, из сострадания к ним, утешая, лжет, и это приводит к пагубным последствиям в судьбах окружающих его людей. Любовь его, другими словами, оказывается *лукавой*. И все-таки именно он, Лука, — самый симпатичный и действенный персонаж драмы. В этом и сказалась двойственность Горького в отношении к правде. Замечу, что много позже, в письме к Е.Д. Кусковой 1929 года, Горький признавался: «Суть в том, что искренней-

ше и непоколебимо ненавижу правду, которая на 99 процентов есть мерзость и ложь»¹⁴.

Подобной двойственности решительно противостоит художественный мир Солженицына. Человеческий мир в «Раковом корпусе», естественно, не ограничивается образами больных. Врачи нарисованы писателем вполне реалистично, с большой художественной объективностью и чувством благодарности к «самоотверженцам», которых среди них немало (Людмила Афанасьевна Донцова, Вера Корнильевна Гангарт, Лев Леонидович Орещенков и другие). Но все они держатся старых заповедей *медицинской тайны*, то есть лжи ради милосердия. С большой художественной точностью показаны в повести врачебные «обходы», где всё поведение врачей — слова, интонации, принятые решения в отношении больных — прикрито ложной надеждой, дано намеком, звучит «*под псевдонимом*» (279).

«Истинно трудных случаев на таком обходе нельзя было решить — для того надо было человека вызвать и заниматься им отдельно. Нельзя было на обходе и высказать, назвать всё прямо, как оно есть, и потому понятно договориться друг с другом. Здесь даже нельзя было ни о ком сказать, что состояние ухудшилось, разве только: “процесс несколько обострился”. Здесь все называлось *полунамёком, под псевдонимом* (даже вторичным) или *противоположно тому, как было на самом деле*. Никто ни разу не сказал “рак” или “саркома”, но уже и псевдонимов, ставших больным полупонятными, — “канцер”, “канцерома”, “цэ-эр”, “эс-а”, тоже не произносили» (279).

Подобные традиции именно в медицине могут казаться нам оправданными и даже необходимыми. Тем более если они искренне исповедуются врачами, как это представлено (совсем неслучайно) в сюжете Донцовой, когда она, заболев раком, до конца сопротивляется раскрытию ужасной правды о себе, подчиняясь власти иллюзий и магии принятых раз навсегда правил. «Больной не должен знать всего! Я так всегда считала и сейчас считаю», — говорит она (344).

Именно с этим связан один из главных сюжетных конфликтов в повести. Это конфликт Костоглотова с врачами в начале повествования. В споре с доктором Донцовой Костоглотов решительно возражает не только против «тайны» его собственного лечения, но предъявляет некий *моральный* счет врачам, которые, по его мнению, не считаются с личностью больного, с его собственной волей и возможностью выбора: «Почему вообще вы берёте себе право *решать за другого человека*. Ведь это — *страшное право*. Оно редко ведёт к добру. Бойтесь его! Оно не дано и врачу» (65).

Но надо сказать о месте Костоглотова в кругу других персонажей, о системе образов и способе, манере ее художественной подачи в повести. Как

---

¹⁴ М. Горький — Е.Д. Кусковой, 22 января 1929 (цит. по: *Сухих С.И.* Заблуждение и прозрение Максима Горького. Н. Новгород: Нижний Новгород, 1992. С. 79).

уже говорилось, в произведении нет центрального героя, а представлено некое множество персонажей, выступающих в общей композиции повести на равных, являющихся и порой исчезающих, как Ефрем Поддуев (смерть на вокзале), или Кадмины, друзья Костоглотова по ссылке, жизнь которых ярко обрисована лишь в начале повести, или Донцова, сошедшая со страниц произведения незадолго до финала. Повествование о персонаже строится по принципу «под героя» (разработанному в русской литературе XX века еще Чеховым и унаследованному затем целым рядом художников) — когда авторский текст, описывающий жизнь героя, окрашивается его восприятием, его индивидуальной точкой зрения, характерными для него словечками и выражениями, интонацией, которые подаются чаще всего в форме несобственно-прямой речи.

Сам Александр Исаевич Солженицын, отклоняя упреки в том, что он пишет образ персонажа (Ленина, в частности), исходя «из себя», пояснял: «Я пишу его только из него, но его, как любого, как Русанова, как Шухова, как любых персонажей, как Яконова в “Круге”, Поддуева в “Корпусе”, я не могу описать без того, что я сам достиг уже какого-то психологического и житейского уровня, что я могу понять другого человека в его обстановке, в его задачах»¹⁵.

Поэтику «Ракового корпуса», авторскую манеру в построении образов персонажей, призванную создать впечатление определенного многоголосья, все-таки неточно было бы назвать полифонизмом в духе Достоевского, в понимании М.М. Бахтина. В романах Достоевского перед нами открывается полифонизм выраженных голосами и судьбами героев развернутых мировоззрений, неких по-своему уникальных идей-страстей, равноправных между собой и значимых с точки зрения автора. У Солженицына же, в «Раковом корпусе» в частности, персонажи — по сути совсем иные, люди принципиально другой, советской эпохи, которые (за редкими исключениями) не могли обладать индивидуальным, «системным», независимым от общей идеологии мировоззрением. Скорее всего, применительно к произведениям Солженицына можно говорить, — как это делает, например, исследователь П.Е. Спиваковский, — о перцептивном полифонизме, то есть о полифонизме восприятий¹⁶. Я бы добавила, что это полифонизм жизненных «задач».

Вот, к примеру, как описывается Ефрем Поддуев. Это человек немалых жизненных сил, по корню — крестьянской закваски, но давно оставивший деревню ради поманивших его новых краев, где есть хорошая работа и отлич-

---

¹⁵ Солженицын А.И. Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве (март 1976) // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1996. Т. 2. С. 429. (Цит. по: Солженицын: мыслитель, историк, художник. С. 512). Курсив мой. — Л.К.

¹⁶ См.: Спиваковский П.Е. Теоретико-литературные аспекты творчества А.И. Солженицына // Теоретико-литературные итоги XX века: в 2 т. М.: Наука, 2003. Т. 1: Литературное произведение и художественный процесс. С. 323–371.

ный заработок. Он — из тех, кто привык, заработав, спустить «разом всё», широко погулять. Человек лихой и щедрый, он легко и сильно привязывает к себе женщин. (Выразителен эпизод, когда на ходу поезда окликнутая им женщина, Евдошка, через окно взбирается к нему в вагон.) Мы читаем о нем:

«Сколько жил Ефрем и где ни бывал (а не бывал он только в главных городах, окраины все *прочесал*) — и ему и другим всегда было ясно, что от человека требуется. От человека требуется или хорошая специальность, или хорошая хватка в жизни. От того и другого *идут деньги*. И когда люди знакомятся, то *за как зовут, сразу идет, кем работаешь, сколько получаешь*. И если человек *не успел в заработках*, значит — или *глупой*, или *несчастный*, а в общем *так себе человечешко*.

И такую вполне понятную жизнь видел Поддуев все эти годы и на Воркуте, и на Енисее, и на дальнем Востоке, и в Средней Азии. Люди зарабатывали большие деньги, а потом их тратили — *хоть по субботам, хоть в отпуск — разом все*.

И было это складно, это *годились*, пока не заболели люди раком или другим смертельным. Когда же заболели, то становилось ничто и их специальность, и хватка, и должность, и зарплата. И по оказавшейся их тут беспомощности и по желанию врать себе до последнего, что у них не рак, вышло, что все они — *слабаки* и что-то в жизни упустили.

Но что же?» (81).

Так, фигура Ефрема Поддуева вырисовывается в свете *его* собственных жизненных «задач», привычных ему слов и понятий: «заработок», «хватка», «слабаки», «не успел в заработках, значит... глупой», «так себе человечешко». Однако в ситуации «предстояния перед смертью» — и под впечатлением от рассказа Л.Н. Толстого «Чем люди живы» — в нем просыпается тревожное ощущение, что он «что-то в жизни упустил» и у него нет ответа на вопрос — зачем жил. Теперь, когда смертельно заболел, он признается, что в нем сильнее всего было «желание *врать себе до последнего*», как, наверное, он привык врать себе всю жизнь. И Ефрем отчаянно рвет эту ложь, в себе и в людях вокруг. Его теперешнее, — казалось бы, странное, упорное, навязчивое — желание повторять всем соседям по палате, что у них рак, продиктовано именно этим побуждением. Совсем другие жизненные «задачи» встают в диалогах Вадима Зацырко и авторском повествовании о нем. Он совсем молодой человек, «человек интеллекта» (198), мечтающий о науке и будущих своих открытиях, рациональный и волевой, не теряющий времени даже здесь, на больничной койке, и не отрывающийся от книг. Он ждет как спасения обещанного ему во имя заслуг отца коллоидного золота, необходимого для лечения. Характерны его раздумья в связи с этим:

«Получать спасение во имя заслуг отца не выглядело справедливым, да, — но зато трикратно справедливо было получить это спасение во имя *собственного таланта*, о котором, однако, не могли знать распределители

золота. *Носить в себе талант, ещё не прогремевший, распирающий тебя, — мука и долг, умирать же с ним, ещё не вспыхнувшим, не разрядившимся, гораздо трагичней, чем простому обычному человеку, чем всякому другому человеку здесь, в этой палате.*

И одиночество Вадима пульсировало, трепыхалось не оттого, что не было близ него ни мамы или Гали, никто не навещал, а оттого, что не знали ни окружающие, ни лечащие, ни держащие в руках спасение, *насколько было ему важнее выжить, чем всем другим!*» (295)

Существо персонажа открывается здесь через его внутренний диалог с самим собой («Получать спасение во имя заслуг отца не выглядело справедливым, да...»), через его собственную *самооценку*, преломленную в нейтральном (внешне) авторском повествовании: герой претендует на некую исключительность, дарованную талантом, на особое — большее, чем у других, — право на жизнь. Оценка, судя по общему контексту повести, отличная от авторской.

Аналогичными приемами характеристики героя «из него самого» даны и другие персонажи «Ракового корпуса» — Дёмка, Русанов, Кадмины, Костоглотов, Вера Корнильевна Гангарт и остальные. В результате вокруг действующего лица повести образуется своя *эмоционально-стилевая атмосфера*, окрашивающая различные формы повествования и создающая его разноцветье. В описании Костоглотова преобладают черты неудобной в общении прямоты, упрямой приверженности правде, задиристости («торчливые волосы») и резкости поворотов поведения. «Вечные ссыльные» Кадмины выделяются в повести остротой вернувшейся (после тюрьмы) *радости жизни*, неостывшей в душах *доброты*, лирическими тонами авторской улыбки и юмора (например, в описании верных друзей Кадминых — собак, с их «чувством долга», «тактичностью» (216) и добротой, что «переняли» они от хозяев). Врач Вера Корнильевна Гангарт, Вега, как мысленно называет ее Костоглотов (вслед за мальчиком, когда-то в юности Веры влюбленным в нее), дана в повествовании не только изнутри, ее собственными глазами, но и во многом в его, Костоглотова, восприятии. Вега, словно далекую звезду, сопровождает в повести элегически светлая, прозрачная атмосфера, растворенная в авторском повествовании эмоциональность печали, затаенной нежности и любования легкостью движений этой удивительной женщины («Олег следил за *порхающими* руками Веги...» (263)).

Важно при этом подчеркнуть, что таким способом повествования — «из него», персонажа, Солженицын стремится достичь не только личностной, психологической непосредственности и убедительности образов. Этот прием, как в документальной прозе, заострен еще на то, чтобы явить в образе персонажа некое личное, субъективно достоверное *историческое свидетельство*, чтобы, подобно исторически реальному лицу, он мог бы стать свидетелем своего, неповторимого *момента истории*.

Реальное время, обозначенное в повести, встает в деталях диалогов, в воспоминаниях героев о недавно пережитом. Например, оно легко узнаваемо в вопросе Дёмки, — который мечтает стать писателем и «любит правду», — вопросе к «блестящей девушке и поэтессе» Авиете Русановой: «Скажите, пожалуйста... а как вы относитесь к требованиям *искренности в литературе?*» (226) Понятно, что это время возбудившей много споров в литературных кругах статьи Г. Померанцева «Об искренности в литературе», напечатанной в «Новом мире», в двенадцатом номере за 1953 год. Это вторая годовщина со дня смерти Сталина, как вспоминает Русанов, — т.е. 1955-й.

И первая же страница повести начинается с зарисовки этой «важной» персоны — Русанова Павла Николаевича. Вот фрагмент его описания: «Не сама только болезнь, не предусмотренная, не подготовленная, налетевшая как шквал за две недели на беспечного, счастливого человека, — но не меньше болезни угнетало теперь Павла Николаевича то, что пришлось ложиться в эту клинику *на общих основаниях*, как он лечился уже не помнил когда. Стал звонить — Евгению Семеновичу, и Шендяпину, и Ульмасбаеву, а те в свою очередь звонили, выясняли возможности, и нет ли в этой клинике *спецпалаты* или нельзя хоть временно организовать маленькую комнату как *спецпалату*. Но по здешней тесноте не вышло ничего» (5–6). И на протяжении всей повести он будет характеризоваться в его же стиле демагогической риторики — «руководящего работника», требующего себе «спецпайка внимания», уверенного в том, что человек — «сильнее обстоятельств» и что он сам такой «мужественный человек» (см.: 355), что о «нравственном усовершенствовании» Толстого и истине «раз и навсегда написал Ленин! И товарищ Сталин! И Горький!» (111), что он должен «*проверить*» Костоглотова, сделавшего «прямой выпад против правительственного учреждения» (112), и т.п.

В обрисовке этого персонажа автор, кроме того, прибегает к приему, не часто у него встречающемуся, — к образу сна. В этом образе сна, как и свойственно подсознательной сфере, явь спутывается с бредом, прошлое смешивается с предстоящим, фантастическое, когда оживают умершие, — с реальным. «Он лежал и вспоминал, что Ельчанских обоих он почти даже любил. Он никакого против них не имел зла, и если *пришлось написать* на старика, то лишь потому, что просил Чухненко, которому Ельчанский мешал работать. И после посадки мужа Русанов искренне заботился о жене и дочери. И тогда, ожидая ареста, она поручила ему дочь. Но *как вышло, что он и на неё написал, он не мог вспомнить*» (170). В его сне, как мы видим, нет ни тени раскаяния, чувства вины, что доносил и предавал, но лишь страх суда и расплаты (мерещащийся ему вызов в новый Верховный суд: «Да, и Берии ж не было! — ну, времена!» (170) и беззастенчивое самооправдание: я «не осуждал», я не вел следствие, а «только исполнял простой гражданский долг», «сигнализировал», — «а к т о этого не делал?» (171)).

С Русановым связан в повести мотив *тотального недоверия* к человеку, посеянного такими «государственными» людьми, как он. Недоверия к врачам (не отравят ли?), к соседям по палате, к Костоглотову, особенно к тем, кто был «вычеркнут из мира» и явился *оттуда*, из «вечной ссылки». В «характере общества» обнажается раскол человеческих душ, *метастазы* той болезни, художественный *диагноз* которой и был поставлен Солженицыным в его произведениях, в «Раковом корпусе» с выразительной символикой в названии повести. И это диагноз душевной слепоты и *неадекватности* сознания, проистекавших из полной закрытости для множества людей реального положения вещей, правды о «вычеркнутых из мира».

«Если десятки лет за десятками лет не разрешать рассказывать то, как оно есть, — *непоправимо разблуживаются человеческие мозги*, и уже соотечественника понять труднее, чем марсианина» (353). Это слова авторского повествования, данные в контексте размышлений и оценок Костоглотова, но автор здесь вполне солидарен со своим героем. И это с оглушающей, взрывной образной силой открывается в одной из кульминационных сцен повести — эпизоде столкновения Костоглотова с соседом по палате Ахмаджаном, бывшим лагерным охранником, человеком искренним и «прямодушным». Потрясенный рассказом Ахмаджана, исполненным яростной ненависти к заключенным («Они — не люди!», «А их бы говном кормить!») (353), Костоглотов ждет ответа:

« — Ну, как ты это себе представляешь? — не отставал Костоглотов. — Людей — и говном кормить? Ты — пошутил, да?

— Ничего не шутил! *Они — не люди! Они — не люди!* — уверенно разгорячено настаивал Ахмаджан.

Он надеялся и Костоглотова убедить, как верили ему другие тут слушатели. Он знал, правда, что Олег — ссыльный, а о лагерях его он не знал.

Костоглотов покосился на койку Русанова, не понимая, почему тот не вступает за Ахмаджана, но того просто не было в палате.

— А я тебя за армейца считал. А ты во-от какой армии служил, — тянул Костоглотов, — Ты Берии служил, значит?

— Я никакой Берии не знаю! — рассердился и покраснел Ахмаджан. — Кто там сверху поставят — моё дело маленькое. Я присягу давал — и служил. Тебя заставят — и ты служил...» (353–354).

За этой сценой встает обжигающая боль раскола страны, деления на тех, кто сидел и кто охранял, как обозначилось это в самом нашем языке, в народной поговорке. И сцена приобретает символический и трагический смысл.

В итоге с новой силой звучит на страницах повести отчаянный и задущенный крик Костоглотова и вместе с ним автора: «Человек умирает от опухли — как же может жить страна, *проращённая лагерями и ссылками?*» (401).

Реалистическое повествование Солженицына предлагает нам не только глубокий анализ социально-психологической ситуации в стране, ее верный диагноз. Вместе со своими героями автор ищет возможный и необходимый *прогноз*, стремится «многое угадать на будущее» (242). Оно видится героями по-разному. И здесь важной оказывается не только точка зрения отдельных персонажей, но взгляд поколений, сопоставление ракурсов их видения и восприятия происходящего. Первым планом здесь опять-таки выступает семья Русановых, сам Павел Николаевич, дети, особенно дочь Авиета, о которой он с гордостью говорит: «дети — лучше нас». Уже в портрете Авиеты (примечательна поэтесса *имени*: от латинского avis — птица!), начинающей поэтессы, автором со скрытой иронией выделены черты, говорящие о ее литературных и идеологических вкусах. Это узнаваемые художественные образцы литературы «социалистического реализма»: она — человек гордый, смелых «порывов», не боящийся идти «против ветра». Все это ставшие расхожими штампы, из горьковской по происхождению романтической палитры:

«И в палату Авиета вошла как *против ветра*, с порывом...» (219);

«...она с таким *порывом* шла...» (218);

Олег увидел «голову, поставленную как *против ветра*...» (218);

«...была одета Алла (Авиета. — Л.К.) *смело, гордо*, вполне выявляя свою крупную ясную привлекательность, так совмещённую с твёрдым, ясным умом» (222).

В речи Аллы, которая «бесстрашно смотрела... в будущее» (225), появляется и сам Горький, правда весьма упрощенный: «Горький говорил: любой человек может стать писателем! Трудом можно достичь всего!» (225)

Верная дочь Русанова, Авиета с легкостью (и в своих интересах) гасит тревоги отца за его прошлое — *творит миф* о том, что *не было невинных*: «...что значит само слово “реабилитирован”? Ведь это же *не может значить, что он полностью невинен!* Что-то обязательно там есть, только небольшое» (220).

Подобный миф, расширившись и расплодившись, пойдет в будущее, вплоть до нашего времени. Он развернется, унаследованный через связь поколений. В повести эта связь выразительно прочерчена, кроме русановской, и в сюжетной линии Вадима Зацырко. «Он помнил, как отец любил Сталина! — уж, конечно, больше, чем самого себя (для себя отец вообще никогда ничего не добивался). И больше, чем Ленина. И, наверно, больше, чем жену и сыновей» (243). Как показано в повести, храня память об отце, любившего Сталина, Вадим готов также оправдывать и чтить вождя.

Так в поколениях и их непростых связях складывается механизм *подмены* реалистических, истинных представлений о действительности мифическими, надуманными, так «разблуживаются мозги» и просыпается нездоровое, *неадекватное сознание*, — болезнь, затянувшаяся у нас надолго, до сегодняшнего дня, и пронизательно угаданная художником.

В творческом мышлении Солженицына, на мой взгляд, необходимо выделить еще одну сторону, толкающую меня на полемику с уважаемым мною Ж. Нива, который полагает, что творчество Солженицына принадлежит к «дофрейдовской эпохе»¹⁷. Чтобы возразить на это, надо обратиться к анализу женских, условно «любовных» сюжетных линий в «Раковом корпусе». В повести их две: одна — романтическая, платоническая история Веги, врача Веры Корнильевны Гангарт и влюбленности в нее Костоглотова, другая — сюжетная линия медсестры Зои и ее «простых», вполне земных, человеческих отношений с Костоглотовым, с мелькнувшей у него мыслью о женитьбе. Напомним, что обе эти личные истории развиваются в повести (до поры) одновременно, параллельно. И обе кончаются письмами героя к героиням, вполне искренними объяснениями решения отказаться от встречи с каждой. И та и другая истории в повести по-разному, разумеется, подтверждают тот факт, что произведение принадлежит уже нашей, вполне «фрейдовской» эпохе с признанием фундаментальной значимости пола, сексуальных отношений в человеческой жизни (не говоря уже об употреблении в диалоге Зои и Олега Костоглотова фрейдовского термина «либидо»). Хотя автор «Ракового корпуса» если и не полемизирует с Фрейдом, то, на мой взгляд, спорит с фрейдизмом, фатально преувеличивающим роль секса и вынесшим его модную нынче, одурманивающую стихию на поверхность массовой культуры XX и XXI веков.

В изображении сложных отношений Олега Костоглотова к Веге, Вере Корнильевне, покорившей его обаянием женственной *чистоты и мягкости*, — той, которая, по приведенной в повести легенде о Китоврасе, даже *кость ломит*, тоже есть свой неразвязываемый «узел», кризис. В какой-то момент Олег решается высказать вслух свои безнадежные мысли о том «спасении», которое ему предложено врачами (лечении, которое грозит ему импотенцией): «— Ведь если и так уже потеряна вся жизнь. Если в самих костях сидит память, что я — вечный арестант, вечный зэк. Если судьба мне и не сулит лучшего ничего. Да еще сознательно, искусственно убить во мне и эту возможность — зачем такую жизнь спасать? Для чего?» (260)

Однако, преодолев отчаянную мысль о поджидающей его безнадежности, примирившись с неизбежным и возвратив тем самым расположение Веги, Костоглотов в конце концов отказывается от манившей его надежды на соединение с Вегой (в письме к ней). И это *самоотверженное* решение мужественного человека: он сполна осознает непреложную значимость жизни пола (невозможность «быть вместе и не вместе») и теперь уже *спасает* ее, любимую женщину. («Она горда, что выстояла четырнадцать лет одиночества. Но не знает она — а чего может стоить полгода таких: вместе и не вместе...» (398)) Освещение подобной истории в ее перипетиях свидетельству-

¹⁷ Нива Ж. «Круги» Александра Солженицына. С. 597.

ет о том, что художественная манера Солженицына принадлежит все-таки к «фрейдовской эпохе».

По достоинству надо оценить, кроме того, такую характерную черту «Ракового корпуса», как насыщенность повествования *интертекстуальными* связями. Как известно, это свойство творческого мышления многих писателей XX столетия, особенно сильно проявившееся в постмодернизме. Голоса русской литературы, звучащие в «Раковом корпусе», имеют разные формы и выполняют разные функции в поэтике произведения. Это может быть цитата из сочинений писателя, название художественного произведения, упоминание его имени, изложение его идей героем, аллюзия на некие тексты — для выражения солидарности или полемики с ними. Так, цитата из Короленко — «порядок в делах соблюдает наш душевный покой» (214), припоминаемая доктором Кадминым, дополняет характеристику его внутреннего облика — человека с «жаждой постоянной деятельности» и любовью «к точности и порядку» (214). Вязь разных, далеких между собой голосов: высказывание религиозного философа Вл.С. Соловьева в изложении героя («...можно и нужно экономику строить — на основании нравственности» (341)), выдержка из труда П.А. Кропоткина «Взаимопомощь среди животных и людей» («Взаимопомощь среди людей...» (341)), упоминание имени публициста-народника Н.К. Михайловского — дает ключ к пониманию персонажа, Шулубина, — сложности его духовных поисков и широты ориентиров бывшего большевика, изверившегося в прежней своей интеллектуальной вере.

Приведенное в письме Кадминых Костоглотову сказание из книги XV века «Толковая палая» с образом самоотверженной доброты Китовраса вызывает у него раздумье о людях прошлого и настоящего, о русской старине, о том, «насколько ж они люди были, а мы перед ними — волки» (319).

Строка из стихотворения Пушкина «И пусть у гробового входа...» (185), ставшая названием 18-й главы повести, определяет ее основной, жизнеутверждающий тон.

В повести встречаются и скрытые цитаты, например, в речи Шулубина узнаваема аллюзия на тексты А.М. Ремизова с его изречением: «Человек человеку — бревно», полемически окрашенная у Солженицына. В беседе с Олегом Костоглотовым разгорячившийся Шулубин произносит, протестуя: «Скажите, разве человек — бревно?! Это бревну безразлично — лежать ли ему в одиночку или рядом с другими брёвнами» (337). С моей точки зрения, Солженицын мог обращаться (и гипотетически — обращался) также к стилистическому опыту А.М. Ремизова, известного «словопоклонника». Возможно, он обращался к нему в своем словотворчестве, ориентированном, как и у Ремизова, на обновление, оживление древних, исконных корней русского народного слова — с целью сохранения и расширения богатств русского языка. Но это особая тема, требующая специального исследования.

Всплывающее не раз в тексте повести название рассказа Л.Н. Толстого «Чем люди живы» становится мотивировкой раскрытия тревожных раздумий о смысле жизни и смерти человека, пробудившихся в сознании героя Ефрема Поддуева. Упомянутый Елизаветой Анатольевной роман «Анна Каренина» и выраженная ею в разговоре с Костоготовым оценка трагедии Анны как оправданной испытанным ею счастьем ведет нас к авторской мысли о несопоставимой с прошлым, непомерной тяжести трагизма нашей эпохи. Самой разветвленной и напряженной в тексте повести является система ссылок на М. Горького. Цитаты из произведений Горького в вольном пересказе встречаются в речи различных персонажей. Так, на высказывания Горького (в упрощенном изложении) ссылается Авиета Русанова (о чем уже упоминалось). От лица Павла Николаевича Русанова в повествовании возникает ссылка на авторитет Горького: «Кто это? — кажется, Горький — сказал: если дети твои не лучше тебя, то зря ты родил их, и жил ты тоже зря. А вот Павел Николаевич жил не зря» (220).

В своем желании утвердиться за счет безусловного в советскую пору авторитета Русанов приписывает Горькому некоторые классические афоризмы, ему не принадлежащие: «Как сказал Горький, в здоровом теле здоровый дух» (293).

Такие ссылки — искаженные, упрощенные, перевернутые — прежде всего, разумеется, характеризуют самих действующих лиц повести, подчеркивают их невежество, клишированность сознания, конформизм, стремление подладиться под принятую властью шкалу ценностей. Но смысл подобных интертекстуальных связей в повести Солженицына значительно более глубок и коренится в полемике с самим Горьким, с некоторыми его идеологическими и художественными установками. Показательно, что обильные ссылки на Горького мы встречаем у тех персонажей повести, которым не принадлежат симпатии автора и читателя, — это Русанов, его дочь Авиета. Уже шла речь о том, что в описании Авиеты — ее манеры поведения, жестов, походки, речи — автор повести прибегает к неким образам-штампам, пародирующим известные стилистические клише литературы социалистического реализма, истоки которых были заложены в произведениях Горького. Обращает на себя внимание в обрисовке Авиеты образный мотив «*против ветра*». Он непосредственно перекликается с одним из важнейших мотивов в произведениях Горького. За этим образным мотивом стояло требование писателя, предъявленное к личности, противостоять социально-историческим обстоятельствам, через участие в революции противостоять самой истории. Это был некий творческий императив, заключающий в себе требование революционного героизма, предъявленное современнику, и, по сути, требование *героизма от каждого*. С середины 1900-х годов оно становилось главным критерием реализма социалистической тенденции и одновременно его уязвимой пятой. Подобная «установка на героизм» проводилась Горьким особенно

настойчиво не только в романе «Мать», но и в окурковском цикле, например в повести «Жизнь Матвея Кожемякина». В ней главный персонаж произведения, Матвей Кожемякин — мещанин, не поладивший с родной мещанской средой, — проверяется автором и судится им на основании такого именно подхода: способен ли персонаж идти «против ветра», против течения, стать *сильнее обстоятельств?*

В этой узловой точке автор «Ракового корпуса» и вступает в полемику с Горьким. Горьковское требование героизма от каждого подвергается сомнению. Это критика *безусловности* подобного эстетического критерия. Повесть в ее художественном целом, как и многие другие произведения Солженицына, направлена на раскрытие тех трагических обстоятельств (смертельная болезнь, «исключение еще живых из мира» в лагерях, тотальное насилие государства над личностью), «сильнее» которых человеку стать невозможно. Требование «бороться», — бороться с насилием в лагерях, — о чем говорит Вадим Зацырко Костоглотову, выглядит в повествовании всего лишь привычной идеологемой, усвоенной молодым человеком, не знающим реальной жизни. Иронически звучащей характеристикой позы «мужественного человека», который «сильнее обстоятельств», наделен в повести отрицательный персонаж, доносчик Русанов, причем в его собственной самооценке: «Но Павел Николаевич смотрел на это всё даже снисходительно: он оказался мужественным человеком и *сильнее обстоятельств*» (355).

Существенным качеством художественного мира Солженицына, самого его реализма, надо признать насыщенность выразительной символикой. В «Раковом корпусе» особенно запоминается образ *цветущего урюка* с розовой кроной, которым любитесь Костоглотов, вышедший из больницы в финале повести. Это символ мечты о красоте и радости жизни, захватывающей человека, но быстротечной, как весеннее цветение природы. Многозначителен образ «*реки, никуда не впадающей*», затерявшейся в песках. Глава 22-я так и называется — «Река, впадающая в пески» (229). Это символ ушедшей в песок жизненной силы, образ бессмысленно пропавших, загубленных «арестантских жизней», о чем раздумывает Костоглотов: «Наша Чу (река. — Л.К.) не дотягивает ни до какого моря, ни озера, ни до какой большой воды. *Река, кончающая жизнь в песках! Река, никуда не впадающая, все лучшие воды и лучшие силы раздарившая так, по пути и случайно, — друзья!* Разве это не образ наших арестантских жизней, которым ничего не дано сделать, суждено бесславно заглохнуть...» (232).

Но образ «*реки, впадающей в пески*» — символ бесконечно более широкого смысла. В контексте повести он раскрывается как символ тревожных раздумий о судьбе России, об угрозе ее исторического тупика.

В общем ансамбле символов повести одна из первых творческих партий принадлежит *звездному символу Веге* — Веры Гангарт, прекрасной женщины, взволновавшей душу героя высокими чувствами и надеждами, которые

оказались неисполнимыми, — символ вечной притягательности светлой женственной стихии и связанной с ней драматичности человеческого духа.

Наконец, самый емкий и значительный символ заключен в названии повести и развернут во всем ее художественном тексте. Это образ смертельной болезни, рака, угрожающего «характеру общества» и состоянию современного человека — нравственному и интеллектуальному. И это символический образ «ненормальности» современного человека, *неадекватности* его сознания, возникающей от трагической неполноты его представлений о реальности, от умолчания и сокрытия правды о ней. И это *прогноз* продолжения болезни, подобно метастазам, в будущем, сохранения ее через связь поколений, через механизм их самозащиты (Русанов-старший и его дочь Авиета или Вадим Зацырко и его отец). И можно привести множество примеров из сегодняшней нашей жизни, подтверждающих прозорливость художника. (Это весьма распространенные до сих пор мифы о Сталине — великом победителе и «менеджере», нередко встречающиеся среди наших соотечественников приступы поразительного «беспамятства» о тяготах советского прошлого, о признаках надвигающегося голода в последние месяцы существования СССР и пр.).

Необычайно существенны в повести символы ее финальных глав — «Первый день творения» (гл. 35) «И последний день» (гл. 36). Это символы прекрасного «новосотворённого мира» (380) с *лирическими* мотивами *радости* «возвращённой жизни» (375), *чуда* красоты природы, вновь обретенной, волнующей остроты впечатлений героя от многообразия бытия, а в финале — символы прощания с иллюзиями и трезвого самосознания героя. В символы этого круга Солженицын вкладывал свою надежду на просветление душ — тех человеческих душ, в которых хранился «какой-то осколочек Мирового Духа» (372), говоря словами одного из его героев.

При этом надо заметить, что все названные символы выполняют в поэтике произведения ключевую композиционную роль, они определяют поэтику названия ряда глав («И пусть у гробового входа...», «Чем люди живы», «Рак березы», «Воспоминание о Прекрасном», «Река, впадающая в пески», «Вега», «Первый день творения», «И последний день» и др.), задают в них основной эмоционально-стилистический тон повествования.

Символика Солженицына отмечена яркой художественной спецификой, во многом отличной от символики русских символистов начала XX века. Его символы держатся крепкой связью с предметной конкретикой, которая бывала размытой у символистов. Для своих символических образов Солженицын черпает материал чаще всего из мира органического, природного или из образных потенциалов русского языка и, что особенно важно для писателя, из жизни *исторической*. Символы Солженицына главным образом символы *художественно-временные, исторические*. Однако неправильно было бы думать, что Солженицын остался равнодушен к художественному

опыту символизма, особенно русского. Автором «Ракового корпуса», «Одного дня Ивана Денисовича», «Матрёнина двора» и последующих произведений было воспринято от символизма главное — понимание высокой и полифункциональной значимости символа в литературе XX столетия, символа с его многогранностью и емкостью художественных смыслов, ориентированных на выражение неизвестного.

В целом надо заключить, что основной творческий принцип Солженицына, проявленный, по крайней мере, в повести «Раковой корпус», — феномен сложный, наследующий традиции классического реализма русской литературы и вместе с тем представляющий собой *реализм обновленный*, обогащенный взаимодействием с разными литературными течениями и художественными открытиями XX века, в творческом развитии которых крупную роль сыграл художник А.И. Солженицын.

А.Д. Шмелев

СКОБКИ У СОЛЖЕНИЦЫНА¹

При чтении произведений Александра Солженицына — как публицистических сочинений, так и художественной прозы — обращает на себя внимание обилие скобок. На протяжении одного недлинного абзаца скобки могут использоваться три или четыре раза (а в длинных абзацах скобок может быть более десятка). Трудно указать автора, который использовал бы скобки столь же активно².

Можно предположить, что это не случайно и скобки несут у Солженицына важную смысловую нагрузку. Известно, как внимательно относился Солженицын к орфографическому и пунктуационному оформлению своих произведений, настаивая на том, чтобы они издавались с соблюдением авторской орфографии и пунктуации. При этом выбор как орфографического оформления текста, так и знаков препинания осуществлялся сознательно, и авторская рефлексия нашла отражение в «Некоторых грамматических соображениях»³. Однако в них нет ни слова о скобках, поэтому для выявления функций скобок у Солженицына необходимо подвергнуть анализу все многочисленные случаи их употребления.

Уже самое беглое рассмотрение позволяет заключить, что к использованию скобок Солженицыным нельзя применить общую характеристику, данную Л.В. Щербой в статье «Пунктуация», впервые опубликованной в 1935 году в т. 9 «Литературной энциклопедии». В статье говорится: «...скобки обозначают, что мысль, в них приведенная, совершенно выпадает из общего хода речи, что выражается иной высотой тона того, что произносится в скобках»⁴. Но в произведениях Солженицына мысли, приведенные в скобках, далеко не всег-

---

¹ Сокращенный вариант данной статьи был опубликован в сборнике, посвященном памяти Б.С. Шварцкопфа (*Шмелев А.Д. Скобки у Солженицына // Язык и мы. Мы и язык. М.: Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 2006*).

² Можно, впрочем, отметить активное использование скобок в критических статьях А.С. Немзера. Если бы речь шла лишь о работах, посвященных творчеству Солженицына, можно было бы предполагать воздействие литературной манеры исследуемого автора на исследователя; однако А.С. Немзер постоянно использует скобки и в статьях, посвященных совсем другим сюжетам.

³ См.: *Солженицын А.И. Некоторые грамматические соображения // Русская речь. 1996. № 2.*

⁴ Цит. по: *Щерба Л.В. Пунктуация // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 245.*

да «выпадают из общего хода речи» — наоборот, часто именно такая мысль и является центральной в соответствующем фрагменте текста. При этом использование скобок в публицистике и в художественной прозе, обнаруживая некоторые черты сходства, характеризуется существенными различиями.

Ниже дается самый схематичный и тезисный обзор разнообразных функций, которые обнаруживаются при анализе скобок в произведениях Александра Солженицына.

ПУБЛИЦИСТИКА

Скобки в авторской речи

В публицистике Солженицына скобки могут включаться в авторскую речь или же использоваться при комментарии к словам цитируемых авторов.

В первом случае в скобки чаще всего заключается некоторое уточнение или пояснение к тому, о чем идет речь в высказывании. Здесь использование скобок ближе всего к общелитературному стандарту: сказанное в скобках имеет характер различных добавочных предложений, попутных указаний, разъясняющих предложение в целом или отдельные слова в нем и иногда резко выпадающих из синтаксической структуры целого⁵:

- И достоин уважения, безупречен серьёзностью и трудолюбием один только Шингарёв (не случайно именно его поразит удар ленинского убийцы)...⁶

Приведем еще ряд примеров (также из «Размышлений над Февральской революцией»), в которых замечание в скобках подтверждает или даже усиливает то, что сказано в основном тексте:

- Но, сильно раздробленные после неудач 1906 года, затем сбитые восстановлением российской жизни при Столыпине, затем взлётом патриотизма в 1914 году, — они к 1917 оказались ни в чём не готовы и почти не сыграли роли даже в подготовке революционного настроения (только будоражили забастовки)...

---

⁵ См.: Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М.: Айрис Рольф, 1997. С. 137.

⁶ Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией (1980–1983) // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. Т. 1: Статьи и речи. С. 492.

- Разрушительный толчок от слухов может произойти при всяком правительстве, во всяком месте страны. Но только слабое правительство от него падает. (Много слухов возникало и в советско-германскую войну, но при неуклонности власти ничто не сотряслось.)
- Чхеидзе, Скобелев и Керенский возглавили Совет не как лидеры своих партий (они были даже случайны в них), но как левые депутаты Думы.
- Николай Николаевич действует в давнем династическом комплексе и с обычной недалёковидностью (показав себя таким же дутым глупцом, как и Родзянко)⁷.

Характерно построение, при котором сообщается о явлении, наблюдаемом в описываемом месте, а в скобках говорится, что в других местах оно обнаруживается в ещё большей степени:

- Кроме полковника Кутепова, нескольких офицеров-москвитов, самокатного батальона и кроме невольных жертв мятежа — никто в Петрограде не отличился защитой трона, а тем более не имел успеха. (А в Москве ещё хуже.)
- В Николаевском — было движение, но не развилось (в Павловском — ещё слабей)⁸.

Иногда замечание в скобках содержит гипотезу, которая могла бы служить объяснением описываемой ситуации, когда нет данных, свидетельствующих о мотивах действующих лиц:

- Мы видели, как Алексеев через Родзянку втянулся в прямые переговоры с мятежной столицей и дал убедить себя и сделать себя орудием свержения с трона (вероятно, в ложной надежде, что так государственная перетряска пройдёт всего быстрее и безболезненней для Действующей Армии)...⁹

Нередко в скобках содержится конкретизация референции (можно было бы добавить оборот *а именно...*; без такой конкретизации утверждение могло бы показаться голословным):

- И по другим местам империи были не лучше того командующие округами (Сандецкий, Куропаткин) и губернаторы.

---

⁷ Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией. С. 460, 462–463, 461, 479.

⁸ Там же. С. 464, 465.

⁹ Там же. С. 478.

- Кадеты (Милюков на первых дипломатических приёмах) признавались иностранцам, что сами ошеломлены внезапностью и лёгкостью успеха¹⁰.

Иногда, напротив, в скобках содержится не конкретизация, а обобщение — в связи с описанной ситуацией формулируется некая общая закономерность:

- Деятели Февраля были упоены пробившим часом победы. И хотя они спешили вырвать отречение царя, не надеясь на то после войны, но ещё более спешили углубить отречение бесповоротным разрывом со старым порядком, отказом принять свое назначение от старой власти, реставрации которой только и боялись одной. (Во всякой революции повторяется эта ошибка: не продолжения бояться, а реставрации.)¹¹

Отдельный интерес представляют случаи, когда в скобках содержится уточнение к тому, что, возможно, было сказано чересчур категорично. Автор как бы спорит сам с собою, смягчая излишне категоричное утверждение. Приведем примеры (также из «Размышлений над Февральской революцией»):

- Одновременно была разогнана вся наружная полиция, вся секретная полиция, перестала существовать вся система министерства внутренних дел — и уже по-настоящему никогда не восстановилась. (До большевиков.)
- Не было никакой связи между семейным решением об этой поездке в Ставку и хлебными беспорядками в Петрограде, начавшимися точно на следующий день. (Разве только малая та, что, не слишком бы погрузясь в скорбь императрицы и больше внимания уделяя государственным занятиям, например работе с Риттихом, монарх мог бы за два месяца предупредить эти хлебные перебои.)¹²

Этот прием «самоуточнения» очень характерен для Солженицына. Можно привести аналогичные типы употребления из самых разных произведений — ср. пример из очерка «Диалогия Василия Гроссмана» (из серии «Литературная коллекция»):

- И уже не читаем тех пафосных фраз о великом народном единстве. (Нет, кое-что осталось.)¹³

---

¹⁰ Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией. С. 466, 469.

¹¹ Там же. С. 483.

¹² Там же. С. 491, 458.

¹³ Он же. Диалогия Василия Гроссмана: Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 2003.

Однако в целом для очерков Солженицына из цикла «Литературная коллекция» характерно несколько иное использование скобок, которые часто содержат неуверенное предположение о причинах того или иного явления, отмечаемого им в произведениях писателя, ставшего героем очерка, о его мотивах или художественном замысле; замечание в скобках может также выражать неуверенность в том, что чужое произведение интерпретировано правильно. Закрывающей скобке в этом случае обычно предшествует вопросительный знак:

- А слов исконных, корневых, ярких русских — у Чехова почти не бывает (от южного детства?).
- Или это — нацело искусственная приставка, или бы это отзывалось на душе Якова и во многих случаях его жизни. Но второго нет — значит, придуманность (или как символ упущенных возможностей?)¹⁴.
- стал читать эту книгу всего лишь потому, что ждал: тут узнаю много о Грибоедове (1927 — не к столетию ли смерти Грибоедова писал?).
- И только под конец узнаём, что Сашка — его единокровный брат, внебрачный. (Но странно, что Сашка о том не знает; или всё же знает?)¹⁵
- Да ещё маячит к концу тома, как монумент, несокрушимый меньшевик (венок автора памяти своего отца?) Дрелинг, вечный ээк.
- Он пытается развеяться в разговоре с Чепыжиным (старуха-прислуга Чепыжина при том целует Штрума в плечо: напутствует на казнь?)¹⁶.

В следующем примере вопросы в скобках следуют подряд один за другим:

- А в «Элегии», — «До сих пор, вспоминая твой голос, я прихожу / в возбужденье», — если эта начальная строка верна, то всем остальным грузным стихом (защитной рефлексией?) чувство засушено (в прикрытии ли раны?)¹⁷.

Иногда, впрочем, вопрос ощущается как почти риторический:

---

¹⁴ Он же. Окунаясь в Чехова: Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 1998. № 10. С. 161, 175.

¹⁵ Он же. «Смерть Вазир-Мухтара» Юрия Тынянова: Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 1997. № 4. С. 191, 193.

¹⁶ Он же. Диалогия Василия Гроссмана. С. 163–164, 168.

¹⁷ Он же. Иосиф Бродский — Избранные стихи: Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 1999. № 12. С. 181.

- Но тут вносится важная и неисследованная тема: о дезертирстве обиженных или жаждущих воли русских солдат — в другие страны, вот — в Персию. (Да судьба ли этих несчастных солдат волнует автора, или возможность жёлчного укора императорской России?)¹⁸

В целом можно отметить, что вопросы в скобках, характерные для «Литературной коллекции», отражают установку, которую можно усмотреть в этих очерках: автор стоит на позиции непредвзятого читателя, но время от времени меняет перспективу, как бы проникая в творческую лабораторию писателя, о котором идет речь в соответствующем очерке.

Скобки как комментарий к чужим словам

Когда в публицистических произведениях Солженицыну приходится цитировать чужие слова, он постоянно дополняет их собственными комментариями в скобках. Эти комментарии могут носить поясняющий, полемический или «разоблачающий» характер. Наличие таких комментариев в скобках создает эффект «диалогичности», когда наряду с голосом цитируемого автора звучит голос самого Солженицына, подтверждающего сказанное, поправляющего какую-то неточность, иронизирующего, недоумевающего, возмущенного.

Один из самых характерных примеров — эссе «Наши плюралисты», в котором Солженицын обильно цитирует своих оппонентов, условно названных им «плюралистами» (впрочем, он замечает: «...я не настаиваю, что правильно выбрал термин. Будем пользоваться им как рабочим»¹⁹), часто сопровождая цитаты собственными комментариями в скобках:

- ...«крестьяне сами увлеклись собственным раскулачиванием». (Ахнешь! И это нашлёпал уважаемый диссидент.)
- «В 1953 почти никто не признавал реальность». (Совсем уж глупенькими народ представляют. Сознали — десятки миллионов, да уже полегли, или языки закусили. «Не признавали» — кто был на элитарном содержании.)
- ...видит лучшим выходом — «как предложил Ленин»! — избрать в нынешний ЦК «сто простых рабочих» — (непонятно, почему Ленин при власти сам же их и не избрал)...
- «Такое важное явление, как еврокоммунизм». (А меж тем — он уже и испарился.)

---

¹⁸ Солженицын А.И. «Смерть Вазир-Мухтара» Юрия Тынянова. С. 198.

¹⁹ *Он же*. Наши плюралисты (1982) // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 1. С. 408.

- ...«не будет даже полутора лет и ни для одного народа спокойной жизни, посвящённой только внутренним задачам». (Упаси нас Бог от такого будущего! и жить не надо.)²⁰

Иногда Солженицын ограничивается кратким замечанием, указывающим на сходство мнений, высказываемых «нашими плюралистами», с лозунгами советской пропаганды или с позицией революционных демократов:

- «Жандарм Европы Суворов, реакционер Кутузов» (протереть глаза: воскрес Покровский? так же учили в 20-е годы).
- «Как революция, так и ее последствия — национальны». (Да, товарищи-господа, зачем же вы из Советского Союза уезжали? — это можно всё и там открыто печатать.)
- «Религиозность русского народа и в прошлом была сомнительной». <...> ... (вернулись к Белинскому)²¹.

Ср. тот же прием, когда Солженицын цитирует высказывания в эмигрантской прессе о нем самом:

- Легко лжёт... Пытается содействовать распространению своих монархических взглядов, играя на религиозных и патриотических чувствах народа (ну, буквально из «Правды»)...²²

Часто, приводя особенно возмущившее его высказывание, Солженицын сопровождает его риторическим вопросом в скобках, выражающим удивление, возмущение, негодование. Такой вопрос может иронически заострить высказанную мысль, доводя ее до абсурда:

- ...«духовная структура» русских унаследована от монголов, «она застойна, не способна к развитию и прогрессу» (понимать: унтерменши? безнадежная раса?).
- И размышляет философ: «Октябрьская революция последовательно, не минуя ни одного пункта, опровергла все утверждения марксизма». (Например — марксову «науку восстания», захват банков, телеграфа, власти? диктатуру «авангарда», классовую борьбу? атеизм как стержень идеологии, сокрушение «жандарма Европы»? — да многое...) ²³

---

²⁰ Там же. С. 420, 417–418, 423, 427, 423.

²¹ Там же. С. 411, 416, 411.

²² Там же. С. 442.

²³ Там же. С. 411, 416.

И опять тот же прием используется, когда Солженицын цитирует высказывания в эмигрантской прессе о нем самом:

- По его мнению, коммунистическая система не подходит России только из-за того, что она нерусская (не из-за того же, что атеистична и кровава?)...²⁴

В других случаях риторический вопрос в скобках заключает в себе возражение — Солженицын выступает в качестве оппонента в споре:

- Победа «Новой Правой» будет — «конец детанта и усиление гонки вооружений» (да куда ж ещё усиление?)...
- И, наконец, отступая, отступая по ступенькам, всё ж упинаясь, что советское правительство — не «самое гнусное» на планете. (Копелев. А отчего бы тогда не назвать, какое же гнусней?)²⁵

Всем сказанным далеко не исчерпываются функции, которые несут комментарии в скобках к чужим словам в «Наших плюралистах», не говоря о публицистике Солженицына в целом. Приведем еще несколько примеров, указывая на функции замечаний в скобках в каждом отдельном случае. Непосредственное обращение к оппоненту, к его личному опыту (чаще отсутствию такового):

- «У внутреннего строя СССР *ничего общего* с социализмом нет», «когда-то начали строить совсем другое общество» (пожить бы тебе в том военном коммунизме, когда баржами топили, да расстреливали крымских жителей через одного)²⁶.

Кажущееся согласие, иронически заостряющее высказанную мысль, в результате чего она доводится до абсурда:

- «Колхозы — чисто русская форма». (Смотри её во всех веках: план посева из города, палочки трудодней, ночная стрижка колосков.)²⁷

Ироническое переосмысление слов оппонента, когда под видом согласия автор осуществляет «переполюсовку» оценок:

---

²⁴ Солженицын А.И. Наши плюралисты. С. 442.

²⁵ Там же. С. 430, 417.

²⁶ Там же. С. 419.

²⁷ Там же. С. 420.

- «Семена социализма погибли в русской почве». (Тут соглашусь: почва оказалась для социализма крепенькая, пришлось киркой добавлять.)²⁸

Сходное с этим переосмысление констатации как прогноза на будущее:

- «В России коммунизм в прошлом» (да сбудется это как пророчество!)...²⁹

Все названные (и многие другие) функции обнаруживаются у заключенных в скобки комментариев к чужим словам и при обращении к другим публицистическим произведениям Солженицына. Приведем еще два примера риторических вопросов в скобках из «Размышлений над Февральской революцией»:

- Михаил, «забыв всё прошлое», то есть судьбу своей женитьбы, просил брата «пойти по пути, указанному народом». (Где он увидел народ?)
- Образованные юридические советники, звёзды кадетской партии, Набоков и Нольде, выводили ему красивым почерком: «впредь до того, как Учредительное Собрание своим решением об образе правления...» — а он доверчиво, послушно подписал. (И какое такое Учредительное Собрание он мыслил во время войны?)³⁰

Итак, комментарий к чужим словам, приводимый в скобках, раскрывает функцию цитаты в публицистическом тексте Солженицына: она не приводится сама по себе в качестве некоего украшения, а создает диалогическое напряжение, в котором позиция автора проясняется больше, чем если бы была выражена сама по себе.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

Функции скобок в художественной прозе Солженицына еще более разнообразны по сравнению с публицистикой. Это и не удивительно. Солженицын называет свой художественный метод «полифоническим» (впрочем, вкладывая в этот термин несколько иной смысл, нежели у Бахтина)³¹.

---

²⁸ Там же. С. 410.

²⁹ Там же.

³⁰ *Солженицын А.И.* Размышления над Февральской революцией. С. 486, 487.

³¹ См.: *Он же.* Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 596.

Соответственно, замечания в скобках могут принадлежать не автору, а кому-то из персонажей. При этом высказывание, заключенное в скобки, может выражать точку зрения иного персонажа, нежели текст вне скобок, что иногда создает эффект «полифонии» даже в рамках одного эпизода.

В рамках настоящей заметки нет никакой возможности не только провести сколько-нибудь полную систематизацию встреченных в художественной прозе Солженицына различных типов замечаний в скобках, но и хотя бы перечислить основные типы. Ограничимся лишь некоторыми характерными примерами из «Ракового корпуса».

Многие эпизоды в «Раковом корпусе» описываются как бы «с точки зрения» Русанова. Часто именно его точку зрения (как правило, поданную сатирически) выражает замечание в скобках:

- Но Зоя уже не слушала и, постукивая пальчиком по пустой кровати Оглоеда, спросила:
— А где Костоглотов?
(Ну надо же! — как Павел Николаевич верно схватил! Костоглот — Оглоед — точно!)
- Однако, и войдя в палату, врачи не поспешили к койке Русанова! Людмила Афанасьевна — крупная женщина с простыми крупными чертами лица, с уже пепелистыми, но стриженными и подвитыми волосами — сказала общее негромкое «здравствуйте» и у первой же койки, около Дёмы, остановилась, изучающе глядя на него.
— Что читаешь, Дёма?
(Не могла найти вопроса поумней! В служебное время!)³²

В следующих двух примерах в скобках содержится мысленный комментарий Русанова к диалогу Демки и Костоглотова:

- Даже Дёмка не ложился спать, а пришёл и сел на койку Костоглотова, и тут, над самым ухом Павла Николаевича, они бубнили.
— Побольше стараюсь читать, — говорил Дёмка, — пока время есть. В университет поступить охота.
— Это хорошо. Только учти: образование ума не прибавляет.
(Чему учит ребёнка, Оглоед!)
- — ...Если плоскость проходит через прямую, параллельную другой плоскости, и пересекает эту плоскость, то линия пересечения...
Слушай, Дёмка! Давай я с тобой каждый день буду стереометрией

заниматься? Ох, двинем! Хочешь? — Хочу. (Этого ещё не хватало, над ухом.)³³

Интерес представляют случаи, когда замечание в скобках содержит комментарий Русанова к его же собственным мыслям. Получается своего рода внутренний диалог. Приведем пример:

- И когда только научится наше население ездить с чистыми аккуратными чемоданами! (Впрочем, теперь, при опухоли, это уже было всё равно.)³⁴

Существенно, что мысленные комментарии Русанова — это, как правило, его реакция на происходящее вокруг. Иногда в целом повествование в эпизоде ведется «с точки зрения» Русанова, но замечание в скобках отражает позицию внешнего наблюдателя, следящего за поведением Русанова:

- — Слышь, браток, у тебя рак — чего? — спросил он нечистым голосом.

Павла Николаевича, уже дошедшего до своей койки, как заскоблило от этого вопроса. Он поднял глаза на нахала, стараясь не выйти из себя (но всё-таки плечи его дёрнулись)...³⁵

Впрочем, можно интерпретировать этот эпизод и иначе: все описывается «с точки зрения» Русанова, который сам ощущает, как «дергаются» его плечи.

Совсем по-другому функционируют скобки в эпизодах, рассказанных «с точки зрения» Костоглотова, который приучен к тому, что надо скрывать свои мысли от окружающих. Именно эти тщательно скрываемые мысли и открываются читателю в замечаниях в скобках. Приведем два примера (в рамках одного и того же эпизода — диалога Костоглотова с заведующей лучевым отделением Донцовой). В первом из них в скобках содержится спонтанно мелькнувшая во время разговора скрытая мысль Костоглотова; во втором — пространный комментарий в скобках раскрывает читателю то, что знает, но скрывает Костоглотов, и это сопровождается дополнительным пояснением «от автора»):

- Донцова смотрела на его безцветный извилистый шрам и молчала. Костоглотов развивал:

---

³³ Там же. С. 26, 28.

³⁴ Там же. С. 11.

³⁵ Там же. С. 15–16.

— Вы сразу исходите из неверного положения: раз больной к вам поступил, дальше за него думаете вы. Дальше за него думают ваши инструкции, ваши пятиминутки, программа, план и честь вашего лечебного учреждения. И опять я — песчинка, как в лагере, опять от меня ничего не зависит.

— Клиника берёт с больных письменное согласие перед операцией, — напомнила Донцова.

(К чему это она об операции?.. Вот уж на операцию он ни за что!)

— Спасибо! За это — спасибо, хотя она так делает для собственной безопасности. Но кроме операции — ведь вы ни в чём не спрашиваете больного, ничего ему не поясняете! Ведь чего стоит один рентген!

— О рентгене — где это вы набрались слухов? — догадывалась Донцова. — Не от Рабиновича ли?

— Никакого Рабиновича я не знаю! — уверенно мотнул головой Костоготов. — Я говорю о принципе.

(Да, именно от Рабиновича он слышал эти мрачные рассказы о последствиях рентгена, но обещал его не выдавать. Рабинович был амбулаторный больной, уже получивший двести с чем-то сеансов, тяжело переносивший их и с каждым десятком приближавшийся, как он ощущал, не к выздоровлению, а к смерти. Там, где жил он, — в квартире, в доме, в городе, — никто его не понимал: здоровые люди, они с утра до вечера бегали и думали о каких-то удачах и неудачах, казавшихся им очень значительными. Даже своя семья уже устала от него. Только тут, на крылечке противоракового диспансера, больные часами слушали его и сочувствовали. Они понимали, что это значит, когда окостенел подвижный треугольник «дужки» и сгустились рентгеновские рубцы по всем местам облучения.)³⁶

Сходные функции могут нести скобки, когда эпизод описывается «с точки зрения» каких-то других персонажей. Ср. столкновение разных точек зрения (Демы и Донцовой), каждая из которых в явном виде не высказывается персонажем.

- Он так понимал, что это — вместо операции. И ему казалось, что Донцова тоже так понимает. (А Донцова-то понимала, что, прежде чем оперировать саркому кости, надо подавить её активность рентгеном и тем предотвратить метастазы.)³⁷

³⁶ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 71.

³⁷ Там же. С. 46.

Отметим также внутренний диалог, когда Донцова отвечает и частично возражает собственным мыслям:

- Нет, готовиться к сообщению сегодня она уже не сможет, да и день к концу. (Разве взять папку домой? Наверняка провозишь зря, хоть сотни раз она так брала и возила.)³⁸

Комментарий в скобках к словам персонажа может касаться того, что этот персонаж не договаривает. Так, в следующих примерах Вера Гангарт не готова признаться Костоготову в последствиях проводимого лечения, а Зоя — в том, что целых четыре раза смотрела фильм «Бродяга»:

- — Вы не бойтесь, объясните,— успокаивал её. — Я как тот сознательный боец, который должен понимать боевую задачу, иначе он не воюет. Как это может быть, чтобы рентген разрушал опухоль, а остальных тканей не трогал?

Все чувства Веры Корнильевны ещё прежде глаз выражались в её отзывчивых лёгких губах. И колебание выразилось в них же.

(Что она могла ему рассказать об этой слепой артиллерии, с тем же удовольствием лупцующей по своим, как и по чужим?)

- — Замечательный фильм! Я два раза была! — (Она была четыре раза, но постеснялась почему-то выговорить.)³⁹

Точно так же в следующем диалоге Ефрема Поддубева и хирурга Евгении Устиновны оба собеседника говорят одно, а думают другое — то, что не решаются или считают невозможным сказать:

- — Ведь опять же по тому месту? — даже не спросил, а сам сказал Ефрем.

(Он хотел выразить: как же вы раньше резали? Что ж вы думали? Но никогда не щадивший никаких начальников, всем лепивший в лицо, Евгению Устиновну он поберёт. Пусть сама догадается.)

— Рядышком,— отличила она.

(Что ж говорить тебе, горемыка, что рак языка — это не рак нижней губы? Подчелюстные узлы уберёшь, а вдруг оказывается, что затронуты глубинные лимфопути. Этого нельзя было резать раньше.)⁴⁰

---

³⁸ Там же. С. 84.

³⁹ Там же. С. 65, 152.

⁴⁰ Там же. С. 102.

В некоторых случаях в скобках содержится информация, необходимая для правильного понимания ситуации. Эта информация подается как своего рода «комментарий от автора»:

- В это воскресенье Людмила Афанасьевна непременно должна была совершить большую стирку, уж набралось. Значит, обед на первую половину недели (она готовила его дважды в неделю) надо было во что бы то ни стало варить в субботу вечером.
- Наконец и Зоя всё раздала и кончила, и Нэля дотёрла пол, потушили свет у женщин, потушили и в вестибюле верхний, был уже двенадцатый час, когда Нэля развела тёплый раствор на первом этаже и оттуда принесла Сибгатову в его постоянном тазике.

— О-о-ой, уморилась,— громко зевнула она.— Закачусь я минуток на триста. Слушай, больной, ты ведь целый час будешь сидеть, тебя не дождёшься. Ты потом сам снеси тазик вниз, вылей, а?

(В этом крепком старом здании с просторными вестибюлями не было наверху слива.)⁴¹

В других произведениях Солженицына также содержится множество примеров разных типов использования скобок, иногда еще более ярких. Отметим несколько эпизодов из романа «В круге первом». В первом из этих эпизодов Нержина обязывают выдвинуть «добавочно к плану» «встречное научное социалистическое обязательство» (замечание в скобках показывает истинную цену такого обязательства):

- — И соревнование надо оживить, верно, это поможет, — убежденно заключил он. — Социалистические обязательства мы тоже дадим, к первому января. Я считаю, что наш долг работать в наступающем году больше и лучше, чем в истекшем. — (А в истекшем он ничего не делал.)⁴²

В другом эпизоде описываются мысли Сталина при чтении пропагандистской книги «Сталин. Краткая биография», которая была написана под его руководством и при его непосредственном участии:

- Незамысловатые честные слова этой книги ложились на человеческое сердце покойно и неотвратимо. Стратегический гений. Его мудрая прозорливость. Его мощная воля. Его железная воля. С 1918 года стал фактическим заместителем Ленина. (Да, да, так и

---

⁴¹ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 87, 30.

⁴² Он же. В круге первом // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2011. Т. 2. С. 541.

было.) Полководец революции застал на фронте толчею, растерянность. Сталинские указания лежали в основе оперативного плана Фрунзе. (Верно. Верно.) Это наше счастье, что в трудные годы Отечественной войны нас вёл мудрый и испытанный Вождь — Великий Сталин. (Да, народу повезло.) Все знают сокрушительную силу сталинской логики, кристальную ясность его ума. (Без ложной скромности — всё это правда.) Его любовь к народу. Его чуткость к людям. Его нетерпимость к парадной шумихе. Его удивительную скромность. (Скромность — это очень верно.)⁴³

Проф. Люциан Суханек так комментирует этот эпизод: «Сталинские замечания должны показать, что идеологические приемы воздействовали также на него самого, что благодаря незамысловатой технике манипуляции пропагандистская ложь превращается в правду»⁴⁴.

В главе «Огонь и сено» описываются мысли Щагова, обдумывающего, чего хочет от него Надя и вспоминающего те или иные ее поступки, а в скобках приводятся ее мотивировки, формулируемые так, как если бы она читала его мысли:

- ...То она стояла над доской, когда он играл с кем-нибудь в шахматы, и напрашивалась играть с ним сама и обучаться у него дебютам. (Боже мой, но ведь шахматы помогают забыть время!)
То звала послушать, как она будет выступать в концерте. (Но так естественно! — хочется, чтоб игру твою похвалил не совсем равнодушный слушатель!)
То однажды у неё оказался «лишний» билет в кино, и она пригласила его.
(Ах, да просто хотелось иллюзии на один вечер, показаться где-то вдвоём... Опереться на чью-то руку.)
То в день его рождения она подарила ему записную книжечку — но с неловкостью: сунула в карман пиджака и хотела бежать — что за хватки? почему бежать?
(Ах, от смущения лишь, от одного смущения!)
Он же догнал её в коридоре, и стал бороться с ней, притворно пытаясь вернуть ей подарок, и при этом охватил её — а она не сразу сделала усилие вырваться, дала себя поддержать.
(Столько лет не испытывала, что руки и ноги сковались.)⁴⁵

---

⁴³ Там же. С. 107.

⁴⁴ Суханек Л. Литературные приемы воскрешения из мертвых: три Сталина у трех авторов // Лебедь (Бостон). 2004. № 389. То же: URL: <http://www.lebed.com/2004/art3873.htm>.

⁴⁵ Солженицын А.И. В круге первом. С. 366–367.

В качестве последней иллюстрации упомянем эпизод из «Августа Четырнадцатого», в котором говорится о 1-й Государственной думе, возглавляемой проф. С.А. Муромцевым. Как известно, Солженицын относился к Муромцеву (и к деятельности 1-й Думы в целом) иронично, обращая внимание на то, что субъективно честные намерения многих членов 1-й Думы бороться против неэффективного правительства и за процветание России объективно могли рассматриваться как революционные настроения (тем более что таковые были действительно присущи иным членам Думы). Именно этот «объективный» план и отражен в «разоблачающих» замечаниях в скобках:

- 1-я Дума собралась — уверенная в себе, резкая, громкая, с неостывшими голосами от едва выхваченной победы. Дума собралась — бороться против любого законопроекта, какой бы ни был предложен *этим* правительством. Когда этой Думе прочитывали с трибуны, сколько террористических убийств совершено в разных местах, — иные депутаты кричали с кресел: «Мало!» Дума собралась непримиримее и резче, чем сама Россия, собралась — не копать в скучной законодательной работе да по комиссиям, не утверждать да исправлять какие-то законы или бюджеты, а — соединённым криком сдунуть с мест, сорвать и это правительство, и эту монархию — и открыть России путь блистательного республиканства из лучших университетских и митинговых умов под благородной, среброво-лосой копной профессора Муромцева. В первой же резолюции эта Дума потребовала: отнятия и раздела помещичьих земель! упразднения второй палаты — Государственного Совета (чтобы быть свободнее самой)! да и — отставки правительства, чего уж! Собранная Дума публично требовала начать законодательную жизнь с изменения конституции (что вне Думы считалось уголовным преступлением) и так обещала обществу новую форму революции! В Думе сидели (чаще вскакивали) почти открытые эсеры, почти открытые террористы, легальные представители нелегальных партий, но более всего — кадеты, цвет интеллигенции двух столиц и десятка самых разговорчивых городов, — и они торжествовали своё умственное превосходство над бездарным дряхлым правительством, никогда, кажется, не давшим ни оратора, ни ума, ни государственного мужа⁴⁶.

Таким образом, рассмотрев лишь небольшое число характерных примеров использования скобок в художественной прозе Солженицына, мы

---

182 ⁴⁶ Солженицын А.И. Красное Колесо. Узел I: Август Четырнадцатого. Кн. 2 // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006. Т. 3. С. 149.

видим, что и в ней скобки часто маркируют важные фрагменты текста. Это вовсе не те побочные замечания, которые можно выпустить без ущерба для содержания.

Более того, во всех разнообразных примерах использования скобок можно усмотреть нечто общее. Текст в скобках раскрывает внутреннюю подоплеку того, о чем говорится вне скобок. Это может быть скрытая для внешнего наблюдателя мотивировка поведения персонажа или, напротив, описание того, как выглядит персонаж «со стороны», сам того не замечая; невысказанные мысли персонажей или исторический смысл происходящих событий, который прояснится лишь впоследствии; информация, проливающая свет на описываемую бытовую ситуацию, или исторический комментарий, необходимый для современного читателя. Текст в скобках делает явным то, что при отсутствии пояснения в скобках могло бы остаться неявным.

В работах по теории пунктуации (и, в частности, в фундаментальном труде Б.С. Шварцкопфа⁴⁷) функцию скобок принято описывать как «выделение» (и, соответственно, скобки относить к «выделительным» знакам). Речь при этом идет о чисто формальном признаке (скобки как парный знак). Но у Солженицына (особенно в художественной прозе) скобки часто оказываются «выделительным» знаком и в другом плане: они выделяют те фрагменты текста, на которые читатель должен обратить особое внимание. Содержательная функция скобок, отмеченная в упомянутой книге, — «перебой основной линии изложения»⁴⁸ — остается неизменной; просто у Солженицына этот перебой играет важную, иногда центральную роль в выражении нужного смысла и позволяет произвести на читателя желаемое впечатление.

---

⁴⁷ См.: Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988.

⁴⁸ Там же. С. 27.

Э.-Б. Вахтель

«ОДИН ДЕНЬ...» ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

Пятидесятилетие выхода в свет «Одного дня...», несомненно, станет поводом для многочисленных публикаций как в научных изданиях, так и в популярных средствах массовой информации. Однако я бы хотел рассмотреть то, что с большой вероятностью может при этом остаться в стороне, — а именно: как был выстроен номер «Нового мира» за ноябрь 1962 года, как его структура могла повлиять на восприятие первыми читателями повести¹ Солженицына и насколько всё это могло сыграть свою роль в судьбе первого детища писателя.

В науке уже вполне укоренилось представление о том, что контекст, в котором появляется то или иное литературное произведение, воздействует на его оценку, особенно когда мы имеем дело не с отдельной книгой, а с публикацией в коллективном издании вроде советского толстого журнала². Однако когда мы сталкиваемся с событием сенсационным, вроде появления «Одного дня Ивана Денисовича», это обстоятельство легко может ускользнуть от нашего внимания. Наверное, многие возьмутся утверждать, что выход в свет солженицынской вещи стал столь значимым явлением, что затмил все ему сопутствующее. Ретроспективно это вполне может оказаться правдой — но вовсе не обязательно означает, что, собирая номер журнала, Твардовский не задумывался о том, чем окружить произведение, в успехе которого он просто не мог быть всецело уверен. Не следует забывать и о широкой публике, не сводившейся к представителям московской и ленинградской интеллигенции. Последние вполне могли заранее знать о готовящейся сенсации и

---

¹ Согласно авторскому обозначению жанра «Один день Ивана Денисовича» — рассказ. Описывая историю публикации, Солженицын вспоминает: «Предложили мне для весу назвать рассказ повестью, — ну, ин пусть будет повесть», — и делает примечание: «Зря я уступил. У нас смываются границы между жанрами и происходит обесценение форм. “Иван Денисович” — конечно рассказ, хотя и большой, нагруженный. <...> Повесть — это то, что чаще всего у нас гонятся называть романом: где несколько сюжетных линий и даже почти обязательна протяжённость во времени» (*Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 28). — Ред.

² Всесторонний разбор различных научных проблем, связанных с русскими литературными журналами, см.: *Literary journals in Imperial Russia* / Ed. D.A. Martinsen. Cambridge: Cambridge univ. press, 1997.

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXXVIII

Выпуск № 11

Ноябрь, 1962 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

Э. МЕЖЕЛАЙТИС — Гимн утру, Ржавчина, Воздух, стихи. Перевели с литовского Д. Самойлов, Станислав Куняев	3
А. СОЛЖЕНИЦЫН — Один день Ивана Денисовича, повесть	8
С. МАРШАК — Десять четверостиший. Из Вильяма Блейка	75
АЛЕКСАНДРА БРУШТЕЙН — Простая операция	77
КЯЗИМ МЕЧИЕВ — Стихи разных лет. Перевел с балкарского С. Липкин	108
ВИКТОР НЕКРАСОВ — По обе стороны океана	112
Е. СТЮАРТ — Подрастают мальчишки. стихотворение	149
АНАТОЛИИ ПАВЛЕНКО — Большая Знаменка. стихотворение	151
ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ — Мотылек и Танк, рассказ. Перевел с английского Иван Кашкин	153

НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ

ЮРИЙ ЖУКОВ — Жизнь и смерть Патриса Лумумбы	159
---	-----

В МИРЕ НАУКИ

БОРИС ВОЛОДИН — Космическая медицина, как рассказал о ней действительный член Академии медицинских наук В. В. Парин	186
---	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

П. ВОЛИН — О том, что мешает изобретателям	193
<i>Читатели обсуждают вопросы школы</i>	
В. СЕМЕНИХИН, учитель — Учить и учиться разумно	206
Л. АИЗЕРМАН, учитель — К миру прекрасного	211
С. ВЛАДИМИРОВ — Кто же их научит?	216

(См на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

потому прочесть «Один день...» сам по себе, т.е. целенаправленно открыв журнал на нужной странице и отбросив — хотя бы на время — все остальное. Но прочие читатели никак не могли предугадать, что именно это произведение никому не известного автора заслуживает особого внимания, и потому наверняка изучали ноябрьский «Новый мир» точно так же, как и всегда³. Здесь стоит заметить, что внешний вид журнала никак не намекал на то, что в нем присутствует нечто из ряда вон выходящее. И обложка, и содержание выглядели точно так же, как на протяжении многих лет, и даже тот факт, что Твардовский счел нужным предпослать тексту «Вместо предисловия» от имени главного редактора, никак не был обозначен в содержании.

Так что у нас есть все основания предположить, что обычный читатель, не имея никакого понятия о том, что его ждет, открывал этот номер без малейшего представления о его исторической значимости. И не менее вероятно то, что Твардовский планировал данный выпуск, рассчитывая именно на «непосвященную» аудиторию⁴. В любом случае, рассмотрев «Один день...» в контексте журнального номера, в котором он был опубликован, мы сможем по-новому взглянуть и на саму историю, рассказанную автором, и на то, как Твардовский пытался предопределить будущую реакцию на нее.

Из редакторского «Вместо предисловия» становится очевидно, насколько волновало Твардовского, как повесть примут читатели, особенно те, кто может болезненно воспринять столь откровенное описание лагерных реалий. Этот текст — превосходный пример того, что Бахтин именовал «двухголосием»: Твардовский предвосхищает возможные возражения читателей, сам излагает их, а затем сам отвечает, тем самым рассчитывая донести до потенциальной аудитории нужный ему смысл. В первом же предложении он признает, что предмет повествования «необычен в советской литературе»⁵.

³ Этот номер «Нового мира» вышел 18 ноября 1962 года тиражом 96 900 экземпляров. По всей видимости, очень скоро потребовалась допечатка в количестве еще 25 000 экземпляров.

⁴ Согласно записным книжкам Твардовского он узнал, что Хрущев одобрил «Один день...» 15 октября 1962 года (см.: *Твардовский А.Т. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2000. № 7.* То же: URL: <http://www.magazines.russ.ru/znamia/2000/7/tvard.html>; см. также: *Твардовский А.Т. Новомирский дневник: в 2 т. М.: ПРОЗАИК, 2009. Т. 1: 1961–1966*). Он лично встретился с Хрущевым 22 октября. Излагая последовательность событий в книге «Бодался теленок с дубом», Солженицын указывает, что читал корректуру рассказа «перед ноябрьскими» (т.е. перед 7 ноября). См.: *Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 44.* Таким образом, у Твардовского оставалось по меньшей мере две недели на то, чтобы продумать, в каком окружении повесть должна увидеть свет.

⁵ *Твардовский А.Т. Вместо предисловия // Слово пробивает себе дорогу: Сб. ст. и док-тов об А.И. Солженицыне. 1962–1974 / сост. В.И. Глоцер и Е.Ц. Чуковская; вступ. ст. Л.К. Чуковской. М.: Русский путь, 1998. С. 15.*

Но незамедлительно поясняет, что эту тему необходимо развивать в связи с объявленной партией и ее лидером (которого Твардовский прямо цитирует в конце первого абзаца) борьбой с «культом личности». С помощью этого аргумента он отводит любые возможные обвинения в том, что повесть несет в себе что-то «антисоветское». На протяжении второго абзаца он рассуждает о художественных достоинствах произведения, подчеркивая при этом, что подобного мастерства невозможно достичь без опоры на авторский личный опыт⁶. Тем самым Твардовский разом отменяет как потенциальные упреки в чистом «вымысле», не имеющем ничего общего с реальностью лагерей, так и гипотетическую (не менее уничижительную) оценку произведения как «всего лишь» частных воспоминаний, не поднимающихся до художественной истины.

Дальнейшие рассуждения призваны показать, к чему стремится Солженицын, главным образом посредством объяснения, чего он как раз не собирается делать. При этом цель опять-таки состоит в предупреждении разнородной потенциальной критики. «Один день...» не претендует на всеобъемлющую картину лагерной жизни (до «Архипелага...» пройдет еще много времени); еще более существенно то, что произведение не следует упрекать в безысходности. Его величайшая удача, по мнению Твардовского, как раз в том, что оно не будит в читателе пессимизм (а это одно из главных пугал советской литературной критики) — напротив, как и положено по канонам социалистического реализма, повесть скорее в определенной мере оптимистична⁷. За этим немедленно следует реверанс в адрес принятых норм советского литературного творчества, которые-де никак не ограничивают писателей в выборе материала (это на случай, если кто-нибудь посмеет подумать, что такие рамки по-прежнему существуют). Твардовский заканчивает свое краткое введение двумя небольшими абзацами. В первом главный редактор заверяет читателя, что вовсе не намерен предвосхищать окончательную оценку данного произведения (и тут же делает именно это, заявляя, что на его собственный вкус «Один день...» знаменует собой приход в литературу нового «мастера»). Второй содержит краткое объяснение/извинение,

---

⁶ Здесь Твардовский словно заимствует тон Толстого из его автокомментария к «Войне и миру». «“Один день Ивана Денисовича” — это не документ в мемуарном смысле, не записки или воспоминания о пережитом автором лично... Это произведение художественное...» (Там же. С. 15). Ср. у Толстого: «Это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника» (Толстой Л.Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Полн. собр. соч.: в 90 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1928–1958. М.; Л., 1955. Т. 16. С. 7).

⁷ Согласно рабочим тетрадям Твардовского в рукописном варианте предисловия, который он показал Хрущеву, он назвал произведение Солженицына «жизнеутверждающим», воспользовавшись характеристикой, типичной для советской литературной критики. Однако по совету некоторых своих коллег он изъясил этот эпитет из окончательной опубликованной версии. См. запись от 21 октября в 1962 года (Твардовский А.Т. Рабочие тетради...).

адресованное тем читателям, которые могут счесть неприемлемым «умеренное и целесообразное» использование лагерного жаргона⁸. И венчает весь текст уверение, что мы имеем дело с литературным произведением, пробуждающим желание поделиться им с другими. В целом создается впечатление, что все аргументы Твардовского призваны последовательно доказать главный тезис: несмотря на непривычную тему, повесть Солженицына может и должна быть воспринята как произведение, вполне соответствующее принятому тогда методу социалистического реализма (хотя Твардовский ни разу не использует этот термин). В ней есть правда жизни, она оптимистична и полностью соответствует линии партии.

Сразу за подписью главного редактора начинается собственно текст Солженицына с незабываемой первой строки: «В пять утра, как всегда, пробил подъём — молотком об рельс у штабного барака. Перерывистый звон слабо прошёл сквозь стёкла». И именно здесь осознаешь, что предисловие предисловия было не единственной попыткой Твардовского предопределить реакцию на публикуемый текст. Ведь внимательный читатель прочел эти строки — или какой-то их аналог — именно сейчас, а не двадцатью минутами раньше; по крайней мере, так должно было обстоять дело, если он открыл «Новый мир» не сразу на 8-й странице, на которой начинается текст Солженицына (а с чего бы ему устремляться именно к ней, если он никак не мог предугадать, что эта книга перевернет мир?), а, как и положено любителю толстых журналов, начал с первой. И если он поступил именно так, то что же он там обнаружил и как это могло повлиять на его прочтение «Одного дня Ивана Денисовича»?

Твардовский предпослал повести Солженицына подборку лирических стихов литовского поэта Эдуардаса Межелайтиса (1919–1997), которая открывалась стихотворением «Гимн утру». Если прочесть его первые строки уже после «Одного дня...», возникает головокружительное ощущение настоящего *déjà-vu*: «Сперва различают на слух / луч, в стекла стучащийся звонко, / чистейший и утренний звук — / звук солнца — медного гонга»⁹. Разумеется, у Межелайтиса человека пробуждает ото сна не тот «гонг», что поднимает Шухова в начале «Одного дня...», а луч солнца, но этот метафорический

---

⁸ Цит. по: Слово пробивает себе дорогу... С. 17. Твардовский справедливо опасался того, что некоторых покоробит язык произведения: тому свидетельством являются письма обычных читателей, написанные сразу после его опубликования. См. по этому поводу: *Dobson M. Contesting the paradigms of De-Stalinization: Readers' responses to «One day in the life of Ivan Denisovich» // Slavic review. 2005. № 3 (64). (Fall.) P. 580–600, особ.: P. 590–592. См. также: Козлов Д. Отзывы советских читателей 1960-х гг. на повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»: свидетельства из архива «Нового мира» (часть I) // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 178–200, особ.: С. 181.*

⁹ *Межелайтис Э. Гимн утру // Новый мир. 1962. № 11. С. 3. Перевод принадлежит известному советскому поэту Д. Самойлову.*

будильник всё равно бьется и проникает сквозь стекло — как у Солженицына. У Межелайтиса с постели встает не лагерный зэк, а типичный персонаж социалистического реализма: человек, который жаждет «строить, творить, работать» — то есть заниматься ровно тем, что предстоит только что пробудившемуся Шухову на лагерной стройке. Он будет класть кирпичи, и Межелайтис буквально превосхищает именно эту конкретную работу словами о «глине и песке», к которым хочет приложить руки его собственный герой¹⁰.

Как следует понимать подобные переключки между поэзией Межелайтиса и прозой Солженицына? Конечно, можно признать такие отзвуки чистым совпадением, никак не влияющим на наше восприятие текста, который начнется буквально через несколько страниц. Пусть так — хотя трудно представить, что такой искушенный редактор, как Твардовский, не обратил внимания на эти, хотя бы и случайные, интертекстуальные связи двух произведений¹¹. Но факт остается фактом: явная переключка присутствует и непременно бросится в глаза всякому, кто станет читать эти два текста друг за другом. Более того, берусь утверждать, что первый текст вполне может заронить в душу читателя намек на то, как следует правильно понимать второй.

Бесспорно, подавляющее большинство читателей (если не все) задним числом вряд ли сознательно оценили этот намек: или в силу того невероятно мощного впечатления, которое производит вещь Солженицына на фоне вполне проходных стихов Межелайтиса, или под влиянием множества откликов и обсуждений, порожденных «Одним днем...» в последующие месяцы и годы. Но все равно предшествующий текст не мог не оставить определенно-го отпечатка в подсознании. По моему мнению, Твардовский решил открыть номер стихотворениями Межелайтиса именно для того, чтобы подчеркнуть мысль, столь отчетливо им выраженную в предисловии: в «Одном дне...» следует видеть не горькое и мрачное обличение советской власти, а скорее необычную версию подлинно советской, оптимистической идеи, коей проникнуты стихи Межелайтиса. В конце концов, оба текста, пусть несомненно на разном художественном уровне и в разных жанрах, все же рассказывают одну и ту же историю, в центре которой помещен символический образ советского «простого человека», который просыпается и с полной готовностью и позитивным настроением берется за работу, за созидание — и все равно, где он находится, в комнате писателя в Вильнюсе или в в каторжном лагерном бараке.

---

¹⁰ Там же. С. 4.

¹¹ По свидетельству цензора, в первоначальном тексте номера, который он получил 17 октября, отсутствовали и повесть Солженицына, и стихи Межелайтиса (как и очерки Виктора Некрасова). Затем 23 октября (на следующий день после встречи Твардовского с Хрущевым) редакция внесла изменения, поставив эти тексты именно в таком порядке. Таким образом, связь текстов Межелайтиса и Солженицына получает дополнительное подкрепление. См. об этом: *Лакшин В.* «Новый мир» во времена Хрущева: дневник и попутное (1953–1964). М.: Книжная палата, 1991. С. 78.

Следующее стихотворение, «Ржавчина», обнаруживает не менее удивительные сходства с «Одним днем...». Внешним толчком к его написанию предстает созерцание лирическим героем куска колючей проволоки. Как и у персонажа Солженицына, его жизнь некоторое время была явно подчинена этому образу, символизирующему концентрационные лагеря XX века: «...признаюсь, я очень долго шел, / проволокой оплетен колючей»¹². И вновь главный смысл стихотворения состоит в том, чтобы негативный по сути символ обернулся положительной стороной, в духе советского оптимизма. Колючая проволока превращается в ржаво-рыжую ветку розы, и рассказчик предлагает не пробуждать слишком тяжелые воспоминания, связанные с этим значимым образом: «Прошлую беду не ворошу — / все равно не выразить словами». И подобно тому, как Твардовский дает понять в своем предисловии, что «Один день...» способен помочь нам преодолеть наследие прошлого, герой стихотворения в его конце с радостью шагает в будущее: «Мы бросаем проволоку прочь, / ветку ржавую и неживую. / И уходим, покидая ночь, / на дорогу, солнцем залитую»¹³. Все хорошо. Да, в прошлом могли быть тяжелые времена, но мы способны всё преодолеть и с уверенностью смотреть в грядущее. В результате получается, что стихотворения Межелайтиса поставлены как раз на нужное место, чтобы наилучшим образом подготовить читателя к пониманию куда более сложного и трудно воспринимаемого труда Солженицына. Предвосхищая некоторые его главные темы и образы, стихи трактуют их куда более привычным для советского человека способом, сглаживая острые углы и потому придавая следующей за ними повести куда более спокойное звучание.

Внутри ноябрьского выпуска «Нового мира» лирика Межелайтиса не единственный пример создания такой особой среды восприятия вокруг первопродходческого творения Солженицына. В номере напечатан еще один для нас любопытный прозаический текст: короткий рассказ «Простая операция» ныне практически забытой Александры Бруштейн (1884–1968). Она была весьма плодотворной писательницей, наибольшую известность которой принесла вышедшая в 1964 году повесть «Дорога уходит вдаль». И вот текст этой коммунистки с многолетним стажем следует практически непосредственно за «Одним днем...»¹⁴, создавая, как и стихи Межелайтиса, своеобразный значимый контрапункт солженицынской вещи и одновременно подразумевая «правильный способ» ее прочтения.

Бруштейн рассказывает историю интеллигентной женщины (в которой явно просматриваются автобиографические черты), чье зрение с годами все слабеет и слабеет. Наконец уже на склоне лет она осознает, что ей грозит сле-

¹² Межелайтис Э. Ржавчина // Новый мир. 1962. № 11. С. 5. Пер. с литовск. Ст. Куняева.

¹³ Там же. С. 6.

¹⁴ Их разделяют лишь две странички переводов С. Маршака из четверостиший У. Блейка.

пота, сравнимая с пребыванием в тюрьме: «Слепота — вот это что. Темница до конца дней»¹⁵. И хотя героине уже скоро восемьдесят, она решается на рискованную операцию по восстановлению зрения в клинике великого советского офтальмолога В.П. Филатова. В поезде по дороге в Одессу, где находится больница, она думает о своей прошедшей жизни. Один из проходящих ей на ум эпизодов особенно показателен, ибо в нем прослеживается столь сильно звучащая в «Одном дне...» тема внутренней свободы, которую может обрести и заключенный. Рассказчица вспоминает, как, будучи еще молодой писательницей, она оказалась в гостях у Николая Островского, чей классический для соцреализма роман «Как закалялась сталь» превратил его в подлинную икону советской литературы. На протяжении всей своей недолгой жизни он тяжело страдал от страшной болезни Бехтерева (анкилозирующего спондилита), в результате чего потерял зрение и оказался полностью парализованным.

Судьба Николая Островского в устах героини Бруштейн становится некой параллелью к истории героя «Одного дня...» Шухова: человек, физически закрепощенный неумолимым и беспощадным противником, может вопреки всему оставаться свободным. Она входит в комнату, где лежит Островский: «Теперь передо мной лежал на кровати — мертвый человек. <...> Но Николаем раскрыл глаза, лицо сразу стало живым»¹⁶. В способности Островского мужественно преодолевать свою физическую подчиненность болезни для рассказчицы воплощается главный жизненный принцип: «Не сдаваться».

По прибытии в Одессу, в больнице героиня оказывается в палате еще с тремя женщинами. Их присутствие позволяет Бруштейн, как и автору «Одного дня...», избежать солипсизма единственной точки зрения и за счет вставных историй расширить повествование до достаточно широкой панорамы советской жизни — здесь эту задачу выполняют молодая грузинская студентка, пожилая учительница из Воронежа и еще одна девушка по имени Мура. Рассказчицу более всего поражает страстное желание всех пациентов бороться за свое зрение. Подобно множеству эков, которые окружают Шухова и чьи истории периодически вторгаются в основное повествование, они не подавлены своим несправедливым наказанием, напротив, оно их неким образом возвышает. «Очень большое уважение внушают к себе те молодые, которых я здесь вижу, с их удивительным упорством, с их умной настойчивостью в борьбе за утраченное зрение, за место в жизни — не потребительское, не иждивенческое, а настоящее, трудовое»¹⁷. Здесь мы вновь сталкиваемся с типичными клише социалистического реализма: оптимизм перед лицом трудностей, пафос преодоления, повседневный героизм, борьба за лучшее будущее.

---

¹⁵ Бруштейн А. Простая операция // Новый мир. 1962. № 11. С. 78.

¹⁶ Там же. С. 80.

¹⁷ Там же. С. 86.

Среди таких вставных историй в рассказе Бруштейн особое место принадлежит воронежской учительнице Марии Семеновне Кореняко. И отчасти неожиданно — учитывая заявление Твардовского в его предисловии, что «жизненный материал» рассказа Солженицына «необычен в советской литературе» — персонаж Бруштейн вспоминает именно о страшных событиях сталинской эпохи. Можно даже сказать, что писательница куда более прямо говорит об этих преступлениях, чем сам Солженицын. В конце концов, хотя действие «Одного дня...» и происходит в лагере «для политических», Шухов попал туда не по политическому обвинению, а просто потому, что позволил себе оказаться в плену во время войны (а значит, был сочтен шпионом)¹⁸. А вот жизнь персонажа Бруштейн, комсомолки, перспективного педагога, пошла под откос именно из-за политики: «В 1937 году в школу, где работала Мария Семеновна, прибежали дети, испуганные, в слезах. Что случилось? Случилось то, что почти сразу стало в то время будничным и перестало кого-либо удивлять. Но тогда — в 1937 году — это еще было, как говорится, в новинку. Пришли какие-то люди, увели отца — мужа Марии Семеновны, — опечатали квартиру...»¹⁹ У читателя не остается никаких сомнений в том, что арест объяснялся не каким-то реальным преступлением, а лишь поголовным безумием тех дней.

Но кончается все опять хорошо. После двадцати лет пребывания во мраке советское общество в лице вдовы академика Филатова избавляет героиню от слепоты и открывает ей светлую дорогу в возрожденный, подлинно советский мир послесталинской эры. Финал рассказа застает ее в поезде по дороге в Москву; ее обуревают все тот же радостный душевный подъем, которым были проникнуты стихи Межелайтиса и который, как, по всей видимости, надеялся Твардовский, читатель должен ощутить и по прочтении Солженицына²⁰: «И вот я еду домой в Москву. Еду и не отрываюсь от окна! До чего прекрасен мир и как много в нем для меня забытого, ра-

¹⁸ Из писем читателей в редакцию «Нового мира» после опубликования «Одного дня...» становится ясно, что в глазах некоторых существовала огромная разница между коммунистами, арестованными в 1937 году (которых в 1962-м считали незаконно репрессированными), и другими заключенными (в частности, теми, кто попал в лагерь из-за своего поведения во время войны (см.: *Dobson M. Contesting the paradigms of De-Stalinization...* P. 584–588). Более подробный разбор того, по каким принципам некоторые читатели противопоставляли пострадавших, по их мнению, несправедливо тем, кого они считали настоящими «врагами», см.: *Козлов Д. Отзывы советских читателей ...* С. 189–193.

¹⁹ *Бруштейн А. Простая операция.* С. 92.

²⁰ В отличие от стихов Межелайтиса, которые были выбраны Твардовским именно для этого номера журнала (см. выше, примеч. 11), повесть Бруштейн была отобрана для публикации раньше. Итак, все переключки между текстами Бруштейн и Солженицына можно считать случайными. На мой взгляд, большое количество случайных интертекстуальных переключек является еще одним доказательством того, что Твардовский находил основания считать «Один день...» вполне советским текстом.

достно вспоминаемого снова! <...> ...Идет поезд — жизнь бьет волной за его окно»²¹.

Одной из главных проблем для исследователей, занимающихся рецепцией того или иного литературного произведения, является нехватка близких к моменту публикации текста откликов, идущих от обычных читателей. Чаще всего реакцию читающей публики они восстанавливают, экстраполируя редкие оценки современников, основываясь на рецензиях (чьи авторы, будучи читателями профессиональными, вряд ли могут считаться типичными выразителями точки зрения средней читательской аудитории) или оборачивая вспять воспоминания, появившиеся годы спустя. Однако в случае с «Одним днем Ивана Денисовича» мы как раз располагаем значительным объемом откликов, являвшихся более или менее непосредственными и исходившими от более или менее неподготовленной публики. Благодаря этому мы можем увидеть, что волновало первых читателей, и оказывается, что их не очень-то занимал вопрос, укладывается произведение Солженицына в рамки социалистического реализма или нет²². На то было несколько вполне веских причин. Уже с 1934 года социалистический реализм оставался единственным художественным методом, допустимым в советской литературе, — так стоит ли удивляться тому, что у читателей не возникало сомнений в принадлежности произведения к этому направлению. «Один день...» был напечатан в уважаемом литературном журнале. Сие означало, что он получил высочайшее одобрение, а значит, по определению являлся произведением соцреалистическим. Но гораздо более существенно то, что огромная мощь этого текста, по всей видимости, заставляла большинство читателей воспринимать его как своего рода «вещь в себе». Именно поэтому они не были склонны сравнивать его с другими произведениями²³, и им, похоже, вовсе не приходило в голову обращать сколько-нибудь пристальное внимание на то, в каком окружении вещь

---

²¹ Бруштейн А. Простая операция. С. 107.

²² У меня не было возможности ознакомиться с самими письмами, но, как уже говорилось выше, им посвящено два достаточно подробных исследования (*Dobson M. Contesting the paradigms of De-Stalinization...*; *Козлов Д. Отзывы советских читателей...*). По данным Д. Козлова, архив «Нового мира» насчитывает 532 отклика читателей «Одного дня Ивана Денисовича» за период с 1962-го по 1968 год (Указ. соч. С. 178). Подавляющее большинство (422) — положительные, однако существует и 100 отрицательных, так что реакция отнюдь не была единодушной. (10 откликов, по-видимому, были нейтральными.) Что касается негативных отзывов, то некоторое их количество исходило от бывших лагерных охранников, которые, естественно, хотели оправдать свою деятельность в системе ГУЛАГа. Но другие исходили от людей самого разного рода; в частности, многие возражали против уравнивания Солженицыным эзков, попавших в лагеря на разных стадиях (см. примеч. 18).

²³ Исключение, кажется, составляет сравнение одним читателем «Одного дня...» с романом В. Ажаева «Далеко от Москвы», опубликованным в 1948 году.

была опубликована (разумеется, это не отменяет возможность того, что на подсознательном уровне предисловие Твардовского, а также стихи и проза, соседствовавшие с «Одним днем...», каким-то образом все же влияли на восприятие читательской аудитории). Вместо этого в письмах, приходивших в редакцию «Нового мира», речь идет в основном о том, правдиво или нет описание Солженицыным лагерей, а единственная имеющая отношение к литературоведению проблема, затрагиваемая хотя бы в части из них, — уместность используемого автором языка.

Если благонадежность произведения с точки зрения принципов соцреализма, похоже, не сильно интересовала обычных читателей, то профессиональных критиков именно она и занимала, пусть они и не задавались этим вопросом напрямую, по крайней мере не в открытой печати. Тем не менее вскоре после выхода «Одного дня...» некоторые оппоненты постарались подчеркнуть ряд черт, выделяющих и само произведение, и его героя на фоне привычных норм тогдашней словесности. Так, в своей статье в журнале «Октябрь» критик Н. Сергованцев с помощью нескольких знаковых формул постарался намекнуть, что главный персонаж Солженицына — неподходящая фигура для советской литературы. По его мнению, Иван Денисович слишком беспрекословно смиряется со своей судьбой, он не героичен, не желает или не способен бороться с тяготами окружающего мира. Как следствие, произведение не «открывает перед читателем необозримые горизонты жизни»²⁴. Как мы уже видели, Твардовский заранее постарался предупредить эти возражения, говоря об оптимистичности повести в своем вступлении к публикации. В 1964 году точно такую же цель преследует в своей отстаивающей «Один день...» статье и В. Лакшин, который в ответ тем, кто считает Ивана Денисовича недостаточно героической фигурой, напоминает, что «если исходить из марксистско-ленинского взгляда на вещи, эта тема (изображение руководителей и организаторов. — Э.В.) по меньшей мере неполна без изображения людей руководимых и организуемых, людей самых обыкновенных, несущих ношу каждодневного труда, составляющих, по выражению Ленина, “самую толщу широких трудящихся масс”»²⁵. Беря под защиту Ивана Денисовича и его создателя, Лакшин также прибегает к набору клише советской литературной критики, дабы опровергнуть тех, для кого произведение Солженицына недостаточно «советское» по своему духу: «Восстанавливая социалистическую законность, ленинские нормы общественной жизни, партия придала новую значительность и такому понятию, как “народность”».

²⁴ Сергованцев Н. Трагедия одиночества и «сплошной быт» // Октябрь. 1964. № 4. Цит. по: Лакшин В.Я. Иван Денисович, его друзья и недруги // Новый мир. 1964. № 1. С. 228–229. То же: Слово пробивает себе дорогу... С. 75.

²⁵ Лакшин В.Я. Иван Денисович, его друзья и недруги. С. 230. То же: Слово пробивает себе дорогу... С. 77.

С этой точки зрения появление в литературе повести Солженицына было заметным событием. «Такие произведения, — сказал об «Одном дне Ивана Денисовича» Л.Ф. Ильичев, — воспитывают уважению к трудовому человеку, и партия их поддерживает». <...> ...Книга (Солженицына. — Э.В.), при всей жестокости ее темы, стала партийной книгой, воюющей за идеалы народа и революции»²⁶.

Таким образом, помещение «Одного дня...» в его исходный контекст позволяет нам заново осознать многие особенности этого произведения, которые по прошествии времени оказались замутнены. Самым существенным выводом является то обстоятельство, что в 1962 году Солженицын вовсе не воспринимался как некий диссидент или, хуже того, противник режима, а вполне мог представляться пишущим, пусть и несколько непривычно, но вполне в духе социалистического реализма. Предисловие Твардовского стремится соотнести «Один день...» с основными тенденциями развития литературы социалистического реализма: герой произведения — простой советский человек, который трудится, работает своими руками. Несмотря на все тяготы своего существования, он смотрит вперед с оптимизмом; тяжелые обстоятельства не заставляют его согнуться, напротив, испытания позволяют ему достичь внутренней свободы. При таком прочтении в центре внимания оказываются не ужасы лагерного бытия, а эпизоды вроде того, где описывается, как Шухов кладет кирпичную стену: «Шухов и другие каменщики перестали чувствовать мороз. От быстрой захватчивой работы прошёл по ним сперва первый жарок — тот жарок, от которого под бушлатом, под телогрейкой, под верхней и нижней рубахами мокреет. Но они ни на миг не останавливались и гнали кладку дальше и дальше. И часом спустя пробил их второй жарок — тот, от которого пот высыхает. В ноги их мороз не брал, это главное, а остальное ничто, ни ветерок лёгкий, потягивающий — не могли их мыслей отвлечь от кладки»²⁷.

Тексты, сопутствующие «Одному дню...» в ноябрьском номере «Нового мира» за 1962 год, призваны укоренить вещь в традиции социалистического реализма, продемонстрировав, что ее главные темы и внутреннее устройство созвучны другим, куда более ортодоксальным произведениям. Более того, непосредственное восприятие текста как обычными читателями, так и профессиональными критиками показывает, что изначальная интерпретация «Одного дня...» давалась исключительно в рамках основных принципов социалистического реализма, которые вовсе не подвергались сомнению. Критики из профессионального литературного сообщества могли в своих

---

²⁶ Там же. С. 245. То же: Слово пробивает себе дорогу... С. 87.

²⁷ Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича. С. 69. Лакшин в своей статье специально ссылается на подобные пассажи, защищая Ивана Денисовича и его создателя от упреков в недостаточной «советскости».

отзывах скрыто намекать на содержащиеся в произведении отклонения от принятых норм, но тот факт, что «Один день...» с относительной легкостью можно было представить как пример «правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии», призванный способствовать «воспитанию трудящихся в духе социализма»²⁸, вкуче с прямым одобрением повести первым секретарем ЦК КПСС позволяли защитить повесть от подобных нападков.

Разумеется, впоследствии вопрос о соответствии произведения Солженицына общепринятым нормам советской литературы приобрел множество дополнительных оттенков. С одной стороны, вскоре после выхода в свет статьи Лакшина критика со стороны «недрузгов» Солженицына внутри Советского Союза стала значительно более резкой, а с изменением генеральной линии партии после свержения Хрущева внезапно обнаружилось, что произведение Солженицына и впрямь неприемлемо. Это лишний раз убеждает — если кого-то еще следует в этом убеждать, — что, несмотря на множество тонких характеристик, изобретенных литературоведами для определения сути социалистического реализма, главным и неизменным критерием всегда оставался один: соцреализм — это то, и только то, что таковым сочтет Коммунистическая партия.

Наряду с этим, на фоне того как «оттепель» сходилась на нет и вновь крепились настроения «холодной войны», на Западе повесть очень быстро была зачислена в разряд произведений антисоветской направленности, а ее автор — в диссиденты. В своей произведшей очень сильное впечатление статье Макс Хэйворд²⁹ подчеркивал: «Каковы бы ни были исходные намерения самого Солженицына (а я далек от того, чтобы приписывать ему сознательное стремление своим произведением “открыто обличить” систему), я внутренне убежден в том, что “Один день...”, как и два более поздних рассказа («Матренин двор» и «Для пользы дела». — Э.В.), содержат множество намеков, которые Хрущев не уловил, но зато и “друзья”, и “недрузги” Ивана Денисовича четко почувствовали и которые не могли не пробудить в умах читателей сомнения в легитимности советского режима как в прошлом, так и в настоящем»³⁰.

²⁸ Основные принципы социалистического реализма, зафиксированные в том числе в Уставе Союза советских писателей, принято на Первом съезде писателей в 1934 году. См.: Первый всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М.: Сов. писатель, 1990. С. 712 (Репр. изд. 1934 г. — *Примеч. пер.*)

²⁹ Хэйворд Макс (Hayward; 1924–1979) — известный британский знаток и переводчик русской литературы, преподаватель Оксфорда. Ему принадлежит и один из многих переводов «Одного дня Ивана Денисовича» на английский язык. — *Примеч. пер.*

³⁰ Hayward M. Solzhenitsyn's place in contemporary Soviet literature // Slavic review. 1964. № 3 (23). Sept. P. 434. Эта статья закрепила восприятие Солженицына на Западе если не как законченного диссидента, то по крайней мере как противника советской власти.

После того как Солженицын столкнулся с невозможностью печататься на родине, а затем с необходимостью покинуть свою страну, он сам поспособствовал ретроспективному прочтению своих ранних произведений как некой предтечи диссидентской литературы. Так, например, описывая в своих воспоминаниях «Бодался теленок с дубом» Твардовского, он замечает: «Всякую рукопись полюбив сперва чувством первым, Твардовский непременно должен был провести её через второе чувство и лишь тогда печатать — как произведение **советское**»³¹. Тем самым автор подразумевает, что исходно его труд вовсе не был «советским», а такой оттенок ему постарался придать Твардовский³².

Однако наше прочтение «Одного дня Ивана Денисовича» в контексте его первой журнальной публикации показывает, что в 1962 году вполне убедительно смотрелось и представление, и восприятие повести как произведения, полностью соответствующего канонам советской литературы. Вне всякого сомнения, Твардовский немало помог такой интерпретации — и своим предисловием, и сопровождением публикации текстами, которые оттеняли наиболее «советские» черты «Одного дня...». Однако если бы вещь на самом деле знаменовала собой полный разрыв с принципами социалистического реализма, такое ее прочтение было бы вовсе невозможно. Утверждая, что «Один день Ивана Денисовича» должен восприниматься как произведение социалистического реализма (по крайней мере, в контексте того, как социалистический реализм мог трактоваться в 1962 году), я ни в коей мере не хочу принизить творение Солженицына. На самом деле именно сопоставление «Одного дня...» с окружающими его текстами (включая даже вполне официозную трактовку Твардовского) способно скорее увеличить, нежели преуменьшить наше восхищение мастерством писателя. Если взглянуть на «Один день...» под этим углом зрения, то оказывается, что Солженицын, взяв некоторые поизносившиеся клише соцреализма, сумел преобразить их в повествование такой невероятной силы, которая затмила для нас все его литературные и культурные истоки. А что, как не это, является признаком поистине великого произведения искусства.

Авторизованный перевод с английского Н.П. Гринцера

---

³¹ Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом. С. 32.

³² Всякому, кто хотел бы попробовать взглянуть на Солженицына как на писателя, вполне вписывающегося в рамки советской литературы (по крайней мере, в том виде, какими эти рамки виделись в середине 1960-х годов), я настоятельно рекомендовал бы прочесть его рассказ «Для пользы дела», опубликованный в «Новом мире» в 1963 году и из всех произведений Солженицына наиболее полно отвечающий принципам социалистического реализма. Более подробно тогдашний взгляд на проблему представлен в статье Георга Лукача «Социалистический реализм сегодня» 1964 года. См.: Лукач Г. Социалистический реализм сегодня // Вопр. лит. 1991. № 4. С. 70–92, а также электронную публикацию: URL: http://scepis.ru/library/id_693.html.

«СОЛЖЕНИЦЫН: МЫСЛИТЕЛЬ, ИСТОРИК, ХУДОЖНИК»

Круглый стол¹

Ведущие: *В.А. Москвин, О.Б. Василевская*

Выступления: *Н.Д. Солженицына, Э.Э. Эриксон, мл., А.С. Немзер,*

Н.П. Гринцер, Л.И. Сараскина, П.Е. Спиваковский, И.Б. Роднянская,

Б.Н. Любимов, Р.А. Гальцева, А.Е. Климов, П.Г. Проценко, И.Е. Мелентьева

В.А. Москвин: Добрый вечер, уважаемые коллеги. Позвольте начать работу нашего круглого стола. Я прошу прощения, что мы начинаем чуть позже — но это поправки на московский снег и всегдашние пробки. Сегодня мы посвятили круглый стол выходу книги «Солженицын: Мыслитель, историк, художник». Книга вышла в конце 2010 года, но круглый стол мы проводим только сейчас — с тем чтобы у его участников была возможность книгу прочитать, осмыслить и уже предметно поговорить. Работа над книгой шла довольно долго — но и сам предмет очень и очень непростой. Я думаю, что об этом расскажет уже более подробно редактор этого сборника, соведущая нашего круглого стола, заместитель главного редактора издательства «Русский путь» Ольга Борисовна Василевская.

О.Б. Василевская: Дорогие друзья, в свою очередь рада приветствовать вас в этом зале. Книга, которой посвящен наш сегодняшний вечер, стала продолжением выпускаемой нашим издательством серии сборников исследований, посвященных творчеству Александра Исаевича Солженицына. Первый из этих сборников — «Между двумя юбилеями» — охватывает материалы 1998–2003 годов, второй — «Путь Солженицына в контексте Большого времени» — посвящен юбилейным мероприятиям 2008-го. Третий сборник, в который вошли материалы, публиковавшиеся в разных зарубежных источниках с 1974-го по 2008 годы, представляет собой сплав двух культур — российской и западной — и, по нашему представлению, должен послужить мостом между российскими и западными исследователями творчества Солженицына.

---

¹ Презентация книги «Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974–2008: сборник статей» (сост. и авт. вступ. ст. Э.Э. Эриксон, мл.; коммент. О.Б. Василевской; пер. с англ. и фр.; худож. И.И. Антонова. М.: Русский путь, 2010. — 720 с.) и круглый стол прошли в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына 23 марта 2011 года.

Сама идея такого сборника возникла в Америке, на Иллинойской конференции 2007 года. Составлялся сборник также в Америке, профессором Эдвардом Эриксоном, а готовился к печати в России. Вот это «двойное гражданство» обусловило и особенности состава сборника, и специфику его подготовки, которая была достаточно непростой. Скажу лишь, что если собрать рабочие материалы по подготовке сборника — переписку с составителем и авторами, списки вопросов, уточнений, перечень обработанных источников и проч., и проч. — получился бы сборник, по объему соперничающий с данным. Но это закадровая работа, она позади. Сегодня очень много желающих выступить — и это лучшее свидетельство того, что, видимо, она была проделана нами не зря.

Сегодня мы ждем первых оценочных суждений, но прежде чем пригласить к микрофону специалистов — литературоведов, критиков, — хочу от имени издательства принести сердечную благодарность всем участникам работы над книгой: ее составителю проф. Эдварду Эриксону; стоявшему у истоков проекта его координатору Татьяне Александровне Малышевой; научным редакторам переводов с английского и французского языков: Владимиру Андреевичу Скороденко, Марии Николаевне Томашевской и Елене Юрьевне Леоновой; переводчикам, которые участвовали также в комментариях: Николаю Павловичу Гринцеру, Борису Александровичу Ерхову, Нине Николаевне Федоровой, Елизавете Андреевне Щербаковой, Наталии Владимировне Ликвинцевой, Марии Андреевне Руновой, Елене Юрьевне Дорман; художнику книги Ирине Иосифовне Антоновой, тонко встроившей в серию сложную структуру сборника и нашедшей точное графическое воплощение его многочисленным нюансам; осуществившим титанический труд по сверке цитат Мунире Мухамеджановне Уразовой и Ольге Анатольевне Савичевой (которая была и корректором книги); составителю именного указателя Надежде Константиновне Бойко.

Отдельная благодарность Степану Александровичу Солженицыну и Алексею Евгеньевичу Климову, помогавшим в осуществлении контактов российской и американской сторон и снявшим ряд редакторских вопросов; и конечно, автору идеи этого сборника, оказавшему ценнейшие консультации в процессе его подготовки — Наталии Дмитриевне Солженицыной. Наталия Дмитриевна, Вам первое слово.

Н.Д. Солженицына: Прежде чем начнется на круглом столе профессиональный разговор о сборнике, хотелось бы мне вместе с вами вообразить, представить, как встретил бы его появление Александр Исаевич.

Вопреки мнению обывателей, в том числе окололитературных, Солженицын жаждал критики и ценил ее. Особенно остро он нуждался в критике, работая над «Красным Колесом». Одно дело — рецензия или критическая статья о книге, в которой поставлена точка и продолжения не будет. Про-

читать такую критику всегда интересно, но отчасти — «в пустой след», как говорил Александр Исаевич. А вот при работе такой долгой временной протяженности, как «Красное Колесо», критика была бы участницей, собеседницей, чьи мнения можно обдумать и учесть в делящейся работе. В 1970-м у Солженицына не было надежды напечатать в СССР «Август Четырнадцатого» — тогда он составил вопросник, раздал его сорока восьми «первочитателям» и очень ждал ответов. В «Дневнике Р-17», дневнике, сопровождавшем работу над исторической эпопеей, Александр Исаевич записывает:

«**(25 ноября 1970):** Начинает поступать очень серьёзная критика “Августа” от первочитателей.

(Ноябрь 1971): Переслали мне отзыв 90-летнего Бориса Зайцева (из Парижа) — об “Августе” <...> И тут же досталось прочесть Клода Фриу обо мне. Есть очень интересные упрёки.

(Осень-зима 1972): Два раза слушал по Би-Би-Си обзор английских рецензий на “Август”, но всё время очень сильно глушат, одни клочки. Что и там сильное расхождение во мнениях и спор — интересно и показательно: до сих пор и Запад, как и Россия, был един в оценке моих книг. Действительно, значит, “Август” раскалывает. <...> Сейчас прочёл... отзыв на “Август” Филиппа Тойнби, случайно прислали. Кто он? Видимо, писатель, и в эстетике искушённый. Никакой личной недоброжелательности... И — какой же суровый отзыв. Пытаюсь разобраться»².

И вот 1974-й, нас выслали. К перечню испытаний, постигших Солженицына в его жизни, — к войне, лагерям, раку, аресту архива, травле, — если и добавляют «изгнание», то как-то без убеждения. В самом деле, выслали ведь не на полюс холода в Верхоянск, а в ласковую Европу, тем продлилась его жизнь и получил он простор для работы и богатейшие архивы — всё так. Но писатель, живущий в слове и словом, болезненно, трагично ощущает изоляцию от своих читателей и критиков, для него «овидиева тоска» — это горькая реальность.

Если говорить о литературной критике — Александр Исаевич надолго попал как бы в глухую яму, в мертвую зону, и очень от этого страдал. Голоса из России не достигали вовсе. Да их в России и не было: упоминать публично имя Солженицына было невозможно, а в стол — еще писатели могут писать без надежды на публикацию, но критики в стол, как правило, не пишут. Правда, в редких «левых» письмах приходили подробные отклики на главы «Красного Колеса» от Лидии Корнеевны Чуковской, от Михаила Константиновича Поливанова, за что был им Александр Исаевич земно благодарен.

А западные голоса... Вот осенью 1983-го, почти десять лет уже прошло в изгнании, интервьюер спрашивает писателя:

«Критики, конечно, не интересуются глубиной ваших книг, но достаточно ли, по-вашему, интересуются формой?»

Солженицын отвечает: «Знаете, такая несчастная судьба: из-за моих публицистических выступлений, которые я веду совсем не по личному пристрастию, а просто потому, что уничтожено столько русских людей и не осталось почти никого рассказывать о том, как на самом деле было, а на Западе много небылиц наворочено... — почти все критики рассматривают меня как своего рода политического деятеля, и почти всё, что я читал из критики, была оценка моей политической позиции, и всё, больше ничего. Меня это огорчает, и, чем я старше, тем больше, потому что получается, что известна не главная моя деятельность, не главная сторона. Я почти не знаю критических работ по моим произведениям»³.

И в обсуждаемом нами сборнике лишь тринадцать из тридцати шести работ опубликованы до 1983-го, до этих горьких слов Александра Исаевича, и ни одна из них — об «Августе...». К тому есть, конечно, и объективные причины: переводы — дело медленное, да и новые Узлы пишутся не быстро, а общественные высказывания автора, публицистика тем временем были неизбежны.

Постепенно, однако, западное солженицыноведение набирало глубину, но писатель уже этого не узнал: половина статей этого сборника были опубликованы на Западе после возвращения Солженицына на родину, за ними он уже не следил.

Из всего сказанного, я думаю, ясно, что для Александра Исаевича этот сборник был бы чтением напряженного и радостного интереса, независимо от согласия или несогласия с тем или иным автором. И он радовался бы, что именно Эдвард Эриксон, обладавший его полным доверием, взялся за составление сборника, — да он и радовался, когда летом 2007-го, вернувшись с конференции в Илинойсе, я рассказала ему об этой затее.

А я — радуюсь высокому качеству книги, не частому в наши дни, и поздравляю издательство. Надо бы особенно благодарить переводчиков, сделавших отменную работу. И всех, кто принял в ней ответственное и неравнодушное участие. А более всех — редактора книги Ольгу Василевскую, вложившую в это издание огромный и тщательный труд, увенчавшийся высоким профессиональным успехом.

---

³ Он же. Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения (31 октября 1983) // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. Т. 3: Статьи, письма, интервью, предисловия. С. 182.

Напоследок еще одна запись в «Дневнике...»:

«**Осень 1981**): Всё я ругал американских рецензентов, что не понимают они литературы, политически мелко смотрят на неё. А иногда и удивисься, как понимают».

Вот сейчас и будем обсуждать, *как они понимают*.

О.Б. Василевская: Спасибо, Наталия Дмитриевна. А теперь приглашаем к микрофону составителя сборника — профессора английской литературы Калвин-колледжа в штате Мичиган Эдварда Эриксона. В роли переводчика — Степан Солженицын.

Э.Э. Эриксон, мл.: Спасибо за приглашение. Я глубоко взволнован тем, что нахожусь здесь. Я рад возможности поговорить о Солженицыне, героическом «теленке», победившем «дуб», человеке, которого Дэвид Рэмник, редактор журнала «Нью-Йоркер», назвал «первым писателем нашего [двадцатого] века» — «по влиянию на ход истории». Солженицын останется в истории как человек, изменивший свою страну и мир. Но поскольку перо сильнее меча, мы чтим его в первую очередь как писателя. Обратите внимание, что в названии книги, которую мы представляем сегодня, фигурируют слова «мыслитель», «историк», «художник». Я благодарю российских издателей за выбор заголовка, столь точно отражающего содержание сборника.

Настоящий сборник отражает реальный диапазон западной мировоззренческой критики, посвященной Солженицыну. Открыв книгу, читатель сразу встретится со словом «Мировоззрение». Это ключевое понятие сборника. Мировоззрение — не распространенный стандартный термин для западной критики. Это термин, указывающий на фокусировку взгляда писателя, акцент в произведении. Писатели и критики, интересующиеся мировоззренческими вопросами, внимательны к взаимодействию основополагающих идей о реальности и их отражению в художественном творчестве. Словарное значение этого понятия — «всесторонняя интерпретация или образ вселенной и человечества». Таким образом, мировоззрение отражает взгляд на вселенную, природу реальности и природу человека. Английский поэт и культуролог XIX века Мэтью Арнольд сказал, что литература должна постоянно быть обращена к жизни и видеть ее в целостности. Именно таков взгляд обладающего собственным мировоззрением писателя и критика.

В «Нобелевской лекции» Солженицын описывает художников двух типов. Один не принимает понятий смысла и стройности мира, считая их элементами принуждения, которое следует преодолевать; он заменяет открытие мира его изобретением. Взяв за отправную точку свой субъектив-

ный опыт, он «мнит себя творцом независимого духовного мира»⁴, не связанного необходимостью с каким-либо уже созданным порядком или царством трансцендентного. Такая художническая концепция роли литературы покоится на современной идее автономного «я», реализующегося в пределах того, что Солженицын называет *гуманистической автономностью*, или *антропоцентризмом*⁵. Себя Солженицын относит к тем, кто «знает над собой силу высшую и радостно работает маленьким подмастерьем под небом Бога». Не имеющему «сомнения в его основах», ему «дано лишь острее других ощущать гармонию мира, красоту и безобразие человеческого вклада в него — и остро передать это людям»⁶. В этих словах кратко излагаются две основные предпосылки творчества Солженицына: как верующий человек, он подтверждает трансцендентный порядок мира; как философ-реалист, принимает естественный моральный закон, согласно которому мир исполнен смысла и стройности. Моральная вселенная не произвольна; действия человека в ней находятся в причинно-следственной связи. Мы знаем этот мир добра и зла, мы живем в нем.

Солженицын знал, что большинство западных писателей и критиков не относятся ко второму типу. Но встречались ему и иные. Имя критика, которого он особенно ценил, вы, конечно, знаете — это отец Александр Шмеман. Работы Шмемана по праву должны были бы занять центральное место в этом сборнике, но это стало бы нарушением принципа включения лишь не публиковавшихся в России статей.

Во главу угла понимания мировоззрения Солженицына Шмеман поставил то, что он назвал *«триединой интуицией сотворенности, падшести и возрожденности»*⁷. Шмеман увидел в литературных произведениях Солженицына «глубокое и всеобъемлющее, хотя, быть может, и бессознательное, восприятие мира, человека и жизни, которое в истории человеческой культуры родилось и выросло из библейско-христианского откровения о них, и только из него». В 1970 году в работе «О Солженицыне», еще даже не зная, верующий Солженицын или нет, Шмеман назвал его «христианским писателем».

Солженицын высоко оценил статью Шмемана, сказав, что она объяснила ему самого себя. Увы, в 1970-е годы немногие из западных критиков стали черпать из источника шмемановской мысли, и религиозное прочтение аспектов солженицынского творчества так и осталось на периферии. Иро-

---

⁴ Солженицын А.И. Нобелевская лекция // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. Т. 1: Статьи и речи. С. 7.

⁵ См.: Он же. Речь в Гарварде на ассамблее выпускников университета 8 июня 1978 // Там же. С. 324.

⁶ Он же. Нобелевская лекция. С. 8.

⁷ Шмеман А., прот. О Солженицыне // Шмеман А., прот. Собрание статей, 1947–1983 / сост. Е.Ю. Дорман; предисл. А.И. Кырлежева. М.: Русский путь, 2009. С. 767–768.

ния рецепции Солженицына на Западе состоит в том, что профессиональные исследователи оказались под гораздо меньшим впечатлением от его литературных трудов, чем широкие массы читателей, миллионы из которых жадно глотали его книги. Вот небольшой эпизод из 1970-х годов. Как-то, завернув за угол дома, где уединялся для писания книги, я столкнулся с молодой женщиной, направляющейся мне навстречу. Она остановилась как вкопанная и воскликнула: «Простите, мистер Солженицын!» Если вы не замечаете сходства, которое ей померещилось, это только яснее показывает, насколько образ Солженицына был на уме у всех американцев в то время. Боюсь, что разочаровал ее, признавшись, что хоть я не Солженицын, но я пишу о нем книгу. Она развернулась и быстро ушла, вероятно, полагая, что под этим предлогом я собираюсь приударить за ней. Но я *на самом деле* писал эту книгу.

Хотя не один Шмеман, но многие критики предлагают религиозное прочтение Солженицына, кого-то больше интересуют другие важные темы в его текстах. К примеру, в сборнике, о котором мы говорим сегодня, есть статья известного американского философа Сидни Хука, декларирующего атеизм, который воздает должное солженицынской нравственной силе, но отрицает религиозную основу морали. Однако именно Шмеману принадлежит ведущий голос. В этом смысле можно сказать, что все критики мировоззрения Солженицына «вышли из шмемановской шинели». О критиках же, идущих по стопам Шмемана, можно добавить еще поговорку «Хорошее начало — половина дела».

Мысль Шмемана не линейна, и авторы — участники сборника не представляют некой единой школы критики. Безусловно, не все из них даже слышали о Шмемане, как, впрочем, и друг о друге. Тематически этот сборник представляет собой четкую сердцевину с несколько расплывчатой каймой. Поэтому скромный составитель искал критиков, которые размышляли о сущностных вещах в духе самого Солженицына. Сам писатель и наиболее глубокие из его читателей взыскуют моральную вселенную. Сиюминутные споры утихнут, а вечные вопросы о природе человека останутся, чтобы их заново постигали следующие поколения писателей и критиков. Окажет ли этот сборник влияние на будущее солженицыноведение? Надеюсь, что он будет значим, потому что значим сам писатель. Сборник предназначен не только для профессиональных литературоведов, от которых в какой-то степени зависит восприятие солженицынского творчества будущими поколениями, но для всех российских читателей. В заключение хочу поблагодарить редактора книги Ольгу Борисовну Василевскую. Отдельная глубокая благодарность Наталии Дмитриевне Солженицыной, доверившей мне воплотить родившуюся у нее идею.

В.А. Москвин: Спасибо огромное. Лет десять тому назад в Козицком переулке проходило заседание жюри Литературной премии Солженицына, и Никита Алексеевич Струве должен был отсюда уезжать на это заседание. Мы здесь

с ним заговорились, уехал он поздно, опаздывал. И буквально минут через пять после того, как заседание должно было начаться, позвонил Александр Исаевич и строго мне выговорил за то, что я Никиту Алексеевича задержал. Так что я, в свое время получив выговор от Солженицына, призываю всех выступающих — а выступающих у нас сегодня много — придерживаться минут десяти, я думаю, это как раз самое замечательное время. А я, с вашего позволения, буду, по примеру Александра Исаевича, очень строго следить за временем. Я хотел бы пригласить к микрофону историка литературы, литературного критика Андрея Семеновича Немзера. Прошу, Андрей Семенович. ...Вот — уже и в походке динамичность!

А.С. Немзер: Перед нами очень хорошая книга. Тонко составленная, превосходно переведенная и действительно редакторски очень осмысленно оформленная. Существуя в сегодняшнем культурном пространстве, где книги обычно читать трудно, радуешься книге, которая тебе в руки идет. Даже сама система сносок, кажущаяся делом маловажным, выстроена здесь чрезвычайно удобно. Мы читаем все это с радостью, не можем не испытывать чувство благодарности ко всем, кто над книгой работал, и, естественно, к тем авторам, которые стремились Солженицына понять. На этом моя позитивная часть заканчивается, и начинается часть негативная.

Часть негативная, поскольку учил нас Александр Исаевич: не люби по-норовщика, люби спорщика. Мы видим тех, кто стремился Солженицына понять. И в то же время — мы видим только их. С кем, собственно, ведут полемику авторы этой книги? Это остается здесь за бортом. Не то чтобы я так уж тосковал по американской, английской или французской глупости, с меня и русской вполне достаточно. Но если мы хотим оценить меру ответственности, меру серьезности, меру интеллектуальной честности наших авторов, то мы должны лучше, яснее представлять тот крайне неприятный фон, контекст скорее, в котором они существуют. Это выносится за скобки. И для меня, и, я думаю, для большинства собравшихся в зале картина и так ясна. Но поскольку книга обращена к широкому читателю, то, может быть, и не худо было бы напомнить более детально о том, что такое неприятие, — процитировать, привести примеры — ну, наиболее выразительный: неприятие Гарвардской речи.

Это первое обстоятельство. Тогда мы могли бы больше и точнее оценить именно позитивность тех мыслителей, критиков, историков, которые позволяют себе не соглашаться по частным случаям с Александром Исаевичем. Одно дело — оценивать его творчество в целом негативно. Другое дело — слыша большой голос и признавая в главном, спорить по мелочам (на мой взгляд, чаще всего неадекватно) — это относится прежде всего к ряду французских авторов. И вот при отсутствии негативного контекста, боюсь, что не вполне правильно будут их высказывания здесь прочитаны.

Второе обстоятельство очень интересное. Есть существенный для любого издания вопрос о композиции — вопрос, который традиционно возникает при издании классиков, особенно отчетливо в случае поэтических текстов. Располагать тексты тематически, следуя авторской воле или хронологически? Мне, вот, например, в изданиях Фета не кажется смыслово оправданной фетовская композиция. Хочется видеть жизненную динамику. Весьма остро стоит этот вопрос и при издании научно-публицистических текстов.

Тематическая рубрикация, плюсы которой нам понятны, все равно чрезвычайно условна. Интерпретаторы Гарвардской ли речи, «Архипелага...» ли, общемировоззренческих вопросов или конкретных художественных текстов, так или иначе, все время выходят на общую проблематику. И когда тексты, написанные в 2000-е годы, опережают тексты 1970-х и 80-х годов — это некоторым образом сбивает читательское восприятие. Говорю не о профессиональном читателе. Не о том, кто худо-бедно, но годами Солженицыным занимается и кто контекст будет дорисовывать. Мне было бы чрезвычайно интересно увидеть — и это не вопрос простой перетасовки, может быть, нужна наряду с этой книгой другая — мне бы хотелось увидеть реальную динамику восприятия Солженицына в более или менее свободном мире. Когда высказывания, прозвучавшие после гибели коммунизма, после радикального переустройства мира, предшествуют тому, что было до того, это картинку меняет и усложняет.

Разумеется, давать советы, особенно получив в руки весомый труд, гораздо легче, чем этот труд осуществлять. Но вероятно, нас и позвали для того, чтобы мы какие-то пути дальше искали и нащупывали. Вероятно, нам нужно думать о том, как мы будем думать про Солженицына дальше. И вот для этого выстраивание исторического сюжета мне кажется делом совершенно бесполезным. Точно так же мне кажется делом совершенно бесполезным поворот, если угодно, к более практическому, более «плотскому», более материальному подходу к солженицынским текстам. Ну, что греха таить, в этом зале сидят люди, думающие более или менее одинаково. Нет, есть масса нюансов, понятно. Мы знаем, что истина, добро и красота существуют. Мы знаем, что добро и зло различаемы. Мы знаем, что коммунизм — это зло, и мы знаем, что Солженицын — это великий писатель. Заниматься борьбой за трезвость среди непьющих — дело чрезвычайно легкое, хотя по-своему приятное и иногда все же необходимое.

Но наверное, у нас есть и иного рода задача. Очень правильные и очень общие соображения, высказанные многими и многими авторами этой книги, на самом деле достигаемы и без них, никому в обиду не будь сказано. Александр Исаевич писал довольно ясно. Тот, кто хочет читать его честными глазами, тот его честными глазами прочтет. Между тем ориентация на самые общие параметры — разумеется, необычайно важные в идеологической по-

лемике — все же недостаточна. Разумеется, от защиты зла всех тошнит, кто ж его любит, и понятно, как важно утвердить критерии добра. Ну, один раз повторили, другой, третий... Но нельзя ли пощупать художественную плоть? Нельзя ли быть несколько более внимательными — прежде всего к художественным текстам? Да и к словесной плоти солженицынских политических выступлений в широком смысле. Все-таки не кто-нибудь, а сам Солженицын настаивал, что он писатель прежде чем историк, публицист, участник политических ристалищ.

Между тем даже и в статьях, обращенных к конкретным текстам, общие соображения решительнейшим образом превалируют над тем, что называется проникновением, осмыслением художественной фактуры. И это совершенно не проблема американской, французской или какой-нибудь еще западной критики, литературоведения. Мы примерно то же самое видим — что под чужеземными оливами, что под родными осинами. Мы очень радуемся тому, что мы на правильном пути. Некоторые основные тезисы Нобелевской ли лекции, Гарвардской ли, Темплтоновской ли речей освоили, все три текста совершенно замечательные. Но хочется еще бы немножечко поработать, не сводя и не подтягивая всегда смыслово многомерный текст к самым благородным, самым правильным и самым душевно нам близким построениям. Еще раз повторю — это никак не выпад против конкретных авторов, большая часть которых — люди чрезвычайно высокого интеллектуального уровня, и думаю, что не последней духовной пробы.

Это вопрос о том, как мы будем читать Солженицына дальше. Мне кажется, что читать его надо бы немножко повнимательней.

О.Б. Василевская: Спасибо, Андрей Семенович, за критику. Но я хотела бы сказать, что концепция составления как раз и отражает то «двойное гражданство» сборника, о котором говорилось вначале. Эдварду Эриксону важны именно краеугольные камни западных исследований Солженицына — они и стали названиями разделов. Понятно, конечно, что это разграничение в какой-то мере условно и в каждой работе, так или иначе, заходит речь о мировоззренческих вопросах, — опять же, именно эти вопросы для составителя главные. Если бы материалы были размещены без тематической структуризации, по хронологии — не было бы собственно книги, получилась бы некая историческая хроника текущих событий. Такая концепция тоже возможна, но это уже совсем другое издание. Составитель ставил перед собой иную задачу и, конечно же, имеет право на свою концепцию. А насчет представления и негативных откликов — мне тоже кажется, это было бы любопытно. Спасибо в любом случае Вам большое. А теперь приглашаем к микрофону одного из переводчиков, доктора филологических наук Николая Павловича Гринцера.

Н.П. Гринцер: Когда я с благодарностью соглашался на предложение выступить, то сразу понимал, что буду выступать в совершенно незаслуженной роли, потому что я ни в коей мере не профессиональный переводчик. Моя основная специальность — филолог-классик, соответственно, я себя никоим образом не могу считать и специалистом по творчеству Александра Исаевича Солженицына. Но тем не менее, хотя мне приходилось довольно много переводить разной профессиональной литературы, я согласился на эту задачу по двум причинам. Первая — сугубо личная. Фигура Солженицына для моего поколения была чрезвычайно значимой, и не просто сама фигура, но эта фигура за границей, вне России, — мои детство и юность протекали на фоне этого.

Могу привести в пример одну историю из 70-х. В 75-м или 76-м году мы с родителями отдыхали в Литве, и рядом оказалась вполне интеллигентная семья, где тоже был ребенок моего возраста, с которым вели мы политические дебаты о советской власти. И аргументом, которым я его добил, было то, что я в качестве примера привел высылку Александра Исаевича из страны и сказал: возможно ли, чтобы замечательный писатель, который хочет жить в своей стране, был из этой страны выброшен. На это ответа не последовало. Нет нужды говорить, что не я был такой умный. Я повторял то, что говорили в моей семье. Нет нужды говорить, что та семья после этого прекратила всякое знакомство с нашей. Но в целом все обошлось. Я это рассказываю исключительно для того, чтобы передать ощущение некой трагической несправедливости, которое существовало, — оно для моего поколения было чрезвычайно значимым. И характерным образом, возвращение Александра Исаевича совпало с тем моментом, когда наше поколение вошло в зрелость. Поэтому для меня участие в этом проекте было чрезвычайно и важно, и интересно.

Вторая причина — интерес с профессиональной точки зрения. Работа над переводом была очень сродни труду не просто филолога, а, я бы сказал, именно филолога-классика, поскольку наша основная задача — вытекающая из того, что называется критикой текста, — это выяснение контекста цитаты, его интерпретация и адекватное отражение, в том числе и путем перевода. Именно это и было главной задачей здесь — передача контекста, стоящего за сказанным по-английски и по-русски. И надо сказать, что эта работа занимала основное время и была чрезвычайно интересна, благодаря ей я узнал очень много того, чего не знал и даже помыслить не мог раньше, и прочел очень много того, чего не читал.

В связи с этим я как переводчик вынес опыт, который, думаю, окажется полезным и для читателя. Для меня одна из интереснейших тем (которая в этой книге присутствует, но, по-моему, могла бы присутствовать более отчетливо), — восприятие Солженицына на Западе и в России как восприятие, идущее через призму двух и более языков. Это проблема чрезвычайно суще-

ственная. Наиболее очевидным образом она проявляется, например, в том, как воспринимается на Западе и в России «В круге первом». Это произведение на Западе долгое время существовало исключительно в виде текста, который в России уже не публикуется. И надо сказать, это породило не просто некоторую проблему того, что, скажем, сюжет романа видится многим западным читателям несколько иным, чем русским. Володин для западного читателя звонит врачу, чтобы спасти старого друга своей семьи, и, соответственно, вся нравственная коллизия представляется несколько иной по сравнению с итоговым русским вариантом «Круга»... Но для классика всегда очень важен микроконтекст: и потому еще более показательным для меня стал момент, когда в процессе перевода я выяснил, что было главной цитатой из Солженицына для западной критики — цитатой, которая присутствовала во всех главных статьях, во всех некрологах. Если вы открываете цитатник Солженицына в Интернете, вы увидите ее практически первой: «Писатель — это вторая власть» — «Writer is the second government». Она существует на английском, но не существует в окончательной версии романа «В круге первом» на русском. Следует полагать, что Солженицын не считал в окончательном варианте, что это главное, что следует выносить из знаменитого диалога дипломата с писателем, а для Запада она стала своего рода символом идей Александра Исаевича.

Быть может, дело здесь в самом слове «government» — «власть», которое для западного восприятия Солженицына очень важно, а для него самого таковым не являлось, может, в изменении самого его взгляда на предназначение литературы. Но так или иначе, в сборнике могла бы присутствовать вот эта линия, о чем отчасти говорил и Андрей Семенович Немзер, — линия более-менее детального и скрупулезного сравнения самого языка, в том числе и на уровне слов и концептов, которыми оперирует применительно к Солженицыну западная и русская критика. Такие работы в принципе есть, но, к сожалению, их немного. А эта линия была бы чрезвычайно интересна, как и анализ самой специфики перевода Солженицына на иные языки.

Ну и последнее, что хотелось сказать. Здесь совершенно справедливо было отмечено, что сборник представляет собой некий мост, но мост этот — с движением все-таки в две стороны. С одной стороны, это прояснение для русского читателя того, как Александра Исаевича воспринимали на Западе. С другой, это некоторый способ именно обратного взаимодействия — попытка воссоединить эти две стороны. Мне кажется (и здесь я абсолютно соглашусь с Андреем Семеновичем), что для того, чтобы русский читатель, в том числе и самый широкий, воспринял адекватно некий трагизм существования самого Александра Исаевича и его трудов на Западе, — может быть, стоило представить более выпукло тот отчасти даже мейнстрим, центральную линию западной критики, — особенно критики политической и историко-культурной. Она, конечно, представлена, но в основном в пересказе, в

отсылках. А все-таки, если говорить о той же Гарвардской речи, — когда из сборника, целиком этой речи посвященного, вышедшего спустя несколько лет после Гарвардской речи⁸, включена лишь статья Сидни Хука, где остроумная и аккуратная критика присутствует вполне сдержанно, но не представлены имена, скажем, Артура Шлезингера и Ричарда Пайпса, которые для западной критики в большей степени были знаковыми, — мне кажется, это не совсем корректно именно для главной цели сборника, для того, чтобы обрело выпуклость и стало понятным то, как и почему сочинения Солженицына стали столь важным предметом спора. Это случай довольно редкий для писателя, который оторван от своего читателя, в том числе и дистанцией языка, как Солженицын на Западе.

Вот эти две вещи, мне кажется, были бы весьма существенными. А в принципе, с моей точки зрения, сборник отчасти играет роль того типа издания, что опять-таки по своим филологическим интересам я хорошо знаю именно как западную традицию — традицию издания так называемых «companion», «спутников» к литературному феномену, писателю или культурному явлению. В какой-то мере этот сборник намечает путь к такому очень взвешенному и всестороннему труду, в котором мог бы быть комплексно осмыслен феномен Солженицына — и литератора, и историка, и публициста, и мыслителя — и где, наверное, хорошо было бы представить и западную точку зрения, и русскую.

В.А. Москвин: Спасибо, Николай Павлович. Позвольте пригласить к микрофону доктора филологических наук, автора биографии Солженицына, вышедшей в серии «ЖЗЛ», Людмилу Ивановну Сараскину.

Л.И. Сараскина: Видите, нас тут в зале много, и, как сказал Андрей Семенович, все мы думаем одинаково, но, видимо, читаем мы по-разному. У меня абсолютно другое восприятие этой книги. Я ее прочитала всю. Поскольку надо ограничиться, я не смогу коснуться всего того, что я в ней нашла, но остановлюсь на главном.

Появление этого сборника, несомненно, важное событие в изучении творчества Солженицына. Кроме того, в книге поставлен чрезвычайно актуальный вопрос о сфере деятельности филологии, о зоне ее ответственности, о диапазоне филологической рефлексии. Ведь трудное вхождение художественных сочинений Солженицына, равно как и его публицистических высказываний, в мир западной филологической мысли вызвало в эпоху 70-х и продолжает вызывать сейчас крайне противоречивые интерпретации.

---

⁸ См.: Solzhenitsyn at Harvard: The address, twelve early responses, and six later reflections / ed. R. Berman. Washington, DC: Ethics and public policy center, 1980.

Ровно двадцать лет назад, находясь на съезде североамериканских славистов в Сан-Франциско, я увидела (и это вовсе не анекдот), как знакомятся два американских филолога. Первый называет себя: «Ранний Тургенев», второй отзывается: «Поздний Лесков». Таким образом, американские русисты при знакомстве сразу очерчивают диапазон своих интересов, определяют зону своей научной ответственности. Я вспоминаю, как мои американские коллеги с похвальным чувством самоиронии называли себя «специалистами по третьей пуговице на шинели Акакия Акакиевича Башмачкина».

Можно ли применить эти характеристики к авторам сборника? Уверенно отвечаю: нет, нельзя.

Научный уровень, интеллектуальную глубину и эмоциональный тон всей книги задает вступительная статья профессора Эдварда Эриксона. Вопреки воцарившейся в западной, да и в отечественной гуманитарной мысли политкорректности он смело называет болевые точки и фундаментальные трудности западного солженицыноведения, по причине которых творчество Солженицына *жестко недоисследовано* (по слову Ричарда Темпеста). Назову наиболее «революционные» тезисы предисловия.

— Творчество Солженицына, его взгляды, мировоззрение, моральный и религиозный подтекст сочинений оскорбляют *чувства западных либералов*, которым приходится его изучать и рецензировать. Чувства российских либералов, с одной стороны, российских коммунистов и сталинистов — с другой — бывают оскорблены творчеством Солженицына в не меньшей степени. Солженицын — *одна из самых оклеветанных фигур своей эпохи*.

— Профессор Э. Эриксон говорит о серьезной трансформации западного литературоведения, которому *литература интересна только как теория* и которое оттеснило интерес к литературе как таковой.

— Литературоведение перестало интересоваться смыслами изучаемых произведений и перенесло центр тяжести на их формы. Царит «как сделано?» и пренебрежено «что сделано, о чем рассказано и зачем?». При этом вопрос «зачем?» приобретает нестандартный вид: *зачем* тратить значительную часть своей жизненной энергии на изучение творчества писателя, чьи взгляды так разительно отличаются от ценностей и принципов самого критика и его коллег по профессии? Э. Эриксон пишет: «Не случайно жалобы на “дидактичность” Солженицына зазвучали как раз в момент возникновения чувства неловкости из-за политических выступлений писателя. Хотя рассмотрение его творчества под углом чрезмерной сосредоточенности на “эстетике” и литературных приемах как самоцели столь же неверно истолковывает его намерения, как и упрощенное сведение их к политике» (с. 6–7).

Как применить новомодные литературоведческие принципы — расовые, гендерные, постколониальные, постхристианские, постчеловеческие (то есть такие, которые полагают, что человек исчерпал свой потенциал и более не интересен искусству, где царят оборотни, вампиры, тролли, эльфы,

гоблины и прочие *иные* существа) — к творчеству Солженицына, в котором торжествуют как раз человеческие, христианские приоритеты?

Как соединить постмодернистскую концепцию «смерть автора» с изучением автора, укорененного в истории и биографии?

Как соединить религиозность автора с типичными умонастроениями западной молодежи? Ведь когда в 1968 году Солженицын заканчивал работу над «Архипелагом ГУЛАГом», в Париже молодые люди ходили по улицам с транспарантами, на которых было написано: «Бог умер, Маркс умер, и я тоже чувствую себя неважно».

Как обойтись без подробного знания жизненных реалий Солженицына, если он сам много раз говорил о достоверности всего им пережитого и изображенного: на 90% — это то, что было доподлинно, и только на 10% — художественный вымысел?

Как обойтись литературоведу без знания российской истории, когда Солженицын говорит о себе: «...во всех моих книгах я нахожусь у истории на службе» (с. 6)?

Как соединить релятивизм современного западного литературоведения с мировоззрением Солженицына, убежденного в существовании абсолютных ценностей?

Все это представляет для западных критиков неразрешимую головоломку.

Общая постановка вопроса — вот, на мой взгляд, главная заслуга сборника.

Э. Эриксон намечает перспективные направления работы с текстами Солженицына для тех, кто не разделяет взглядов писателя: язык прозы, эстетика, психология, историческая проблематика, предшественники, общественное воздействие. Таковы общие принципы функционирования филологии, если она не солидарна с предметом своих изысканий.

Я бы сюда добавила еще одну важную, хотя и часто оспариваемую, функцию филологии: художественная литература, даже в ее самых высоких классических образцах, сегодня нуждается в защите. И филология как наука прежде всего должна опекать и защищать литературу. Одна из серьезных угроз художественной литературе (помимо спекулятивных, примитивных экранизаций, инсценировок, дайджестов, комиксов и прочих искажений) — это пресловутая политкорректность. Позволю себе небольшое отступление.

Под давлением политкорректности в книгах Марка Твена о Томе Сойере и Гекльберри Финне заменяются слова, которые ныне считаются обидными и оскорбительными (например, «негр»). При этом корректировкой текстов занимается не вандал, а специалист по творчеству Марка Твена Алан Гриббен (Alan Gribben), который готовит новое собрание сочинений Марка Твена. Он насчитал, что некорректных слов в «Приключениях Гекльберри Финна» 219. Гриббен получил множество электронных писем с обвинениями в

осквернении романов Твена, выхолащивании их исторического колорита, нарушении авторских прав, вмешательстве в целостность текста и т.п. Однако, по словам Гриббена, он давно уже заменяет «обидные» слова в книге Твена на более нейтральные во время публичных чтений и находит, что публика слушает его с большей охотой. Марку Твену, помимо неполиткорректности, предъявляют обвинения также и в сексизме — ведь практически все главные действующие лица в его книжках — мужского пола! Тотальная дискриминация по половому признаку! Гендерное неравноправие! Поэтому предлагается слово «сын» заменять на «ребенок», слово «отец» на слово «родитель». Слово «мать» — на слово «родитель № 2». На очереди — «Хижина дяди Тома», «Унесенные ветром», «Убить пересмешника». «Приключения Гекльберри Финна», опубликованные в 1885 году, являются четвертой наиболее часто запрещаемой в американских школах книгой. И речь идет не только о словах, но и о смыслах — нельзя, чтобы кто-то по расовому, национальному или половому признаку выглядел человеком глупым, малообразованным, с дурными наклонностями.

Политкорректность требует корректировки многих классических текстов, и их начинают править задним числом. То же самое происходит сейчас и в России с пушкинской «Сказкой о попе и о работнике его Балде», написанной в Болдине в сентябре 1830 года и при жизни поэта никогда не печатавшейся по соображениям цензуры. Основой для нее послужила русская народная сказка, записанная поэтом в Михайловском. (Летом 1831 года Пушкин читал «Сказку...» Н.В. Гоголю, который в письме к другу А.С. Данилевскому от 2 ноября 1831 года назовет ее «прелестью невообразимой»). Впервые сказка была напечатана В.А. Жуковским уже после смерти А.С. Пушкина, в 1840 году. По цензурным причинам «поп, толоконный лоб» везде был заменен на купца Кузьму Остолопа: «Жил-был купец Кузьма Остолоп по прозванию Осиновый Лоб». Правила цензуры пушкинского времени допускали художественный компромат по адресу купца, но не допускали его по адресу представителя духовенства. Полстолетия сказка Пушкина печаталась с «купцом Остолопом», и только в 1882 году в Собрании сочинений А.С. Пушкина под редакцией П.Е. Ефремова сказка была напечатана по подлиннику. Однако вплоть до начала XX столетия в книжках для народа сказка издавалась в версии В.А. Жуковского.

Отныне в Армавире по инициативе местного духовенства учащиеся воскресных школ будут знакомиться со «Сказкой о попе и о работнике его Балде» в редакции В.А. Жуковского, а не в авторской версии. В РПЦ одобрили переиздание сказки в таком виде. Руководитель пресс-службы Русской православной церкви протоиерей Владимир Вигилянский сказал, что *такое переиздание является вкладом в изучение и популяризацию наследия великого русского поэта*. Обновленную пушкинскую сказку выпустили тиражом четыре тысячи экземпляров и будут продавать в храмах.

Трудно представить себе, что будет со сплошь неполиткорректными текстами Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Солженицына, если политкорректность, наступающая на литературу одновременно с двух полушарий, возьмется, идя по стопам оруэлловского «Министерства правды», за переделку задним числом слов, имен, смыслов. Это, на мой взгляд, — важнейшая сфера компетенции филологов и в России, и в США, и если этим не заниматься, то литература вообще уйдет из сферы ответственности филологии.

Политкорректность рекомендует не употреблять «обидных» слов, таких как, например, «старый» — и советует заменять их словосочетанием «хронологически одаренный». Не нравится идеологам политкорректности и слово «длинный» (в отношении к росту человека) — они рекомендуют заменять его на словосочетание «вертикально одаренный». То же и со словом «толстый», которое заменяется словосочетанием «горизонтально одаренный». В результате «Старик и море» и «Три толстяка» должны называться соответственно: «Хронологически одаренный человек и море», «Три горизонтально одаренных человека». Про дядю Степу-великана следует говорить: «Вертикально одаренный дядя Степа».

Все это пока что выглядит анекдотически, но мне неоднократно приходилось спорить с коллегами, которые вполне равнодушны к подобным угрозам, полагая, что политические и общественные споры не входят в компетенцию филологии. Нетрудно представить себе, что политкорректность, если ей дать в России зеленую улицу, доберется, например, и до бытовых названий «нетитульных» наций, и даже до слова «зэк» (при полном попустительстве к употреблению в художественной литературе и публичном пространстве ненормативной и обценной лексики).

Профессор Эриксон предвидит все эти сложности и подсказывает, как, занимаясь творчеством Солженицына, можно решить эту *неразрешимую головоломку*.

Повторяю: сборник отличает честная, серьезная и отважная постановка вопросов, которые часто обходим мы сами в наших работах, погружаясь в безопасность поэтики, в дебри интертекстуальности, в соблазны компаративистики. И говорим при этом, что полемика с политическим оттенком находится вне зоны академической науки.

Важно знать, что у американских славистов российское филологическое сообщество вызывает немалые нарекания. По мнению многих американских русистов, русская филология остается так же далека от истории или социальных наук, как она была далека от них восемьдесят или двадцать лет назад. Русская филология не прошла методологических циклов, увлечений и дебатов, через которые прошли и продолжают проходить коллеги по региональным и сравнительным исследованиям. Проблемы и подходы, которыми занимаются коллеги в таких сходных областях знания, как исследования американской, французской или, скажем, постколониальных лите-

ратур, многим сегодняшним русистам кажутся бесконечно далекими от их собственных интересов.

Стремление обойти стороной интеллектуальные дебаты, аморфность критической мысли, эластичность подходов приобретает характер, близкий к панике. Филология превращается в сообщество эрудитов, объединенных интересом к безвозвратным временам и брезгливо взирающих на современность. Ностальгический характер их рассуждений обоснован теми вполне реальными потерями, которые их авторы понесли, нежданно очутившись в новых временах.

Русскую филологию часто обвиняют в идейном фундаментализме, набирающем новую силу. В этом есть немалая доля правды. Отечественные русисты не стесняются писать, например, о том, что только Х-веды вправе писать о писателе Х, а остальным непозвонно, потому что они не Х-веды. Или о том, что только православные Х-веды могут правильно понять православного писателя Х. Другим сюда нечего лезть — они все равно ничего не поймут. Или о том, что только филологи-женщины могут понять женские образы писателей-мужчин. В итоге исследователи не просто говорят на разных языках, но заранее отказываются от намерения и надежды понять друг друга.

Преодолел ли настоящий сборник это взаимное непонимание, рознь и нетерпимость? Я думаю, в значительной степени преодолел.

Большой раздел «Мировоззрение» напрочь опровергает миф о компетенции в объеме «третьей пуговицы Башмачкина» как о потолке западной русистики. Продуманный отбор, состав и последовательность работ, качество самих статей вызывает огромное уважение.

Это прежде всего относится к работе Д. Махони «Солженицын-мыслитель», где представлен интереснейший анализ «Нобелевской лекции» Солженицына, в частности того ее раздела, где идет речь об Истине, Добре и Красоте. Автор не сомневается, что Красота действительно может спасти мир, если прямые поросли Добра и Истины забиты, задавлены, срублены и не пропускают света. «Архипелаг ГУЛАГ», считает Д. Махони, — прямой пример такого воздействия. Повествование о «душе и колючей проволоке» доказывает, что настоящее искусство способно открыть человечеству глаза на главную правду и большую ложь. «Солженицын — и в этом его великая заслуга — понял, что хитрые идеологические выдумки, характерные для советского коммунизма, можно разрушить с помощью настоящего искусства, которое изображает “душу человека при социализме” с художественной достоверностью, разумеется, только при условии, что в стране найдется достаточно критически настроенных читателей, отказавшихся от “соучастия во лжи”» (с. 36). Д. Махони ставит самый больной сегодняшний вопрос — почему и в России, и на Западе к идеям Солженицына (а я бы добавила, что не только к идеям, но и к личности, и к творчеству Солженицына в целом) относятся столь враждебно? Левые предъявляют претензии за одно. Прогрес-

систы — за другое. Секулярные идеологи — за третье. Космополиты — за четвертое. Д. Махони ставит вопрос: как выпутаться из бесконечной череды искажений? И не только ставит, но и пытается распутать эту путаницу, хотя в случае Солженицына путаница порой нарочитая, без желания получить ответ и разобраться: на самом ли деле Солженицын — политический мракобес, религиозный фанатик, утопический мыслитель. Ведь стереотипы, как показывает опыт, куда важнее, чем истина.

В работе В. Краснова «Общественное мировоззрение Александра Солженицына» мне показался весьма ценным разговор об отношении Солженицына к теократии. Солженицын решительно отвергал упреки в том, что является ее поборником. В статье поставлен вопрос и об отношении Солженицына к западному пониманию антропоцентризма: когда ничем не ограниченные материальные, физические и экономические стимулы настолько жестко поставлены во главу угла, что полностью затмили понятие Духа, принеся его в жертву принципам свободы и равенства. В этом смысле Солженицын — откровенный антизападник. Но если Запад и можно критиковать за то, что после Средних веков он бросился в крайности ничем не ограниченного потребления, то в России антропоцентризм никогда не был в центре жизни. Никогда в России человек не был мерой всех вещей, а всегда был угнетен, загнан, беден, так что упрекать Россию в избыточном гуманизме, мне кажется, нет резона. Никогда в России не было избытка гуманизма. Россия еще не в полной мере освоила даже и просвещенческий проект, если иметь в виду его гуманистическую, а не экономическую составляющую.

Вообще, тема — чем оборачивается солженицынская критика Запада в случае, когда стрелки переведены на Россию, — очень интересна. Так, в работе Д. Махони «Возвыситься над современностью...» о статье Солженицына «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» можно увидеть, как далеко ушла российская действительность и от раскаяния, и от самоограничения.

Остро полемическая работа Коринн Марион «Кто боится Солженицына?» отличается парадоксальной постановкой вопросов — о том, как нельзя смешивать категории светские и религиозные. Справедливость в евангельском смысле слова совершенно не совпадает с пониманием справедливости в человеческом мире. Эта статья была бы хорошим примером российскому так называемому религиозному литературоведению, которое этой разницы не видит и видеть ее не хочет. Статья показывает, как именно мировоззрение Солженицына сочетает нравственность и политику.

Дж. Понтузо в двух статьях — «Возрождение духа» и «Умение показать то, что перед глазами: Солженицын и понятие добродетели» — ставит важнейшие философские и методологические вопросы: какой смысл вкладывается в понятие моральной вселенной? что значит понятие «христианский писатель» в случае Солженицына?

Мне была очень интересна — по охвату материала — полемика с Солженицыным Д. Тредголда в статье «Интеллектуальные предшественники Солженицына» («Быть может, Солженицыну... необходимо, чтобы ему описали и объяснили некоторые стороны и черты традиции, к которой он сам принадлежит» (с. 244)). Чрезвычайно острыми мне показались статья Раймона Арона «Солженицын и Сартр», с анализом отношений двух писателей, и его вывод о невозможности для них взаимопонимания. Раймон Арон резюмирует: «Солженицын не призывает идти в крестовый поход против советского тоталитаризма, он не хочет для своей страны революции, которая вызвала бы хаос и в свою очередь пролила бы потоки крови. Самый великий писатель своей страны и, может быть, всего нашего времени столкнулся и не раз еще столкнется с заговором нераскаявшихся идеологов, сегодня больше, чем когда-либо, властвующих над умами людей, на радио и телевидении Запада» (с. 294). Эта статья французского философа, политолога и социолога была написана еще в 1976 году, то есть тридцать пять лет назад, но сохранила тем большую актуальность, что не только на Западе образца середины 70-х годов прошлого столетия, но и в России 10-х годов XXI века идет бурное наступление «нераскаявшихся идеологов», реваншистов-сталинистов, которым отчаянно мешает Солженицын. И эта тема — как одна из самых насущных в солженицыноведении — требует пристального внимания русской филологии.

Чего мне не хватает в этом сборнике (как и вообще во многих сегодняшних работах о Солженицыне)? Большинство статей сборника — при всей их глубине и оригинальности — написаны двадцать, тридцать, а то и почти сорок лет назад: то есть они описывают реальность своего времени. Но в случае Солженицына, споры о котором не убывают, а с каждым годом нарастают, необходимо знать и учитывать современную реакцию на его творчество, личность, мировоззрение. Речь идет о тех изменениях в восприятии его сочинений, в частности «Архипелага ГУЛАГа», которые произошли с 2008 года, в особенности в связи с введением в школьный курс «Архипелага ГУЛАГа».

Принято считать, что по силе воздействия на политическую жизнь XX века Солженицыну нет равных. А как обстоит дело в XXI веке? Сохраняется ли это влияние? Растет ли ему сопротивление? Где и как? Почему?

Как сосуществуют в России идеи и образы Солженицына с растущей но-стальгией по Сталину и сталинизму?

Как следует работать с аргументами и призывами противников десталинизации:

- надо перестать проклинать прошлое, ибо это мешает развитию;
- идеи Солженицына, его обличительный пафос — деконструктивны для страны;
- выступление Н.С. Хрущева на XX и XXII съездах КПСС — преступление против своего народа;
- десталинизация — проект развала страны?

Повторю риторический (для меня) вопрос: должна ли филология реагировать на такие заявления? Или она должна оставаться безразличной к главным спорам своего времени? За годы занятия филологией я успела привыкнуть к тому, как брезгливо и с каким высокомерием относится филологическая наука к такой колючей материи. В случае с Солженицыным — это ставка на поражение. Поэтому итоговый вывод сборника я воспринимаю как упрек филологическому равнодушию: «...профессиональное литературоведение уделяет изучению Солженицына намного меньше внимания, чем он того заслуживает» (с. 14).

О.Б. Василевская: Спасибо, Людмила Ивановна. То, чего Вам не хватило в этом сборнике, действительно может быть темой для следующего. А теперь приглашаем к микрофону кандидата филологических наук Павла Евсеевича Спиваковского.

В.А. Москвин: Я очень прошу Павла Евсеевича все-таки придерживаться назначенного времени. Выступление Людмилы Ивановны было очень интересно, но — в два раза дольше.

П.Е. Спиваковский: Появление этой книги в России — событие столь значительное, что его трудно переоценить. Составителю сборника, замечательному американскому солженицыноведам Эдварду Эриксону, удалось собрать под одной обложкой статьи очень разных западных авторов, написанные в течение тридцати четырех лет, с 1974-го по 2008 год, причем, что особенно ценно, в сборник вошли лишь те работы, которые никогда не публиковались по-русски. Разумеется, то, что статьи западных исследователей становятся доступны широкой читательской аудитории в нашей стране только сейчас, в значительной степени прискорбно: это следовало сделать уже давно, однако, с другой стороны, столь масштабная публикация большого количества работ зарубежных исследователей требует тщательной подготовки, поэтому некоторое запаздывание было детерминировано объективно существующими обстоятельствами. Важно отметить высокую культуру издания, и в частности прекрасную работу редактора сборника, снабдившего книгу важными комментариями, особо необходимыми в тех случаях, когда в материале присутствуют те или иные фактические ошибки, как, например, в статье Алена Безансона «Солженицын в Гарварде».

Книга состоит из четырех разделов: «Мировоззрение», «В контексте современности», «Узловые точки» и «Литература». Весьма значительное место в этом сборнике отведено аксиологическим и мировоззренческим проблемам, связанным с осмыслением творчества крупнейшего русского писателя как минимум второй половины XX столетия. Этому посвящены первые три раздела сборника, и благодаря представленному здесь корпусу текстов ста-

новится ясно видно, как творческое наследие А.И. Солженицына «встраивается» в контекст того, что было создано религиозными мыслителями Запада, становится очевидной неслучайность появления этой фигуры не только в контексте русской культурной традиции, но и в контексте мировой христианской культуры. При всех различиях национальных традиций и индивидуальных подходов христианский мир и здесь обнаруживает скрытое от поверхностного взгляда единство и имманентную целостность. Необыкновенно интересны статьи Оливье Клемана, Эдварда Эриксона, Рональда Вроона, Дэниела Дж. Махони, Майкла Новака... Перечислять можно бесконечно.

И все-таки самый интересный раздел этой книги, с моей точки зрения, последний, четвертый. В ней помещены статьи, посвященные отдельным произведениям писателя, и именно здесь мы видим не только Солженицына-мыслителя, но прежде всего Солженицына-писателя, синкретически соединяющего в своем творчестве самые разные области интеллектуальной деятельности.

Этому художественно-гуманитарному синкретизму эпопеи «Красное Колесо» уделено особое внимание в блестящей работе Эндрю Баруха Вахтеля «Назад к летописям: Солженицынское “Красное Колесо”» (1994). Разрушая поверхностные представления о том, будто солженицынская эпопея близка к толстовской, Вахтель замечает, что «Солженицын похож на Толстого не больше, чем на Карамзина, Пушкина или Хлебникова...» (с. 628). Гениальный поэт-футурист, блестяще экспериментировавший с архаической старославянской лексикой, упомянут тут, очевидно, не случайно. Подобно Льву Лосеву, Вахтель ставит *языковое расширение* в прозе Солженицына в модернистский художественный контекст. Как известно, аксиологический традиционализм писателя соседствовал с весьма смелым художественным экспериментированием, и Солженицыну отнюдь не были чужды модернистские приемы М.И. Цветаевой, Е.И. Замятина и Д. Дос Пассоса⁹.

Вахтелю в этой работе принадлежит блестящий анализ повествовательной композиции «Красного Колеса», и среди прочего он замечает: «В пределах каждой главы точка зрения ее центрального персонажа дается как бы без вмешательства чьего-либо внешнего сознания, в результате чего читатель не может отделить личную правду от Правды с большой буквы» (с. 637). Фактически именно это и лежит в основе солженицынской полифонии, о которой Вахтель, впрочем, не говорит, однако в сборнике о ней так или иначе упоминают Алексей Климов и Майкл Николсон. Тем не менее слишком смелый отход Солженицына в этом произведении от романной фабульной композиции и «незаконченность отдельных историй» (с. 641) воспринимаются Вахтелем

---

⁹ См.: Солженицын А.И. Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве (март 1976) // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1996. Т. 2: Ответственные заявления, письма, интервью. С. 434–436, 446.

неодобрительно. Справедливо отмечая стремление Солженицына к художественному синкретизму, исследователь сближает жанр «Красного Колеса» с жанром летописи, подчеркивая организованность повествования в древнерусских летописных текстах по хронологическому принципу (однако, включая в свое повествование отрывки «Из Узлов предыдущих», Солженицын довольно значительно отходит и от строго хронологического построения сюжета). Чуть позже, в 1995 году, подобного рода версию о близости «Красного Колеса» к летописям выдвинет и Андрей Ранчин¹⁰, однако до сих пор нет достаточно весомых аргументов для по-настоящему серьезного жанрового сближения этих произведений (и тут — применительно к статье Вахтеля — нельзя не согласиться с замечанием Эдварда Эриксона, отметившего спорность данной концепции (с. 451)).

При всей эвристической яркости подобного рода версий они в большей или меньшей степени строятся на «выведении за скобки» важнейших особенностей повествования, многие из которых абсолютно несовместимы с жанром летописи. В связи с этим вспоминаются слова Льва Лосева: «...Солженицын сугубый новатор, которого упорно пытаются читать как архаиста»¹¹. Впрочем, в начале своей статьи Вахтель охотно подчеркивает новаторский характер многих литературных приемов, используемых писателем, однако затем интерпретирует художественное воссоздание глобальной революционной деконструкции национального бытия в чрезмерно традиционалистском ключе. Однако при этом надо учитывать, что Ранчин, в отличие от Вахтеля, вовсе не настаивает на буквальной жанровой близости «Красного Колеса» к летописям, говоря лишь о жанровой разновидности «романа-летописи»¹², поэтому его концепция представляется более убедительной.

Весьма серьезный анализ соотношения традиции «социалистического реализма» с художественной практикой писателя дан в статье британского ученого Майкла Николсона «Солженицын как “социалистический реалист”». В ответ на идеологически мотивированные обвинения некоторых критиков и публицистов, утверждавших, что Солженицын в художественном плане якобы следует канонам соцреализма, Николсон добросовестнейшим образом сопоставляет эти каноны и художественную практику писателей-соцреалистов с текстами Солженицына, беспристрастно и аргументированно показывая филологическую несостоятельность их сближения.

¹⁰ См.: Ранчин А.М. Летопись Александра Солженицына // Стрелец. Париж; М.; Нью-Йорк: Третья волна, 1995. № 1. С. 176–192.

¹¹ Лосев Л.В. Солженицынские евреи // А.И. Солженицын и его творчество: М-лы конф.: Нью-Йорк, 4 дек. 1988 г. / Лит. рус. центр «Стрелец»; ред. А. Глезер. Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1988. С. 71.

¹² См.: Ранчин А.М. Летопись Александра Солженицына. С. 192.

Обращают на себя внимание и два материала Алексея Климова — популярное, но при этом очень интересное «Введение к эпопее “Красное Колесо”» и уже ставшая классической статья «Иван Денисович и крестьянская точка зрения». Одно из важных наблюдений, сделанных в этой статье, связано с тем, что в трех фрагментах рассказа, где происходит выход за рамки психологической точки зрения главного героя, текст выделен с обеих сторон многоточиями в начале абзацев, что свидетельствует о вполне сознательном использовании Солженицыным данного композиционного приема.

Статья «Грязь и золото: Заметки о трансформативных художественных приемах Солженицына» написана Ричардом Темпестом — сторонником постмодернистской литературоведческой методологии, весьма широко распространенной в наши дни на Западе. Темпест стремится к активному обновлению филологических подходов и появлению новых, неожиданных углов зрения на творчество Солженицына, и это ему, безусловно, удастся, несмотря на спорность некоторых интерпретаций.

Как всегда, ярко и выразителен материал Жоржа Нива, замечательна статья Леоны Токер об «Одном дне Ивана Денисовича», очень хороша статья Хелен Мучник о «Раковом корпусе» — интересных материалов в этой книге так много, что хочется говорить о них бесконечно.

Однако надо сказать о главном. То, что совершило издательство «Русский путь», вполне можно и должно назвать словом «подвижничество», и эта книга, несомненно, принесет очень много пользы всем, кто изучает творчество Солженицына в России, но и этого все же мало. Далеко не все ценные и интересные статьи западных авторов оказались на страницах этого уникального издания. Таких сборников следовало бы выпустить еще несколько. Кроме того, следовало бы подумать о переводе ряда монографий, посвященных жизни и творчеству Солженицына, и в первую очередь о книгах Джозефа Пирса, Дэниела Махони и новой книги Жоржа Нива. Хотелось бы полной публикации по-русски знаменитых сборников «Александр Солженицын: Статьи и материалы» («Aleksandr Solzhenitsyn: Critical essays and documentary materials», 1973, 1975), «Солженицын в изгнании: Статьи и материалы» («Solzhenitsyn in exile: Critical essays and documentary materials», 1985), пока не полностью опубликованы и материалы сборника «“Один день Ивана Денисовича”: Критика и комментарии» («One day in the life of Ivan Denisovich: A critical companion», 1997), составленного Алексеем Климовым.

Изучение творчества великого писателя — процесс общемировой. Однако само по себе оно является откликом, диалогическим ответом на *появление* такого писателя, на то удивительное событие, которое Корней Иванович Чуковский еще в апреле 1962-го зорко и точно назвал «литературным чудом».

Итак, чудо. Но, как по совсем другому поводу говорит философ Варсонофьев в 180-й главе «Апреля Семнадцатого», «не посылается чудо тем, кто не

трудится навстречу»¹³. И наша задача, задача солженицыноведов всего мира, по своей сути едина. Трудиться навстречу. И больше ничего...

В.А. Москвин: Спасибо, Павел Евсеевич. Предоставляем слово критику, литературоведу Ирине Бенционовне Роднянской.

И.Б. Роднянская¹⁴: Литература о мысли и творчестве Солженицына на всех языках мира уже огромна. Но такого компендиума конструктивной (в первую очередь) западной рецепции его мысли и его творений еще не было, и, казалось, сама подобная задача неисполнима в представленном охвате — от первых ошеломленных откликов и почти до наших дней. Однако задача исполнена, книга адресована русскому читателю не в калькированных, а в творчески осуществленных переводах, обеспечена разветвленным справочным аппаратом, набрана без опечаток (которые я как читатель-редактор так натаскана замечать) — и вообще осуществлена так, как любил видеть результат всякого серьезного труда сам Александр Исаевич. Создатели книги вправе окинуть ее тем же взглядом, каким Иван Денисович — свою кирпичную кладку (кстати, вот эпизод, спорам вокруг которого в книге посвящены яркие страницы, особенно в статье Алексея Евгеньевича Климова).

Освоить все содержание семисотстраничного тома сразу невозможно. Но можно составить представление о всестороннем контексте, внутри которого рассматривается грандиозное явление Солженицына.

Прежде всего, Солженицын без колебаний и с явным позитивным акцентом воспринят как явление христианской культуры, все еще объединяющей нашу, общую с авторами тома, ойкумену вопреки пандемии анти- и постхристианских идеологий XX и XXI века. «Практически все сочинения Солженицына пронизывает тема поражения, превращающегося в победу, — тема, которая не может не пробуждать в памяти главное событие христианской истории» (с. 71), — эта примечательная формула Эдварда Эриксона сразу свидетельствует о том, что верховное послание Солженицына услышано. Затем, весьма точно фиксировано место Солженицына на карте русской политической философии: он — либерально настроенный консерватор, имеющий своими интеллектуальными предшественниками таких христианских либеральных мыслителей, как Вл. Соловьев и С. Булгаков, — пишет Дэниел Махони, автор книги «Александр Солженицын: От идеологии — вверх»¹⁵.

¹³ Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2009. Т. 16. С. 532.

¹⁴ Доклад впервые опубликован: Роднянская И.Б. О западной и русской литературных традициях в связи с анализом прозы Солженицына // Посев (М.). 2011. № 12 (1611). (Дек.). С. 36–39. — *Ред.*

¹⁵ См.: Mahoney D.J. Aleksandr Solzhenitsyn: The ascent from ideology. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2001.

Много важных страниц у разных авторов посвящено полемическим отношениям философии истории Солженицына с таковой у Льва Толстого, и здесь тоже речь идет о христианском персонализме, ведущем к признанию личной ответственности человека за ход «больших» событий. (Что касается политической философии Запада, то тут круг сопоставлений мне показался скудным: едва ли не исчерпанным закономерно поминаемыми Алексисом де Токвилем и Эдмундом Бёрком.) Замечательно рассмотрена контрверза Солженицын/Сахаров, но от такого автора, как Раймон Арон, другого уровня мысли и нельзя было ожидать.

Однако это не моя тема, так как, будучи худо-бедно исследователем литературы, я хотела бы сосредоточиться на освещении художественной философии Солженицына. Поначалу удостоверяешься, что два главнейших солженицынских произведения выраженного межжанрового характера — «Архипелаг ГУЛАГ» и «Красное Колесо» — размещены исследователями в границах не просто «большого» (по Бахтину), а предельно большого культурного времени: звучат имена Гомера и Данте. В своей замечательной статье об «Архипелаге...», к которой я еще буду обращаться, Мартин Малиа пишет, что «в его основу заложен великий план, успешно осуществленный от начала и до конца» (с. 396); и это замечание сразу заставляет вспомнить слова Пушкина о величии плана «Божественной комедии». Изнутри же русской литературы, конечно, с особой частотой звучат имена Толстого и Достоевского. При этом один из лучших западных интерпретаторов последнего, Роберт Джексон, с успехом применяет выработанный им на этом поле понятийный аппарат, который памятен по одной из его первых книг — «Достоевский в поисках формы»¹⁶. «Обезображивание» и «восстановление образа», «морально-эстетической формы» — эти свои «достоевские» универсалии он прилагает здесь к анализу «Матренина двора». Мне, правда, в соответствующих разделах тома остро не хватает — именно в художественном, а не философском или политическом отношении, хотя и последнее было бы небессмысленно — обращения к имени Герцена, ибо при всей жанровой уникальности «Архипелага...» как «опыта художественного исследования» как раз «Былое и думы», несмотря на преобладание мемуарных задач, являются отдаленным и одиноким предшественником вот такого типа «исследования»; и даже патетическая риторика судебной речи, так новаторски обнаруженная Рональдом Врооном в качестве одной из несущих конструкций этого солженицынского «Нюрнбергского процесса» против коммунизма, имеет свой прототип в речевом стиле Герцена. Но это частность, хотя и существенная.

Гораздо больше смутило меня контрастное сопоставление западной и русской литературных традиций, привлекаемое как бы с целью рассеять воз-

---

¹⁶ См.: Jackson R.L. Dostoevsky's quest for form: A study of his philosophy of Art. New Haven, CN: Yale univ. press, 1966.

возможные недоумения зарубежного читателя. Цитирую одного из центральных авторов книги, пристального аналитика «Нобелевской лекции» писателя Дэниела Махони, который в свою очередь приводит суждение Алексея Климова, ниже представленное на страницах этого же издания: «Современному западному читателю литературное творчество Солженицына — совмещение и взаимодополнение литературных, исторических и нравственно-философских элементов — кажется непонятным. Он осознанно следует русской литературной традиции, которая не признает существенного различия между требованиями искусства, морали и политики». И далее звучат слова Климова: «В противоположность западной традиции проведения резкого разграничения между вымыслом и действительностью, великие русские прозаики гордились тем, что их произведения отражают исторические, социальные и моральные проблемы и реалии их родины. В России литература оценивалась не мерой способности писателя создавать при помощи своего мощного воображения живой и красочный мир *ex nihilo*¹⁷, а скорее его таланта к отбору, переименованию и упорядочению элементов действительности, приводящим к пересозданию ее в художественно совершенной форме». «Как и его великие предшественники в предыдущем веке, — дополняет эти слова коллеги Махони, — Солженицын не стремится выдумывать новые миры, а воссоздает Действительность во всем ее величии и убожестве» (с. 30–31).

Ну, во-первых, печально, видимо, положение этого *современного* западного читателя, который в лучшем случае не читал ничего более отдаленного во времени, нежели, скажем, Борхес и Умберто Эко, а с собственной национальной классикой давно раззнакомился. Во-вторых, отказывать русской литературе (к примеру, Гоголю, или Достоевскому, или мировым русским именам XX века) в создании силой воображения живого и красочного мира — комплимент весьма сомнительный, вероятно, долженствующий подчеркнуть аскетическую святость и готовность к *служению* этой загадочной литературы, свободной «от сознательных усилий, направленных на достижение художественного совершенства» (как сказано у Климова в другом месте — с. 520), но комплимент, превращающий ее, нашу литературу, во внеевропейский, экзотический культурный продукт, далекий от волшебных достижений искусства как такового (кстати, замечу, что «из ничего» творит только Господь Бог, а не какие бы то ни было выдумщики).

Между тем русская литература — не скажу ничего нового — является сравнительно поздней по времени особо цветущей ветвью литературы всеевропейской. Училась она у Стендаля (Толстой), у Бальзака и «великого христианина» Диккенса (Достоевский), да и у Вальтера Скотта (Пушкин) — училась отражать «исторические, социальные и моральные проблемы и реалии», и если сама стала со временем учительствовать в западном мире, то

этих своих учителей никогда не забывала и от них не отрекалась. И разве классическая литература Европы была, в смысле проблематики и служения, столь «стерильна», как представлено от имени тамошнего современного читателя? Разве романы Диккенса не привлекли внимание общества к состоянию рабочих домов и публичных школ? Разве Бальзак не раскрыл в «Человеческой комедии» новобуржуазную мистику денег? Разве «Дамское счастье» или «Чрево Парижа» натуралиста Золя не строятся на «переиначивании и упорядочении элементов действительности» с целью придать им символический аспект? Да разве еще вчера или позавчера Генрих Бёлль не повлиял на становление антинацистского климата в Западной Германии, а Грэм Грин не привлек внимание к репрессивным ужасам Гаити? Ну а о Фолкнере и расовой проблеме говорить не приходится... Все это я веду к вопросу о большом контексте, выходящем за рамки сегодняшнего куце-кризисного состояния художественной продукции, которую вольно называть пост- или даже постпостмодернизмом. Солженицын, хочу сказать я, при всей русской самобытности его тем, приемов и склада мысли принадлежит к светочам великой многовековой культуры, европейской по корню, и напоминает не только о русских, но и о более общих ее традициях — напоминает Западу, подчас забывающему нынче самоё себя. И в этом особая его заслуга в числе других заслуг.

Другое мое замечание касается места Солженицына в кругу значительных отечественных художников-современников. В связи с этим — характеристика «Архипелага ГУЛАГа» у Мартина Малиа: «...*épopée noire, commedia satanica*¹⁸, то есть, по сути дела, антиэпос. Это и есть главная художественная формула “Архипелага ГУЛАГа”...» (с. 393). «...Перед нами эпическая поэма, — хотя, в отличие от пути Улисса домой или паломничества Данте в высшие сферы благодати, солженицынская одиссея ведет только к вечно обновляющейся деградации» (с. 397). Всё это можно было утверждать, в это можно было поверить, пока с «черной эпопеей» соседствовали «проваренные в чистках как соль» сочинения Б.А. Дьякова или Г.И. Шелеста. Но вот стали широко известны писавшиеся несколько ранее «Архипелага...» «Колымские рассказы» Варлама Шаламова — проза высочайшей пробы, недооцененная Александром Исаевичем ввиду глубокой метафизической чуждости ему этой прозы, — и стало как день ясно, где эпос, а где антиэпос. Конечно же, «Архипелаг...» — торжествующий над «дьявольской комедией» национальный эпос: и ввиду его принципиальной, а не только фактически заданной многонаселенности (по словам автора, здесь он время и внимание всегда отдавал людям), и ввиду сарказма и «юмора висельника», отмеченных Малиа, которые вовсе не мрачат «абсолютный авторский голос» (термин Э. Вахтеля), а придают ему победную наступательность, и ввиду постоянной стилевой обращенности к слушателям (как у аэда в

¹⁸ *Epopée noire, commedia satanica* — черная эпопея (фр.), дьявольская комедия (итал.).

кровно-сродном ему кругу), и ввиду ощущения «устойчивой гармонии мира» (см. «Нобелевскую лекцию») — гармонии, рушащейся в прах и тут же чудом восстанавливаемой. Достаточно прочесть хотя бы первую главу эпопеи — «Арест», где читателю дано сполна пережить внезапную катастрофу и всю меру беспомощного отвращения к насильникам, но тут же встретиться с «очищающимся и распрямляющимся»¹⁹ комбригом Травкиным; где читателю дано почувствовать, что трепещущее в железных клещах человеческое «я» не может не мнить себя центром вселенной — и тут же усомниться в непробиваемости этого эгоцентризма при встрече рассказчика с сокамерниками — «родом людей», «к которым я привязался за годы войны, будучи сам и сложнее и хуже»²⁰. И это христианский эпос.

Рассказы Шаламова сознательно написаны методом антиэпическим, не сюжетно движимым, а, как многие опыты современной живописи, статически-«серийным»: где герой всякий раз встречается только с самим собой в разных лицах и положениях и где выход за пределы абсолютного бедствия в сторону собрата по несчастью или высшего начала изобличается как прекраснотушная иллюзия, которой до поры тешат себя еще не подошедшие к краю существования особи. Шаламов — ярчайший представитель безверного экзистенциализма XX века, с кем по трагизму судьбы, давшей пищу такому мироощущению, да и по силе таланта, на мой взгляд, не могут сравниться ни автор «Дорог свободы», ни автор «Чумы», как не может с опытом Колымлага соперничать «странная война» и нацистская оккупация Франции.

Имя Шаламова, разумеется, встречается на страницах представленного тома, однако несколько наивно звучит замечание Дариуша Толчика: «Солженицын оставляет крайности ГУЛАГа писателям, подобным Шаламову...» (с. 581) — хотя бы потому, что «подобных» Шаламову нет.

Я называю рядом эти два имени — и сейчас назову третье, — полагая, что западные исследователи, возможно, и не должны сосредотачиваться на их со- и противопоставлении: это отечественная задача. Дело в том, что разрушительное прошлое коммунистического владычества до сих пор является главной национальной травмой, не исцеленной, а вытесненной, как сказал бы психоаналитик, и все еще энергично вытесняемой из культурно-литературного поля. «Архипелаг...» (как и спустя десятилетия «Красное Колесо») весь вдохновлен задачей выведения наружу и исцеления этой травмы. Шаламов, при надрывающей сердце разоблачительности его свидетельств, загоняет ее, эту травму, в сугубо метафизическую сферу — ледяного равнодушия мироздания к одинокому страданию человека. Наконец, появился и третий вариант отношения к этой травме, который ввиду художественной значи-

¹⁹ См.: Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956: Опыт художественного исследования: в 3 т. М.: У-Фактория, 2006. Т. 1. С. 34.

²⁰ Там же. С. 35.

тельности никак не может быть проигнорирован: это эпопея (тоже эпопея!) Евгения Федорова, старого лагерника, начатая романом «Жареный петух» и завершающаяся книгой «Бунт», давшей название всему эпопейному циклу. Это карнавализованный, изобильно и изощренно раблезианский лагерный миф, написанный по всем «бахтинским» правилам, вплоть до игры с пресловутым «материально-телесным низом», под конец же обнаруживающий в его создателе то, что теперь принято называть «стокгольмским синдромом»: автор благословляет не только заключение, но фактически и своих истязателей, туда его ввергнувших.

В статье Майкла Николсона «Солженицын как “социалистический реалист”» упоминается о дискуссии вокруг этих имен на страницах «Вопросов литературы». Но дело не в этих и других спорах, не в том, что Виктор Ерофеев, трикстер, ныне бесстыдно перековавшийся в телевизионного гуру, пытался сделать из прозы Шаламова антисолженицынскую дубинку. Все обстоит серьезнее.

Дариуш Толчик, памятуя о своем польском опыте, приводит стихотворение Виславы Шимборской «Конец и начало» (с. 578):

Те, кто знал,
что это было,
должны уступить место тем,
кто знал мало.
Или меньше, чем мало.
Или, наконец, даже меньше, чем ничего.
Кому-то ведь надо лежать
на траве, укрывающей
причины и следствия,
зажав травинку в зубах,
глазея на облака.

Так вот, текущая русская проза из трех вариантов переживания национального травматического опыта (не обязательно именно гулаговского) выбрала не возвышающий солженицынский и даже не мрачный шаламовский, а тот, что представлен отчаянным экспериментом Федорова: он-то, несмотря на роскошь памятных подробностей, как раз и склоняет возлечь «на траве, укрывающей причины и следствия», с беззаботной травинкой в зубах. Сужу об этом хотя бы по тому, что почти ни один сколько-нибудь приметный роман последних лет не обходится без малообязывающей фантазийной посылки, маскирующей истинную травму.

Но размышлять над этим — в свете созданного Солженицыным — пристало нам, на здешней почве, не сваливая эту заботу на западных авторов с их замечательным вкладом в общее дело.

В.А. Москвин: Спасибо, Ирина Бенционовна. Приглашаю на сцену критика, кандидата искусствоведения Бориса Николаевича Любимова. Борис Николаевич, очень прошу Вас помнить о времени...

Б.Н. Любимов: Не могу не поблагодарить издателей, переводчиков, которые дали возможность читать эту книгу — большую, объемную — от корки до корки не запнувшись ни разу не только на опечатку, но и на какой-нибудь языковой ляп, который так бы раздражил наверняка Александра Исаевича. Не могу не поблагодарить и комментатора. Комментарии я читал как самостоятельный текст, очень важный и очень интересный, без которого человеку, не являющемуся специалистом по зарубежному литературоведению и истории мысли, многое было бы в книге непонятно. Там есть только одна не столько неточность, сколько несовпадение комментируемого и комментария. Речь идет о некоем Шелесте, который возникает на страницах «Архипелага ГУЛАГа» и в двух статьях сборника. Судя по всему, это лагерный «придурок», откровенно говоря, «придурок» от литературы. О нем есть маленькая справка в литературной энциклопедии. Это Георгий Шелест, а, конечно же, не Петр Шелест — партийный функционер, о котором речь идет в комментарии. Но это единственное, обо что я запнулся. А так, по-моему, это — первоклассная работа.

Андрей Семенович Немзер, на мой взгляд, оптимист, когда он говорит, что все здесь думают одинаково. По-моему, даже здесь, в этом зале, думают не одинаково. Но уж в мире-то и в стране своей очень уж мы думаем не одинаково. Пожалуй, самое оптимистическое для меня впечатление начавшегося 2011 года — количество умных и близких незнакомых людей, которых ввел в мой дом, в мою библиотеку этот том. Есть статьи более близкие и менее близкие, более удачные и менее удачные. Статьи, посвященные мирозерцанию Солженицына, мне показались наиболее содержательными. Но так или иначе — и это самое существенное — во всех материалах присутствует масштаб личности Александра Исаевича. Мыслитель, историк, художник — да! И над всем этим — личность. Это не «проза Хемингуэя — отдельно, а охота и бокс — отдельно». И историк, и мыслитель — внутри художника. И масштаб этой личности — единственного писателя России, единственного писателя XX века, который оставил такой след на столетия вперед, — присутствует во всех статьях сборника.

Приведу пример из сборника, не касающийся Солженицына. В одной из статей (по-моему, это статья Тредголда), статье, вообще, содержательной, — через запятую упоминаются Ахматова, Цветаева, Мандельштам, Пастернак и Тарсис. В скобках замечу, что я десять лет прожил с Тарсисом в одном доме, в одном подъезде — в квартире непосредственно под ним. И когда его КГБ во время процесса Синявского и Даниэля выслал за пределы СССР — я перекрестился обеими руками. Но тут возникает вопрос: человек не читал этих

четырёх писателей и пятого (не писателя) или для него это один и тот же ряд? И я теряю доверие ко всему тому, что он написал до и после. Вот таких ляпов по отношению к Александру Исаевичу в текстах статей нет. Ну, скажем, я хмыкнул и, думаю, Александр Исаевич бы хмыкнул (если читал, то наверняка хмыкнул), когда Ален Безансон довольно безвкусно сравнивает его с пророками и исповедниками Илией, Афанасием и Максимом (с. 364–365). Я представил их втроем, сидящих рядом. Что общего, не знаю. Довольно пошлово и безвкусно.

Но вот в ряде статей (прежде всего имею в виду работы Оливье Клемана и Коринн Марион) возникают имена не только Булгакова и Бердяева (такие связи уже отмечались и отечественным, и западным литературоведением), но — Иоанна Лествичника, Иустина Философа, Климента Александрийского... Параллели проводятся исследователями с большой долей осторожности — и это очень важно. Речь идет не о влиянии на Солженицына. Допустимо ли говорить здесь о влиянии? Быть может, Александр Исаевич и не читал всех этих авторов? (Это как раз тема, которая меня больше всего интересует и занимает, и фактическую сторону очень трудно, а может быть и невозможно, реконструировать.) Но параллели и созвучия в творчестве, несомненно, существуют. Опять же речь не о том, чтобы механистически вычитывать эти параллели — здесь необходим тончайший анализ и прежде всего глубочайшая укорененность в религиозных текстах, которые есть у выдающегося православного богослова Оливье Клемана. Возникает ощущение, что мы имеем дело с Солженицыным — религиозным мыслителем, мыслителем, в основе творчества которого лежит *библейско-христианское откровение* (цитируя Шмемана). Эта мысль проходит практически через весь сборник — чаще разделяемая авторами, а иногда, как в случае упоминавшегося сегодня убежденного атеиста, с отсутствием сочувствия.

Хочу отметить еще одну немаловажную особенность сборника — независимость западных авторов от нашего контекста. Не то чтобы бесстрашие, но именно независимость. Ну, кто бы из нас сейчас написал: «посредственные эмигранты вроде Янова» — хотя бы из соображений политкорректности? А они пишут, и слава богу. Кто бы из нас рискнул поставить рядом имена Бушина и Войновича? А по некоторым параметрам они заслуживают того, чтобы быть поставленными рядом, — и автор этого не стесняется. И это, по-моему, прекрасно. И потому введение западного контекста последних почти трех с половиной десятилетий в наше литературоведение, в нашу политическую и религиозную мысль — это прекрасно. Многих из этих авторов мы знали давно по их работам о Солженицыне. Теперь их имена объединены под одной обложкой — это прекрасно.

Я тоже думал над тем, о чем говорил Андрей Семенович Немзер, — что в основном в сборнике представлены авторы, близкие Солженицыну. Ну, всё же не все, да и степень этой близости весьма различна. Если будет готовить-

ся подобный сборник, может, и стоит представить в нем и какой-то другой пласт мысли, но — не перегнуть бы палку. Если собрать все глупости, которые писали об Александре Исаевиче, и перевести на русский язык... Бедные переводчики, которым придется их переводить, бедный редактор, которому придется редактировать, и бедные мы, которые будем это читать и тратить и время, и средства немалые. Вряд ли стоит. При составлении, например, антологии лучших образцов русской мысли о Достоевском — от Вл. Соловьева до Н. Бердяева, С. Булгакова — стоит ли включать туда Антоновича? Ну, кому захочется прочесть, пойдет в библиотеку.

Относительно того, что мысль Солженицына представлена в сборнике лучше, чем «словесная плоть», о чем говорил Андрей Семенович... Вообще говоря, это достаточно традиционно для истории критики. Ведь и с Достоевским так было. Сначала критика рассматривает — как Белинский, допустим, в случае с «Бедными людьми» — верхний пласт текста, который наиболее актуален для читателя-современника. Потом приходит черед глубинному религиозному постижению — от Вл. Соловьева до Н. Бердяева, наконец, Зандера, Левицкого и т.д., и т.д. А потом начинается текстологическая работа — работа текстологов 1920-х годов — исследующая проблемы поэтики, проблемы творчества Достоевского. Конечно же, Солженицын писатель недоисследованный, как тут говорили, и всё еще впереди.

Хотя и здесь, мне кажется, есть ряд весьма любопытных статей текстологического характера. Отраден факт, что не только мы с Андреем Семеновичем считаем «Красное Колесо» великим произведением, но ряд авторов этого сборника (позиция, сегодня далеко не всегда находящая поддержку многих «продвинутых» филологов и литературоведов). Чрезвычайно интересны наблюдения Эндрю Баруха Вахтеля о «Красном Колесе» — можно полемизировать, но собственно, всё здесь дискутируемо. Наиболее любопытным мне кажется замечание о том, что каждую главу «Красного Колеса» в отдельности можно воспринимать как вполне традиционное произведение, а эпопея в целом — абсолютно новаторское явление, небывалое в истории мировой литературы. Я по традиции в конце февраля — начале марта перечитываю «Март Семнадцатого» и каждый раз испытываю ощущение встречи с текстом, вобравшим в себя и русские летописи, и русскую прозу XIX века, конечно же. И в то же время это произведение абсолютно не похоже ни на «Войну и мир», ни на «Севастопольские рассказы», ни на «Тихий Дон», ни на что — нет ему аналогов даже среди произведений самого Александра Исаевича. Это такой исключительный солженицынский текст — единственный и неповторимый. И то, что это ощущается и отмечается не только русскими читателями, но и западными исследователями — мне кажется, чрезвычайно существенно.

Здесь стоят три тома исследований, посвященных Солженицыну, и я не сомневаюсь в том, что эта библиотека будет пополняться. Сам факт, что за

три-четыре года появились вот эти три сборника, говорит о том, что работа не прекращается, — и это самое главное. Доберемся и до «словесной плоти», и до языка Солженицына, который, конечно, еще недоисследован, а для писателя это главный инструмент.

Глубинное постижение всех пластов творчества Солженицына, конечно же, еще впереди. Спасибо западным авторам за то, что они сделали на протяжении этих лет. Спасибо им за то, что они укоренили читателей этого тома в тех основных параметрах, в которых действительно существует и поэтика Солженицына, и его мироощущение, и его историзм. И конечно же, спасибо издательству и всем, кто над этим томом работал.

О.Б. Василевская: Спасибо, Борис Николаевич, за оценку нашего труда и за неравнодушное прочтение. Теперь приглашаем к микрофону исследователя русской философии, теоретика культуры и идеологии, известного публициста Ренату Александровну Гальцеву.

Р.А. Гальцева²¹: Тему своего выступления я обозначу как «Двояковыпуклая стратегия французского идеолога».

Среди многочисленных и основательных работ сборника, посвященных мировоззрению Солженицына, мною выбрана статья, которая выделяется из общего собрания текстов своим провоцирующим содержанием и тем вызывает желание ее оспаривать. Одновременно позиция, выраженная в ней, оказалась весьма репрезентативной для восприятия Солженицына: она была растиражирована оппонентами писателя на Западе (а после открытия печатных шлюзов с начала 90-х — и в нашей стране). Потому, сосредоточившись на этом примере, мне бы хотелось показать, какова же степень интеллектуальной основательности, а также — внутренняя установка этой пространенной интерпретации. Текст привлек мое внимание еще и весьма оригинальной стратегией.

Сборник согласно характеристике его составителя американского профессора Эдварда Эриксона собран по принципу «доскональной», но «в то же время уважительной по тону критики», в подтверждение чего приводятся статьи, вышедшие «из-под пера таких французских знаменитостей, как Клод Лефор, Раймон Арон, Ален Безансон и Жорж Нива» (с. 364). И по большей части это так. Однако в ряду этой не просто «уважительной», но даже и не «доскональной», т.е. не придирчивой, критики (а зачем ей таковой и быть, если речь идет о таком исключительном явлении, как Солженицын) имеет место не только резко отличное от всех остальных, но и весьма загадочное по форме высказывание.

---

²¹ Доклад впервые опубликован: Гальцева Р.А. Один из эпизодов наступления на Солженицына как интерпретатора русской истории // Посев (М.). 2012. № 1 (1612). (Янв.). С. 26–29. — Ред.

Я имею в виду статью известного истолкователя судеб России, плодотворного в недавнем прошлом советолога, одного из «бессмертных» членов Французской академии Алена Безансона — статью «Солженицын в Гарварде» (с. 364–376).

Недоумение возникает с первых же строк: «Речь, произнесенная Солженицыным летом 1978 года в Гарвардском университете, — заявляет автор, — может быть истолкована двояко. Первая — простая — интерпретация лежит на поверхности, вторая — более рискованная и сомнительная — может, однако, оказаться и более интересной, и более близкой к истине» (с. 364). Здесь что ни фраза, то вопрос. И как это *более сомнительное*, оно же и *более истинное*? Разве что восточный коан или, наоборот, всеприемлющий постмодернизм чувствует себя здесь как дома, но для логического навыка европейца, каковым является академический автор, это явная несообразность.

Читаем далее, автор, казалось бы, хочет воздать должное великому человеку и признается, что не может исчерпать «списка его грандиозных деяний», — деяний человека, действовавшего в «ситуации, не имевшей прецедента в человеческой истории», в режиме, имеющем «совершенно иную природу, чем любой другой, доселе известный» (Там же). Казалось бы, речь идет об исключительной, героической личности. Но поясняется: «После 1917 года во всем мире родилось совсем немного людей (attention! — Р.Г.), более достойных восхищения, чем Александр Солженицын, — и среди них ни одного русского» (Там же). Заметьте, «совсем немного», но — «более достойных» (а не хотя бы — «таких же достойных»). Это похвала или, скорее, выражение скепсиса? И не воспроизводит ли это схему, по которой строится знаменитая речь Антония из шекспировского «Юлия Цезаря» — образец демагогического лицемерия на все времена: «Я говорю, не чтобы спорить с Брутом; / Я только то, что знаю, говорю», «А Брут — достопочтенный человек»²².

Кто же эти «нерусские» сверхгерои? Автор бросает эту мысль, не приводя никаких иллюстраций из новейшей истории, зато всплывают имена из далекого прошлого: ими оказываются — возглавители национально-освободительного движения боливиец Боливар и О'Коннелл, деятель легальной (заметьте!) борьбы за независимость Ирландии и равные права католиков. Они, действующие в старорежимных условиях, — «освободители», а Солженицын, прошедший все круги ада и как «один в поле воин» заглянувший в пасть дракона, «свою страну пока не освободил» (с. 364). Что же означает тогда признание автором «ситуации, не имевшей прецедента в человеческой истории», доставшейся на долю Солженицына? Однако опять тут же признаются его необыкновенные дарования: «Он в одиночку способен заставить свою страну пойти по благоприятному или неблагоприятному для нее пути» (с. 365).

Ведь «Брут — достопочтенный человек».

Под видом восхваления Брута оратор Антоний наводит на него густую тень и возбуждает против него толпу. (Реплики толпы: «...он дело говорит», — когда Антоний подвергает сомнению бескорыстность поступка Брута.) В данном случае «толпа» — это идейная сцена общественного мнения Запада — но и России, — формируемая под воздействием, в том числе, и такой авторитетной «французской знаменитости», как Ален Безансон.

Но наступает момент, когда автор не удерживается в пределах обозначенной двусмысленной стратегии, перестает играть в кошки-мышки и, давая волю своим чувствам, переходит к прямому высказыванию. К ведущемуся им расследованию привлекаются и неожиданные сравнения, и снобистские фразы. Доброму вору всё впору. Почему-то поначалу для контрастного фона призывается Надежда Мандельштам со своим великим «женским чутьем» (а ведь ее «чутье», уместность упоминания о котором здесь ничем не мотивируется, — состояло в том, что она как раз отдала предпочтение реализму Солженицына перед Шаламовым²³). Так вот, в ее обществе, зачем-то признается критик, он чувствует себя в безопасности (не то, что, мол, в обществе Солженицына). «...Она всё поняла до конца», — таинственно намекает критик (с. 365). Что именно имеет в виду автор статьи — читатель должен разгадать сам, но вряд ли сможет. С энтузиазмом аггравиров, нагружает Безансон «оброненные» Анной Ахматовой о Солженицыне «два слова: советский человек» (с. 366), пытаясь отказать великому писателю и мыслителю в интеллектуализме. И можно понять почему: духовная мощь в конформистском сознании позитивистски настроенного современного публициста (почему-то назвавшегося католиком) исключают умственную рафинированность, отвага и рефлексия не совмещаются в его сознании. «Понятно, — домысливает за Ахматову автор, — что эта знатная дама... остро чувствовала то примитивное, тяжелое и плебейское, что вылезало из этого уцелевшего в ГУЛАГе человека, когда он обращался к искусству» (Там же). (Одно это возмутительное «додумывание» недвусмысленно характеризует намерения автора!)

К следствию привлекается и мнение решительного, но переменчивого в суждениях Александра Зиновьева о советском человеке как «окончательно выродившемся мутанте». Тень брошена. Но тут Безансон показывает, что он стоит на защите солженицынского имиджа, находя здесь, вероятно, лишь ослабленный вариант советского образованца: несмотря на «все слабости

---

²³ Надежда Яковлевна писала: «...сколько я ни расспрашивала о лагерях, живая зрительная картина создалась у меня только после того, как я прочла “Ивана Денисовича”. Шаламов обижался на меня за такую измену и объяснял, что в таком лагере, как Иван Денисович, можно провести хоть всю жизнь» (Мандельштам Н.Я. Вторая книга: Воспоминания / [подгот. текста, предисл., примеч. М.К. Поливанова]. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 495).

Солженицына, все слепые пятна его мысли», его величие в том, что в нем «выжила и победила» *совесть* и что свое «бескультурье» он превратил в культуру («если считать культурой, — ограничивает свое великодушие критик, — способность верно различать понятия») (Там же). Здесь снова прорывается старый прием: Солженицын всё же «достопочтенный человек».

Для окончательного понимания, что такое Солженицын, автор расследования отсылает к одному из основателей коммунистической партии Франции, идейному адвокату Ленина Борису Суварину, который даст «убедительный ответ» автору «Архипелага ГУЛАГа» и «Красного Колеса» (с. 370).

Обращаясь к объявленной в названии теме, автор с места в карьер возглашает: «Что такое Гарвардская речь? Ошибка? Провал?» (с. 365) Это все равно что спросить: «Пушкинская речь Достоевского? Ошибка или провал?» Безансон исходит из будто бы всем известной и принятой презумпции, что в Гарварде Солженицына постигла неудача. Налицо беззастенчивая попытка внушения по рецепту нацистского министра пропаганды: «Чем невероятней ложь, тем скорее в нее поверят».

Гарвардская речь, этот плод напряженной мысли и взволнованного сердца, несет Западу две неотложных вести: предостережение от возможного крушения на пути автономного, безрелигиозного гуманизма и — от духовного разоружения перед коммунизмом. Казалось бы, это ли не близко душе антикоммуниста и христианина? Но нет, — оказывается, Солженицын строит свои соображения на «ложной» основе славянофильства (с. 371), которое — как неакцентирующее начало правосознания — опаснее советской власти: «...под флагом христианства воцаряется более благородный, более глубокий и, следовательно (? — Р.Г.), более вредный (логика? — Р.Г.) нигилизм, чем нигилизм революционный» (с. 368). В материалистическом же консьюмеризме Запада католический автор видит лишь «безобидное стремление к комфорту» (с. 371).

Россия опасна тем, что «в России права нет совсем» (с. 371), — декларирует исследователь, имея в виду всё российское прошлое. При этом понятие права употребляется здесь в расширительном смысле, синонимичном закону. Но закон существовал в России с незапамятных времен (как не знать этого специалисту по русской истории?); в письменном виде — со времен Русской Правды Ярослава Мудрого.

Опасным называет автор и сам характерный для писателя «славянофильский стиль, пророчащий мерзость»: «...использование этого стиля порождает всякого рода ложные и даже опасные идеи...» (с. 376).

Однако пора нам прекратить распутывать извилистый стиль и язык самого критика, который на каждом шагу задает головоломки. И наконец осознать, за что великий человек подвергается несообразным и вопиющим нападкам. В ходе этого судебного процесса нельзя не заметить, как разговор

о Солженицыне все время соскальзывает на другой предмет — Россию. Причем интересно, что единственное справедливое замечание о том, что русская и советская история — это разные вещи, оказывается какой-то случайной оговоркой, противоречащей всей концепции по этому вопросу в данной статье, не говоря о том, что писал ведущий французский истолкователь российской истории до и после рассматриваемого текста. Так, в книге неточно переведенный у нас как «Убиенный царевич» (на самом деле: «Принесенный в жертву царевич»), посвященной русскому национальному сознанию, заявлено: «Продолжительность и глубина русских бед придает истории этой страны что-то пагубное, порой вызывающее ужас, жалость и отвращение»²⁴. Это хуже чем трагедия: Россия достойна даже не сострадания, а презрения. Далее, русское прошлое просматривается сквозь психоаналитическую призму, при помощи фрейдовской отмычки эдипова комплекса, а ленинская теория — в свете онтологии гностицизма II века. Чтобы сочинять столь изощренные несообразности, надо иметь очень веские причины, а в конечном итоге — испытывать жгучую ненависть к «этой стране», России, которая не заслуживает, по мысли критика, лучшей участи, чем занимать место изгоя среди народов.

Попробуйте объяснить, что же толкнуло на этот путь французского академика, аналитика тоталитарных идеологий, никогда не бывшего леваком вроде Глюксмана и в конце концов нашего единоверца по христианству? Неужто болят старые раны, говорит застарелый имперский синдром, гибель наполеоновской армии «под снегом холодной России»; или — притязания России на мессианское преемство от древнего Израиля; или, проще, узел еврейского вопроса, завязавшейся в России? Тайна сия велика есть.

Так или иначе, Солженицын как предстатель и символ России не мог не стать ответчиком за нее. Однако никакие инсинуации не смогут отменить того факта, что Солженицын — великая личность нашего времени, за которой числятся три подвига (если говорить языком Владимира Соловьева): подвиг человеческий, он — герой, вынесший из лагерных застенков несломленный дух и чувство призванности вступить в битву с драконом; подвиг художественный — создание грандиозного эпоса; и, наконец, подвиг мыслителя-историсофа, дающий нам ответы, способные осветить перепутья русской судьбы и сумерки человеческой цивилизации.

В.А. Москвин: Спасибо, Рената Александровна. Я очень рад, что на сегодняшний наш круглый стол (а по сути уже конференцию) приехал один из

---

²⁴ См.: *Besançon A.* «Le Tsarévitch immolé: La symbolique de la loi dans la culture russe. P.: Plon, 1967. Рус. пер.: *Безансон А.* Убиенный царевич: Русская культура и национальное сознание: Закон и его нарушение / пер. с фр. М. Антышко и др. М.: МИК, 1999. Цит. по: *Гальцева Р.А.* Тяжба о России // Гальцева Р.А. Знаки эпохи: Философская полемика. М.: Летний сад, 2008. С. 217.

авторов сборника и один из переводчиков — профессор русской литературы Вассар-колледжа, что в штате Нью-Йорк, Алексей Евгеньевич Климов. Прошу Вас, Алексей Евгеньевич.

А.Е. Климов: В первую очередь я хотел бы сказать, что сборник этот преодолевает языковой барьер, который очень существенен. Приходится слышать нарекания, что русские специалисты по Солженицыну слабо информированы о критической традиции, сложившейся на Западе, по языковым причинам. Во многом это верно, но, тем не менее, не справедливо. Поясню свою мысль.

Возьмите, к примеру, английских специалистов по английской литературе. Вряд ли можно ожидать, чтобы они в своих работах, своем критическом анализе английских авторов часто цитировали критику, появившуюся, например, по-французски, по-немецки и тем более по-русски. Уверяю вас, что знание иностранных языков подавляющего большинства литературоведов в мире ничуть не лучше того, что наблюдается в России. Есть исключения, конечно, я говорю об общей тенденции.

Но помимо языкового фактора есть еще одно важное соображение, увеличивающее значимость этого издания. Благодаря холодной войне получился весьма большой разрыв во времени между критическими отзывами на Западе и в России. Во всяком случае, публично возможными отзывами в России (Советском Союзе). Я говорю о периоде примерно с 1965-го по 1990-й годы. В 1968 году вышли на Западе «В круге первом» (правда, в 87-главной версии) и «Раковый корпус». В 1974-м (точнее, в самом конце 1973-го) — первый том «Архипелага ГУЛАГа». Потом в 1978 году произнесена очень шумевшая Гарвардская речь. И в России не было возможности публично откликнуться на них.

Я сконцентрируюсь на Гарвардской речи. Страсти, которые кипели вокруг этой речи, трудно себе даже представить сегодня. Я думаю, читатели, которые приходят к этому тексту только сегодня, уже как бы потеряли из виду контекст всего этого — те напряжение и волнение, которые этот текст вызвал. Сборник, который сегодня обсуждается, восстанавливает отчасти этот контекст. Это главное, что я хотел сказать.

Позволю себе также откликнуться на выступление Ирины Бенционовны Роднянской, которая сказала несколько слов о цитате из моего текста насчет непонимания русской традиции на Западе. Я вполне согласен с ней, что Солженицын принадлежит к традиции европейской христианской культуры, и я нисколько не оспариваю этого. И она назвала даже имена из XIX века — Диккенса, Бальзака. Но я просто обратил бы внимание, что Диккенс и Бальзак были предшественниками Достоевского, а не современниками. А современниками Достоевского были Флобер, а потом Золя, которые уже очень далеко ушли от этой традиции. Можно еще добавить, что, например, Гоголь, До-

стоевский и Толстой ездили в Оптину пустынь. А ведь нельзя и представить себе, что в XIX веке кто-нибудь из ведущих западных писателей отправился бы с паломничеством... Это невозможно. И здесь достаточно существенная разница мировоззрений — западного и российского.

О.Б. Василевская: Спасибо, Алексей Евгеньевич. Теперь приглашаем к микрофону писателя Павла Григорьевича Проценко.

В.А. Москвин: И я уверен, что Павел Григорьевич будет ориентироваться на Алексея Евгеньевича — по времени.

П.Г. Проценко²⁵: Тему своего доклада я обозначу как «Владимир Соловьев, соловьевцы и Александр Солженицын».

Сборник собрал под своей обложкой работы западных исследователей творчества писателя за тридцать четыре года — начиная от момента высылки писателя из СССР и кончая годом его кончины на родине.

1974 год, которым датированы самые ранние статьи сборника, год ареста писателя в Москве и насильственного «перемещения» в пространстве, стал, как ни странно, той временной чертой, когда пик его западной популярности казался пройденным²⁶. Со стороны интеллектуального западного истеблишмента началась резкая критика и идейных позиций Солженицына, и его художественного творчества. И тогда, и впоследствии взаимоотноше-

---

²⁵ Доклад впервые опубликован: Проценко П.Г. Владимир Соловьев, соловьевцы и Александр Солженицын // Посев (М.). 2012. № 1 (1612). (Январь). С. 29–33. — *Ред.*

²⁶ В 1972 году, после выхода на Западе «Августа Четырнадцатого», в кругах «прогрессивно» настроенных западных интеллектуалов начала нарастать волна разочарования Солженицыным, который, по их мнению, оказался консерватором, противником либерализма, религиозно и патриотически настроенным автором. С того времени отрицательная реакция на творчество и мировоззрение русского писателя шла рука об руку с волной мирового признания и понимания. Выход «Архипелага...» (декабрь 1973), высылка (февраль 1974), вручение Нобелевской премии (декабрь 1974) привели к тому, что лондонская «Таймс» в 1974-м назвала Солженицына «самым известным в настоящее время на Западе человеком». Одновременно его новые тексты (напр., «Письмо вождям...», опубликованное в марте 1974-го, после высылки автора) и высказывания на актуальные общественно-политические темы вызвали усиление критики. Складывалась парадоксальная картина. В то время как Солженицын находился в центре мирового общественного мнения, в отношении его поднималась и становилась все сильнее волна неприятия, заставлявшая многих пересматривать высокие оценки творчества писателя и ниспровергать его моральный авторитет. Такое колебательно-негативное отношение к Солженицыну создавало впечатление того, что его значение переоценено и обречено в скором времени на неизбежный спад. Вот одна верно подмеченная грань из сложной палитры тогдашнего восприятия его на Западе: «Несомненно, к середине 1970-х годов, когда судьба забросила изгнанника... в городок Кавендиш штата Вермонт, многие клише изрядно переменялись. К этому времени многие стали воспринимать Солженицына как... неблагодарного гостя и националиста-мистика...» (М. Николсон (с. 476)).

ния Александра Исаевича и некоторых интеллектуальных и политических кругов Запада претерпевали разные фазы и изменения, однако там никогда не прекращалась кропотливая исследовательская работа по уяснению и мировоззрения, и особенностей творческого почерка прославленного русского автора. Вышедший сборник в чем-то суммирует итоги именно этой дотошной и тщательной, талантливо сделанной работы.

Восемнадцать работ (ровно половина) написаны в период до перестройки; остальные — после крушения СССР. Два самых объемных раздела — «Мировоззрение» и «Литература» — посвящены двум краеугольным камням, на которых стоит жизненное дело писателя.

Поначалу, читая статьи сборника, вдруг начинаешь чуть ли не на физическом уровне ощущать давление материала. Авторы работ сосредоточены не только на анализе мировидения писателя, но и на споре с его многочисленными противниками, — и поражаешься, каким плотным непониманием Солженицын был окружен на Западе.

Но именно эта страстная предвзятость критиков Солженицына породила творческий ответ, — и почти в той же интеллектуальной и университетской среде, — тщательное исследование западными авторами идейной и религиозной составляющей солженицынского «космоса». Впрочем, им и карты в руки, т.к., по точному замечанию профессора Дональда Тредголда, по известным причинам «за последние полвека только иностранцы могли непредвзято исследовать русскую культуру во всей ее полноте» (с. 244).

Ценной является одновременная констатация как связи русского писателя «с великими традициями разума и веры, смирения и душевного величия, составляющими основу души Запада», по выражению Д. Махони (с. 114), так и его опоры на отечественную интеллектуальную традицию, в частности на наследие Владимира Соловьева (с. 42).

То, что публицистика Солженицына, а также эпопея «Красное Колесо» (на страницах, посвященных религиозным поискам ее персонажей) используют философские и мировоззренческие конструкции, разработанные великим русским философом, говорит о том, что писатель продолжил развивать христианское общественное делание, начатое Соловьевым и его последователями и оборванное революционным террором.

В данное время я занимаюсь исследованием истории группы последователей Соловьева, уничтоженных в конце 1920-х — начале 1930-х в Киеве, и считаю необходимым подчеркнуть творческую связь писателя Солженицына с наследием великого русского философа.

Соловьев стал не только родоначальником оригинальной русской философии, но разработал новый понятийный язык для христианской мысли. Он раскрыл для верующего человека насущность свободно принимаемой ответственности за судьбы Церкви и христианства.

Знаменательно, что умерший на пороге XX столетия автор «Оправдания добра» помог своим творческим наследием той проповеди о необходимости защиты европейской цивилизации, что зазвучала в общественных выступлениях Солженицына конца 1970-х — начала 1980-х годов, на исходе жестокого века.

Важнейшей для Соловьева являлась идея христианской общественности, которая должна была, по его мысли, служить делу сплочения народов вокруг Христа, делу нравственного врачевания человечества, его пробуждения от сна обыденности и пошлости.

Соловьев по происхождению принадлежал одновременно и к культурной аристократии страны, и отчасти к политической. Он воспринимал себя гражданином христианской империи и гражданином мира, существующего под знаком Вселенской Церкви. Совершенно чистосердечно он апеллировал к верховной власти, предполагая, что та несет полноту ответственности за христианский проект России. И это выражалось не только в его прекраснодушном обращении к императору Александру III с просьбой о помиловании народовольцев-террористов. Всей своей литературной и общественной деятельностью Соловьев призывал «христоролюбивую» власть быть таковой на деле. Он призывал «христианское» государство к христианскому государственному строительству. Однако высшая бюрократия лишь частично взяла на вооружение политическую составляющую масштабных замыслов философа, проигнорировав их духовные основы. Веру народа она привычно использовала в корыстных целях, вызывая в нем ожесточение.

Когда советская власть начала с корнем уничтожать христианство в стране, она во многом продолжила дело старой царской бюрократии.

К кому обращался Соловьев внутри страны? К образованным классам, но также и к власти, к тем группам в правящем слое, которые понимали, что сила мировоззрения в огромной степени зависит от органического историко-культурного преемства. Но через десятилетия, в которые страна провалилась в беспамятство, не к тем же ли слоям общества (пусть и деградировавшего под воздействием террора) обращался и Солженицын?

Соловьев искал отклика в представителях правящего чиновничьего аппарата «православного» государства. Солженицын обращался к представителям партийной и бюрократической номенклатуры тоталитарного СССР, а затем, после возвращения из изгнания, уже к представителям власти посттоталитарной олигархической России.

Вопрос о влиянии идей Соловьева на творчество и мировоззрение Солженицына — это отчасти вопрос о жизненности христианства для России. Произошла ли в России на деле рецепция тысячелетней проповеди Церкви или эта проповедь ушла в песок? На каком фундаменте рассчитывали укрепить свои проекты возрождения России эти двое выдающихся представителей культуры и Церкви?

Последователи Соловьева объединились в религиозно-философские общества имени своего учителя в краткий период русского Серебряного века, продолжая разработку его идей.

Нужно отметить, что Соловьев и его сторонники мыслили, находясь в тени великой Империи. Во многом их мысль опиралась не только на знания, логику и религиозно-философское видение, но и на историческую данность имперской силы. Российская империя последнего царствования медленно, неуклюже, мучительно преодолевая сопротивление внутри бюрократического аппарата, все же разворачивалась к обществу, к признанию необходимости его свободного развития. В начале XX столетия в правительственных кабинетах возникло понимание того, что православное, церковное миссионерство и миссионерский энтузиазм могут служить векторами всеобъемлющей политической стратегии имперского развития. С другой стороны, внутри религиозно-философских групп и, шире, в кругах нарождавшейся церковной общественности появились идеологи, обосновывающие необходимость имперской экспансии требованиями своего рода христианского глобализма. К 1917 году для религиозно-философских обществ был характерен симбиоз революционного, имперско-либерального и демократического направлений.

Наиболее верными духу Соловьева, несомненно, были те его сторонники, что пытались формировать линию христианско-демократическую. В Киеве — все местное религиозно-философское общество (РФО) продвигалось в направлении выработки христианско-демократической платформы.

Киевское РФО, менее многочисленное и не столь внешне блестящее (судя по условному весу «громких» имен своих членов), как его московско-петербургские собратья, с февраля 1910-го направлением своего развития выбрало православие и церковность.

Благодаря тому что на Украине окончательный приход советской власти произошел почти с трехлетним опозданием, именно киевскому РФО и его руководителям довелось принять активное участие в уникальном историческом эксперименте, попытке строить свободное национально-демократическое государство на христианских началах. Именно этим церковным людям, представителям большой русской культуры удалось довести до конечных результатов ряд важнейших теоретических построений В. Соловьева. Благодаря собственному опыту они увидели, с чем в реальности неизбежно сталкивается христианский универсализм в России.

Особенно интересен опыт их сотрудничества с гетманской Украинской державой (апрель — декабрь 1918-го). Министерство исповеданий возглавил один из руководителей Киевского РФО В.В. Зеньковский.

Солженицын в «Красном Колесе» справедливо критиковал несостоятельность «кадетского либерализма». Как пишет Д. Махони, исходя из текстов писателя, это был «ложный либерализм, не признающий ни национальной

традиции, ни какого-либо высшего авторитета и с безразличием или презрением относящийся к религии...» (с. 212). Все же необходимо отметить, что в своих резких определениях кадетской идеологии Солженицын опирался на результаты не до конца исследованной проблемы. В партии конституционных демократов существовали разные группы влияния. С кадетами были тесно связаны многие церковные деятели и течения.

В частности, с кадетами был связан и такой общенародно признанный пастырь, как московский *белый* старец о. Алексей Мечёв. Это неудивительно, т.к. культурные и интеллектуальные силы, и в частности церковные, во многом ориентировались в общественно-политической сфере на партию кадетов.

У кадетов была разработана программа религиозной политики для демократической России. Временное правительство учитывало в своей деятельности именно эту программу. Демократическое российское государство дает всем религиям равные права, но Русская Православная Церковь занимает первенствующее положение по историческому праву. Если в России такую программу успели лишь наметить к осуществлению, то именно на Украине при гетманате эту кадетскую программу взяли на вооружение и частично воплотили. Хотя самостийники всячески продвигали идею независимой Украинской Церкви, однако РПЦ как Церкви большинства народа они дали преимущественные права.

Церковнослужителям государство должно было выплачивать денежное содержание, также финансировать церковные культурно-просветительные программы и учреждения. Государство всячески привлекало духовенство и церковные силы для духовно-просветительской деятельности. В Киеве Министерство исповеданий финансировало двуязычную (по большей части русскоязычную) культурную, общеполитическую, христианскую газету «Слово». Главным ее редактором и авторами были в основном члены РФО. На ее страницах представителем младшего поколения РФО Анатолием Жураковским была сформулирована главная задача для церковного действия — христианизация всей жизни. Представители РФО вошли в различные государственно-церковные и общественные комиссии, все делая для того, чтобы повлиять на общество, на его настрой в сторону активизации в нем христианских побуждений.

В начале революции религиозные образованные люди, как и большинство представителей культурного слоя страны, ждали, что сквозь революционные события органично прорастут новые демократические формы жизни. Жизнь, по убеждению вождей русской демократии, должна идти по пути прогресса и становиться все лучше. Вместо этого в русскую реальность вторглись толпы озлобленных, сорванных с места сограждан. Мир стабильности разрушался, в любую минуту каждого подстерегала опасность. Законы исторического развития, усвоенные просвещенными умами, не работали,

вместо исправления безобразий пришло их усугубление. Вдруг открылось, что русское общество большей частью остается языческим. Что народное сознание питается не религиозными идеалами и поэтому легко соблазняется миражами различных утопий, соглашаясь участвовать в построении «новой жизни» для избранных. Что воля лучших людей бессильна перед разнузданными толпами.

В Украинской державе группа РФО пыталась расширить дело просвещения народа. Но все ее усилия сводились на нет обстановкой нараставших в стране насилия и хаоса. Административный аппарат Державы разваливался и не мог проводить в толщу масс импульсы просветительских интенций РФО.

Уже в условиях красного террора, а затем нэпманского затишья киевские последователи В. Соловьева делают попытку строительства над бездной, которая вскоре поглотила русскую жизнь. Раз в обществе не оказалось органических сил, способных прорасти к добру, значит, нужно строить изнутри узкого христианского сообщества. А далее — будь что будет! У общины Жураковского были свои самообразовательные структуры, своя касса взаимопомощи, своя медицинская служба. Внутри общины Жураковского была в начале 1930 года написана и передана на Запад первая по времени история церковного сопротивления в стране²⁷, присвоенная там католическим священником Александром Дейбнером (скорее всего, агентом ОГПУ) и под его именем в искаженном виде опубликованная²⁸. В этой работе содержалось обращение к западным христианам, к единоверцам в эмиграции с просьбой о помощи. Надежда у киевлян была на то, что напряженная внутренняя жизнь в их общине (а также в подобных полуподпольных общинных церковных образованиях) вместе с общеевропейской христианской солидарностью окажет влияние на окружающую обстановку. Но все надежды были погребены после ареста и гибели руководителей общины.

Между устремлениями В.С. Соловьева и его религиозно-философских последователей, русских православных неоплатоников начала XX столетия, и между поведением христианина А.И. Солженицына есть прямая связь. И соловьевцы первой трети XX столетия, и писатель во второй половине века стремятся использовать культуру, государственный аппарат и общественную среду как проводники христианского мирозерцания, этики и, в целом, глобального христианского проекта. В. Соловьев, будучи автором утонченных философских построений, обращался к российскому обще-

²⁷ «Обзор главнейших событий церковной жизни России за время с 1925 года до наших дней».

²⁸ *Дейбнер А.И.* Русские иерархи под игом безбожников: Обзор за 1925–1931 годы // Благовест: Орган русских католиков. (Париж). 1931. № 4. Позднее в сб.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во ПСТВИ, 1994.

ству с призывом к совместной работе. Одновременно в лице Католической Церкви он обращался и к Западу с призывом к объединенной работе для просвещения человечества, улучшения его нравственного состояния, для спасения цивилизации.

Для философского творчества Соловьева характерна острая публицистичность, стремление переводить теоретические выводы в непосредственную практику жизни.

Для творчества писателя Солженицына также характерна публицистичность и выход к актуальным проблемам. (См. его мысль о необходимой пропорции в художественном тексте «вечных» тем и актуальной злободневности²⁹.)

Об идеях Соловьева впервые Солженицын услышал в 1945 году от Бориса Гаммерова на каторжных работах в карьере под Новым Иерусалимом. Писатель слишком кратко упоминает об этом в «Архипелаге...», чтобы как-то детально представить тот угол зрения, под которым он впервые узнал о взглядах Соловьева. Ясно только то, что в тех чрезвычайных обстоятельствах у него не было ни сил, ни возможностей охватить миропонимание Соловьева как философскую систему. Однако несомненно и то, что лагерный учитель Солженицына сам воспринял соловьевскую философию как философию оптимистической христианской всепобеждающей надежды, которую и передал своему товарищу по страданиям в начале его нисхождения в ад.

Этот оптимизм, вера в спасительность христианского проекта для России были двигателем жизни и для Соловьева, и для Солженицына³⁰.

Оба, и философ, и писатель, с определенного момента развития осознают необходимость апеллирования к верховной власти в стране, к ищущей молодежи, к культурной и политической элите. Оба в какой-то момент понимают насущность апеллирования к христианским кругам Запада, к Западу как вместилищу культурных и политических начал, развивающих

---

²⁹ Например, в интервью словацкому журналисту: «В вопросе взаимосвязи современности и вечности писатель не должен соблюдать равновесия между этими двумя категориями. Если его произведение будет до такой степени исключительно актуальным, что автор потеряет взгляд *sub specie aeternitatis* ("под знаком вечности"), то жизнь такого произведения будет короткой. И наоборот, если он уделит слишком много внимания вечности и пренебрежёт актуальностью, то произведение его теряет цвет, силу, теряет дыхание» («Один день у Александра Исаевича Солженицына»: Интервью словацкого журналиста П. Личко / [Пер. со словац.] // Посев (Frankfurt a/M). 1967. 23 июня. № 25 (1100). С. 4).

³⁰ Автору доклада неизвестно, когда конкретно великий русский писатель впервые обратился к творчеству великого основателя оригинальной русской философии, каким является В. Соловьев. Но представляется несомненным влияние на А.И. Солженицына таких ярких соловьевцев, как Н. Бердяев, о. Сергей Булгаков и, шире, авторы «веховского» круга. Влияние это особенно мощно проступает в статьях писателя в сборнике «Из-под глыб» (1974).

христианское миропонимание и систему ценностей. России невозможно продвигаться вперед без поддержки Западной Церкви и общества, как и Западу невозможно выполнять свои цивилизационные задачи без России. Запад и Россия только вместе могут отстаивать идеалы ответственной свободы, завещанные на заре нашей эры основателями евроатлантической цивилизации.

Надежды Соловьева на создание в России и Европе единого христианизированного «праведного общества», определяющего судьбы мира, в конце его личного пути растаяли, а его внутреннему взгляду открылся исторический обрыв, конец истории с остатками цивилизации в лице ее хранителей, горстки западных и восточных христиан, противостоящих Антихристу.

Уже его сверстники и младшие современники, следующее за ним поколение русских христиан, столкнулись с настоящим концом истории и попытались преодолеть ее обвал, строя жизнь на фундаменте веры. В результате же получилась — смерть в вере. После их ухода осталась историческая пустыня.

Солженицын начал там, где они погибли, он словно воскресил из безымянной могилы казненной России и Церкви упования ее бесчисленных обитателей. В своем художественном творчестве, в своем жизненном деле он стал настоящим соловьевцем. Он смог подбодрить многих внутри страны, показать возможные альтернативы бесплодному прозябанию в пустыне тоталитаризма. Он побудил Запад к сопротивлению, хотя бы некоторому стыду за свое малодушие, моральной солидарности с гонимыми правды ради. Он еще раз показал огромный ресурс духовности в человечестве.

Призывы Солженицына к западному миру, его попытка мобилизовать западные политические группы и общественное мнение для политического и морального сопротивления тоталитаризму, несомненно, нашли бы в Соловьеве горячего сторонника. Несомненно и то, что в этом деянии русский писатель воплощал в жизнь предсмертные молитвы умученных русских христиан.

Кульминацией творчества писателя стала эпопея «Красное Колесо». Этот сверхроман должен был предостеречь современную Россию от старых тупиков, показать пути выхода из тумана нравственной относительности и разобщенности. Однако, по признанию самого автора, он не успел с воплощением своего замысла. В то время как он выпускал в свет Узлы романа с описаниями прежних ловушек, в которые попало старое русское общество, общество новорусское, бандократическое попало в новые капканы, трансформировало старое зло в новые формы. И особенностью этого нового общества стало беспамятство историческое, равнодушие к христианскому наследию, разрыв с опытом замученных нынешних обитателей Церкви Небесной.

Солженицын среди всеобщего гражданского обморока успел предупредить о новом идеологическом обмане публицистической работой «Россия в обвале». Однако создается впечатление, что в свое последнее десятилетие он утратил из виду христианские, соловьевские перспективы нашей истории.

Что говорит в пользу этого умозаключения? На переломе тысячелетий Солженицын в интервью Витторио Страда констатировал, что христианство в современной России уже «не составляет единой христианской действительности, оно не может решительно повлиять на ход мыслей и событий в стране»³¹. Россия — уже не христианский народ. В этом признании — грустная констатация сложившихся реалий. Поражает в этих словах не их жесткая правда, а то, что за ними — и это редкость для жизненного опыта писателя — не стоит преодолевающей силы надежды. Ведь в послесталинском СССР также не имелось ни малейших рациональных данных для веры в победу над тоталитарным Голиафом. При всем том и сам Солженицын, и горстка уцелевших искателей правды действовали так, как если бы впереди открывались горизонты неотвратимо приближающейся свободы. Такой подход к своей роли в историческом действе — совершенно соловьевский! И именно такой подход ретроспективно оказался единственно оправданным. Поздний Соловьев возлагал надежду на «малое стадо», которое в «конце истории» вопреки всему продолжит христианскую миссию в мире.

После крушения СССР и возникновения на его развалинах «новой России» для будущего развития важным было включение в ее политический класс представителей христианского «малого стада» из правдолюбцев-идеалистов, действовавшего не только внутри страны, но и в эмиграции. Речь идет о важности обновления постсоветской элиты через использование ресурса групп неформальных энтузиастов веры, культуры, науки, предпринимательства, существовавших, пусть и в ничтожно малом количестве, в стране и эмиграции. (А не о включении в нее представителей церковной бюрократии или культурного фрондирующего бомонда, что и произошло на деле.) Да, пути русской истории и в постсоветский период могли воссоздаваться только над всеми безднами «конца истории» и только при включении в общую работу народной совести и энтузиазма, чего, к сожалению, не случилось.

Создается впечатление, что Солженицын, увидев глубину постсоветской разрухи, ничтожество постсоветского политического класса, униженность общества и бессилие Церкви, стал видеть «последнюю» надежду в возможности обособленного развития страны в сугубо национальных формах. Однако я считаю вслед за Соловьевым, что возможное будущее России лежит как раз

---

³¹ Солженицын А.И. Беседа с Витторио Страда (20 октября 2000) // Между двумя юбилеями: 1998–2003: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах / сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. М.: Русский путь, 2005. С. 38–39.

в христианском векторе движения поверх всех барьеров и катастроф. В универсальном всечеловеческом призвании.

Здесь стоит указать на один важнейший урок писателя-зэка, на его путь к обретению власти над словом — власти, благодаря которой он смог не только выразить трагедию русского опыта, но выразить в формулах и традиции великого русско-европейского художественного и интеллектуального наследия. Солженицын стал сочинять в лагере, в этой братской могиле последних русских надежд. Его первая проза несет печать влияния классической русской литературы. Но при этом очень правильно и ценно сравнение ранней прозы писателя, сделанное профессором Майклом Николсоном, с советской соцреалистической литературой (см. с. 482–487).

Солженицын начал говорить о своем опыте запредельного, замогильного, ориентируясь на классические образцы великой русской литературы. Но образцы эти были взяты им, несомненно, из близлежащих ее отражений в окружавшей его литературной соцреалистической иллюзии. Соцреализм — это, конечно, по верному определению Евгения Добренко, и есть единственный реальный социализм. Этот виртуальный социализм был создан на бумаге с помощью художественного арсенала, заимствованного во многом у Льва Толстого. Толстовская фраза у раннего Солженицына («В круге первом», «Раковый корпус»), — это толстовская стилистика сталинского «большого романа». Ажаев, Бабаевский, Панова, Фадеев — ряд этих «толстовцев», создавших сталинский роман, можно продолжить. Читать их произведения невозможно. Как невозможно нормальному человеку существовать при сталинском социализме. Однако их подчеркнута схематичный псевдотолстовский художественный стиль у Солженицына оживает, набирает обороты, и вдруг с какой-то страницы начинаешь забывать о стиле. Просто погружаешься в человеческий напряженный опыт духа, в настоящую литературу образов, в живую мысль и чувство. Этот эффект заработавшей литературной фразы, уносящей из литературы в бытие, происходит оттого, что стиль преобразуется правдой, честной правдой, соотносимой только с сердцем и опытом. Вот таким же чудесным образом у Солженицына начинаются вновь все главные темы расстрелянной русской реальности. Начинаются от честного переживания правды.

От искры правды зародилось у нас в оттепель очень многое именно с Солженицына. Перефразируя крылатое выражение Блока, можно упомянуть здесь «веселое имя — Солженицын!»

То, к чему он прикасался в сфере культуры и мысли, воскрешалось, искрилось, начинало работать и жить самостоятельно. А то, что он где-то не разглядел или упустил, — этого никто из живущих под солнцем не избежал. Дальнейшее зависит от нас, наследующих его творческим заветам и жизненному делу.

В.А. Москвин: Спасибо. У нас последний доклад — Ирины Евгеньевны Мелентьевой, кандидата филологических наук. Ирина Евгеньевна, прошу Вас все-таки ориентироваться на профессора Климова — поскольку у нас в программе еще небольшой фильм...

И.Е. Мелентьева: Почему сборник «Солженицын: Мыслитель, историк, художник», состоящий из статей, в которых в той или иной мере затрагивается мировоззрение Солженицына, вполне можно рекомендовать современному российскому студенту-филологу для самостоятельного чтения? Ведь, казалось бы, это должно быть интересно, пожалуй, лишь философам и историкам. Но, во-первых, анализировать произведения художественной литературы обычно учатся на примерах «образцовых» разборов, а в сборник как раз и входят именно такие тексты. А во-вторых, многие студенты-филологи, недостаточно владеющие (а иногда совсем не владеющие) иностранными языками, убеждены, что о русской литературе иноязычные авторы вряд ли могут сказать что-либо путное, и с некоторым пренебрежением и, может быть, даже с жалостью относятся к работам зарубежных ученых. А сборник показывает, как глубок и многолетен интерес не только к Солженицыну, но и к русской словесности в целом, как точны и верны характеристики литературного процесса разных эпох, как тонко иностранные критики чувствуют родство Солженицына со всей предшествующей русской литературой. Ведь каким же надо обладать зорким сердцем, чтобы из глубин другой культуры и языка разглядеть в «Матренином дворе» проблематику уровня вершинных романов Толстого и Достоевского, а в самой Матрене увидеть символ «мученичества России» (Р.Л. Джексон, с. 556) и тем поставить рассказ рядом с тургеневским очерком «Живые мощи»!

Когда читаешь «вторичную литературу» (определение Солженицына)³², посвященную определенному автору, вскоре замечаешь интересную особенность: повсеместное цитирование или упоминание одних и тех же фрагментов текста, причем «обрамляющий текст»³³ и контекст могут быть разными до противоположности. Эту особенность мы отмечаем и в работах сборника. Для примера рассмотрим нюансы интерпретации в разных статьях сборника фрагмента из романа «В круге первом» — беседу Нержина и художника Кондрашёва-Иванова, особенно обращая внимание на «художественный сюжет» (описание эскиза картины «Замок святого Грааля») и реплику художника: «В человека от рождения вложена некоторая Сущность! Это как бы — ядро человека, это его “я”! Никакое внешнее бытие не может

---

³² Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни // Новый мир. 1991. № 6. С. 6. (Курсив мой. — И.М.)

³³ Бахтин М.М. Проблема текста: Опыт философского анализа // Вопр. лит. 1976. № 10. С. 125.

его определить! И ещё каждый человек носит в себе Образ Совершенства, который иногда затемнён, а иногда так явно выступает! И напоминает ему его рыцарский долг!»³⁴

Ссылка на беседу или собственно цитаты встречаются в сборнике в семи статьях³⁵. Так, современный богослов О. Клеман, анализируя проявления христианского мировосприятия писателя в его произведениях, утверждает, что «величие Солженицына в том, что ему вновь удалось найти тождество святости и красоты» (с. 160), примером чему служат и цитата об «Образе Совершенства», который несет в себе каждый человек, и фрагменты описания картины. Клеман рассматривает Солженицына как наследника русской религиозной философии, как продолжателя традиций Достоевского. Н. Петро также говорит о христианском мировоззрении, но акцентирует внимание читателя на отношении Солженицына к международной политике. Критик считает, что солженицынский взгляд таков: «нормы международных отношений могут вырастать из изначальных нравственных принципов» и «божественные истины должны приводить к успеху во внешней политике» (с. 186). В подглавке «Первенство христианской добродетели и угроза тоталитаризма» как доказательство того, что христианское чувство, по Солженицыну, это «необходимый противовес безраздельной зависимости от рационального, эмпирического познания» (с. 187), и цитирует Петро слова Кондрашёва-Иванова об «Образе Совершенства» в каждом человеке. Д. Уинтроп, рассуждая о том, как жить и выживать современному человеку, делает вывод, что, по Солженицыну, «внутренняя свобода воли и нравственное мужество являются неотъемлемыми свойствами настоящего человека» (с. 273), что и иллюстрирует также цитатой об «Образе Совершенства». В работе Б. Перселла присутствуют как описание эскиза, так и цитата о сущности человеческой личности, и все это служит критике для попытки понять («с помощью разбора символики его литературных произведений»), что движет Солженицыным «в постижении реальности» (с. 452). Перселл считает, что «“В круге первом” в первую очередь сосредоточивает внимание на тех добродетельных душах, которые, как бы это ни казалось несправедливым, не в силах вырваться из кругов ада, но при этом оказываются способными обрести ту духовную свободу, что дает им возможность

³⁴ Солженицын А.И. В круге первом // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2011. Т. 2. С. 331.

³⁵ См. статьи О. Клемана «Солженицын, или Возрождение совести» (с. 146–168), Н.Н. Петро «Мораль и стремление к справедливости: Взгляд Александра Солженицына на международные отношения» (с. 186–204), Д. Уинтроп «Солженицын: Подымаясь из-под глыб» (с. 260–284), Б. Перселла «Преодоление Солженицыным экзистенциального беспомощства с помощью личного, общественного и исторического припоминания» (с. 452–475), М.А. Николсона «Солженицын как “социалистический реалист”» (с. 476–498), Р. Темпеста «Грязь и золото: Заметки о трансформативных художественных приемах Солженицына» (с. 499–516), Ж. Нива «“Круги” Александра Солженицына» (с. 597–614).

причаститься взаимной любви, становящейся ключом к Дантову “Раю”» (с. 466). Николсоном экфрасис используется как пример для доказательства того, что индивидуальный художественный метод Солженицына отличается от художественного метода соцреализма. Темпест считает, что описание эскиза — «один из организующих словесно-живописных образов» (с. 510). Ж. Нива эпизод с замком святого Грааля трактует как «разведывательные экспедиции» Нержина «в искусство» (с. 598), а саму главу «Замок святого Грааля» считает одной из «ключевых для понимания произведения глав» (с. 598–599).

То, что на один и тот же фрагмент текста опираются разные авторы, свидетельствует о его действительной важности для понимания произведения и мировоззрения писателя. Мы видим, что хотя авторы и не противоречат друг другу (они все уверены, что христианство — фундамент жизни и творчества Солженицына), но каждый акцентирует читательское внимание на разных, близких себе аспектах — богословском, нравственно-этическом, политико-юридическом, эстетическом, психологическом. Такое обилие и разноплановость аспектов образуют полифонию значений и смыслов, несводимых к чему-то одному, не дают воспринимать произведения Солженицына плоско и усредненно, а заставляют услышать и попытаться учесть голос каждого исследователя.

Так что же следует делать преподавателю, чтобы бедный студент смог разобраться в этом многоголосии, чтобы не брал его страх от чтения книг, как юного Саню Лаженицына, чтобы научился он «автору противостоять»?³⁶ Следует использовать сократический или диалогический метод обучения, который реализуется через информирование студента о различных, но равноправных, одинаково интересных и глубоких интерпретациях разными исследователями одних и тех же фрагментов текста. В результате такого сопоставления создается интрига, которая побуждает студента к собственному прочтению многомерно-сложного и вызывающего вопросы произведения. Таким образом пробуждается желание искать ответы на эти вопросы, внимательно читая другие сочинения данного автора и писателей его круга, а это и есть сверхзадача каждого преподавателя.

В.А. Москвин: Спасибо, Ирина Евгеньевна. Поскольку выступающие спикера не послушались — у нас из круглого стола получилась настоящая замечательная, глубокая конференция. Я хотел бы всем сказать огромное-огромное спасибо и пригласить к микрофону Наталию Дмитриевну Солженицыну. А мы с Ольгой Борисовной считаем, что наша задача выполнена, и спускаемся вниз.

---

³⁶ Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006. Т. 7: Узел I: Август Четырнадцатого. Кн. 1. С. 27.

Н.Д. Солженицына: Собственно, меня пригласили сказать несколько слов о фильме, который я сама увидела впервые две недели назад... Это даже не фильм, а фрагмент. Извините, качество будет неважное. Откуда взялась эта пленка, я не знаю — мне ее из Вермонта привез сын Игнат. Ее точно не было там, когда мы уезжали, и как она там появилась, я не знаю, очевидно, кто-то прислал. Это фрагмент Нобелевской церемонии, которую показывали, скорее всего, по шведскому телевидению, потому что там шли крупные титры, переводящие на шведский язык английскую речь академика Карла Рагнера Гирова (который тогда был секретарем Шведской академии). И сотрудники нашего замечательного Киноклуба³⁷ Сергей Зайцев и здешние специалисты заклеили шведские титры и поставили русские. Этот текст речи Гирова никто еще вообще в России не читал и не видел. А это третья его речь (об этом, собственно, он будет говорить сам, мы сейчас услышим) — первую он готовил в 70-м году (Солженицын — лауреат Нобелевской премии 70-го года, как тут, наверное, все знают, но Солженицын не поехал в 70-м году в Стокгольм, опасаясь, что его не пустят обратно, а Гиров речь приготовил). Потом в 72-м году был такой план, чтобы, наоборот, Шведская академия (в лице Гирова или кого бы то ни было) приехала в Москву и вручила Солженицыну премию в Москве, но Гирову не дали визу, а речь он приготовил. Ну и наконец, в 74-м году, когда Солженицына выслали (в феврале) — в декабре он приехал в Стокгольм получить премию. И вот Гиров написал свою третью речь, и восьмиминутный кусочек, который мы увидим, это, собственно, она и есть³⁸.

(Показ фильма. Аплодисменты.)

---

³⁷ Киноклуб «Русский путь» — структурное подразделение Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. — *Ред.*

³⁸ Тексты всех трех речей Карла Р. Гирова будут опубликованы в одном из следующих выпусков «Солженицынских тетрадей». — *Ред.*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Н.Д. Солженицына

О ПРЕМИИ

Введение

В октябре 1997 года Русский Общественный Фонд Александра Солженицына учредил ежегодную Литературную премию. Фонд финансирует Премию и приглашает для работы в жюри членов-экспертов.

Инициатором учреждения премии был Александр Исаевич Солженицын. Он придавал большое значение формуле награждения, которая должна быть, но с ясностью и полнотой обосновывать выбор жюри. И все прошедшие годы текст наградной формулировки члены жюри выработывали в живых обсуждениях и с большим тщанием, это акт коллективного творчества.

Также изначально и сами церемонии награждения были задуманы как литературные собрания, где члены жюри выступали бы с развернутыми представлениями лауреатов. Предполагалось и ответное слово награжденного, от которого ожидалось если не манифест, не кредо, то, во всяком случае, нечто большее, чем приличествующие моменту слова благодарности. Решено было приглашать к микрофону и представителей литературной общественности, кому особенно близко творчество лауреата. Именно поэтому — чтобы дать лауреату и всем выступающим время для обдумывания будущих речей — церемония назначается спустя два месяца ото дня объявления решения.

Первые четыре года лауреатов от имени жюри представлял Александр Исаевич. Позже болезнь мешала ему присутствовать на церемониях, но до конца жизни он участвовал в обсуждениях и выработке решений. Так, в мае 2008-го, за три месяца до смерти, он послал к церемонии награждения небольшой текст о месте в современной литературе лауреата того года, писателя Бориса Екимова.

Вослед церемонии некоторые речи членов жюри и лауреатов Премии публиковались в газетах и журналах. Однако часто в сокращении, и не все, а уж сказанное приглашенными «литературными гостями» и вовсе не доходило до печати.

Отныне выступления на церемониях будут печататься в «Солженицынских тетрадах».

В этом выпуске публикуются некоторые материалы к истории Премии, ее Устав, перечень лауреатов с 1998-го по 2010 год, список изданных книг серии «Литературная премия Александра Солженицына» и тексты премиальных речей 2011-го и 2012 годов.

Из истории

Интервью еженедельнику «Книжное обозрение»¹

— *Наталья Дмитриевна, как и когда возникла мысль об учреждении Литературной премии Александра Солженицына?*

— Идея возникла давно — в 1974 году в Стокгольме, когда Александр Исаевич, уже высланный из СССР, получал свою Нобелевскую премию. События эти описаны в книге «Бодался теленок с дубом». Именно тогда Александр Исаевич сказал мне и записал в свой маленький блокнотик (он с ними никогда не расстается): как бы хорошо когда-нибудь учредить литературную премию в России... Эта запись так и вошла в книгу, которую мы сейчас готовим к печати, «Угодило зернышко промеж двух жерновов», — вот она: «Но мечтается: когда наступит время вернуться в Россию (ой, когда?), да если будут у нас материальные силы, — учредить нам собственные литературные премии — и русские, и международные. В литературе Россия искушена. А тем более, знаем теперь истинные масштабы жизни, не пропустим достойных, не наградим пустых...»

Так вот, мысль о премии родилась еще тогда. Потом, годами, Александр Исаевич о ней почти не думал. Но он всегда был уверен, что непременно при жизни вернется в Россию. Просто на удивление всем людям, которые себя считали здравомыслящими, а его романтиком, — он продолжал твердить, что, скорей всего, коммунизм рухнет еще при его жизни и он вернется в Россию (хотя ничто в международной обстановке этого не обещало). Я не была уверена так, как он, но зато в разговорах о нашем гипотетическом возврате всегда напоминала: «Вот вернемся, тогда откроем премию...» Он отвечал: «Да, хорошо бы...» Но когда мы вернулись — столько всего на нас обрушилось, что до премии никак не доходили руки. Теперь время пришло.

— *Читая Россия, познакомившись с условиями присуждения Премии, озадачится некоторыми вопросами, которые мне хотелось бы озвучить. Сначала коснемся жанров: кроме прозы, поэзии, драматургии, упомянутых в*

---

252 ¹ Впервые опубликовано: «Премия Александра Солженицына будет работать в России долго...»: Интервью с Н. Солженицыной / Беседовал А. Шуплов // Кн. обозрение. 1997. 21 окт. № 42.

условиях присуждения Премии Александра Солженицына, существуют такие жанры, как искусствоведение, детская литература, мемуаристика (в координатах которой, кстати, написан солженицынский «Теленок» и пишется «Зернышко») и т.д. Что это — дискриминация или забывчивость?

— Ни то ни другое. Мы не считаем нужным дублировать разделы учебника литературы и перечислять все возможные жанры. Коль скоро речь пойдет о произведении, которое, с нашей точки зрения, будет высокодостойным, и как только внутри жюри мы придем к согласию, — мы и присудим ему премию. Вопросы детального «жанрирования» не играют определяющей роли.

— На какие средства учреждается Премия?

— На мировые гонорары за «Архипелаг ГУЛАГ». Александр Исаевич публично объявил, еще до своей высылки из страны в 1974 году, что все их отдает на общественные нужды. После публикации на Западе «Архипелага...» советская пресса взорвалась поношениями и обвинениями в его адрес. Солженицын отвечал: «Полная ярости кампания прессы скрывает от советского читателя главное: о чём эта книга? Что за странное слово «ГУЛАг» в названии её? <...> Они имеют бесстыдство плюнуть в смеженные глаза всем убитым: что написано об их муках и смерти только ради валюты. Но и тут промахнулись: продажная цена книги на всех языках будет предельно низка, чтоб читали её как можно шире. Цена такая, чтобы только оплатить работу переводчиков, типографии и расход материалов. А если останутся гонорары — они пойдут на увековечение погибших и на помощь семьям политзаключённых в Советском Союзе. И я призыву издательства отдать и свой доход на ту же цель»².

Это первое печатное упоминание о намерении Александра Исаевича, которое, однако, он осуществил сразу же по высылке. Когда я с детьми спустя несколько недель прилетела к нему в Цюрих, он уже делал наброски к «Невидимкам», Пятому дополнению «Теленка». Я удивилась: земля горит под ногами, неужели мемуары в такой момент — самое неотложное? Он сказал: «Я боюсь забыть, я хочу положить на бумагу все, что помню, все детали, — они потом несомненно забудутся». И еще: «Я хочу с тобой обсудить одну идею».

В результате «обсуждения идеи» — все гонорары за «Архипелаг...» на всех языках (и сами авторские права на эту книгу) были отданы учрежден-

---

² Солженицын А.И. Заявление прессе (18 января 1974) / Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Т. 2: Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1996. С. 61, 62.

ному им Русскому Общественному Фонду помощи преследуемым и их семьям (теперь его официальное название — Русский Общественный Фонд Александра Солженицына). Фонд был создан в Швейцарии, где мы сначала жили. Окончательно его документы были утверждены швейцарским правительством в 1975 году.

В Уставе Фонда обозначены были две главные цели: первая — помочь физически выжить семьям людей, арестованных и отправленных в лагеря по политическим, национальным или религиозным мотивам; вторая задача — культурная, помочь осуществлению в русском зарубежье культурных начинаний, невозможных под большевиками.

Так Александр Исаевич целиком отдал деньги за «Архипелаг...» своим младшим братьям по ГУЛАГу; а сверх того положил стипендии тем, кто занимался исследованиями российской истории XX века; кто работал для сохранения памятников русского искусства за рубежом; мы основали и начали издавать в Париже две книжные серии (которые теперь продолжаем в России): «Исследования новейшей русской истории» и «Всероссийская мемуарная библиотека». Средства Фонда помогли нам составить обширное собрание рукописей, воспоминаний наших соотечественников, которые иначе, быть может, пропали бы... Всю уникальную коллекцию этих мемуаров мы затем перевезли на родину и передали в общественное пользование (нам удалось открыть — это наша радость и гордость — Библиотеку-фонд «Русское Зарубежье» на Таганке³).

Культурная задача Фонда была нами заявлена с самого начала. Но, естественно, в те годы на первом месте все-таки стояла задача неотложной помощи детям и старикам-родителям тех, кто сидел в ГУЛАГе. Теперь, слава богу, политического ГУЛАГа, можно сказать, нет. Но есть еще немало стариков-зэков, у которых годы лагерей отняли семью, профессию, здоровье, — и в сегодняшних условиях они бедствуют запредельно. Конечно, всем помочь невозможно, но наш Фонд регулярно помогает тысячам людей, выплачивая им как бы пенсию из гонораров за «Архипелаг...»...

— ...Компенсуя упущения государства?

— Александр Исаевич всегда считал себя не вправе получить за «Архипелаг...» хотя бы один рубль или один доллар. Он отначала отдал все свои гонорары за эту книгу, а напечатана она была на 30 языках. Все остальные книги вместе взятые принесли лишь пятую часть, и только эту часть он оставил себе, семье. Как посмотришь вокруг — довольно беспрецедентный

---

³ После смерти А.И. Солженицына Библиотеке-фонду «Русское Зарубежье» было присвоено его имя. С февраля 2009 года она носит название Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. — Ред.

поступок. Тут я говорю не как жена, а как современник и человек, знающий правила и практику частных фондов.

Пришло время — и наш Фонд может позволить себе финансировать такой проект, как ежегодная Литературная премия.

— *Это, кажется, будет единственная литературная премия в России, которая учреждена частным лицом, ведь деньги, как я понимаю, взяты из семейного бюджета?*

— Да нет же, я вам говорю: эти деньги были вынуты из семейного бюджета с самого начала, когда Александр Исаевич отказался от всех гонораров за «Архипелаг...». Несомненно, он мог бы этого не делать, и тогда это были бы «семейные» деньги. Но тогда — он не был бы Солженицын. Не знаю, единственная ли это премия в России, учрежденная частным лицом, — но это наверняка единственный случай, когда литературный заработок повернут на литературную же премию.

— *Вызывают вопросы временные границы, обозначенные в Положении о присуждении Премии: это должны быть произведения, созданные и опубликованные в послереволюционное время. Но тогда кандидатами становятся Ахматова и Евтушенко, Платонов и Астафьев, Булгаков и Битов, Эрдман и Петрушевская... А еще — Есенин, Белов, Бабель, Маканин, Ерофьевы (оба!), Юрий Казаков, Токарева... О молодых вообще не заикаюсь.*

— И напрасно. По нашей мысли, их всех — старых и молодых — органически объединяет особенность, ни на что не похожесть послереволюционной советской эпохи.

— *Но согласитесь, весовые категории Таланта — разные.*

— Соглашаюсь. Вот для того и премия. Однако степень литературной известности автора не будет заворачивать нас при выборе лауреата.

— *Ну а представим себе, что каждый член вашего жюри предлагает по одному разному кандидату. Возникает патовая ситуация. Из нее не выйти без диктата Авторитета. А кто у нас Авторитет? — понятно.*

— Ошибаетесь. То, о чем вы сейчас говорите, относится уже к самой, так сказать, химии работы жюри: как мы будем взаимодействовать, как будем выдвигать, как обсуждать; это уже — тайна жюри. Это и естественно: всякое жюри работает за закрытыми дверями. И за теми дверями ни о каком диктате не может быть речи. Александр Исаевич — инициатор этой Премии, и

о составе жюри думал в первую очередь он. Все члены жюри — его выбор. Каждый из них пользуется его высоким уважением. В частности — за независимость и профессионализм. Говорить же о «диктате Солженицына» может только тот, кто никогда не работал с ним. У меня долгий опыт такой работы, и могу сказать, что Александр Исаевич на редкость прислушивался ко всякой критике, в процессе работы он благодарно открыт любым замечаниям.

— Но у вас — четная шестерка членов жюри. Что, если голоса разделятся «трое на трое»?

— Ну что ж, это — одна из четырех возможностей разделения голосов: 6 : 0 / 5 : 1 / 4 : 2 / 3 : 3. Эту последнюю гипотетическую ситуацию мы на жюри обсуждали и единогласно решили: в этом случае, так и быть, подарим именно Солженицыну одну сотую седьмого голоса.

Скажу в заключение: задумали мы эту Премию — всерьез. Пороху на нее — энергии, средств, преданности литературе — должно хватить надолго. Механизм обновления жюри также предусмотрен. Мы учреждаем ее в надежде, что Литературная премия Александра Солженицына будет работать в России — долго.

УСТАВ

- Учреждается Литературная премия Александра Солженицына для награждения писателей, живущих в России и пишущих на русском языке, за произведения, созданные и опубликованные в послереволюционный период. В исключительных случаях Премия может быть присуждена авторам посмертно.
- Премией награждаются писатели, чье творчество обладает высокими художественными достоинствами, способствует самопознанию России, вносит значительный вклад в сохранение и бережное развитие традиций отечественной литературы.
- Премия присуждается ежегодно (начиная с 1998 года) за произведения, написанные в одном из основных родов словесности: проза, поэзия, драматургия, литературная критика и литературоведение¹. Ни один из них не считается приоритетным; при присуждении Премии не проводится ни принцип очередности, ни принцип ротации родов словесности.
- Премия может быть присуждена за роман, повесть или совокупность рассказов; книгу или цикл стихов; пьесу; совокупность статей или исследование.
- Лауреатом Премии автор может стать только один раз. Получение иной литературной премии не препятствует присуждению автору данной Премии. Автор, однажды выдвигавшийся на соискание Премии, но не получивший ее, может быть выдвинут повторно.
- В случае, если Премия присуждается автору посмертно, денежная сумма Премии будет использована, согласно решению Жюри, для нового издания сочинений автора и/или увековечения его памяти (создание мемориального музея, открытие мемориальной доски и т.п.).

---

¹ В 2001 году жюри огласило меморандум: «Отныне — кроме художественной литературы к рассмотрению будут привлекаться труды по русской истории, русской государственности, философской и общественной мысли, а также значимые действующие культурные проекты».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

- В исключительных случаях Премия может быть поделена между двумя кандидатами.
- Лауреаты Премии прошлых лет получают право выдвижения кандидатов.
- Финансовое обеспечение Премии осуществляется Русским Общественным Фондом Александра Солженицына.
- Денежная сумма Премии — \$ 25 000 в рублевом выражении.
- Объявление имени лауреата данного года происходит на первой неделе марта.
- Церемония вручения Премии происходит в помещении Дома русского зарубежья (Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2) и включает Слово лауреата.
- Состав жюри²:

Александр Солженицын, писатель
Никита Струве (Париж), профессор литературы, издатель
Валентин Непомнящий, писатель
Людмила Сараскина, историк литературы, писатель
Павел Басинский, литературный критик
Наталья Солженицына, президент Фонда

- Адрес Русского Общественного Фонда Александра Солженицына:
125009, г. Москва, ул. Тверская, д. 12, стр. 8, кв. 169.
Тел./факс: (495) 629-86-39.

---

² В 2006 году в состав жюри кооптирован Борис Любимов, театровед. После смерти Александра Солженицына (2008) в жюри осталось четное число членов и войти в его состав был приглашен Виктор Москвин, историк, директор Дома русского зарубежья (2010).

ЛАУРЕАТЫ

(1998–2010)

1998

Топоров Владимир Николаевич, филолог

За исследования энциклопедического охвата в области русской духовной культуры, отечественной и мировой литературы, соединяющие тонкость специального анализа с объёмностью человеческого содержания; за плодотворный опыт служения филологии национальному самопознанию в свете христианской традиции

1999

Лиснянская Инна Львовна, поэт

За прозрачную глубину стихотворного русского слова и многолетне явленную в нём поэзию сострадания

2000

Распутин Валентин Григорьевич, писатель

За пронзительное выражение поэзии и трагедии народной жизни, в сращённости с русской природой и речью; душевность и целомудрие в воскрешении добрых начал

2001

Воробьёв Константин Дмитриевич, писатель (*посмертно*)

Носов Евгений Иванович, писатель

Двум писателям, чьи произведения в полновесной правде явили трагическое начало Великой войны, её ход, её последствия для русской деревни и позднюю горечь пренебрежённых ветеранов

2002

Бородин Леонид Иванович, писатель

За творчество, в котором испытания российской жизни переданы с редкой нравственной чистотой и чувством трагизма; за последовательное мужество в поисках правды

Панарин Александр Сергеевич, философ

За книги «Реванш истории» (1998) и «Искушение глобализмом» (2000) — с их глубоким осмыслением нового мирового порядка, места в нём России и её ценностного самостояния

2003

Кублановский Юрий Михайлович, поэт, публицист

За языковое и метафорическое богатство стиха, пронизанного болью русской судьбы; за нравственную точность публицистического слова

Седакова Ольга Александровна, поэт, филолог, эссеист

За отважное устремление простым лирическим словом передать таинственность бытия; за тонкость и глубину филологических и религиозно-философских эссе

2004

Бортко Владимир Владимирович, кинорежиссёр

За вдохновенное кинопрочтение романа Ф.М. Достоевского «Идиот», вызвавшее живой народный отклик и воссоединившее современного читателя с русской классической литературой в её нравственном служении

Мионов Евгений Витальевич, артист

За проникновенное воплощение образа князя Мышкина на экране, дающее новый импульс постижению христианских ценностей русской литературной классики

2005

Золотуский Игорь Петрович, критик

За масштабность художественно-критических исследований современной словесности и глубинное постижение гения и судьбы Гоголя; за верность, в независимом поиске, традициям и нравственному достоинству русской литературы

2006

Варламов Алексей Николаевич, писатель

За тонкое исследивание в художественной прозе силы и хрупкости человеческой души, её судьбы в современном мире; за осмысление путей русской литературы XX века в жанре писательских биографий

2007

Бочаров Сергей Георгиевич, литературовед

За филологическое совершенство и артистизм в исследовании путей русской литературы; за отстаивание в научной прозе понимания слова как ключевой человеческой ценности

Зализняк Андрей Анатольевич, лингвист

За фундаментальные достижения в изучении русского языка, дешифровку древнерусских текстов; за филигранное лингвистическое исследование первоисточника русской поэзии «Слова о полку Игореве», убедительно доказывающее его подлинность

2008

Екимов Борис Петрович, писатель

За остроту и боль в описании потерянного состояния русской провинции и отражение неистребимого достоинства скромного человека; за бьющий в прозе писателя источник живого народного языка

2009

Астафьев Виктор Петрович, писатель

Писателю мирового масштаба, бесстрашному солдату литературы, искавшему свет и добро в изувеченных судьбах природы и человека

2010

Янин Валентин Лаврентьевич, археолог, историк

За выдающиеся археологические и исторические открытия, перевернувшие представления о нашей ранней истории и человеке Древней Руси

КНИЖНАЯ СЕРИЯ

С 2005 года издательства «Русский мир» и «Московские учебники» начали издавать серию «Литературная премия Александра Солженицына». В серии печатаются избранные сочинения лауреатов Премии, состав каждой книги определяется самим автором.

На сегодняшний день изданы:

- Евгений Носов. Памятная медаль. Повести и рассказы. (2005)*
Константин Воробьев. Это мы, Господи!.. Избранное. (2005)
Александр Панарин. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. (2005)
Владимир Топоров. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения. (2006)
Инна Лиснянская. Шкатулка: В которой стихи и проза. (2006)
Ольга Седакова. Музыка. Стихи и проза. (2006)
Юрий Кублановский. На обратном пути. Стихи и статьи. (2006)
Леонид Бородин. Третья правда. Избранное. (2007)
Игорь Золотусский. Интеллигенция: Смена вех. Критика. Эссе. Портреты. (2008)
Валентин Распутин. В поисках берега. Повести, рассказы, статьи. (2008)
Андрей Зализняк. Из заметок о любительской лингвистике. (2010)
Борис Екимов. Привет издалёка. Рассказы. Повести. (2011)

ПРЕМИЯ 2011

Решение жюри

Литературная премия Александра Солженицына 2011 года решением жюри от 25 февраля 2011 присуждена Елене Цезаревне Чуковской за подвижнический труд по сохранению и изданию богатейшего наследия семьи Чуковских; за отважную помощь отечественной литературе в тяжелые и опасные моменты ее истории.

Церемония награждения

28 апреля 2011

Ведущая: *Н.Д. Солженицына*

Выступления: *Л.И. Сараскина, П.В. Басинский, А.А. Авдеев,*

Е.В. Иванова, М.В. Сеславинский, Н.В. Каверин, Е.Ц. Чуковская

Н.Д. Солженицына: Добрый день! Позвольте мне открыть церемонию награждения лауреата Литературной премии Александра Солженицына 2011 года.

Мы приветствуем Елену Цезаревну Чуковскую — и всех гостей и друзей, пришедших разделить с нами сегодняшний *праздник*.

Изо всех слов, которыми можно бы обозначить цель нашего собрания — *церемония, чествование, торжество*, — самое верное, по нашему ощущению, именно *праздник*. И начался он — в самый день объявления решения жюри, два месяца тому назад. Все или почти все премии предписывают своему жюри не разглашать ход выдвижения кандидатов, подробности обсуждения и голосования. Но все, что происходит *после* объявления, не может быть секретом. И я свидетельствую, что такого бурного, дружного одобрения в адрес жюри, такой неподдельной радости нашему выбору от множества самых разных людей — мы не упомним. Дело, конечно, не в нас, а в личности нашего лауреата, — и не только в ее высоких заслугах, о которых сегодня пойдет речь, а именно в самой личности.

В зале наверняка есть люди, которые знают Елену Цезаревну дольше, чем я. Но и я знаю ее уже больше сорока лет. Самоотверженность как есте-

ственная форма и формула жизни, благородство, твердость духа и самостоятельность решений сочетаются в ней с неизменной доброжелательностью и готовностью помочь всякому достойному делу и человеку. О надежности Люши много писал Александр Исаевич. Степень этой надежности так высока, что когда Елена Цезаревна исчезает куда-нибудь из Москвы (на самом деле редко и ненадолго), у меня, например, возникает странное чувство, как будто в устойчивом мире появляется какая-то зыбкость.

Хотя уже третий год мы присуждаем и вручаем премию без Александра Исаевича, именно сегодня особенно хочется слышать его голос. В «Теленке» он рассказал о бесценной помощи Люши в тяжелые годы, и о том, как роль ее «стала уже нестерпимой для КГБ, и языки опасности полыхнули прямо на неё», и о том, как, даже охваченная этим полыханием, она «не опустила рук, хвала ей! И до самой моей высылки и после неё выстаивала достойно»¹. И до конца дней Александр Исаевич хранил благодарную память о тех годах. Вот, с разрешения Елены Цезаревны, несколько его дарственных надписей, нигде, конечно, не опубликованных:

Осень 1972 — надпись на машинописном экземпляре «Нобелевской лекции»:

Неизменному верному другу и сотруднику Люшеньке Чуковской после стольких проскоченных порогов — ещё через один!

С.

Апрель 1975, уже высланный, А.С. посылает с оказией только что вышедшего в Париже «Теленка»:

Люшеньке Чуковской, одной из героинь этой книги, с бесконечной благодарностью, тёплыми воспоминаниями.

Солженицын

Сентябрь 1996 — уже снова в России, надпись на том же «Теленке», только уже полном, с «Невидимками», которых нельзя было печатать раньше (М.: Согласие, 1996):

Люше Чуковской, верной и стойкой помощнице тех жестоких, изматывающих, но и бодро-боевых лет — с неизменной памятью и благодарностью.

Солженицын

6 августа 2003 — надпись на сборнике рассказов и Крохоток — старых и новых (Колокол Углича. М: Вагриус, 2003):

Дорогой Люшеньке ко дню рождения — сердечно и благодарно.

Солженицын

---

¹ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 480, 483.

Премия наша — литературная, однако в 2001 году мы огласили меморандум:

«Отныне — кроме художественной литературы к рассмотрению будут привлекаться труды по русской истории, русской государственности, философской и общественной мысли, а также значимые действующие культурные проекты».

Премия этого года и есть награждение значимого действующего культурного проекта, каким уже несколько десятилетий является труд и жизнь Елены Чуковской.

Выбором лауреатов занимается жюри из семи членов.

(Представление членов жюри².)

Каждый год, после того как выбор жюри объявлен, в работу вступают дизайнер Сергей Стулов и ювелир Николай Ежкин. Смее утверждать, что в Москве — ни по какому случаю и никакому победителю — не вручают более изысканной папки диплома, чем та, что изготавливают наши друзья-художники.

Уже седьмой год печатается премиальная книжная серия. Издательства «Русский мир» и «Московские учебники» предоставляют нашим лауреатам возможность выпустить книгу по своему выбору. Серия стартовала на шесть лет позже самой Премии, но вот уже почти догнала ее: сегодня мы, с радостью и благодарностью издательству, можем показать вышедшую на днях двенадцатую книгу — рассказы и повести Бориса Екимова. В фойе на первом этаже можно посмотреть и купить эти книги, как и книги, изданные трудами Елены Цезаревны Чуковской.

А теперь приступим к собственно церемонии.

От имени жюри лауреата Солженицынской премии 2011 года представит Людмила Сараскина.

Л.И. Сараскина: Уважаемые гости! Дорогие друзья!

Литературная премия Александра Солженицына 2011 года присуждена Елене Цезаревне Чуковской «за подвижнический труд по сохранению и изданию богатейшего наследия семьи Чуковских; за отважную помощь отечественной литературе в тяжелые и опасные моменты ее истории».

Должна сказать, что жюри проголосовало за присуждение премии Елене Цезаревне Чуковской солидарно и радостно, и моя задача — обосновать это решение.

---

² См. с. 258 наст. изд.

У поэта Владимира Корнилова есть стихотворение, посвященное второй жене Ф.М. Достоевского Анне Григорьевне Сниткиной, верной подруге и помощнице писателя. Вот его начало:

Нравными, вздорными, приткими
Были они испокон.
Анна Григорьевна Сниткина
Горлица — среди ворон.

Кротость — взамен своенравия,
Ангел — никак не жена.
Словно сама Стенография,
Вся под диктовку жила.

Смирная в славе и в горести,
Ровно, убого светя,
Сниткина Анна Григорьевна
Как при иконе — свеча.

Последняя строфа стихотворения звучит так:

Этой отваги и верности
Не привилось ремесло.
Больше российской словесности
Так никогда не везло³.

Когда я думаю о Елене Цезаревне, мне хочется радикально переделать эту строфу. У меня получается фраза прозаическая, но зато документально точная: этой отваги и верности *не перевелось* ремесло — им прекрасно овладели и другие женщины, причастные литературе. Российской же словесности капитально повезло в случае Елены Цезаревны, которая явила собой уникальный пример: будучи внучкой и дочерью, она взяла на себя труд, длящийся вот уже почти полвека, по сохранению и изданию литературного наследия деда и матери. Владимир Николаевич Корнилов и Елена Цезаревна были знакомы и дружили с 60-х годов; и я не сомневаюсь, что поэт лучше кого бы то ни было смог бы оценить верность и отвагу Е.Ц. Чуковской, которым нет аналогов.

Феномен Е.Ц. Чуковской — архивиста, публикатора, комментатора, автора статей, составителя сборников, мемуаристки, бойца за музей деда — заключается еще и в том, что с молодости, живя в семье, которая была центром культурной и литературной жизни, она отворачивалась, отторгалась от литературы. Елена Цезаревна окончила школу с золотой медалью и могла идти

---

³ Корнилов В.Н. Жена Достоевского (1965) // Корнилов В.Н. Избранное: Стихотворения и поэмы. М.: Сов. писатель, 1991. С. 92.

в любую профессию, в любом направлении. Однако литературное поприще ее совершенно не привлекало, скорее отталкивало. «От литературы одни неприятности», — полагала восемнадцатилетняя Люша, когда сразу после школы поступила в Московский университет на химический факультет. «Я исходила из соображений полезности», — говорила себе она; позволю заметить, что цель быть полезной станет ее жизненным кредо, но пользу она сможет приносить не только в сфере своей профессии, которую уважала и которой отдала тридцать четыре года, а вместе с учебой в университете тридцать девять лет. Ведь химию она понимала как медицину, как лекарства, как прямой выход в народное хозяйство, где так нужны толковые люди. В 1962-м Елена Цезаревна защитила кандидатскую диссертацию — и эту часть своей жизни она вспоминает с чувством благодарности.

Не змея литературного честолюбия и не желание литературной славы призывали Елену Цезаревну в литературу. Не желание вращаться в кругу известных и прославленных людей. «Интересно было делать, а не фигурировать», — говорит сегодня о времени 60-х годов Елена Цезаревна. Именно тогда появилось дело, к которому ее призвала судьба. Литература вдвинулась в ее жизнь как вызов 911, сигнал из службы спасения. Литература и тесно связанная с ней общественная жизнь затащила талантливого и увлеченного химика как в воронку. Она оказалась в положении человека, от которого стали зависеть дела близких ей людей, и чувство ответственности, которым ярчайше наделена Елена Цезаревна, заработало в полную силу. Продолжает оно работать и сейчас, и порой кажется, что Елена Цезаревна не знает усталости.

Будущему биографу Елены Цезаревны — а она, безусловно, заслуживает самой подробной биографии — было бы интересно проследить, как втягивалась она в дела литературные, как обрастала обязательствами и обязанностями, как не только вовлекалась, но по-настоящему увлеклась литературным делом, обнаружив талант организатора, аналитика, публициста. А ее человеческие качества — верность, преданность, бескорыстие, чистота помыслов — были теми составляющими ее помощи, которые делали эту помощь неотразимо-действенной и незабываемой. А еще «исключительное трудолюбие, аккуратность, чёткость, любовь иметь в делах порядок и каждое начинание доводить до конца»⁴ — эти качества особенно ценил Александр Исеевич, когда с конца 1965 года Елена Цезаревна оказалась в эпицентре и вихре его бурной деятельности. Так, помимо деда и матери, двух писателей, как в водоворот, втянулась она и в дела Солженицына. Очень скоро она стала «начальником штаба в одном лице»⁵, причем в самое тяжкое, шаткое для писателя время, когда после ареста своего архива он нашел приют в Переделкине, у Корнея Ивановича. И вот, пишет Солженицын, «Люша стала предлагать один

⁴ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 469.

⁵ Там же.

вид помощи за другим»⁶. Солженицын подробно и благодарно написал в «Невидимках» об огромной работе Елены Цезаревны: «Жажде работы у Люши и отдаче её — не было границ... Сколько она выиграла мне времени и сил — оценить невозможно»⁷.

Жажда работы и отдача ее — лучше Солженицына не скажешь о Елене Цезаревне; писатель увидел в ней сильную, преданную и цельную натуру, которая, однако, помогает не вслепую, а помогает зряче, но может и взбунтоваться, если в чем-то не согласна, и сказать об этом прямо и горячо. Но даже и протестуя, она не оставляла человека без помощи, и снова просила работы, и не опускала рук!

Почти десятилетнее сотрудничество Чуковской с Солженицыным — это потрясающая история, которая ждет своего летописца, историографа, а может, и романиста. Я бы мечтала, чтобы им или ими стала сама Елена Цезаревна.

Сегодня, когда оглядываешь сделанное ею, то, что имеет вещественный, материальный вид, понимаешь, что жажда работы и отдача ее воплотились в замечательные дела, а желание быть полезной дало потрясающий воображение результат.

После смерти Корнея Ивановича в 1969 году Елена Цезаревна вместе с матерью унаследовала права на его архив и литературные произведения. После смерти Лидии Корнеевны в 1996 году это право распространилось и на ее бумаги. На сегодняшний день огромный архив К.И. Чуковского собран, систематизирован, описан и сдан в Российскую государственную библиотеку на условиях доступности. Две толстых папки описи фонда 620 и сам фонд открыты для исследователей. Архив Л.К. Чуковской передан в два хранилища — Российскую национальную библиотеку в Петербурге и Российский государственный архив литературы и искусства в Москве. Один этот факт обязывает говорить о деятельности Елены Цезаревны с огромным уважением. Но он — лишь малая часть ее забот.

Елена Цезаревна подготовила уникальные издания. Кратко назову только некоторые из них, обозначив направление ее усилий как составителя, комментатора, публикатора.

Конечно, прежде всего, это «Дневник» К.И. Чуковского, который он вел на протяжении шестидесяти шести лет, с 1901 года до последних дней своей жизни (последняя запись — «Ужасная ночь» — датируется 24 октября 1969 года, за четыре дня до кончины). Составление, комментарии, подготовка текста Е.Ц. Чуковской. Дневник выдержал четыре издания, и сейчас на подходе пятое, которое вскоре выйдет в издательстве «ПРОЗАиК»⁸. Это к тому же 20 сопутствующих публикаций «Из Дневника» — в «Новом мире»,

⁶ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 471.

⁷ Там же. С. 473, 475.

⁸ Чуковский К.И. Дневник. 1901–1969: в 3 т. М.: ПРОЗАиК, 2011.

«Вопросах литературы», «Юности», «Знамени», «Нашем наследии» и других изданиях. Должна отметить качество подготовки издания с подробным и точным комментарием, выверенной текстологией. Но в «Дневнике» бесконечно радует не только чувство ответственности перед дедом, но и чувство ответственности перед историей, которое есть у составителя: ведь как часто сталкиваешься с ситуацией, когда наследники цензурят письма, дневники своих родных, выпрямляя их судьбы, гармонизируя их характеры, лакируя их образы. Елена Цезаревна не тронула записи 30-х годов, когда Корней Иванович попал под влияние эпохи. Благодаря этому перед нами живой, меняющийся человек, а не бронзовый памятник.

Елена Цезаревна вместе с К.И. Лозовской и З.С. Паперным собрала воспоминания о Корнее Ивановиче и сделала два издания. Многие годы она боролась за опубликование «Чукоккалы» — первое издание альманаха (со значительными купюрами) вышло только в 1979-м. В 1999 году «Чукоккала» была издана в полном объеме. Историю борьбы за альманах Елена Цезаревна описала в очерке «Мемуар о Чукоккале». Недавно я увидела у Елены Цезаревны последнее — фантастически красивое — издание «Чукоккалы», похожее на инкунабулу, с изумительным кожаным переплетом, фигурным корешком и инкрустацией на переплете. Тираж — такой же, каким издавались первопечатные книги, — 100 экземпляров. Шедевр книгоиздания, когда каждый лист строится отдельно как произведение живописи и графики. Музейный экспонат.

Елена Цезаревна подготовила образцовые эпистолярные издания. В 2003 году вышла переписка Корнея Ивановича и Лидии Корнеевны Чуковских, где на фоне колоссального культурного содержания есть и такие строки: «Девочка удивительная — никогда не орет! Ночью только просыпается не через 6 часов, а через 5, и орет, а днем — тиха, как ангел»⁹. Это 16 августа 1931 года. Нашей героине 10 дней от роду. Через семь десятилетий она издаст и эту переписку, и переписку деда с Ильей Репиным, и переписку матери с Давидом Самойловым, одолеет Собрание сочинений Корнея Ивановича в 15 томах. Впереди у Елены Цезаревны — письма к деду от писателей, его современников. Сегодня согласно книгоиздательской статистике К.И. Чуковский — самый издаваемый детский писатель России, обогнавший по количеству изданий великого сказочника Г.-Х. Андерсена. Сказки, переводы, пересказы, мультфильмы, спектакли по сказкам Чуковского — это отдельная мощная отрасль отечественной культуры. В том, что книги деда, любимого детского писателя, выходят огромными тиражами, с прекрасным оформлением, что от этой отрасли отсечены пираты и мародеры, тоже заслуга Елены Цезаревны, результат ее усилий.

Невозможно обойти молчанием и битву — в буквальном смысле слова — за музей деда в Переделкине: Елене Цезаревне пришлось пройти че-

---

⁹ Корней Чуковский — Лидия Чуковская. Переписка, 1912–1969. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 155.

рез судебные тяжбы, выдержать грубость и хамство чиновников. С большой нежностью рассказывает Елена Цезаревна о тех людях, кто сражался вместе с ней и кто сегодня в этом музее служит. Факт тот, что музей работает пять дней в неделю; дважды в год проходят фестивали; идет запись на экскурсии на год вперед; автобусы со школьниками перед домом Корнея Ивановича — типичный переделкинский пейзаж.

Когда в 1996-м не стало Лидии Корнеевны, перед Еленой Цезаревной встала задача привести в порядок и издать работы матери. За прошедшие пятнадцать лет вышли: трехтомные «Записки об Анне Ахматовой», сразу ставшие бестселлером; двухтомное собрание сочинений; готовится полное собрание сочинений в издательстве «Время» (вышло уже 7 книг, и везде труд Елены Цезаревны — послесловия, подготовка текста, корректуры. Но и этого мало. Елена Цезаревна собрала отзывы на парижское издание «Записок об Анне Ахматовой» — превосходная публикация журнала «Знамя» 2005 года. Как замечательно было обнаружить таких корреспондентов Лидии Корнеевны, как Ю.Г. Оксман, В.М. Жирмунский, В.П. Некрасов, С.И. Липкин, Н.М. Коржавин, Н.Н. Берберова, Исайя Берлин, Д.С. Лихачев, и нашего коллегу В.С. Непомнящего. В письме 1976 года он писал, обращаясь к Лидии Корнеевне: «И хотя Вы, как автор и летописец, все время “прячетесь”, уходите на задний план, в тень, чтобы не мешать тем, о ком Вы пишете, — Вы все же выходите тоже главным героем этой летописи. И чем больше Вы скрываетесь и уходите в тень, тем больше вырастает Ваш авторский и человеческий образ. Так бывает всегда: кто считает себя последним, будет первым»¹⁰.

Валентин Семенович был и тогда на высоте, и всегда.

Среди грандиозной публикаторской работы не затерялись и труды самой Елены Цезаревны — полемические статьи, мемуарные заметки, правозащитные выступления в печати. Ее статья 1988 года «Вернуть Солженицыну гражданство СССР» — взорвала общественное мнение страны, газета «Книжное обозрение» ежедневно получала письма, количество которых измерялось на вес и тарой для них служили мешки. Сборник статей о Солженицыне «Слово пробивает себе дорогу», составленный Еленой Цезаревной в 1998 году совместно с В.И. Глоцером, не может сегодня обойти ни один исследователь творчества Солженицына.

Качества личности, которые позволили Елене Цезаревне быть полезной литературе, послужить огромному культурному делу, — это качества прежде всего нравственные. О нравственном стержне женщин Чуковских, матери и дочери, размышляет архангельский священник Иоанн Привалов, с которым несколько лет назад познакомилась и подружилась Елена Цезаревна. Цитирую фрагмент его интервью:

¹⁰ «Сколько людей! — И все живые»: Отзывы читателей о «Записках об Анне Ахматовой» Лидии Чуковской / предисл., примеч. и публ. Е.Ц. Чуковской // Знамя. 2005. № 8. С. 159.

«Может ли церковь быть в диалоге с людьми, которые, несомненно, духовные, высоконравственные, и в то же время принципиально не относят себя к церкви? Они не враждебны церкви, но и не хотят быть в церкви. Почему? — Тайна. Очень легко все списать на грехи церкви — “вот, они встретились с недостойной церковной реальностью”. Но нет, и у Лидии Корнеевны были очень достойные учителя, друзья, начиная с глубоко верующей бабушки. Почти весь круг ее общения был верующим. — Анна Ахматова, Борис Пастернак, Тамара Габбе, Александр Солженицын, Алексей Пантелеев — некоторые из них были церковными людьми, некоторые почти нецерковными, но все, так или иначе, верили во Христа. Сама же она оставалась человеком неверующим. Я много думаю как раз вот об этой тайне ее неверия. По складу, по всему, она должна была быть верующим человеком: она — человек, верующий в правду, в высшую Правду. И сама она иногда говорила загадочно, что “никто не знает, кто верующий, а кто неверующий”. Лидия Корнеевна — для нас — иная, вглядывание в такие судьбы, вслушивание в дела, слова и поступки таких людей помогает нам понять всю сложность этого мира. Мы иногда не чувствуем, что есть тайна веры и тайна неверия. Не всё можно объяснить, доказать, исправить. Но вот то чувство неизъяснимой радости и благодарности Богу, которые живут во мне после встречи с Еленой Цезаревной и Лидией Корнеевной, углубило во мне веру в Бога и человека, подарило чувство непреходящего счастья»¹¹.

Это очень важное для нашей культуры свидетельство и поразительное признание — священнослужителя, которого в его вере укрепляет человек неверующий. Тайна Е.Ц. Чуковской — это нравственный закон, который она свято исполняет. Какой колоссальный контраст между прагматическим стремлением находить полезных людей и пользоваться ими для своих целей и задач, которую ставит себе наш лауреат: быть полезной делу и верно служить ему. В ее планах — замечательные, грандиозные вещи, которые на ее языке называются: ОЧЕРЕДНОЕ.

— Переписка Л.К. Чуковской с А.И. Солженицыным — корпус переписки подготовлен, откомментирован Еленой Цезаревной и ждет своего часа.

— Переписка самой Е.Ц. Чуковской с А.И. Солженицыным — корпус переписки готовится, комментируется Еленой Цезаревной и тоже ждет своего часа.

Можно не сомневаться в огромном культурном значении этих документов и том интересе, который вызовут они у читателя.

---

¹¹ «Человек, верующий в высшую Правду»: [Беседа со свящ. Иоанном Приваловым] / подгот. Ю. Балакшина, Д. Макеева // Преображенское содружество малых православных братств. 2011. 7 февр. Цит. по: URL: www.psemb.ru/aktualnye_temy/pochemu_my_dolzny_osudit_prestuplenija_sovetskogo_rezhima/statja/chelovek-verujushchii-v-vyshshuju-pravdu/.

Особенное мое восхищение вызывает намерение Елены Цезаревны, продвинутого пользователя сети, поместить в Интернет Собрание сочинений К.И. Чуковского и другие свои публикации.

Жюри Литературной премии Александра Солженицына желает Елене Цезаревне Чуковской творческого долголетия, здоровья и радости, которую приносит всякая хорошо выполненная работа.

Многая лета!

Н.Д. Солженицына: О своем опыте знакомства с «Чукоккалой» расскажет член жюри Павел Басинский.

П.В. Басинский: Я прошу рассматривать мое выступление не как доклад, а именно как рассказ о моем опыте знакомства с «Чукоккалой». Я бесконечно люблю эту книгу.

Представим себе страшное: если бы Корней Иванович Чуковский ничего не написал (не было бы Чуковского — великого детского поэта, крупнейшего критика, литературоведа, прозаика, мемуариста, просветителя и т.д.), а создал бы только одну эту книгу, — он все равно вошел бы в историю Серебряного века как одна из ключевых его фигур. Я считаю, что «Чукоккала» — это отнюдь не шуточная книга, не шуточный альманах, как он задумывался изначально, а это, безусловно, одно из знаковых произведений именно Серебряного века, что я попытаюсь как-то обосновать.

Вообще, мое знакомство с «Чукоккалой» состоялось несколько необычно. Мне довелось держать в руках настоящую «Чукоккалу», именно эти тетрадки. Может быть, Елена Цезаревна не помнит об этом, но когда вышла «Чукоккала» и одновременно приближалось столетие Лидии Корнеевны Чуковской, я позвонил из «Российской газеты», представился корреспондентом и попросил Елену Цезаревну дать интервью. Приехал к ней на Тверскую улицу. Она посадила меня за стол, дала ту самую «Чукоккалу», извинилась и вышла по каким-то делам в другую комнату или на кухню. Я, совершенно не знакомый ей человек, остался один, держа в руках эти тетради.

Во-первых, меня поразили их абсолютная домашность, домодельность, некая блеклость даже. В книге эти автографы и рисунки более яркие. Я вдруг почувствовал беззащитность этих тетрадей, понял, что это книга, которой могло бы и не быть, она могла бы исчезнуть в любой момент. Конечно, эти тетради превратились в книгу уже после выхода из печати, благодаря стараниям Елены Цезаревны, невероятной ее работе, которая продлилась сорок лет, потому что первое издание «Чукоккалы» готовилось еще с середины 60-х годов. Теперь «Чукоккала» бессмертна. Но ведь были моменты, когда альманах мог исчезнуть. Об одном из них напомним.

О нем пишет сам Корней Иванович в своем предисловии. В 1941-м году, когда немцы подступали к Москве, Чуковский должен был эвакуироваться, и

срочно. Он жил тогда в Переделкине, ему немедленно нужно было вернуться в Москву и уезжать с поездом. Поэтому он спешно собирался, брал наиболее ценные вещи. Но с одной из самых ценных своих вещей он вдруг поступает самым удивительным образом. Он идет к сосне, которую, он точно знает, что вспомнит потом, найдет — и закапывает «Чукоккалу», обернув ее в несколько слоев клеенки. Земля была холодной, мокрой, поэтому ямка получилась неглубокой, он буквально прибрасывает ее землей и уезжает. Удивительно совершенно, странный поступок, но, как мне потом рассказали, совершенно объяснимый. К счастью, поезд не ушел.

Корнею Ивановичу пришлось вернуться. И, уезжая во второй раз, как он описывает в своем предисловии, он просто зашел навестить сторожа и его маленького сына и — увидел «Чукоккалу», которая лежала на лавке рядом с ведром с водой, растрепанная, совершенно раздерганная. Оказалось, что сторож заметил, как «барин», уезжая, что-то закапывает, решил, что, должно быть, деньги или драгоценности, и откопал. И увидел, что это какие-то тетради с какими-то рисунками, неряшливо там что-то написано. Он разодрал их, вероятно в поисках чего-то ценного, бросил на лавку и, конечно, потом бы просто выкинул. Тогда Чуковский взял эту книгу с собой. Понятно, что он опасался брать ее, уезжая первый раз, потому что это была не только шуточная, но и абсолютно серьезная книга... Она буквально взрывала тогдашние представления наши и о Горьком, и о Маяковском, и о Блоке... Не говоря о том, что там были стихи Набокова, Гумилева и многое, многое другое. Вот это случай, когда альманах мог бы исчезнуть.

Невероятность этой удивительной книги и в том, что ее могло бы не быть.

И в этом плане она очень точно соответствует Серебряному веку, потому что Серебряный век — тоже эпоха, удивительная тем, что в ней нет никаких законов, нет никакой логики. Мне иногда кажется, что этой эпохи тоже могло бы не быть. Почему возникла русская религиозная философия? Не было у нас богословия в России. Кризис церкви, отсутствие свободного слова... И вдруг вспыхивает или рождается феноменальное совершенно явление — русская религиозная философия. Или, например, русские реалисты начала века: Горький, Бунин, Андреев. Откуда они рождаются? Сначала из провинциальных газет... Уж Горький точно родился из провинциальных газет. Огромное количество провинциальных газет — надо что-то печатать, новостей мало, особенно местных, перепечатываются столичные новости. А страницы заполняются местными авторами, и среди них в том числе появляется «Песня о Соколе», рождается такой феномен, как Горький. Удивительное время!..

И «Чукоккала» вот этой своей мозаичностью, этой своей непредсказуемостью, конечно, наиболее точно запечатлевает эту эпоху. Сам Корней Чуковский пишет в предисловии: ну, конечно, «Чукоккала» не отражает грозной эпохи революции. Наверное, он это писал тогда (поскольку надеялся, рассчитывал, что альманах будет опубликован при его жизни — так

не случилось) — и, может быть, не договаривал что-то до конца. Конечно, отражает, безусловно, отражает. И отражает даже подчас больше, чем некие великие произведения той эпохи.

Вот, например, стихотворение совсем юного Владимира Набокова, которое присылает Чуковскому даже не он сам, а его папа, с которым Корней Иванович дружил, — присылает с просьбой, чтобы тот оценил творчество сына, сказал, получится ли из него поэт (Чуковский к тому времени уже маститый критик). Стихотворение называется «Революция» — почти мальчик Набоков пишет о том, что произойдет¹². В сущности, это — пророчествование. Тогда многие пророчили революцию. Все, в общем, предчувствовали, ожидали... Но, читая это стихотворение, вдруг понимаешь, что потом произошло с Набоковым, почему он стал таким. С одной стороны, испуг перед революцией. С другой стороны, некая обида юноши, которого Россия воспитала, выучила: он знает несколько языков, блестяще образован, готов к самому блестящему поприщу — а эта Россия гибнет. И он окажется в эмиграции. Достаточно бедное существование первое время, потом переезд в Америку... Стихотворение очень эстетски написано... И это — Набоков. Набоков, который потом оденется в эту эстетическую броню, окутается своими воспоминаниями о детстве, о той России. А с другой стороны, будет смотреть на мир через некую «камеру обскура», потому что смотреть на него открытыми глазами невозможно.

Или, например, предсмертное письмо Блока, которое сам Чуковский называет одним из бесценных достояний «Чукоккалы». Это совсем не тот Блок, которого мы «проходили» в школе, Блок «Двенадцати», Блок, принявший революцию, да, трагически, но с радостью... «музыка» и т.д. Это Блок, который грустно пишет о том, что в подмосковном санатории его, конечно, не вылечат, надо уезжать за границу, а не получится, наверное. И заканчивает совершенно поразительной фразой, которую иногда не к месту цитируют и которую можно понять только в контексте письма: «Итак, “здравствуем и по сей час” сказать уже нельзя: слопала-таки поганая, гугнивая, родимая матушка Россия, как чушка — своего поросенка»¹³.

И таких вещей очень много в «Чукоккале», которая, повторяю, является мгновенным слепком этой эпохи, показывает ее с другой, совершенно неожиданной стороны. Помню, в детстве у меня была хрестоматия «Живые страницы». Вот «Чукоккала» наиболее точно отвечает этому понятию. Это действительно живые страницы. Они живут, они дышат. Можно читать подряд, можно читать, открыв в любом месте. Можно читать, следуя именно указателю, выбирая имена, которые тебе наиболее дороги, и видеть их в совершенно новом ракурсе. Совершенно детские страницы Гумилева... Ви-

¹² Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского / предисл. И. Андроникова, коммент. К. Чуковского, сост., подгот. текста и примеч. Е. Чуковской. 2-е изд., испр. М.: Русский путь, 2006. С. 205.

¹³ Там же. С. 262.

дишь, как много детского в этом воине, в этом средневековом рыцаре, в этом бесстрашном человеке...

Эта книга захватывает. С середины 1960-х появляются автографы Солженицына, Евтушенко, Ст. Рассадина, Н. Коржавина. Но конечно, весь центр книги смещен туда — в Серебряный век и, пожалуй, еще в 20-е годы. Авторы, которые пишут в «Чукоккалу» в 60-е годы, пишут, как бы оглядываясь на прошлое. Вот, к примеру, запись Солженицына: «Побыв сегодня несколько часов с Вами, Корней Иванович, и вместе с Вами заглянув (надеюсь, не последний раз) в “Чукоккалу” — я пережил это светлое и такое необходимое прикосновение к нашей старой доброй литературе»¹⁴. Или запись Рассадина:

Корней Иваныч! Не жестоко ли
Мне место предлагать в “Чукоккале”?
В реестре, славой громыхающем,
Мне быть печальным замыкающим?¹⁵

Удивительная книга! И огромное спасибо, огромная благодарность Елене Цезаревне, что эта книга вообще вышла. И благодаря тому, что она издана — обрела бессмертие.

Н.Д. Солженицына: В зале министр культуры Российской Федерации Александр Алексеевич Авдеев. Ему слово.

А.А. Авдеев: Уважаемые члены жюри! Уважаемая Елена Цезаревна! Я хочу всех поздравить с таким замечательным выбором. Лауреаты этой премии — это люди, внесшие большой вклад в литературу и имеющие очень четкую гражданскую позицию и в жизни, и в литературе. Гражданская позиция, как отмечено, проявлена в «момент истины» — в тяжелые, трагичные периоды для России. Но можно проявить гражданскую позицию в момент истины, а потом почивать на лаврах в «нетяжелые» периоды. Однако судьба России такова, что, наверное, всегда периоды тяжелые. И позиция в литературе, общественная позиция Елены Цезаревны всегда украшает и наше общество, и нашу культуру. Я еще раз хочу всех поздравить!

Н.Д. Солженицына: Слово имеет сотоварищ, сотруженица Елены Цезаревны по работе над Собранием сочинений Корнея Ивановича Чуковского, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы, доктор филологических наук Евгения Викторовна Иванова.

¹⁴ Чукоккала... С. 540.

¹⁵ Там же. С. 547.

Е.В. Иванова: Дорогие друзья, уважаемые гости церемонии! Очень часто писатели, размышляя о собратьях по перу, улавливают в их судьбах нечто созвучное собственным. Так и Чуковский, говоря о Маяковском, высказал то, что в гораздо большей степени приложимо к нему самому: «Предков у него никаких. Он сам предок и если чем и силен, то потомками»¹⁶. Действительно, Чуковский был *self made man* во всех отношениях, В.В. Розанов в злую минуту даже назвал его «деревянным человеком», который «сам себя сделал на верстаке». Ведь даже имя он образовал сам, разложив фамилию матери на составляющие и став из Николая Корнейчукова Корнеем Чуковским. И хотя поначалу это был псевдоним, очень скоро даже друзья, знавшие его по босоногому детству в Одессе, в письмах стали именовать его Корнеем Ивановичем, потому что литератор Корней Чуковский был для них новым человеком, рождение которого произошло на страницах газеты. После революции свой псевдоним Чуковский сделал паспортным именем и передал его детям, став тем самым родоначальником в самом буквальном смысле слова. Сегодня издан календарь династии Чуковских, и каждый может убедиться, насколько Корней Иванович силен потомками не в пример Маяковскому.

У Чуковского была совершенно необычная судьба, только представьте: он пережил три революции, четыре войны, из них две — мировые, и сквозь все исторические сломы оставался профессиональным литератором, то есть человеком, зарабатывающим на жизнь исключительно литературным трудом. Столько раз за эти годы его детские стихи то запрещали, то разрешали, полностью или частично! Когда на помощь приходили переводы, начиналась борьба с низкопоклонством перед Западом, и приходилось зарабатывать копеечными комментариями к собраниям сочинений. Эти постоянные перепады сопровождали большую часть жизни Чуковского после Октября 1917 года. Благополучие к нему пришло только в 1962 году, когда он стал лауреатом Ленинской премии. Но надо сказать, что, достигнув благополучия уже на склоне лет, он никогда не боялся с ним расстаться, смело вступаясь за тех, кого считал несправедно гонимыми. Одним из них, как мы знаем, был основатель этого Дома и этой премии.

Что же помогало Чуковскому выстоять во всех испытаниях? В юности он был религиозен, в чем несомненно сказывалось влияние матери. Как мне кажется, утратив веру, весь свой пыл он перенес на литературу, которую любил именно религиозно и которой служил с полным самозабвением. Насколько тернист путь литератора, Чуковский изведal очень рано. Тем не менее даже в самые голодные годы, с трудом зарабатывая буквально на хлеб, в письмах к Лиде и Коле он писал не о том, как им лучше устроиться в жизни, а призывал их верить в свой литературный талант и развивать его. То есть и детей Кор-

¹⁶ Чуковский К.И. Ахматова и Маяковский // Собр. соч.: в 15 т. М.: Терра — Книжный клуб, 2004. Т. 8: Статьи (1918–1928). С. 545.

ней Иванович всеми доступными способами вовлекал в литературу, пытался направить на путь служения тому, что было для него главной ценностью. Вот и в судьбу своей внучки Елены Цезаревны, он, как представляется, со своим наследием вмешался совсем не случайно. Корней Иванович не противился тому, что она выбрала профессию химика, но, как мне кажется, завещая ей «Чукоккалу», втайне надеялся, что долго она на двух стульях не просидит. Ведь именно семейное наследие заставило Елену Цезаревну оставить науку, которую она любила, и осваивать профессии корректора, редактора, текстолога, комментатора, даже верстальщика. Лидия Корнеевна также внесла свой вклад, завещав Елене Цезаревне издание своих сочинений и «Записок об Анне Ахматовой». Все это вместе и направило жизнь Елены Цезаревны по новому пути. Сегодня в графе «профессия» она может смело писать: историк русской литературы, обладающий издательскими навыками широкого профиля. Мне посчастливилось работать с Еленой Цезаревной над подготовкой шести из пятнадцати томов Собрания сочинений. Об этой работе могу сказать словами любимого поэта Корнея Ивановича: «Труд этот Ваня, был страшно громаден, не по плечу одному...»¹⁷ В этом Собрании сочинений почти все новое и почти все впервые — и дореволюционные статьи, и текст дневника, а главное — письма, которые мы собирали как минимум по шести архивам. Но я прошу обратить внимание на справочный аппарат, количество указателей, т.е. все то, что придает Собранию сочинений такой высококультурный облик, и все это в основном сделано руками Елены Цезаревны.

Тут были перечислены те издания, которые завещали ей Корней Иванович и Лидия Корнеевна, все их пожелания она выполнила и перевыполнила. Но вряд ли кто знает о той борьбе за сказку, которую она вынуждена вести изо дня в день. Печатать сказки Чуковского — для издателей беспроигрышная лотерея, тут достаточно посмотреть статистику, которая есть в Интернете: и в 2009, и в 2010, и в 2011 годах он признан самым издаваемым автором, что кое у кого вызывает даже недоумение. Сошлюсь на высказывание Александра Альперовича, директора издательства «Clever»: «Самый продаваемый детский писатель 2010 года — Корней Иванович Чуковский. Это факт: никто даже не приблизился к этим продажам. С одной стороны, это хорошо: детей воспитывают на классике. С другой стороны, это совершенно удивительно, что современным детям, погруженным в новые технологии, особенности окружающего мира объясняют на примере “Мойдодыра”»¹⁸.

Так вот, мало кто представляет себе, что означает этот поток изданий для Елены Цезаревны, которой приходится следить буквально за каждой из

¹⁷ Из стихотворения Н.А. Некрасова «Железная дорога» (1864).

¹⁸ Тульский писатель Л.Н. Толстой — один из самых издаваемых в России // Тульская служба новостей. 2011. 14 февр. Цит. по: URL: <http://www.tsn-tv.ru/news/culture/index.php?ID=24086>.

выходящих книг. Это касается и текстов: мне неоднократно приходилось наблюдать недоумение издателей, которых Елена Цезаревна ловит на пропусках в тексте, они искренне не понимают, что такого, если из набора выпало несколько строк или абзац — не переверстывать же книгу, это денег стоит! Но у издания детских книг Корнея Ивановича есть еще одна составляющая — иллюстрации. Почти каждый начинающий издатель норовит проиллюстрировать книги Чуковского либо сам, либо поручить это подруге, снохе или золовке, которая в детстве любила рисовать. И никто из них не хочет знать, что за каждой иллюстрацией стоит огромная совместная работа Корнея Ивановича с художниками. Никто не подозревает, сколько сил и времени потратил он, обсуждая с лучшими художниками — В. Сутеевым, В. Конашевичем, Ю. Васнецовым, Ре-Ми, Ю. Анненковым — буквально каждый рисунок. Отстаивать права художников-иллюстраторов сегодня также приходится Елене Цезаревне, и здесь она опять выступает в роли «невидимки», потому что об этом вряд ли даже подозревают наследники художников, заключая договоры с издательствами. Так что не только издание главных сочинений Корнея Ивановича и Лидии Корнеевны лежит на плечах Елены Цезаревны, но и ежедневный контроль за изданием этого мощного потока. И если Корней Иванович — самый издаваемый автор, то Елена Цезаревна — самый корректирующий корректор, самый выпускающий, самый ответственный и самый художественный его редактор.

Как же это у нее получается? Мне приходилось изучать биографии целого ряда писателей Серебряного века, и во многих судьбах гениев женщина выступает в роли помощницы, часто играющей ключевую роль в судьбе. Это может быть жена (Лев Толстой), мать (Александр Блок), сестра (Чехов), даже племянница (Константин Леонтьев). Что же роднит их всех, что определяет их роль и значение? Мне кажется, я открыла некий закон, когда на одной из экскурсий наш гид, любовно глядя на портик с кариатидами, заметил: «Вы только посмотрите: кажется, что просто женщина, а на самом деле — несущая конструкция». Мне кажется, что главная особенность Елены Цезаревны заключается в том, что, включаясь в любое дело, она сразу становится в нем несущей конструкцией, и потому атланты так охотно и с такой готовностью поручают ей свой груз. Корней Иванович был первый, кто разглядел в ней этот талант, но этот талант сразу заметил и оценил и Александр Исаевич. Ноша подчас бывает очень нелегкой, но она всегда достойно и мужественно ее несет. И в кругу потомков, которыми и в самом деле так богат Корней Иванович, Елена Цезаревна и есть эта несущая конструкция, благодаря которой и сегодня наши дети изучают мир по «Мойдодыру», листают книжки с иллюстрациями гениальных художников, слышат живой голос Ахматовой, узнают о людях Серебряного века и русских писателях из уст человека, для которого литература была и оставалась на протяжении всей жизни ее центром и смыслом.

Н.Д. Солженицына: Слово Михаилу Вадимовичу Сеславинскому, руководителю Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

М.В. Сеславинский: Наталия Дмитриевна, когда в наших разговорах упоминает Елену Цезаревну, она всегда прилагает такой эпитет: или очень неформальный, панибратский «ваша подружка Елена Цезаревна», или очень деловой, официальный «ваша подруга Елена Цезаревна». И я этим очень горжусь, как горжусь и тем, что действительно судьба подарила мне счастье — знать Елену Цезаревну, общаться с ней, работать вместе с человеком, в котором для меня — так же как для многих — слилось несколько эпох. Во-первых, это эпоха Серебряного века. И я всегда исповедую одно и то же: подойдешь к Елене Цезаревне, возьмешь ее за руку, поцелуешь и одновременно прикасаешься к Серебряному веку. И может быть, когда-нибудь (очень хочется прожить подольше, в каком-нибудь 2064 году мне будет всего 100 лет) люди будут подходить, здороваться со мной и говорить: а вот я прикасаюсь к Серебряному веку, ведь он же здоровался с Еленой Цезаревной.

Это эпоха 60–70-х годов и нынешняя эпоха, когда действительно так мало точек опоры, так мало этих несущих конструкций, с которыми можно вместе работать, вместе жить, существовать. Я очень горжусь, что на чудодереве в Переделкине есть башмачки моей младшей дочери. Я пытался закинуть свои ботинки, мне было отказано. Сказали: вот будете министром культуры, можно будет закинуть ваши ботинки. Так что, Александр Алексеевич, советую Вам это обязательно сделать.

Елена Цезаревна, мы Вас от всей души поздравляем. И пора уже организовывать оргкомитет, готовиться к 150-летию со дня рождения Корнея Ивановича Чуковского. Это только кажется, что всего ничего, но начинать это надо сейчас, и слава богу, что в этом зале собрались единомышленники, которые поддержат нас в этой работе. Поздравляю Вас!

Н.Д. Солженицына: Вторая часть нашей формулировки — «за отважную помощь отечественной литературе» — заставляет вспомнить не такое уж далекое прошлое, о котором Солженицын сказал: «То не диво, когда подпольщиками бывают революционеры. Диво — когда писатели»¹⁹. Прежде чем пригласить к трибуне свидетеля и участника тех отважных дел, я хотела бы представить его словами Александра Исаевича из «Теленка»:

«Расширяя конспиративную сеть, каждый естественно действует по линии близкого знакомства и дружбы. Так, другом юности Люши по переделкинским дачам был **Николай Вениаминович Каверин** (сын писателя), закодированный нами как “Вел” за пристрастие к велосипеду... Коля вырос в поколении уже не расслабленном, но понимающем, что только своими ру-

¹⁹ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 9.

ками и добьёшься свободы. Он и лично был твёрд, точен в поведении, надёжен в осуществлении... Коля помогал Люше препрятывать, передерживать некоторые мои плёнки и рукописи. Он был “стартом” для многих моих самиздатских выпусков. В январе 1974, в темноте, приходил он ко мне в Переделкине, я передал ему — заблаговременно, на один из стартов в день моего ареста — “Жить не по лжи”. Он дышал отважной готовностью помогать в чём угодно и не глядя на опасности»²⁰.

Я прошу академика Российской академии медицинских наук, профессора Николая Вениаминовича Каверина подняться на сцену.

Н.В. Каверин: Я должен сказать, что в книге «Бодался теленок с дубом» (очерк «Череда в тени») я оказался потому, что Люша, Елена Цезаревна, сочла возможным мне доверять или, скажем так, на меня положиться. И поэтому я смог в очень небольшом объеме (Александр Исаевич меня сильно перехвалил) в какие-то моменты оказаться полезным Люше в ее помощи Александру Исаевичу. Почему так получилось, что она сочла возможным мне доверять?

Мы знакомы с 40–50-х годов по Переделкину. Переделкино — это дачный поселок, который был построен для советских писателей в рамках такого мощного проекта построения советской литературы как идеологического оружия партии. Поселок построить удалось, а литературу как идеологическое оружие партии — не удалось. Все время почему-то получалось, что если какое-то произведение идеологически выдержанное — то оно бездарное, а если оно талантливое — то как-то идеологически выбивается в сторону, даже независимо от взглядов и убеждений автора. Автор мог быть искренним поклонником советской власти, но если это было настоящее творчество, то в идеологию оно не укладывалось.

Возможно, что именно поэтому у нас, у писательских детей в Переделкине, была такая атмосфера, ну, как бы вам сказать, не принято было лебезить, лицемерить, трусить, нельзя было ябедничать. И все знали, в общем, кто чего стоит. И все, конечно, знали, что Люша — это самая высшая проба. Ну, и она тоже нас знала. Казалось бы, время было довольно мрачное: идеологический разгром биологии, кампания против космополитов, постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград». Но, тем не менее, у нас атмосфера была вот такая. Конечно, Переделкино было неоднородным, дачи были разные. Дача Чуковских — это вообще особое дело. Понятно — Корней Иванович, Лидия Корнеевна. И конечно, не случайно, что Александр Исаевич именно там жил и работал.

Возвращаясь к очерку «Череда в тени», надо сказать, что, конечно, хотя дело было довольно рискованное, но все-таки в тени гораздо уютней, чем на ярком свете, а Люша ведь была не в тени. Говорят, что в Пятом Главном управлении КГБ, где целый отдел занимался Александром Исаевичем, ее

называли «солженицынской контрразведкой». Люша шла на смертельный риск — с теми, кого приказано считать «врагами», они не стеснялись в средствах. Могли и убить, если бы сочли это необходимым.

Как хорошо поздравить сегодня Люшу и знать, что достойные дела иногда побеждают и получают признание и оценку.

Н.Д. Солженицына: А сейчас мы увидим на экране несколько эпизодов из телефильмов и репортажей, героиня которых — Елена Чуковская.

(Показ документальных кадров.)

Н.Д. Солженицына: А теперь просим Елену Цезаревну Чуковскую подняться на подиум, чтобы получить диплом лауреата.

(Зачитывается наградная формулировка²¹. Вручение диплома лауреату.)

Н.Д. Солженицына: Прошу внимания: ответное слово Елены Цезаревны Чуковской.

Е.Ц. Чуковская: Благодарю жюри, удостоившее меня своим выбором.

Благодарю всех собравшихся сегодня в этом зале, а также всех исследователей, публикаторов, художников и издателей, участвовавших вместе со мной в изданиях произведений Корнея Чуковского и Лидии Чуковской.

Я хочу вспомнить, каким образом сложилось мое участие в изданиях литературного наследия Корнея Ивановича и Лидии Корнеевны.

Я окончила школу в 1949 году. В это время Корней Иванович был изгнан из детской литературы и занимался комментариями к Полному собранию сочинений Некрасова. Лидия Корнеевна постоянно была без работы. Я видела, как трудно приходится литераторам, кроме того, мне хотелось заниматься чем-то безусловно практически полезным. В результате я окончила химический факультет Московского университета и тридцать четыре года проработала в Институте элементоорганических соединений Академии наук СССР.

Но с самого детства меня привлекали дома для технической помощи в литературных делах. Я очень горжусь тем, что в восемь лет, в 1939 году, я нумеровала страницы в общей тетради, где была написана «Софья Петровна». В двенадцать лет — я перепечатывала сказку Корнея Чуковского «Бибигон», где была одним из персонажей, и обозначила издательство, выпустившее книгу, как «Дедиздат».

Намного позже, в 1965 году, Корней Иванович неожиданно подарил мне свой рукописный альманах «Чукоккала» и привлек меня к подготовке его к печати.

²¹ См. с. 263 наст. изд.

Не буду говорить, что случилось с этой работой в последующие годы и перехожу к печальным дням, предшествующим смерти Корнея Ивановича в Загородной Кунцевской больнице.

В последние дни он повторял названия своих книг и записал в дневнике за несколько дней до смерти:

«**18 октября.** Вот какие книги, оказывается, я написал:

1. Некрасов (1930 изд. Федерации)
2. Книга об Ал. Блоке (1924)
3. Современники
4. Живой как жизнь
5. Высокое искусство
6. От двух до пяти
7. Чехов
8. Люди и книги 60-х годов
9. Мастерство Некрасова
10. Статьи, входящие в VI том моего Собр. соч.
11. Статьи, входящие (условно) в VII том
12. Репин
13. Мой Уитмен
14. Серебряный герб
15. Солнечная.

Елене Цезаревне Чуковской я вверяю судьбу своего архива, своих дневников и Чукоккалы.

20 октября.

Книги, пересказанные мною: “Мюнхаузен”, “Робинзон Крузо”, “Маленький оборвыш”, “Доктор Айболит”.

Книги, переведенные мною: Уичерли “Прямодушный”, Марк Твен “Том Сойер”; первая часть “Принца и нищего”, “Рикки-Тикки-Тави” Киплинга. Детские английские песенки.

Сказки мои: “Топтыгин и Лиса”, “Топтыгин и луна”, “Слава Айболиту”, “Айболит”, “Телефон”, “Тараканище”, “Мойдодыр”, “Муха Цокотуха”, “Крокодил”, “Чудо-дерево”, “Краденое солнце”, “Бибигон”»²².

В последние дни Корней Иванович написал завещание уже безо всяких списков произведений. Он написал:

«Благословляю всех своих милых родных и благодарю их за неизменную любовь и нежность, которую они дарили мне в течение всей моей долгой

---

282 ²² Чуковский К.И. Дневник. 1936–1969 // Собр. соч.: в 15 т. М.: Terra — Книжный клуб, 2007. Т. 13. С. 542–543.

жизни. Благодарю и друзей. Я думаю, что никто не имел таких крепких друзей, как я»²³.

И высказал надежду, что я «поступлю по совести» с его наследством.

Корней Иванович умер в октябре 1969 года. Это было трудное время. Через несколько дней был исключен из Союза писателей Солженицын. Моя мать, Лидия Корнеевна, оказалась запрещенным автором и тоже позже была исключена из Союза, и ее имя не упоминалось в нашей печати до 1988 года. Сам Корней Иванович попал в число «репрессированных по-смертно». Его книги для взрослых не выходили совсем, детские печатались мало.

В 1982 году, как раз в год столетия Чуковского, Союз писателей начал судебное дело по уничтожению его переделкинского музея. Борьба за сохранение музея заняла несколько лет. У меня собран отдельный архив — сотни писем граждан, выступивших в защиту дома, десятки моих писем в инстанции, двенадцать толстых книг отзывов посетителей музея, выступления на суде в защиту дома, судебные решения.

Вспоминаются слова академика Лихачева: «Памяти нужны пристанища. Она не может быть бесприютной»²⁴. Дмитрий Сергеевич деятельно защищал наш музей, в ходе судебной тяжбы и позже в качестве председателя советского Фонда культуры. В настоящее время переделкинский дом Чуковского является филиалом Государственного литературного музея.

Архив Корнея Ивановича передан в Рукописный отдел Российской государственной библиотеки. Интересная и важная для истории нашей литературы часть этого большого архива — письма к Чуковскому. Тут и письма большинства современных ему писателей (Брюсова, Блока, Мережковских, Ремизова, Гумилева, Зощенко, Солженицына), и тысячи писем читателей: папки писем родителей о детях (для «От двух до пяти»), письма лингвистов (для «Живого как жизнь»), письма переводчиков (для «Высокого искусства»), письма художников (Репина, Григорьева, Васнецова, Конашевича). Эта часть архива еще ждет своих исследователей.

Перехожу к судьбе архива моей матери, Лидии Корнеевны.

Сохранилась толстая тетрадь, которую она назвала «Завещание Люше». Записи делались начиная с 1984 года.

Приведу оттуда несколько цитат: Лидия Корнеевна пишет в 1984 году:

«Единственная книга, которую я в самом деле ценю, — это “Софья Петровна”. Я хотела бы, чтобы она вышла наконец отдельной книжкой *по-русски*, и под *правильным заглавием*, и с *неискаженным текстом*»²⁵.

²³ Архив Е.Ц. Чуковской.

²⁴ Из выступления Д.С. Лихачева на VIII съезде писателей СССР, проходившем в Москве 24–28 июня 1986 г. (Лит. газ. 1986. 2 июля).

²⁵ Здесь и далее курсивом передано подчеркивание в оригинале. — Ред.

Пока эта мечта осуществилась только один раз — в Архангельске в издательстве «Правда Севера» через двенадцать лет после смерти автора вышла 33«Софья Петровна» отдельным изданием с приложением писем читателей и рассказа Лидии Корнеевны о судьбе этой повести. «Софья Петровна» в годы перестройки несколько раз печаталась в России, но всегда в составе сборников.

Еще запись 1984 года:

«Остаются три оконченные, но нигде не напечатанные книги. Это: “Памяти Фриды”; “Прочерк” и книга стихов: “Разлуки”.

“Прочерк” — книга задумана мною как памятник Мите²⁶, но превратилась в нечто автобиографическое. Кое-что, мне кажется, ценно и для понимания 37–38 годов (это, кроме “Софьи”, главная моя книга)».

И дальше запись:

«“Прочерк” после множества переработок окончен в 88 г. Напечатать необходимо. 15/II 89».

«Прочерк» напечатан лишь через двенадцать лет после этой записи — посмертно в 2001 году в двухтомнике Лидии Корнеевны и отдельной книгой в издательстве «Время» в 2007-м.

Далее Лидия Корнеевна пишет:

«Перехожу к архиву. Он обширен.

Разные виды моих Дневников: Дневники, Что вспомнилось, Словесность.

Свои Ахматовские дневники я еще надеюсь успеть подготовить к печати сама. Если же сама не подготовлю — их лучше сжечь (Ташкент)».

Тут я должна остановиться. Лидия Корнеевна так и не приняла решения о судьбе своих ташкентских тетрадей. Не успела. Много раз мы говорили с ней об этом. Она колебалась, как поступить. Я же не решилась их уничтожить, и ташкентские тетради были опубликованы в качестве приложения к посмертному первому полному трехтомному изданию «Записок...» в издательстве «Согласие» в 1997 году.

Лидия Корнеевна продолжает:

«Целый шкаф писем ко мне (Деда, Твардовского, Симонова, Пантелеева, Самойлова, Якобсона, Вигдоровой). Объективный интерес представляет, по моему, переписка со мною К.И. Письма Ал. Ив <анови> ча Пантелеева. Письма Дара²⁷. Письма А.Д. Сахарова. Письма от [зачеркнуто: бывшего жильца] Солженицына»²⁸.

²⁶ Матвей Петрович Бронштейн, муж Л.К. Чуковской, физик-теоретик. См. примеч. 23 на с. 86 наст. изд. — *Ред.*

²⁷ *Дар* Давид Яковлевич (наст. фам. Рывкин; 1910–1980), писатель, муж В.Ф. Пановой. — *Ред.*

²⁸ РГАЛИ. Ф. 3390.

Сейчас выходит Собрание сочинений Лидии Корнеевны в издательстве «Время». Вышли уже семь книг (в их числе трехтомник «Записок об Анне Ахматовой»). Есть планы продолжить это Собрание²⁹.

Ее большой архив передан частично в Рукописный отдел Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, частично в РГАЛИ.

Я хочу упомянуть о завещательном письме давнего друга нашей семьи Алексея Ивановича Пантелеева, автора «Республики Шкид», «Пакета» и других известных книг.

Алексей Иванович жил в Ленинграде, умер летом 1987 года. Я помню его с раннего детства. Когда я приехала на поминки, мне передали его письмо.

Среди пожеланий, высказанных им:

«Подтвердить, если понадобится, мое желание, чтобы меня похоронили по православному церковному обряду на Большеохтинском ленинградском кладбище.

Позаботиться в меру сил и возможностей о моем литературном наследстве и архиве»³⁰.

В настоящее время в издательстве «Новое литературное обозрение» выходит подготовленная мною большая переписка Л. Пантелеева с Лидией Корнеевной за период с 1929-го по 1987 год³¹.

В формулировке жюри присутствуют «опасные моменты» истории русской литературы. Я уже упоминала о некоторых в ходе своего выступления.

Памятны и многие сюжеты, связанные с Солженицыным. Я остановлюсь на двух.

Летом 1973 года у нас поставили на ремонт лифт, а наша квартира на шестом этаже. Поэтому временно Лидия Корнеевна жила в соседнем доме, в квартире Солженицыных, уехавших на дачу. А я ходила туда, носила ей еду и вынимала почту. По почте постоянно приходили угрожающие письма. Помню, грозили семье Александра Исаевича, детям и писали: «Правилка будет, жди». Александр Исаевич игнорировал эти постоянные угрозы. А я через несколько дней попала в тяжелую автомобильную аварию и перестала ходить за этой почтой.

Вторая история связана с публикацией в еженедельнике «Книжное обозрение» моей статьи «Вернуть Солженицыну гражданство СССР». Статья была напечатана в августе 1988 года, имя Солженицына без брани и название «Архипелаг ГУЛАГ» упомянуты были в советской печати впервые. Статья вызвала отклики многих читателей и писателей, отклики печатались в трех

²⁹ Выпуск Собрания сочинений в одиннадцати нумерованных томах завершён в 2012 году. — *Ред.*

³⁰ Письмо-завещание от 20 апреля 1984. Получено мною в Ленинграде от сестры Алексея Ивановича в день его похорон 15 июля 1987. Архив Е.Ц. Чуковской.

³¹ Л. Пантелеев — Л. Чуковская. Переписка (1929–1987). М.: Новое литературное обозрение, 2011. — *Ред.*

последующих номерах еженедельника. Газета получила несколько сотен писем.

К этому времени я уже несколько лет не переписывалась с Александром Исаевичем, но после публикации этой статьи переписка возобновилась.

В декабре 1988 года он пишет мне:

«В общем, конечно, остро обидно, снова и снова, уже третье десятилетие пребывать в “откладке”, в запрете, не иметь возможности повлиять на чувства и мысли соотечественников, на процессы, идущие на родине, — но уж таков характер этих процессов — жестокий и, может быть, и гибельный. В необозримую пропасть падали мы, падали 70 лет, и всё еще летим туда же» (4 декабря 1988).

Письма читателей, полученные редакцией, с ее разрешения были ему отосланы.

В феврале 1989 года он написал мне:

«Дошел — комплект писем читателей!

Это — изумительное чтение... Для меня — цены этим письмам нет: какой срез общества! какая мозаика! сколько выводов! какой диапазон людских взглядов! — вот уж разбаламученное, после спячки, море — и сколько же еще разбурливаться вперед. И массовое же повреждение умов какое...

Положить рядом разные письма обо мне — как о разных совсем людях. Почти никто не представляет меня в подлинности и в объеме. Порог, разделяющий меня от соотечественников, оказался так высок, что его нельзя преодолеть никаким *одним* усилием: ни — одной большой публикацией, ни — фактом приезда. Нужно чтение одной книги за другой. А если будет еще долгая задержка моих книг — то положение еще безнадежней запутается (а — так оно и идет). Долго-долго надо работать книгам, чтобы возникло понимание. А роль писателя и есть: не разъединять народ, а — помогать найти общее понимание...» (14 февраля 1989)³².

Заканчивая свое выступление, где я много говорила об архивах и о музее, скажу, что меня постоянно беспокоит судьба наших библиотек, музеев и архивов. Правительство и общество уделяет их сохранению, их бюджету, их оснащенности и доступности недостаточно средств и внимания. Работа в этих учреждениях мало оплачивается, и поэтому туда невелик приток молодежи. Между тем именно эти учреждения призваны сохранять правдивую историческую память и воспитывать народ средствами искусства.

Общее понимание, о котором пишет Солженицын, могут найти только осведомленные, читающие, думающие, непредвзятые люди.

---

³² РГАЛИ. Ф. 3401.

ПРЕМИЯ 2012

Решение жюри

Литературная премия Александра Солженицына 2012 года решением жюри от 25 февраля 2012 присуждена Олегу Олеговичу Павлову за исповедальную прозу, проникнутую поэтической силой и состраданием; за художественные и философские поиски смысла существования человека в пограничных обстоятельствах.

Церемония награждения

26 апреля 2012

Ведущая: *Н.Д. Солженицына*

Выступления: *П.В. Басинский, В.О. Отрошенко,*

М.А. Анашкевич, О.О. Павлов

Н.Д. Солженицына: Добрый день, дорогие друзья! В этом году мы вручаем премию пятнадцатый раз, пятнадцатый год подряд. И четвертый год присуждаем ее без Александра Исаевича. Однако есть у нас уверенное чувство, что пока, все эти годы, включая нынешний, он бы наш выбор одобрил.

Мы приветствуем нашего лауреата 2012 года — писателя Олега Павлова и его друзей, пришедших разделить с ним и с нами торжество награждения.

Всегда радостно видеть в зале лауреатов Солженицынской премии прежних лет: сегодня с нами Елена Цезаревна Чуковская, Игорь Золотусский, Алексей Варламов, Андрей Зализняк.

Прошлой осенью не стало чудесного писателя, доброго друга, стойкого ээка — Леонида Ивановича Бородина, нашего лауреата 2002 года.

Принято думать, что пишущая братия и околелитературная среда не столь уж многочисленна, все друг друга знают — литературный пятачок. Но каждый год меня удивляет, как много в зале гостей, кто впервые на нашей премиальной церемонии. Для них — несколько слов о Премии.

Учредил Премию Фонд Солженицына в 1997 году, а сам Фонд помощи политическим заключенным Александр Исаевич основал в 1974 году, сразу по высылке из СССР, передав ему отныне и навсегда авторские права и все мировые гонорары за книгу «Архипелаг ГУЛАГ». В России сейчас доступны пять разных

изданий книги, над которыми трудились пять издательств: «Азбука», «Альфа-книга», «АСТ», «Время», «ПРОЗАИК», и еще сокращенное издание, выпущенное издательством «Просвещение». В Европе, Америке, Азии «Архипелаг ГУЛАГ» издан более чем на тридцати языках и то и дело переиздается: вот только что пришло сообщение, что на прошлой неделе в маленькой Финляндии переизданный трехтысячным тиражом «Архипелаг...» смели с полок в течение нескольких дней и уже в мае выйдет второй тираж в пять тысяч экземпляров.

При основании Фонда Солженицын записал в Устав две основные задачи. Первая — помощь узникам ГУЛАГа. Уже больше трети столетия Фонд помогает политзаключенным и их семьям. В сегодняшней реальности это — едва ли не самая уязвимая часть населения: старые, больные, часто одинокие люди. Еще недавно у нас было больше трех тысяч таких подопечных, получающих регулярную как бы «пенсию» от книги «Архипелаг ГУЛАГ», они умирают, сегодня их меньше двух тысяч. — Вторая задача Фонда — помощь разного рода культурным задачам, которые невозможно осуществить на — нынче всеподавляющей — коммерческой основе. Это и многолетнее снабжение книгами провинциальных библиотек, и помощь в издании книг, и вот — ежегодная Литературная премия, ради которой мы и собрались здесь сегодня.

В жюри премии семь членов, но сегодня, впервые за все годы, на церемонии нет двух наших коллег, болезнь не позволила им быть с нами. Это Никита Алексеевич Струве, профессор Парижского университета, многолетний директор издательства «ИМКА-Пресс» и редактор журнала «Вестник русского христианского движения», и Валентин Семенович Непомнящий, литературовед, писатель.

Пожелаем им скорого выздоровления.

Но вот — бойцы нашего поредевшего отряда:

(Представление присутствующих членов жюри¹.)

В фойе можно посмотреть и купить книги наших лауреатов в серии «Литературная премия Александра Солженицына» и книги Олега Павлова, выпущенные издательством «Время». Вы также можете увидеть выставленные на стенде издания произведений нашего лауреата за двадцать лет его писательской жизни.

Теперь пришло время начать собственно церемонию.

От имени жюри лауреата Солженицынской премии 2012 года представит Павел Басинский.

П.В. Басинский: На совещании молодых писателей, проходившем под Ярославлем в январе 1996 года (тогда же, когда началась первая русско-че-

ченская война), пожалуй, самой колоритной фигурой был самый молодой из руководителей семинаров — прозаик Олег Павлов. Он недавно прогремел своей повестью «Казенная сказка», чуть было не получившей премию «Русский Букер». Премия досталась роману Георгия Владимова «Генерал и его армия», но все понимали, что единственным реальным соперником уже всемирно известного писателя был именно молодой дебютант.

Тогда я с ним близко познакомился и подружился. Павлов физически очень большой. Даже огромный. Вообразите себе эдакого русского медведя, который стал финалистом «Букера». Поворачиваться ему тяжело, много говорить лень и вообще хочется назад, в свою теплую берлогу. А кругом горят юпитеры и девушки пристают с микрофонами.

— Что такое в вашем представлении Русский Писатель?

— Русский Писатель... м-да... Русский Писатель — это непросто...

Павлов — очень странная фигура. Он хорошо знает Москву, в которой родился и жил, и карагандинские уголовные лагеря, где служил охранником. Но он, например, никогда не видел Оки и Волги, до которых, как ему кажется, от Москвы ехать ужасно далеко, целых два часа на электричке. Когда мы были на экскурсии в Ярославле, Олег Павлов пошел смотреть Волгу. Разумеется, я отправился вместе с ним. Выросшему на Волге, мне было интересно, что скажет о моей родной реке Русский Писатель.

— Волга... м-да... Широкая... м-да... А и душа наша русская широкая... м-да... И проза наша широкая... м-да...

Павлов развел руками, чтобы показать, какая она, наша русская проза, и я понял, что она действительно широкая... да!

До этого я прочитал в «Общей газете» рассуждение о новом романе Олега Павлова «Дело Матюшина»: «Дрянь, рвань и пьянь Олега Павлова». Его и раньше обвиняли в недостатке романтизма, светлого взгляда на мир и людей. Критики твердили одни и те же слова: «Ужасы армейской жизни... Ужасы армейской жизни...»

Наша критика слишком часто предпочитает скользить по наезженной колее, а не тропить свои лыжни, даже, положим, и не согласуясь с авторской волей. Новая вещь Олега Павлова была помещена в тот контекст, в котором работать с ней наиболее просто: а тогда это была проза Габышева, Каледина и отчасти Терехова («Одлян, или Воздух свободы», «Стройбат» и «Зяма»). Критика обратила внимание на тему и не заметила Темы.

Странная все-таки фигура — Олег Павлов. С того времени, как на него бросили благосклонный взгляд Астафьев и Владимов, путевка на литературный олимп была ему обеспечена. С его «Казенной сказкой» даже носились, расточая молодому автору порой чрезмерные похвалы. «Дебют, дебют, дебют...» — звенели разные голоса. И не вспоминали (а может, и не знали) о том, что до «Казенной сказки» Павлов напечатал в «Огоньке», журнале

«Согласие», «Литературном обозрении» и каком-то совсем неведомом белорусском журнале два цикла превосходных рассказов: «Караульные элегии» и «Записки из-под сапога». В самих названиях этих циклов чувствовалась совсем не дебютантская хватка.

На этих рассказах, словно на тщательно подготовленной почве, и выросла «Казенная сказка», в которой автор со своим счастливо найденным героем — капитаном Хабаровым — сумел прорасти до «глубоко продуманного символа» все то, что старательно высевалось им в «Элегиях» и «Записках...». Это образ русского человека, способного организовать русский хаос, соединить его разрозненные части, которые у нас в вечной обиде, вечной вражде, вечном непонимании, но и в вечном стремлении к органическому единству, к тому, что называется человеческим братством.

Персонажи Павлова — это рассорившиеся и разодравшиеся в кровь «братишки», и необходим какой-то человек, какая-то очень сильная личность, непременно из своих же, из «братишек», а не из «варягов», который пристыдит «озорников» и скажет словами девочки из «Жизни Клим Самгина»: «Да что вы озорничаете-то...»

Такой человек нашелся в лице Хабарова — личности светлой, романтической, такой, какой хотела от Павлова критика. Но неслучайно все отметили «максиммаксимычевский» характер этого героя, и недаром повесть называлась «сказкой». Я думаю, что критике и пришелся по душе вот этот сказочный, почти лубочный образ капитана — какая же русская армия без штабс-капитана? Павлов стоял на пороге открытия, от которого, тем не менее, отказался. Он мог стать довольно успешным творцом современного армейского лубка, и это непременно оценили бы: здесь была бездна возможностей игры на фольклорных струнах, на лесковском сказе, а кроме того — это замечательно ложилось на те фиктивные поиски национальной идеи, которыми были тогда озабочены.

Но недаром автор своего Хабарова закатал в бочку для капусты. Метафора прозрачная и убийственно ироничная: из бочки, словно из кокона, должен выйти пушкинский «прекрасный князь». Да вот не князь вышел, а майор Матюшин, отец Василия Матюшина. Павлов вдруг бросает перспективные фольклорные мотивы и печатает роман, название которого напоминает о почти забытом «Деле Артамоновых» Максима Горького.

Мне многое непонятно в этом романе Павлова. Прежде всего, непонятен принцип, на котором строится эта вещь. В романе, насколько я понимаю, главный герой должен находиться в контрах с обстоятельствами — в противном случае это не роман, но псевдороманное образование. В этом смысле «Казенная сказка» была куда более романом.

Смысловым центром этой вещи является Василий Матюшин — солдат срочной службы в конвойных войсках где-то на азиатском юге России. Его

сначала «опускают», заставляя чистить сортиры и следить за зоновскими собаками, потом принуждают торговать самогоном для эков... Образ начальника-китайца великолепен; он показан не внешне, но только через разговор и словно насмешливо перемигивается с теми красными китайцами, что расстреливали наших священников не от своей природной жестокости, а просто не понимая, почему русские отказываются стрелять в этих странных дядей с крестами и бородой. Настоящим «делом» Матюшина становится убийство эка, которое он совершает без всякого страха, словно стреляет по мишени. Этим «делом» Матюшин как бы избывает свою «опущенность». Его демобилизуют, и он едет хоронить отца в родной Ейск. На протяжении всего романа Матюшин оказывается заложником разнородных сил: тяжелого характера отца, словно вымещающего на сыновьях свое сиротское прошлое, животной любви матери, воплотившей в сыне образ единственного дорогого ей мужчины, жестокости старшего брата, мстящего за недостаток материнской любви, армейского беспредела и, наконец, непонятной отеческой доброты старшины Помогалова, спасающего Матюшина от почти неизбежной гибели.

Героя романа вроде не получается. И вообще не получается героя. Но было в новой прозе Павлова нечто более ценное: мощное впечатление *здесь* пространства, на котором разыгрываются последние сцены исторической драмы России в XX столетии. Первое ощущение: необыкновенной тесноты. Читая роман, хочется воскликнуть: «Боже, как тесна Россия!» Отчего люди, владеющие таким грандиозным пространством, бьются на пяточках бесконечно малых: в тесном вагоне, тесном бараке, тесной бане? Сцена солдатского мытья в бане — одна из самых сильных в романе. Это настоящее русское чистилище, в котором вместе с гражданской одеждой и дорожной грязью словно снимаются и смываются прошлые грехи молодой солдатни, и вот они свеженькие топают с песнями... *прямиком* в земной ад.

Второе ощущение: коллективной вины и греховности русского человека. Воруют, гонят самогон, травят им эков, бьют своих и чужих едва ли не все в романе — но это само по себе не поражает (уже притерпелись), а поражает авторский взгляд на это: именно греховный русский человек ему милее, потому что честнее, потому что наиболее открыто обнажает свою историческую природу, потому что не кичится и не пыжится, но при случае может и помочь «братишке» — не из чувства высокого сострадания, но как *свой своему*.

Этика прозы Павлова не до конца понятна, но она больше говорит мне правды о нравственном состоянии России, чем вся современная православная беллетристика. Вертикаль в его прозе не отсутствует; она как бы покосилась и напоминает не до конца завалившийся проселочный деревянный столб. И все, в общем, понимают, что столб надо бы поправить — а... надо ли? ведь висит еще что-то такое на проводах, не порвал еще ветер, в дома еще идет электричество, и горит свет...

Конечно, Хабаров приятнее. И мне — приятнее. И литературе — приятнее. Наверное, *душа* России — это он. Но есть еще и *дело* России. На мой взгляд, Павлов еще не ответил на вопрос: что такое дело России? Но он все-таки дает понять, что это за вопрос и насколько он важен.

Вероятно, есть какая-то закономерность в том, что многие прозаики среднего поколения, не сговариваясь, стали писать мемуарные повести о своем детстве. Назову только самые заметные имена: Михаил Попов, Петр Алешковский, Алексей Варламов, Андрей Дмитриев, Олег Павлов.

И почти в каждом случае мы имеем дело с неизбежным набором компонентов: дедушка и бабушка (с одной или обеих родительских сторон), мать и отец (фигура отца показана особенно напряженно), первые детские страхи (не страшные на взрослый взгляд, однако оказывающие мощное влияние на формирование души ребенка), коллекция более или менее случайных посторонних персонажей. У русских повестей о детстве со времен «Рыцаря нашего времени» Карамзина и аксаковских «Хроник» сложился вполне определенный «генетический код», нарушить или преодолеть который едва ли получится без нарушения первичных законов художественности именно этого жанра.

Олег Павлов всегда был не в ладах с жанрами. Его самая известная «Казенная сказка» — это повесть? Пожалуй, — да, но только в той мере, в какой она не роман и не рассказ. «Дело Матюшина» — разумеется, не роман, хотя по объему, по охвату биографии героя — разумеется, и не повесть. Следующая вещь Олега Павлова под названием «Школьники» — в большей степени повесть, нежели рассказ, а вообще — «история», «эпизод». Или, вернее сказать, «истории» и «эпизоды», прихотливо сцепленные в «нечто» и объединенные одним замыслом: показать драму еще одного «гадкого утенка», мальчишки, не способного гармонично раствориться в школьном коллективе. К публикации «Переулков» автор и редакция журнала² вообще не соглашались поставить какое-либо жанровое обозначение.

Можно спорить о том, хорошо это или плохо. На мой вкус, гегемония жанра никогда не мешала проявлению художественной личности. Но Павлов есть Павлов, он бредет своей дорогой, своими «переулками», и советовать ему что-либо на этом пути надо с большой осторожностью, можно оказаться правым в частности и промахнуться по существу.

«Генетический код», тем не менее, сработал и в новой павловской повести (все-таки повести) «В безбожных переулках». Повесть Павлова ошибочно отсылает к классическим образцам, и прежде всего, конечно, к «Детствам» Льва Толстого и Горького, несмотря на то что это две вещи принципиально разные по духовной идеологии.

Поначалу кажется, что действие безнадежно утопает в деталях. Но постепенно, по мере вживания в текст, начинаешь испытывать наслаждение от этой подробности. Каким-то образом Павлов заставляет увлечься этим странным миром постоянно скандалящих и ненавидяще-любящих друг друга взрослых, в центре которого волей Промысла оказался чуткий, наблюдательный, сердечно ранимый маленький герой. Даже не знаешь, чего здесь больше: страшного или трогательного. Порой как раз самое страшное, вроде пьяной деградации отца или попытки мальчика покончить с собой, и оказывается самым трогательным.

Павлов всегда был щедр на подробности, но не всегда они получались достоверными, часто в них чувствовался авторский нажим, «сделанность» (порой мастерская, но все же искусственная). «Школьники», например, пестрели подобными жестяными блесками вроде шпилек в волосах нелюбимой учительницы, похожих почему-то на жерла пушек. В «Безбожных переулках», как мне показалось, Павлов меньше всего вспоминал о том, что он писатель, и это пошло его писательству только на пользу. Я сильно подозреваю, что это вообще негласный закон любого творчества.

Киевский дедушка, «генерал Иван Яковлевич Колодин»³, похожий на Брежнева и оттого находящийся с ним в особых, каких-то сокровенных отношениях. «Стоило диктору или дикторше произнести слова: “Леонид Ильич Брежнев”, как дед восклицал: “От губошлеп! Развалил, понимаешь, партию, допустил, понимаешь...” — “Ну что ты брешешь? Что ты брешешь? И охота тебе брехать?” — подавала голос бабка. “Эх вы, сани, мои сани, сани новые мои! Много знаете вы сами...” — смеялся дед, чтобы позлить ее. “Уж знаю, Ваня, сам-ка ты лучше помолчи”. Если в телевизоре всплывало бровастое с массивным скошенным подбородком лицо, дедушка поневоле замолкал, а потом беззлобно щерился и цедил: “Ну, здравствуй, Леня...”»⁴

В этой сценке все закончено и гармонично. В ней удивительно тонко подана картина уходящего поколения большевиков, этого уже беззубого дракона, по-своему трогательного и симпатичного, как в мультике Котеночкина про Ивана-солдата и Змея Горыныча.

Вообще, дед показан великолепно. Его отношения с бабкой уложились в нескольких строках. «Дед очень опасался другого: чтобы не умерла она раньше, чем он... Своим здоровьем он любовался, гордился, не допуская того положения вещей, что бабушка его переживет. Но вот что она не доживет до глубокой его старости — это деда угнетало и мучило. Он не находил никакого решения: раньше ее он умереть никак не должен был, а после ее смерти жить и в мыслях не мог»⁵.

³ Павлов О.О. В безбожных переулках. М.: Время, 2007. С. 9.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Там же. С. 13–14.

Павловские дед и бабка столь же напоминают горьковских Дедушку и Бабушку, сколь и гоголевских старосветских помещиков. И даже случайные совпадения кажутся здесь неслучайными: бабушка называет внука Олешей (как у Горького), а действие происходит в Малороссии (как у Гоголя). Это — «идиллия», изображенная умным и ироничным пером, — важный компонент классической русской прозы.

Идиллия заканчивается, едва речь заходит о матери и отце. Мать и отец показаны зыбко и как бы недоуменно. Самые близкие люди суть самые непонятные. Фигура отца смутно возникает откуда-то из темноты, из чужого мира. Даже когда он рядом, он все равно далек. Даже когда он обнимает, это странно. Даже если он любим, то с опаской. Новый год, елка, гости, ссора с сестрой. «...Я чувствую, что сделал плохо всем и что-то ушло из комнаты — она холодная теперь и чужая. От чувства вины брожу за отцом, куда бы он ни пошел: он курит угрюмо на кухне, развалившись на другом диване, на кухонном, — а я стою одиноко в дальнем от него углу, у двери, немножко прячась за косяк, так стою, будто подглядываю из-за угла...»⁶

И все же: «Первое в детстве — это влюбленное в него (отца. — П.Б.) желание побороться с его силой...»⁷

Отец становится понятен только в момент слабости, падения. Вот он, пьяный, униженно бежит за новой и новой бутылкой. «Когда он убирался, делалось покойно, но страх, что он снова вернется, угнетал...»⁸

В повести Павлова много таких жестоких подробностей, таких «безбожных переулков», в которых плутает душа маленького героя. На первый взгляд это всего лишь частная биография. В этой вещи Павлов всячески удерживался от нравственных обобщений, от символической многозначительности, сфокусировав ее только в названии. Но может быть, поэтому повесть и дышит свободно и читается с трепетом, будто твоя собственная биография?

«Он совсем не увлекает — но требует сочувствия»⁹, — пишет уже новое поколение молодых критиков о последнем романе Павлова «Асистолия».

Как это понимать? Как осуждение? Какое право он имеет *требовать* сочувствия? У нового поколения критики это скорее вызывает удивление: надо же, *требует* сочувствия. Как во времена Гоголя, Достоевского, Толстого или хотя бы Платонова. Для нового поколения критики Павлов странен, но, тем не менее, его последний роман собрал множество рецензий. Значит — интересен?

---

⁶ Павлов О.О. В безбожных переулках. С. 30–31.

⁷ Там же. С. 72.

⁸ Там же. С. 78–79.

⁹ Пустовая В. Сердоболия [Рец.: Олег Павлов. Асистолия. Роман. — Знамя», 2009, № 11, 12] // Новый мир. 2010. № 7. С. 196.

«У меня ничего не получилось. Самое простое, естественное — не получается жить. Все трудно. Тяжесть от напряжения любого»¹⁰, «Вроде бы я пытался жить правильно, даже праведно, то есть хотел всего себя чему-то там отдать, конечно же, все человечество осчастливить! Столько всего хотел — и не смог. Отсюда и мое уныние, оно как духовное поражение»¹¹, «Все имею. И я, и моя семья. Но во мне пустота. Пустой человек. Когда у человека нет идеи — он чувствует свою бесполезность»¹², «Подлость в том, что думаю только о себе, только о себе»¹³, «гибельно, тупо не чувствую жизни»¹⁴, — и вот апофеоз: «...все мы ползаем, как тараканы по грязной столешнице, во всех нас есть что-то плоское, что можем только ползти, пролезть, и порождены мы чем-то плоско ужасным. Ущемлены жизнью и миром. Ничего не помним. Разбегаемся, как только включается свет. Спокойно, если забился в щель. Но стоит начать “действовать” — лучше бы раздавил кто-то, наступил и раздавил... Тараканы не должны побеждать!»¹⁵

И вроде бы проза из другого времени, а все равно современна! В этом тоже загадка Олега Павлова.

И вот новая книга: «Дневник больничного охранника».

Небольшая по объему, но бесконечная по содержанию, как больничные коридоры. Все уже высказавшиеся критики, от Андрея Немзера до Вячеслава Курицына, признают, что это несомненная удача Олега Павлова, и с этим нельзя не согласиться. Вообще, это его жанр — хроника будней, в данном случае — больничных. Но суховатая манера хроники обманчива. Павлов — писатель очень сердечный и даже сентиментальный в лучшем смысле слова. Какие бы ужасы и страсти, связанные с больничным обслуживанием и работой такого малоприятного заведения, как морг, он ни изображал, все это с лихвой покрывается трогательно-сердечным отношением писателя к маленьким, незаметным людям, чьим уделом все еще остается наша бесплатная медицина. Лирический пафос этой хроники не проявлен, но на самом деле очень силен.

Это не только хроника, но и пронзительная исповедь авторской души, ранимой, болящей, неизлечимой и, быть может, именно поэтому пытающейся скрыться за броней бесстрастного описания.

«И надо было жить — то есть выживать».

Больница — куда идут с болью, то есть за избавлением от нее, конечно. Ждут сострадания. Но порой казалось, что люди обречены страдать. Такое наказание. За всё»¹⁶.

¹⁰ Павлов О.О. Асистолия. М.: Время, 2010. С. 328.

¹¹ Там же. С. 329.

¹² Там же. С. 329.

¹³ Там же. С. 329.

¹⁴ Там же. С. 330.

¹⁵ Там же. С. 330.

¹⁶ Павлов О.О. Дневник больничного охранника. М.: Время, 2010. С. 126.

Н.Д. Солженицына: Нам предстоит удовольствие услышать вызванные выбором этого года размышления писателя Владислава Отрошенко.

В.О. Отрошенко: Я познакомился с Олегом чуть позже, чем прошло вот то мероприятие, о котором упоминал Павел Басинский, — совещание в Ярославле молодых писателей, где Олег Олегович (тогда совершенно молодой писатель, далеко не сорокалетний — ему не было, по-моему, и тридцати) был ведущим семинаров. Я там тоже вел семинар вместе с Русланом Киреевым. Но как-то так получилось, что во время этого семинара мы не пересеклись.

И вот ситуация, которая очень характеризует Олега Павлова в целом как личность — и писательскую личность, и личность вообще, созданную Богом. Мы приехали в Союз писателей получать командировочные деньги за проезд, проживание, проведение семинаров. В очереди в кассу я пожаловался стоявшей рядом Светлане Василенко, что у меня сломалась машинка. (Это была докомпьютерная эпоха еще — компьютеры были только у очень немногих и очень допотопные и громоздкие на сегодняшний взгляд.) И я говорю: вот из-за этого не могу дописать рассказ. Она говорит: а почему? — Ну, отвык я уже писать рукой, привык на машинке печатать и не могу. — Сказал я это, получили мы деньги, вышли во двор Союза писателей и вдруг смотрю — надо мной нависает фигура (до того я даже не обращал на этого человека внимания). Для меня вообще очень непривычно, чтобы рядом со мной находился кто-то выше меня ростом, потому что я человек высокий. И я почувствовал какое-то съезживание... Нависает фигура и таким заговорщическим шепотом мне на ухо шепчет: — Тебе нужна машинка? — Я говорю: — Да, очень нужна. — Ну, поехали ко мне.

Я вообще даже онемел от этой сцены. Мы сели в такси, приехали домой к Олегу Павлову, и он мне вручил машинку «Ятрань», причем снял ее со своего письменного стола — он в это время на ней работал тоже... Огромная машинка... Я был удивлен, потрясен, ну, прежде всего, потому что какой смысл ему беспокоиться о том, что я не могу там дописать рассказ — почему он должен отдавать эту машинку? Для меня это был совершенно непонятный поступок. С этого, собственно, началось наше знакомство. Это первое, что Олег сделал.

А второе, что он сделал — превратил меня в персонаж. Как-то он мне звонит и говорит: — Я тебя разжаловал в ефрейторы. — Я спрашиваю: — Что значит — разжаловал в ефрейторы? — Вот, — говорит, — почитай. — И мы встретились, он мне дает книжку, только что вышедшую. Это было первое издание «Степной книги», петербургское. И я читаю там два рассказа — два превосходных рассказа. Один называется «Мировая ночь» — потрясающий рассказ, в котором трое караульных сидят в карагандинской степи, охраняют какой-то бессмысленный, никому не нужный склад. С ними овчарка. Вокруг

бескрайняя карагандинская степь, звезды. И вот эти три караульных: одного зовут Ерошка, другого — Сухов и третьего — Отрошенко. Причем Павлов позаимствовал не только фамилию, он позаимствовал всё. Этот Отрошенко высокого роста, он родом с юга России, из Ростова-на-Дону, даже некоторые мои фразы, повадки, поведение, жесты — все было туда перенесено. Рассказ заканчивался совершенно космической сценой — к утру все трое караульных засыпают, а рядом с ними сидит эта собака, которая воет на звезды. И действительно, космический рассказ... Эти три несчастных мальчишки — они солдаты, но они, в сущности, и дети. Это один из важных моментов, которые в прозе Павлова не замечали или заметили не сразу, что его солдаты — это дети, такие светлые и ясные, чистые души, что бы они ни творили. Даже когда они убивают, топчут ящериц.

И я читаю второй рассказ, который называется «Солдатская», и там тоже действует этот Отрошенко. Описывается железнодорожная станция в Казахстане, унылая, грязная, скучная, бессмысленная. Собственно говоря, главный герой — это рыжая сука, похожая на маленькую женщину, — она лежит, тоскливо позевывая. Все остальное появляется как бы на фоне этой рыжей суки — пассажиры, старики, солдаты... И заканчивается рассказ вот таким пассажем:

«Еще в этом карауле думалось всегда о доме, потому что на вокзале гудели поезда, отправляясь по городам нашей родины. И какой-то поезд трогался по расписанию на Москву или Харьков — где жила мать. Лились по щекам слезы, когда это случалось. Когда заспанные проводницы светили сквозь ночь фонариками. И когда на бортах вагонов мелькали облупившиеся башенки Кремля.

Скорый на Москву отбывал с вокзала в двадцать два сорок. И тогда плакал я. А в восемнадцать, пораньше, отбывал поезд на Ростов, и тогда плакал громадный Отрошенко, с которым чаще иных доводилось мне топтаться в толчее, будучи в карауле от комендатуры.

Привыкая, Отрошенко плакал по-вечернему и в полку. По заведенному обычаю, рота наша конвойная уплетала за ужином порцайки. И никто не знал, отчего плачет Отрошенко. Думали солдаты так: плачет потому, что от ужина к ужину который месяц каша в котелке — перловая. А такому горю солдаты были помочь не в силах. И только не мешали, как могли, ефрейтору плакать и давиться кашей»¹⁷.

После этого наша дружба стала завязываться все крепче и крепче. Не важно, что Павлов с меня списал натуру этого ефрейтора, а важно, что он написал блестящие рассказы. У Олега есть настоящая художническая черта — такая тонкая, высокая игра. Когда один писатель посылает другому какой-то знак, этот знак очень дорогого стоит.

¹⁷ Павлов О.О. Степная книга. СПб.: Лимбус Пресс, 1999. С. 37.

Олег обладает большой творческой энергетикой. Вскоре после нашего знакомства я убедился в его творческом способе мышления в любой области. Павел Валерьевич упоминал, что Павлов так же талантливо делает публицистику, как и прозу. Но так же талантливо он делает и литературные проекты. Проект, который мы с ним организовали в конце 1990-х — начале 2000-х, назывался «Запечатленная Россия». Идея была такая — любой человек берет какую-то дорогую ему фотографию из своего семейного альбома и пишет рассказ о том, что на этой фотографии, что она для него, как бы расшифровывает ее, делает живой картиной.

Проект, надо сказать, имел большой успех. Правда, тексты публиковались в не очень, может быть, заметном в ту пору журнале «Новая Юность». Но откликнулись на эту идею очень многие, в том числе даже политики. И мы несколько лет с Олегом вели этот проект. Но потом я его бросил и Олег тоже, потому что этот проект породил уже другие какие-то вещи. Например, я ему обязан своим циклом «Новочеркасские рассказы». В какой-то момент Олег мне сказал: — Но ты же тоже автор проекта — напиши и ты о фотографии какой-нибудь. Потому что получается нехорошо — мы авторы, мы должны тоже написать.

И я вытащил из альбома фотографию, начал писать и потом все это отложил и понял, что буду писать цикл рассказов. Проект закрылся. Но из него родилась другая вещь. Творческий человек обладает таким магнитным полем, таким силовым полем, что вокруг него всегда что-то искрится и создается. И Олег Павлов, несмотря на репутацию домоседа и «пропадающего из литературы» (на самом деле он работает в то время, когда думают, что он пропал), — очень живой и подвижный человек, когда дело касается идей и творчества. Вообще, вот то свойственное ему бескорыстие, о котором я сказал в начале, — когда он просто ни с того ни с сего взял и буквально всучил мне эту машинку «Ятрань», на которой я дописал-таки рассказ, — оно проявляется и в его отношении к собратьям по перу уже по большому счету.

Я не могу назвать сегодняшних писателей, которые с таким бы вниманием, как Павлов, писали о писателях-современниках. Достаточно только вспомнить, о ком он написал не просто рецензии, а глубокие статьи, из тех, что остаются потом своего рода визитной карточкой писателя. После чтения такой статьи любой критик уже не может опустить планку понимания этого писателя ниже павловской. Эти авторы — Юрий Петкевич (присутствующий в зале), Александр Яковлев, Михаил Тарковский, Владимир Березин, я и еще — многие неизвестные писатели, которые живут в провинции и благодаря статьям Олега Павлова выпустили книги в местных издательствах. Вот об этой его деятельности, к сожалению, мало кто знает. Мало кто знает, что фактически Павлову может позвонить даже любой графоман, и он будет его слушать долго. А если он в нем почувствует какую-то искру божью, то уделит ему столько внимания, сколько нужно, чтобы этот человек заявил о себе или

в столице, или у себя в провинции. Вот это его отношение к другим писателям — даже не архаичное: мы помним, в каких конфликтах друг с другом бывали русские писатели XIX века, какие между ними были споры, ссоры, борьба. Хотя были, конечно, случаи бескорыстной помощи — известный пример, когда Тургенев помогал переводам и вообще пропаганде Толстого за границей, будучи с ним в жесточайшей ссоре. Но такие случаи все-таки редкость в истории русской литературы. Вот эта деятельность — тоже часть писательской биографии Павлова, и я другого ее примера в современной литературе не знаю.

Вчера перед этой церемонией я перечитывал «Казенную сказку» Олега Павлова, с которой начал свое выступление Павел Валерьевич. Я ее читал в 90-е годы последний раз — прошло время — и удивительно: читается просто как классика. У меня было такое ощущение, будто я читаю «Вечера на хуторе близ Диканьки». Да, там есть эти лубочные мотивы, да, там есть эта сказовость. Но вещь воспринимается как классическая, как неизбежная в литературе. То есть она должна была быть обязательно в русской литературе.

Вообще, удивительно, как Павлов строит свой писательский путь. Каждый раз, когда читаешь его новую вещь, думаешь: вот он достиг своей вершины и дальше начнется прямой полет — уже не восходящий, а прямой. Но когда читаешь следующую вещь, видишь, что у Павлова двигатель не самолета, а ракеты, он все время каким-то образом устремляется вверх. И каждая его новая вещь — это не просто новая ступень, а выход вообще в другой мир.

Я прочитал в Интернете одну очень хорошую рецензию, хвалебную рецензию, посвященную новому роману Павлова «Асистолия». И критик очень бодро так рапортует: конечно, все сразу поняли, что Павлов всегда писал не армейские рассказы — это не просто об армии, а о жизни, настоящие такие вещи. (То, о чем говорил Басинский, — что с самого начала Павлова пытались встроить в колею армейской прозы). Так вот, это неправда, что все всё сразу поняли, раскусили и прониклись — это нечестное, мне кажется, заявление. Гораздо честнее сказать, как Басинский: вот я не понимаю — чем говорить такие вещи. Потому что, я прекрасно помню: когда вышла повесть Павлова «Карагандинские девятины», современная критика продолжала писать, выражаясь на жаргоне, байду о том, что это армейщина и прочее, прочее и прочее. Я это хорошо помню, потому что в то время был экспертом в одной из литературных премий, на которую Олег Павлов выдвигался. И чтобы доказать обратное, я написал буквально несколько строк про «Карагандинские девятины». Они звучали так:

«Карагандинские девятины, или Повесть последних дней» Олега Павлова наряду с его “Казенной сказкой” представляют на сегодняшний день наивысшее достижение этого писателя в своем искусстве. (Я, конечно, тогда ошибался, что это наивысшее, что выше не будет. — В.О.) При первом взгляде на эту вещь всякий торопливый критик, как это часто бывает с про-

изведениями Павлова, начнет уверенно толковать об армейской тематике, о мерзостях и тяготах российской жизни, о беспросветной бытовухе, о тяжеловесном реализме и прочем. На самом же деле эта проза не имеет никакого отношения ни к реализму, ни к армии, ни к быту, ни к тусклым частностям жизни. Эта проза о прохождении воплощенных душ через круги земного ада-рая. Проза, которая ставит своей целью рассмотреть абсурд человеческого бытия во всех его проявлениях. И армия здесь выступает как универсальная модель мира. Главный герой повести Алеша Холмогоров последовательно проводится сквозь все пространственно-смысловые структуры этого мира: от бескрайнего карагандинского полигона, где на горизонтах брезжит искомый неземной свет, до зловонного армейского морга, где чистые бесы, воплощенные в санитаров, обряжают живых в одежды мертвых. Такому же сквозному прохождению подчиняются и эмоции читателя. Повесть вызывает к жизни всю их гамму — от мрачной подавленности до отчаянного и освобождающего смеха. О смехе хочу сказать особо. К смеху — этому высшему проявлению мужества и свободы — можно прийти с разных сторон. Самый простой путь — это навязчиво изображать смешное, назойливо веселить. Самый сложный и высший — это заставить смеяться и даже восторженно хохотать, изображая при этом нечто нечеловечески страшное. Павлов идет по второму пути, который доступен только художнику»¹⁸.

Вот этот элемент смешного тоже, мне кажется, современная критика не замечает у Павлова. Не замечает, как много мощного, скрытого, «небесного» юмора в его прозе — такого, который заставляет смеяться, душой содрогаясь даже. И вот это соединение трагического и смешного, которое доступно только самым высоким художникам (не буду говорить кому, вы сами знаете) — признак настоящего дара божьего. Когда в конце 1990-х – начале 2000-х я читал негативные рецензии о Павлове (сейчас, слава богу, таких рецензий меньше), я порой приходил просто в полное недоумение: то ли нежелание людей понимать и видеть, то ли это душевная тупость... Я никогда так счастливо не смеялся, как при чтении «Карагандинских девятины» — вещи страшной и жуткой. И я думаю, что при глубоком чтении глубокий читатель должен эту сторону увидеть. И хотелось бы ее особенно подчеркнуть, потому что я понимаю, что это удобная тенденция — записывать писателя куда-то — в лагерь бытописателей или изобразителей мрачных сторон жизни и т.д. Это все равно будет продолжаться, но когда и другие слова сказаны, они уже как-то меняют ситуацию.

И в завершение хочу сказать о постоянно покоряющихся Павлову вершинах. Правильно отметил Павел Валерьевич, что после «Казенной сказки», в принципе, можно было бы успокоиться — другой писатель с тех пор и почи-вал бы на лаврах. Но Павлов — у меня возникает еще и такой образ в связи с

¹⁸ *Отрошенко В. О.* Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // Октябрь. 2002. № 6. С. 170–171. То же: URL: <http://magazines.russ.ru/october/2002/6/bes.html>.

ним — он как ледокол. Вот он прокладывает свой путь в литературе, несмотря ни на что, несмотря ни на какие ситуации, несмотря ни на какие конъюнктуры. И когда он этот путь проложит, путь этот уже не срастется льдом. Это будет такой открытый путь, по которому, может быть, пойдут какие-то другие писатели. Но сам Олег, мне кажется, вот в этом пути находится и сейчас. И я боюсь сейчас сказать, что роман «Асистолия» (в котором, между прочим, Павлов показал весь свой диапазон художника — все, что он на сегодня может) — вершина его творчества. Эта вещь — как симфония. Но я думаю — будут и новые симфонии.

Спасибо.

Н.Д. Солженицына: Приветствие от Союза российских писателей озвучит Марина Анашкевич.

М.А. Анашкевич: Я тоже познакомилась с Олегом Павловым в 1996 году на ярославском совещании. Он тогда был такой же большой и красивый — настоящий мужчина! И очень хороший писатель.

Когда я читала роман Олега «Асистолия» и думала о пересадке сердца, почему-то вспомнился хутор Твардовских. Когда-то всей семьей — родители, бабушки, дедушки, дети — сажали яблони. И у каждого была своя яблоня, деревья росли... А потом — всё было уничтожено, остался один осиновый кол... И вот спустя годы брат Твардовского вновь посадил яблоневого деревья — на те же места, где они были прежде, он каждое очень хорошо помнил. Когда я была на хуторе, я заплакала, увидев этот возрожденный яблоневый сад...

Я думала: возможно ли так же поступить с человеческим сердцем? Наверное, нет.

Любовь возникает из сущего ничто и всего-то малость нужна — два живых сердца для того, чтобы любить. Потому что одного женского сердца не хватит, нужно еще мужское...

И еще я думала о том, что Олег по-мужски поставил на себе эксперимент. Ведь написать такое — это действительно можно остановить себе сердце. И, поставив этот эксперимент, он выжил — как феникс из пепла восстал. Он поставил диагноз, а теперь пусть все думают.

Это я говорила лично от себя...

А теперь хочу поздравить Олега от нашего Союза — от всех, всех, всех, потому что мы все за него очень рады, — и пожелать, чтобы дальше он писал такие же замечательные произведения. Спасибо.

Н.Д. Солженицына: А теперь, дорогой Олег Олегович, соблаговолите подняться на подиум.

(Зачитывается наградная формулировка¹⁹. Вручение диплома лауреату.)

¹⁹ См. с. 287 наст. изд.

Н.Д. Солженицына: Прошу внимания: ответное слово Олега Павлова.

О.О. Павлов: У этой премии не только имя Солженицына — в ней его личность и его вера в будущее русской литературы, в ее путь.

Я благодарен за все, что получаю с этой премией, но понимаю, что получил когда-то новую жизнь, прочитав «Архипелаг ГУЛАГ». Сказать, что влияние этой книги было на меня огромно, — значит ничего не сказать. В нее вписана и моя судьба.

«Карабас, лагерную пересылку под Карагандою, имя которой стало нарицательным, за несколько лет прошло полмиллиона человек...»²⁰ Мне казалось тогда, что это послание. Представьте, что на лагерной вышке стоял с автоматом вчерашний школьник... Каждую ночь он думал об одном: почему я? И должен был однажды осознать, что до него под тем же небом на том же пятачке земли задавали этот вопрос столько пропавших и погибших людей.

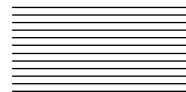
Мне не стыдно за написанное, мои полжизни, то есть двадцать лет — это постоянная литературная работа, но передо мной стоят писатели, судеб которых я не прожил. Распутин, Бородин, Астафьев, Екимов... Я каждому обязан, человечески, особенно Астафьеву. Я могу сказать, что воспринял их правду, пережив как свою — и не отрекался ни от нее, ни от своих убеждений.

Я убежден, что литература нужна как правда. Если лишь человек может быть источником правды, то, передав его состояние в конкретных жизненных обстоятельствах, мы и узнаем ее: настоящую, подлинную. И если мы хотим знать правду о человеке, то должны узнать ее всю, какой бы ни была она мучительной. Только поэтому писатель обязан быть реалистом. Когда людей учили лгать — учили отказывать себе подобным в праве на сострадание. Лжи этой — океаны. Люди тонут. Спасительно каждое слово правды, то есть в нем всегда заключается спасение: достоинство чье-то спасенное или даже жизнь.

---

²⁰ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956: Опыт художественного исследования // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2010. Т. 4. С. 472.

Раздел подготовлен Г.А. Тюриной

В разделе «Хроника» помещен обзор важнейших событий, связанных с именем Александра Солженицына, имевших место в России и мире в последние годы, главным образом — со времени его кончины в 2008 году¹.

Издания произведений А.И. Солженицына

Из обширной библиографии изданных в последние годы книг Александра Солженицына укажем на несколько выпущенных в свет впервые.

В 2006 году московское издательство «Время» начало публикацию 30-томного Собрания сочинений (редактор-составитель Н.Д. Солженицына), в котором печатаются тексты в последних авторских редакциях, так называемые эталонные. К настоящему времени изданы 16 томов: Рассказы и Крохотки (т. 1), «В круге первом» (т. 2), «Раковый корпус» (т. 3) (эти тома снабжены подробными комментариями В.В. Радзишевского), «Архипелаг ГУЛАГ» (т. 4–6), «Красное Колесо» (т. 7–16) (каждый Узел повествования сопровождается статьей А.С. Немзера)².

В октябре 2010-го состоялась первая российская публикация сокращенного текста «Архипелага ГУЛАГа», предназначенного для изучения в средней школе³. По поручению автора работу по сокращению книги

---

¹ В «Хронику» не включен отчет о Литературной премии Александра Солженицына, поскольку в выпусках «Тетрадей» ей посвящен отдельный раздел. Отметим лишь, что ежегодное присуждение этой премии стало важным событием культурной жизни России. Церемонии награждения — с развернутыми речами, представляющими лауреата, и его ответным словом — отражаются в средствах массовой информации и привлекают внимание широкой общественности.

² Обращаем внимание читателей на то, что по мере выхода в свет тома Собрания сочинений размещаются в формате PDF-файлов на официальном сайте Александра Солженицына: www.solzhenitsyn.ru.

³ *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956: Опыт художественного исследования. Сокращ. изд. / [сокращение, вступ. ст., справочн. аппарат Н.Д. Солженицыной]. М.: Просвещение, 2010. В 2012 году появилась методическая разработка для учителей: *Еремينا Т.Я.* Книга А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» в школьном изучении. М.: Просвещение, 2012. (Б-ка учителя. Литература).

выполнила Н.Д. Солженицына. Издание быстро получило широкое распространение⁴.

Серию аудиокниг с авторским чтением Александра Солженицына выпустил Издательский дом «Союз» (2008–2010). На девяти компакт-дисках записаны рассказы, Крохотки, фрагменты «Красного Колеса», лагерная поэма «Дороженька». Записи были сделаны Солженицыным в 1996-м и 2000 годах, общее количество звучания — 56 часов.

В начале 2012 года «Союз» выпустил диск с текстом сокращенного издания «Архипелага ГУЛАГа» в чтении народного артиста России Сергея Гармаша.

За рубежом первое место по переводу и изданию книг Солженицына в течение многих лет сохраняет за собой Франция. Вслед за первыми публикациями на родине Двучастных рассказов, нового цикла «Крохотки», ранней повести «Люби революцию», исторического обзора «Двести лет вместе», мемуарной книги «Угодило зернышко промеж двух жерновов», публицистических «Размышлений о Февральской революции» — все они были переведены и опубликованы во Франции издательством «Файяр» («Fayard»). Во Франции также предпринято издание Собрания сочинений писателя (переводы последних авторских редакций). В 2011 году в свет вышел очередной, 5-й том Собрания⁵.

В США в 2006-м была издана антология произведений Солженицына с 1947-го по 2005 год, представившая все жанры, к которым обращался писатель. Антологию составили как хорошо известные англоязычному читателю произведения, так и впервые сделанные переводы из ранней и поздней публицистики, лагерных стихов и поэмы «Дороженька», цикла «Крохотки»⁶. Антология выдержала к 2012 году три переиздания.

В 2010 году впервые вышла в английском переводе 96-главная версия романа «В круге первом» (подлинный «атомный» сюжет)⁷. В 1968 году в США и Великобритании (как и всюду на Западе) была переведена и издана самиздатская 87-главная версия этого произведения («лекарственный» сюжет)⁸.

---

⁴ Появились и новые формы издания полного текста книги. Так, московская «Альфа-книга» с 2009 года регулярно переиздает полный текст «Архипелага ГУЛАГа» в одном томе, а в 2012-м такое издание осуществило издательство «Астрель». И в Финляндии в 2012 году вышел полный «Архипелаг...» в одном томе. А для любителей формата pocketbook впервые три тома «Архипелага...» в мягкой обложке на тонкой бумаге были выпущены в 2011 году петербургским издательством «Азбука».

⁵ *Soljénitsyne A. L'Archipel du GULAG. T. 2 // Œuvres complètes. P.: Fayard, 2011. T. 5.*

⁶ *The Solzhenitsyn reader: New and essential writings, 1947–2005 / ed. by E.E. Ericson, Jr., D.J. Mahoney. Wilmington, DE: ISI books, 2006.*

⁷ *Solzhenitsyn A. In the First circle / transl. H. Willetts. N.-Y.; L.; Toronto; Sydney; New Delhi, Auckland: Harper Perennial, 2009.*

⁸ Первое издание «В круге первом» в США: *Solzhenitsyn A. The First circle / transl. Th.P. Whitney. N.-Y.: Harper & Row, 1968.*

По прошествии более четверти века окончательный текст романа с подлинным сюжетом все же достиг англоязычного читателя.

В 2011-м впервые по-английски вышли «Двучастные рассказы» Солженицына, написанные в 1990-х годах, после возврата на родину⁹.

В марте 2012-го в Библиотеке Амброзиана (Biblioteca Ambrosiana) в Милане состоялась презентация изданий повести «Люби революцию» и рассказов «Эго» и «На краях», впервые переведенных на итальянский язык¹⁰.

В последнее время наблюдается необычайный всплеск интереса к творчеству Солженицына в Китае (прежде переводы его книг на китайский язык выходили только на Тайване). За последние два года в континентальном Китае опубликованы роман «В круге первом», мемуарная книга «Бодался теленок с дубом», первые два Узла эпопеи «Красное Колесо»: «Август Четырнадцатого» и «Октябрь Шестнадцатого».

Литература о творчестве А.И. Солженицына

Отечественное солженицыноведение, получившее возможность нормально развиваться лишь с конца 1980-х, когда с имени писателя был снят запрет и его произведения стали снова издаваться на родине после 23-летнего перерыва, наверстывает упущенное время и на равных вступает в мировой диалог о творчестве писателя (на Западе изучение книг Солженицына шло беспрепятственно с появления «Одного дня Ивана Денисовича» в 1962-м). В последние годы и в России, и за рубежом опубликованы серьезные труды, посвященные освоению его наследия.

Два важнейших издания вышли в свет еще при жизни Солженицына и стали незаменимым подспорьем для исследователей его творчества. Речь идет о библиографии произведений писателя и работ о нем с 1962-го по 2002 год¹¹, а также о биографии Солженицына, написанной Л.И. Сараскиной для новой серии «ЖЗЛ. Биография продолжается»¹². Издание этой биографии создало твердую почву для дальнейшего изучения жизни писателя, поскольку весь фактический материал (даты, имена, места и обстоятельства событий) были проверены самим Солженицыным (без вмешательства в оценки, осмысление и видение Л.И. Сараскиной) и заслуживают полного доверия — всякий,

⁹ *Solzhenitsyn A. Apricot jam, and other stories / transl. K. Lantz, S. Solzhenitsyn. Washington: Counterpoint, 2011.*

¹⁰ *Solženicyн A. Ama la rivoluzione! / trad. S. Rapetti. Milano: Jaca letteratura, 2012; Solženicyн A. Ego / trad. S. Rapetti. Milano: Jaca letteratura, 2012.*

¹¹ Александр Исаевич Солженицын: Материалы к биобиблиографии / сост. Д.Б. Азиатцев, Н.Г. Левитская, М.А. Бенина и др. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2007.

¹² *Сараскина Л.И. Александр Солженицын. М.: Мол. гвардия, 2008. После смерти писателя книга с добавлениями вышла и в традиционной серии «ЖЗЛ» (2009).*

кто занимается наследием писателя, знает, что литература о нем изобилует ошибками и неточностями, как мелкими, так и совсем небезобидными. Труд Л.И. Сараскиной опубликован уже на нескольких иностранных языках (французском, итальянском, китайском).

Упомянем также издание, включившее отечественные материалы о творчестве и значении Солженицына для общественного климата в СССР с момента триумфального появления писателя на литературном небосклоне в ноябре 1962 года до его ареста и изгнания в феврале 1974-го — сборник «Слово пробивает себе дорогу»¹³.

В последнее десятилетие в России и зарубежье состоялись пять масштабных международных солженицынских конференций (подробно о них см. ниже). Материалы трех опубликованы¹⁴ (к печати готовится сборник докладов последней московской конференции декабря 2011 года).

В 2011 году впервые на русском языке был издан сборник статей западных исследователей творчества писателя¹⁵.

В 2006-м текст романа «В круге первом» был издан в академической научной серии «Литературные памятники»¹⁶. Работу исключительного интереса и важности проделала для этого издания текстолог М.Г. Петрова.

Книга А.С. Немзера ««Красное Колесо» Александра Солженицына: Опыт прочтения» вышла в свет в 2010-м¹⁷. Свои результаты исследований этого произведения представили Н.М. Щедрина¹⁸ и В.В. Гуськов¹⁹. В 2011 году впервые появилась работа о Солженицыне как литературном критике²⁰.

¹³ Слово пробивает себе дорогу: Сб. ст. и док-тов об А.И. Солженицыне. 1962–1974 / сост. В.И. Глоцер, Е.Ц. Чуковская; вступ. ст. Л.К. Чуковской. М.: Русский путь, 1998.

¹⁴ Между двумя юбилеями: 1998–2003: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах / сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. М.: Русский путь, 2005; Путь Солженицына в контексте Большого Времени: Сборник памяти: 1918–2008 / сост., подгот. текста и общ. ред. Л.И. Сараскиной. М.: Русский путь, 2009; Le phénomène Soljénitsyne: écrivain, stratège, prophète: colloque du Collège des Bernardins, 19–21 mars 2009 / préf. N. Struve. P.: F.-X. de Guibert, 2010.

¹⁵ Солженицын: Мыслитель, историк, художник: Западная критика, 1974–2008: сб. ст. М.: Русский путь, 2010.

¹⁶ Солженицын А.И. В круге первом: Роман / с 3 дополнениями автора, ст. и примеч. М.Г. Петровой. М.: Наука, 2006. (Российская академия наук. Литературные памятники). Роман стал первым произведением, опубликованным в этой серии еще при жизни автора.

¹⁷ Немзер А.С. «Красное Колесо» Александра Солженицына: Опыт прочтения. М.: Время, 2010.

¹⁸ Щедрина Н.М. «Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века. М.: Памятники исторической мысли, 2010.

¹⁹ Гуськов В.В. Кто раскрутил Красное Колесо?: Система персонажей исторической эпопеи А.И. Солженицына «Красное Колесо». Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010.

²⁰ Алтынбаева Г. Литературная критика А.И. Солженицына. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. В том же издательстве напечатано еще одно исследование творчества Солженицына: Князькова В. Проза А.И. Солженицына в словацких переводах: Лексическое своеобразие и его отражение в иноязычном тексте. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2010.

Сборники научных трудов о творчестве Солженицына с 1999 года издает кафедра литературы Благовещенского государственного педагогического университета под руководством А.В. Урманова. Очередной, пятый выпуск серии посвящен малой прозе Солженицына²¹.

Необходимо упомянуть несколько трудов, вышедших в последние годы во Франции. В 2011-м опубликована книга Клода Дюрана, многолетнего директора издательства «Файяр», друга и мирового литературного агента Солженицына²². Книга содержит множество сведений о перепетиях издания произведений писателя на Западе, не известных российскому читателю. В текст включены фрагменты писем Солженицына к Дюрану в переводе на французский язык, прежде не публиковавшиеся. Исследованию жизненного пути Александра Солженицына посвящены книги Вероники Аллеро²³ и Бертрана Ле Менъена²⁴ (долголетнего внимательного читателя Солженицына, рискнувшего написать его биографию). Жорж Нива выпустил в свет два масштабных труда: аналитическое исследование «Феномен Солженицына»²⁵, а также каталог выставки «Солженицын: Отвага писать»²⁶, проходившей в жевевском Музее рукописей Мартина Бодмера с мая по октябрь 2011-го (о ней см. ниже). Помимо подробно аннотированных экспонатов (более 100), каталог содержит объемные тексты куратора выставки Жоржа Нива, а также статьи директора музея Шарля Мела, Клода Дюрана, Вероники Аллеро, Никиты Струве, композитора, автора оперы «В круге первом» Жильбера Ами, переводчицы произведений Солженицына Женевьевы Жоаннэ, биографа писателя Людмилы Сараскиной. Предваряет текст каталога статья Наталии Солженицыной об архиве писателя, откуда ею были предоставлены экспонаты для выставки. Авторы аннотаций к экспонатам: Наталия Солженицына, Стиг Фредриксон, Галина Тюрина.

Фильмы, интервью

Отметим несколько документальных фильмов, созданных на основе интервью с писателем. Французский тележурналист Бернар Пиво издал комплект

---

²¹ Малые жанровые формы в творчестве А. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международн. сб. науч. тр. / отв. ред. А.В. Урманов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011.

²² *Durand C. Agent de Soljénitsyne. P.: Fayard, 2011.*

²³ *Hallereau V. Soljénitsyne, un destin: Portrait littéraire. P.: L'œuvre, 2010.*

²⁴ *Le Meignen B. Alexandre Soljénitsyne. Sept vies en un siècle: Biographie. Arles: Actes Sud, 2011.*

²⁵ *Nivat G. Le phénomène Soljénitsyne. P.: Fayard, 2009.*

²⁶ *Alexandre Soljénitsyne: Le courage d'écrire / sous la direction de G. Nivat. Genève: Éd. des Syrtes, 2011.*

из пяти DVD-дисков его интервью с Солженицыным, снятых для телевизионных передач в 1974, 1975, 1983, 1993 и 1998 годах²⁷. Одно из них, посвященное «Красному Колесу», под названием «Спасенное интервью» было впервые продемонстрировано по российскому телевидению в декабре 2011 года (с кратким телепредисловием А. Денисова).

В 1998-м выпущен DVD-диск с фильмом Александра Сокурова «Узел. Беседы с Солженицыным» в четырех частях. В 2007-м он вышел во Франции с французскими субтитрами²⁸.

Назовем еще три фильма Сергея Мирошниченко: «Жизнь не по лжи» (2001), «На последнем плесе» (2003), «Слово» (2008), выпущенные единым комплектом в 2010 году с английскими субтитрами²⁹.

Конференции, симпозиумы

Конференции разного масштаба и уровня, круглые столы, встречи, обсуждения различных аспектов творчества Солженицына проводятся во многих городах России — помимо Москвы и Петербурга, в Саратове, Ростове-на-Дону, Кисловодске, Благовещенске, Иваново, Рязани, Воронеже, Саратове, Мурманске, Калининграде и др. Перечислим лишь крупнейшие международные конференции, состоявшиеся в последнее десятилетие.

Александр Солженицын: Проблемы художественного творчества
Москва, 17–19 декабря 2003

Aleksandr Solzhenitsyn: Aspects of literary craft
Moscow, 17–19 December 2003

Первая масштабная международная научная конференция, посвященная творчеству Александра Солженицына, состоялась в Москве 17–19 декабря 2003 года. Учредителями выступили Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Российский государственный архив литературы и искусства и Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» (с 2009 года — Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына). На конференции выступили писатели, поэты, литературные критики: Леонид Бородин, Игорь Золотусский, Юрий Карякин, Юрий Кублановский, Олег Павлов, Валентин Распутин,

²⁷ Les grands entretiens de Bernard Pivot. Alexandre Soljenitsyne. P.: Gallimard, 2008.

²⁸ Dialogues avec Soljenitsyne. [Enregistrement vidéo] / un film de Alexandre Sokourov. [S.l.]: Idéale audience, 2007.

²⁹ Александр Солженицын: Трилогия / реж. С. Мирошниченко. М.: Студия «Остров», [2010].

Ольга Седакова. Доклады представили: И.И. Виноградов, Т.И. Вознесенская, С.Д. Воронин, В.Н. Захаров, А.Б. Зубов, Е.В. Иванова, С.И. Кормилов, О.А. Лекманов, Б.Н. Любимов, М.Г. Петрова, А.М. Ранчин, М.Ю. Соколов, П.Е. Спиваковский, Е.Ц. Чуковская, Н.М. Щедрина (Москва); А.В. Урманов (Благовещенск), С.А. Мартыанова (Владимир), С.В. Шешунова (Дубна), П.Е. Фокин (Калининград), А.И. Ванюков (Саратов), Т.В. Клеофастова (Киев), А.Е. Климов (Нью-Йорк), М. Николсон (Оксфорд), Н.А. Струве (Париж), Ж. Гуансюань (Пекин), Р. Темпест (Урбана-Шампейн).

Материалы конференции вошли в сборник наиболее значимых выступлений и статей, посвященных 80- и 85-летним юбилеям писателя: «Между двумя юбилеями...»³⁰.

Александр Солженицын — писатель, легендарный образ, общественный деятель

Урбана-Шампейн (Иллинойс, США), 14–16 июня 2007

Aleksandr Solzhenitsyn as writer, myth-maker & public figure

14–16 June 2007, Urbana-Champaign (Illinois, USA)

Департамент славистики университета Урбана-Шампейн (штат Иллинойс) под руководством проф. Ричарда Темпеста выступил инициатором и организатором международной научной конференции «Александр Солженицын — писатель, легендарный образ, общественный деятель». На заседаниях, проходивших в университете 14–16 июня 2007 года, были представлены новые результаты исследований наследия писателя в литературном, историческом и общественном аспектах. В первый день работы конференции с докладом «Иное время, иное бремя: Солженицын по возврате в Россию» выступила Н.Д. Солженицына. С российской стороны в работе конференции приняли участие М.М. Голубков, Е.В. Иванова, Л.И. Сараскина, П.Е. Спиваковский, А.В. Урманов, С.В. Шешунова. Западное солженицыноведение было представлено докладами американских ученых А. Климова, Д. Махони, Д. Понтузо, Р. Темпеста, Э. Эриксона (США), а также М. Николсона (Великобритания), Ж. Нива (Швейцария). В ходе конференции состоялись два круглых стола с обсуждением литературного и общественного контекста творчества Солженицына. Поделилась своими воспоминаниями о писателе и одна из его ближайших помощниц-«невидимок» Н.Г. Левитская.

К сожалению, труды конференции отдельным изданием не опубликованы.

³⁰ См. выше примеч. 14.

Путь А.И. Солженицына в контексте Большого Времени*Москва, 5–6 декабря 2008***Aleksandr Solzhenitsyn: The course of his life in the context of Greater Time***Moscow, 5–6 December 2011*

Международная конференция была организована Российской академией наук, Министерством культуры Российской Федерации, Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям и Русским Общественным Фондом Александра Солженицына к 90-летию писателя. Заседания проходили в течение двух дней (5–6 декабря 2008) в здании Российской государственной библиотеки — Пашковом доме.

Доклады представили 30 ученых из России и зарубежья. Из российских исследователей творчества Солженицына на конференции выступили О.Ю. Алейников, Л.Е. Герасимова, М.М. Голубков, В.М. Лавров, Б.Н. Любимов, В.А. Котельников, А.С. Немзер, прот. Борис Пивоваров, В.В. Радзишевский, А.Я. Разумов, И.Б. Роднянская, Ю.В. Рокотян, Л.И. Сараскина, П.Е. Спиваковский, А.В. Урманов, Е.Ц. Чуковская, Н.М. Щедрина. Зарубежное солженицыноведение было представлено А. дель Аста (Италия), Д. Байрау (ФРГ), Т. Киносита (Япония), А. де Лазари (Польша), Д. Махони (США), Ж. Нива (Швейцария), М. Николсоном (Великобритания), М. Палат (Индия), Т. Палеологу (Румыния), Н. Струве (Франция), Р. Темпестом, Э. Эриксоном (США), А. Юозайтисом (Литва). Завершил работу конференции доклад Н.Д. Солженицыной, обозначившей ближние и дальние задачи освоения наследия писателя.

Тексты прочитанных на конференции докладов вошли в состав сборника, выпущенного к 90-летию юбилею писателя³¹.

Наш современник Александр Солженицын*Париж, 19–21 марта 2009***Notre contemporain, Alexandre Soljénitsyne***Paris, 19–21 Mars 2009*

Годом позже в Париже в Коллеже бернардинцев (Collège des Bernardins — научно-культурный центр диалога церкви и общества) проходил международный симпозиум «Наш современник Александр Солженицын» (19–21 марта 2009). Соучредителями выступили университеты Париж IV и Париж X, Институт славистики, Русское христианское движение. Симпозиум объединил французских славистов, переводчиков, издателей, а также специалистов-солженицыноведов из других стран.

---

³¹ См. выше примеч. 14.

В заседаниях приняли участие исследователи: Наталья Ликвинцева, Андрей Немзер, Владимир Радзишевский, Людмила Сараскина, Елена Чуковская (Россия); Никита Струве, Жорж Нива, Анна Кольдефи-Фокар, Елена Бальзамо, Женестьева Дельрю, Вероника Аллеро, Бертран Ле Менъен (Франция); Майкл Николсон (Великобритания), Ричард Темпест (США), а также член французского парламента Доминик Суше. На заключительном заседании был организован круглый стол по проблемам перевода произведений Солженицына на французский язык. В нем приняли участие специалисты, в разные годы трудившиеся над переводом книг писателя: Мишель Окутьорье, отец Рене Маришаль, Женестьева Жоаннэ, Луи Мартинез, Жан-Поль Симон, Жорж и Люсиль Нива, Анна Кишилова, Никита Струве, Анна Кольдефи-Фокар, Франсуаза Лесур.

Труды симпозиума опубликованы³².

**Дни Солженицына: Александр Солженицын:
Активный деятель эволюции России и мира**
Экс-ан-Прованс (Франция), 17–18 июня 2011

**Journées Soljénitsyne: Alexandre Soljénitsyne,
acteur de l'évolution de la Russie et du monde**
Aix-en-Provence (France), 17–18 juin 2011

Франция еще раз выступила инициатором и организатором международного форума, посвященного писателю. На два дня, 17 и 18 июня 2011 года, центр французского солженицыноведения переместился в Экс-ан-Прованс, небольшой южный городок неподалеку от Марселя, где по инициативе Ассоциации любителей русской культуры и русского языка были проведены Дни Солженицына. Двухдневная конференция, получившая название «Александр Солженицын: Активный деятель эволюции России и мира», собрала более 300 слушателей, приехавших из разных французских провинций, и стала значимым культурным событием региона.

Открыл заседания сын писателя Степан Солженицын. Программа конференции включила 11 докладов, по преимуществу французских исследователей: Елены Бальзамо (Шартр), Зоэ Вальдес (Париж), Сесиль Вессье (Бретань), Клода Дюрана, Мишеля Крепу (Париж), Луи Мартинеза, Бертрана Ле Менъена (Экс-ан-Прованс), Мишеля Парфенова, Никиты Струве (Париж), Владимира Бойкова (Тамбов) и Галины Тюриной (Москва). С сообщением о роли Александра Солженицына в жизни современного французского политика выступил Эрве Маритон, депутат департа-

---

³² См. выше примеч. 14.

мента Дром региона Рона-Альпы, мэр города Крэ. Участники конференции, знавшие А. Солженицына, поделились воспоминаниями о личных встречах и общении с писателем.

Помимо заседаний на конференции прошли три круглых стола, посвященных философским и политическим идеям Солженицына, его взглядам на историю России и их восприятию во Франции. Доклады и обсуждения перемежались чтением текстов Александра Солженицына: в исполнении молодой актрисы Сесиль Ле Менъен прозвучали две Крохотки, фрагменты из «Архипелага ГУЛАГа» и Гарвардской речи.

Хроника событий, тезисы выступлений, видеозаписи интервью участников и другая информация, связанная с прошедшей конференцией, размещены на сайте: www.journées-soljenitsyne.com.

Жизнь и творчество Александра Солженицына:

На пути к «Красному Колесу»

Москва, 7–9 декабря 2011

Life and work of Aleksandr Solzhenitsyn: The way to The Red Wheel

Moscow, 7–9 December 2011

В начале декабря 2011 года в Доме русского зарубежья состоялась третья московская международная научная конференция, посвященная творчеству писателя. Учредителями выступили Российская академия наук, Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям и Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. По составу участников конференция стала самой представительной: на приглашение оргкомитета участвовать в заседаниях откликнулись ученые из 11 стран: России, США, Франции, Польши, Китая, Японии, Италии, Индии, Швейцарии, Великобритании, Австралии. В программу конференции были включены 60 докладов.

Заседания проходили 7–9 декабря в двух параллельных секциях в большом и малом конференц-залах Дома русского зарубежья и сопровождались синхронным русско-английским и англо-русским переводом.

Рабочие заседания были разделены по направлениям: история, философия, литературная традиция, поэтика, вехи творческого пути. Результаты своих исследований представили следующие докладчики: А. Аркатова, Р. Вакамия, Э.-Б. Вахтель, Д. Волш, Р. Вроон, А. Климов, Д. Дж. Махони, Д. Понтузо, Р. Темпест, Д. Хутен, Д. Шляпентох, Э. Эриксон (США); Е. Бальзамо, К. Дюран, Ф. Лесур, Н. Струве (Франция); Ж. Нива (Швейцария), М. Николсон (Великобритания), Б. Пёрселл (Австралия), К. Ивамото, Д. Хирамацу (Япония), И. Джайтли (Индия), Ж. Гуансюань (Китай), П. Глушковский, М. Сидор (Польша), А. Юозайтис (Литва), В.В. Гуськов,

А. Солженицын в ссылке. Аул Кок-Терек (Казахстан, Джамбульская обл.). 1955.
Фотография Н.И. Зубова
Архив А.И. Солженицына

СОЛЖЕНИЦЫН: ОТВАГА ПИСАТЬ

*Выставка рукописей
и личных вещей писателя.*

Май – октябрь 2011

Автор экспозиции Ж. Нива, художник Э. Машере

Музей рукописей Мартина Бодмера.
Женева (Швейцария)

Справа: выставочная экспозиция

Витрина с рукописью «Архипелага ГУЛАГа»

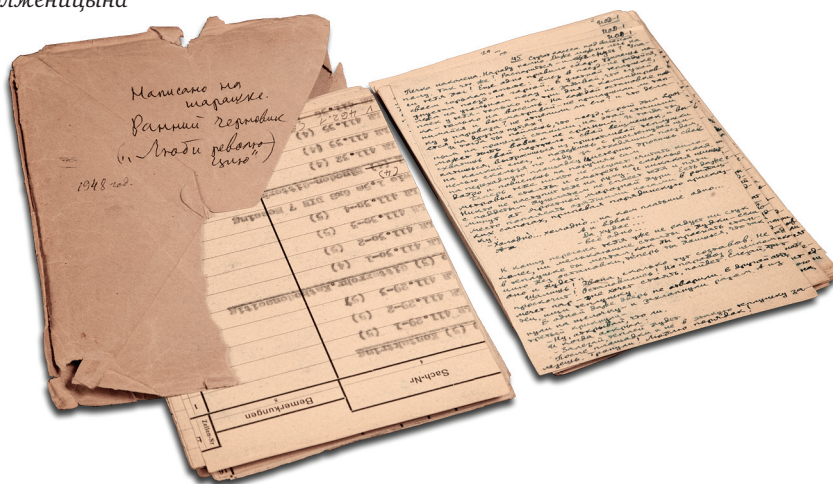
«Архипелаг ГУЛАГ». Рукопись.
466 л. 21×15 см.
Автограф А.И. Солженицына. Чернила.
Хутор под Тарту (Эстония). 1965–1967
Архив А.И. Солженицына

Записные книжечки (самая большая 15×9 см) с выписками из Толкового словаря В.И. Даля, которые Солженицын начал вести на «шарашке» в Сергиевом Посаде в 1947 году. Автограф А.И. Солженицына. Чернила, цветные карандаши. Московская обл. – Экибастуз – Рязань. 1947–1958
Архив А.И. Солженицына

Повесть «Люби революцию». Фрагмент рукописи. Немецкая трофейная бумага фирмы «Лоренц». 66 л. 14,8×10,4 см. Автограф А.И. Солженицына. Чернила. Спецтюрьма МГБ в Марфине, Московская обл. 1948
Архив А.И. Солженицына

Пишущая машинка «Рейнметалл»,
служившая писателю с 1959 года
Архив А.И. Солженицына

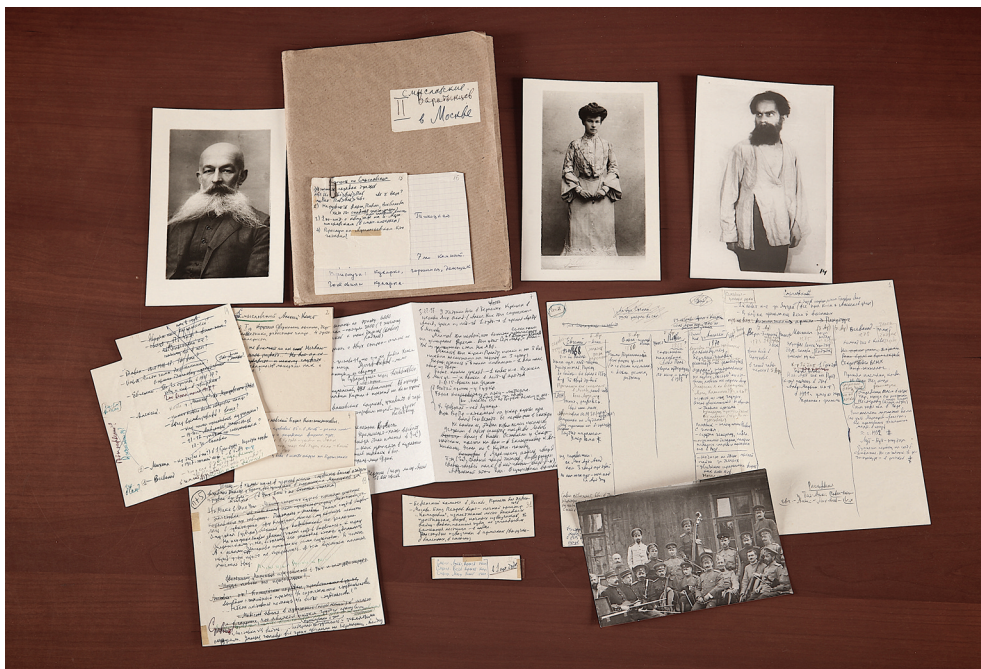

«В круге первом».
Авторская машинопись.
Самая ранняя
из сохранившихся
редакций (3-я).
Двусторонняя печать
без интервалов и полей.
240 л. 20,5×14,3 см.
Рязань. 1962 (датировка «январь –
апрель 1961 г.» в позднейшей
авторской помете ошибочна)
Архив А.И. Солженицына

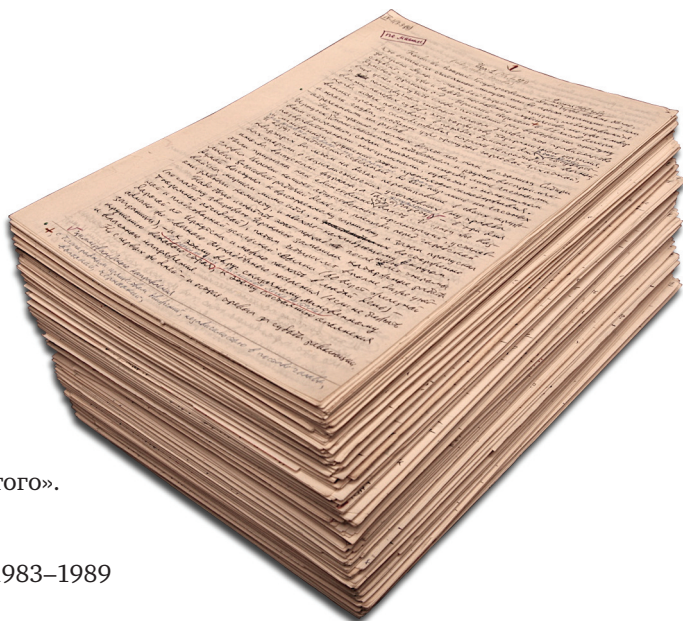

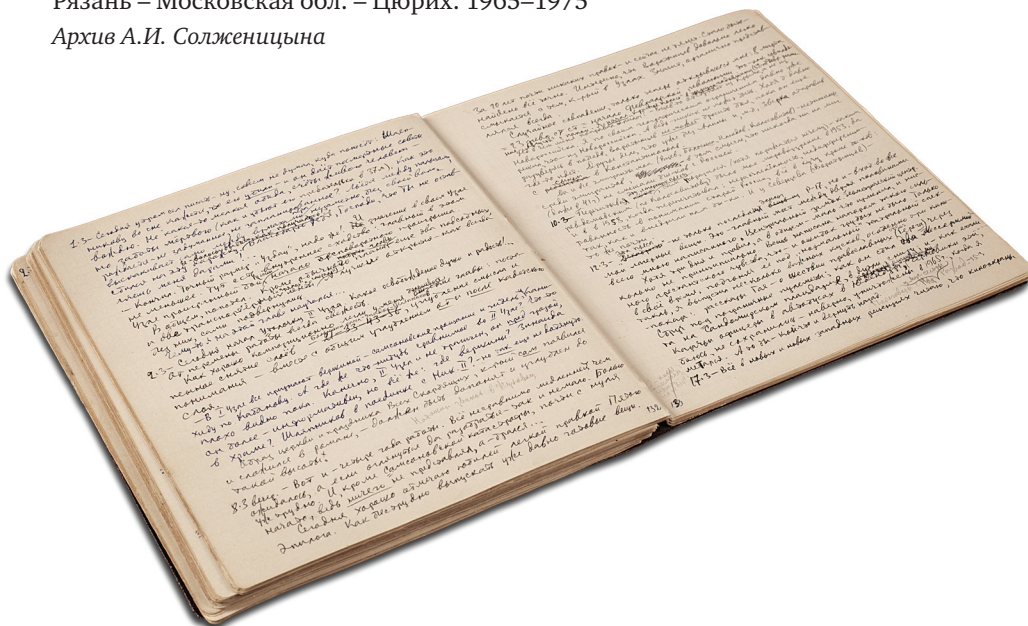
Содержимое конверта «Смысловские в Москве».
Автограф А.И. Солженицына. Чернила, шариковая ручка, карандаш
Архив А.И. Солженицына

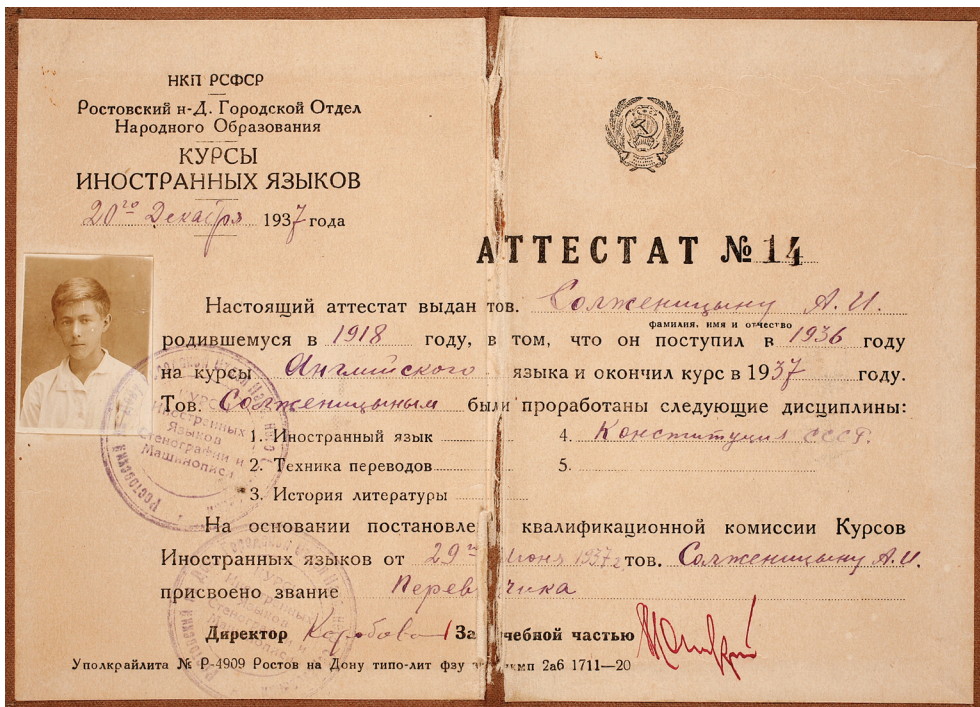
«Красное Колесо».
Узел IV — «Апрель Семнадцатого».
Рукопись. 808 л. 21×15 см.
Автограф А.И. Солженицына.
Шариковая ручка. Вермонт. 1983–1989
Архив А.И. Солженицына

«Дневник Р-17», сопровождавший работу писателя над эпопеей о революции 1917 года. Тетрадь в бордовом кожаном переплете. 82 л. 19,6×16,6 см. Автограф А.И. Солженицына. Чернила, шариковая ручка. Рязань – Московская обл. – Цюрих. 1965–1975
Архив А.И. Солженицына

Аттестат об окончании курсов английского языка и присвоении звания переводчика. Твердая матерчатая обложка. 10,3×7,8 см. Ростов-на-Дону. 1937
 Архив А.И. Солженицына

Удостоверение личности старшего лейтенанта А.И. Солженицына, командира батареи звуковой разведки 794-го отдельного армейского разведывательного артиллерийского дивизиона. Книжечка в колленкоровом переплете. 12 с. 5,9×8,5 см. 30 апреля 1944
 Архив А.И. Солженицына

Телогрейка Солженицына
из экибастузского лагеря.
Казахстан, Павлодарская обл. Начало 1950-х годов
Архив А.И. Солженицына

Нашивки с лагерным
номером Солженицына,
тайно вывезенные
из экибастузского лагеря.
Хлопчатобумажная
ткань. ≈ 10×20 см.
Казахстан. 1952
Архив А.И. Солженицына

Лагерный блокнот и четки, помогавшие Солженицыну повторять и удерживать в памяти сочиненное без бумаги. Блокнот — сшитые черными нитками листы бумаги в клетку в синей матерчатой обложке.
56 л. 10,5×7,5 см.
Четки — 20 пробковых «зерен» на сплетенном из ниток шнуре.
Длина ≈ 30 см.
Экибастуз.
Начало 1950-х годов
Архив А.И. Солженицына

Форма № 30

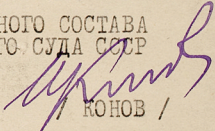

**Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР**

С П Р А В К А

11 февраля 1957 г.
№ 4н-083/57
Москва, ул. Воровского, д. 13.

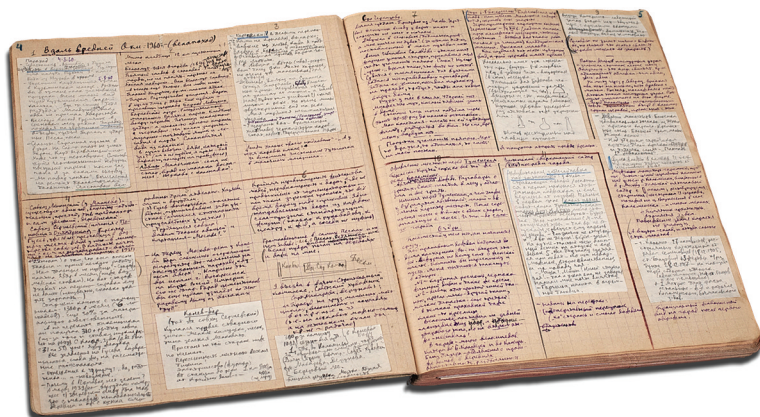
Дело по обвинению СОЛЖЕНИЦЫНА Александра Исаевича пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 6 февраля 1957г.
Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 7 июля 1945 года в отношении СОЛЖЕНИЦЫНА А.И. отменено и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

ЗА ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СУДЕБНОГО СОСТАВА
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

КОНОВ /

ма

Справка о пересмотре дела Солженицына Военной коллегией Верховного суда СССР и об отмене постановления ОСО 1945 года. 1 л. 14,3×20,4 см.
Москва. 11 февраля 1957
Архив А.И. Солженицына

«Путешествия (заметки, сделанные в пути)» — общая тетрадь в синем коленкоровом переплете с путевыми записями. 89 л. 20×17 см.
Автограф А.И. Солженицына. Карандаш, чернила, шариковая ручка. 1959–1993
Архив А.И. Солженицына

Спутники путешествий. Один из многочисленных походных блокнотиков. 4,5×11 см.
Кожаный сапожок, который Солженицын использовал как пенал для канцелярских принадлежностей. 5×10,5×4,5 см. После 1974
Архив А.И. Солженицына

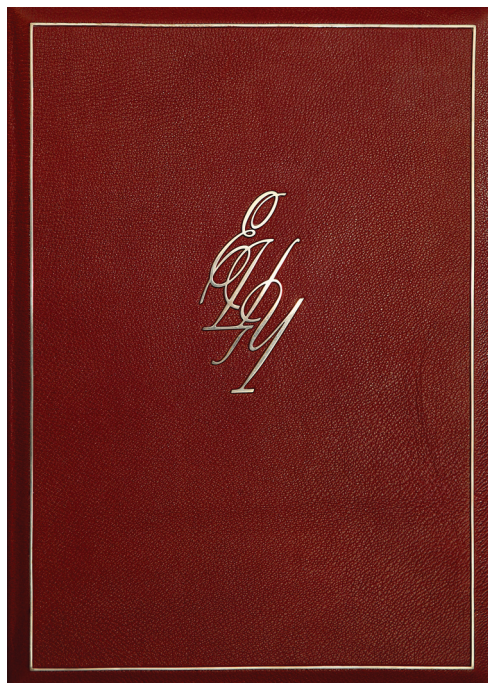

Рассказ «Абрикосовое варенье». Рукопись. 9 л. 21×14,9 см.
Автограф А.И. Солженицына. Шариковая ручка. Вермонт – Москва. 1993–1994.
Очки и очечник писателя. Вермонт. 1980-е годы
Архив А.И. Солженицына

Лупа на ножках — один из рабочих инструментов писателя, находившийся на его столе до последнего дня жизни. 5,5×8 см.
Цюрих. Февраль 1974
Архив А.И. Солженицына

Диплом лауреата Литературной премии
Александра Солженицына 2011 года.
Кожа, серебро. 35×24 см.
Дизайнер С.А. Стулов,
ювелир Н.Б. Ежкин
Архив Е.Ц. Чуковской

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

2011 года

РЕШЕНИЕМ ЖЮРИ ОТ 25 ФЕВРАЛЯ 2011
ПРИСУЖДЕНА

Елене
Цезаревне
Чуковской

за подвижнический труд по сохранению и изданию
богатейшего наследия семьи Чуковских,
за отважную помощь отечественной литературе
в тяжелые и опасные моменты ее истории

М. Виноградов
А. Суворова
Е. Рыжков
Н. Б. Ежкин

С. А. Стулов
М. М. Мухоморов
В. В. Виноградов

Русский Общественный Фонд

ММХI

Т.Е. Смыковская, А.В. Урманов (Благовещенск), Р. Гочияева (Кисловодск), О.Ю. Алейников (Воронеж), Н.В. Ковтун (Красноярск), С.Г. Бочаров, Р.А. Гальцева, М.М. Голубков, Е.В. Иванова, Б.Н. Любимов, А.С. Немзер, И.Б. Роднянская, Л.И. Сараскина, А.В. Селиванов, Н.Д. Солженицына, П.Е. Спиваковский, Г.А. Тюрина, А.А. Хитрая, А.Д. Шмелев, Н.М. Щедрина (Москва), прот. Борис Пивоваров, Е.Н. Проскурина (Новосибирск), Г.М. Алтынбаева, А.И. Ванюков, А.А. Гапоненков, Л.Е. Герасимова (Саратов), Б.В. Аверин, К.А. Баршт, С.А. Кибальник, В.А. Котельников, А.С. Шепель (Санкт-Петербург).

На завершающем пленарном заседании состоялся вечер презентаций вышедших в последнее время книг о творчестве Солженицына — А. Немзера, К. Дюрана, Ж. Нива, Н. Щедриной, В. Гуськова, А. Урманова, Г. Алтынбаевой и др.

Издание материалов конференции предполагается в 2013 году.

Выставки

Жить не по лжи. А.И. Солженицын

Римини (Италия), 24–30 августа 2008

Vivere senza menzogna. A. Solženicyn

Rimini (Italia), 24–30 agosto 2008

В августе 2008 года в Выставочном центре итальянского города Римини состоялся XXIX Международный христианский форум – «Митинг дружбы народов». Традиционно в рамках форума представители разных стран готовят экспозиции по теме, сформулированной организаторами. В 2008-м участникам было предложено поразмышлять над ролью христианина в современном мире. Российская экспозиция, получившая название «Жить не по лжи», была посвящена жизни и творческому подвигу Александра Солженицына (куратор Л.И. Сараскина).

Выставка состояла из рукописей, книг, фотографий и личных вещей писателя, объединенных в два раздела — историко-биографический и художественно-философский, и пользовалась огромным интересом у посетителей: с 24 по 30 августа ее посетили не менее 15 тысяч человек. Среди них — члены правительства Италии, депутаты парламента, представители Ватикана, деятели культуры и литературы. В один из дней работы форума состоялась презентация русского издания биографии Солженицына, написанной Л.И. Сараскиной. По ее свидетельству, интерес к творчеству Солженицына в Европе, и в Италии в частности, — огромен.

Памяти Александра Солженицына (1918–2008)

Москва, сентябрь 2008

Передвижная книжная выставка задумывалась ее создателем, художником-дизайнером Ю.В. Решетниковым³³ как юбилейная к 90-летию писателя в декабре 2008 года. Однако кончина Александра Солженицына в августе 2008 года изменила название выставки, ставшей первой выставкой его памяти.

Экспозиция впервые была представлена 3 сентября 2008-го на открытии XXI Московской международной книжной выставки-ярмарки на ВВЦ. Она состоит из 20 стендов. В верхней части стендов помещены фотоколлажи, отражающие этапы жизненного пути писателя, в нижней представлены его книги на русском и иностранных языках начиная с легендарного одиннадцатого номера «Нового мира» за 1962 год, образцов Самиздата, изготовленных в годы запрета произведений Солженицына на родине, и заканчивая новинками российских и иностранных издательств (представлены более 70 издательств разных стран мира и переводы на 34 языка — всего более 200 книг). Последние стенды с новейшими изданиями ежегодно обновляются.

Стенды складные, выставка легко собирается и может быть представлена практически в любом помещении. В октябре 2008 года выставка посетила книжную ярмарку во Франкфурте-на-Майне, затем вернулась в Москву, в Пашков дом, где 5–6 декабря 2008-го проходила конференция «Путь А.И. Солженицына в контексте Большого Времени», а летом 2009-го (с 16 июля по 15 сентября) экспонировалась в столичном Государственном литературном музее. В ноябре 2010 года стенды были выставлены в Перми, в декабре 2011-го выставка встречала участников и гостей международной солженицынской конференции в Доме русского зарубежья.

Издан каталог выставки, где фотографии стендов сопровождаются двадцатью выдержками из произведений А.И. Солженицына³⁴.

Александр Солженицын и его время в фотографиях

Москва, ноябрь-декабрь 2008

К 90-летию писателя готовилась и масштабная фотовыставка, организованная Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациями и Московским Домом фотографии. Экспозиция была представлена в Центральном выставочном зале «Манеж» 27 ноября – 14 декабря 2008 года.

³³ Автор постоянных экспозиций Государственного лермонтовского музея-заповедника «Тарханы» и Государственного историко-литературного и природного музея-заповедника А. Блока в Шахматове.

³⁴ Памяти Александра Солженицына: 1918–2008: Каталог передвижной книжной выставки / сост. Н.Д. Солженицына. М.: Русский путь, 2009.

По замыслу ее автора, директора Дома фотографии О.Л. Свибловой, жизнь Солженицына в фотографиях разворачивалась на фоне фотодокументов, передающих дух и атмосферу российской жизни, участником, свидетелем и летописцем которой он был.

Неожиданным для большинства посетителей было знакомство с Солженицыным-фотографом. На сделанных им снимках — пейзажи и сцены жизни в казахском ауле Кок-Терек, где писатель отбывал после лагеря ссылку, учителя и ученики местной школы, где он преподавал математику и физику, портреты друзей (таких же, как он, ссыльных Н.И. и Е.А. Зубовых), его ма-занка снаружи и внутри, несколько автопортретов. Сам Солженицын пишет об этом так: «Едва мы с Николаем Ивановичем (Зубовым. — Г.Т.) стали на “вольной” службе зарабатывать уже не лагерного масштаба деньги, мы, как два повзрослевших мальчика, осуществили свою давнишнюю мечту: купили по фотоаппарату»³⁵.

В нескольких местах выставочного пространства были установлены мониторы, на которых шла демонстрация видеороликов с хронологией жизни и творческого пути писателя, сведениями о его помощниках-«невидимках», фрагментами его выступлений и интервью. В смежном зале демонстрировались документальные фильмы, посвященные Солженицыну.

Солженицын: Отвага писать

Женева (Швейцария), 14 мая – 16 октября 2011

Soljenitsyne, le courage d'écrire

Genève (Suisse), 14 mai – 16 octobre 2011

13 мая 2011 года в Женеве в Музее рукописей Мартина Бодмера состоялось открытие выставки, посвященной жизни и творчеству Александра Солженицына. Отвечая на предложение музея, Н.Д. Солженицына предоставила 80 экспонатов из архива писателя: рукописи (общее количество листов превосходит 2 тысячи), письма, документы, личные вещи, печатные издания и книги Самиздата.

Музей Мартина Бодмера — единственный в мире специализированный музей рукописей. Основу его фондов составило частное собрание одного из крупнейших коллекционеров XX века Мартина Бодмера (1899–1971). Коллекция с поражающей полнотой отражает историю письменности начиная с шумерских глиняных клинописных табличек и вавилонских печатей и заканчивая автографами современных писателей. Среди 150 тыс. экспонатов, наполняющих фонды музея, фрагмент египетской

³⁵ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 408 (Невидимки. Очерк 1).

«Книги мертвых» (V в. до н.э.), один из древнейших папирусов с текстом Евангелия от Иоанна (начало III в. н.э.), средневековые манускрипты, автографы Данте, Гёте и Шиллера, партитуры Моцарта, Бетховена, Шуберта и Вагнера, письма Микеланджело, портрет Данте работы Боттичелли, рисунки Пикассо, а также уникальные образцы инкунабул (среди них — 42-строчная Библия Гутенберга, до 1931 года находившаяся в России) и первоизданий, самые значительные из них — полные собрания первых публикаций Шекспира и Сервантеса.

Здание музея построено по проекту знаменитого архитектора Марио Ботта в 2003 году. Постоянная экспозиция располагается в двух просторных залах, находящихся под землей и оснащенных самым современным оборудованием. Точечный свет фонариков освещает витрину с экспонатами, лишь когда к ней подходит посетитель: отсутствие яркого света — важнейшее условие для хранения манускриптов. В одном из залов дважды в году устраиваются временные выставки рукописей из разных музеев мира. Концепция выставки «Солженицын: Отвага писать» разработана ее куратором Жоржем Нива и художником музея Элизабет Машере. Сердцем экспозиции стала витрина с рукописью «Архипелага ГУЛАГа» (1965–1967), сооруженная в виде ковчега. В соседних витринах помещены другие автографы Солженицына: рукопись «Ракового корпуса» (1963–1965), фрагмент повести «Люби революцию» (1948), рассказ «Абрикосовое варенье» (1993–1994), авторская машинопись романа «В круге первом» (1962), книжечки с выписками из Толкового словаря Даля (1949–1986).

Отдельная витрина посвящена многолетней работе над эпопеей «Красное Колесо»: студенческий блокнот 1937 года с первыми главами самсоновской катастрофы; «семейные» главы «Августа Четырнадцатого» на немецкой трофейной бумаге («шарашка» Марфино, 1948); конверты самодельной картотеки «Красного Колеса» (1960–1980); рукопись «Октября Шестнадцатого» (1973–1981); первая из двух тетрадей «Дневника Р-17» (1965–1975). Помимо рукописей — подлинные документы родителей писателя, его собственные документы времени учебы, войны, ссылки, реабилитационные справки.

В витрине, посвященной «Одному дню Ивана Денисовича», — лагерная телогрейка и нашивки с лагерным номером, тайно вывезенные Солженицыным из Экибастуза, самодельные четки и блокнот — помощники в его лагерном сочинительстве и удержании сочиненного в памяти. Сухой кусок тюремного лефортовского хлеба напоминает обстоятельства его второго ареста и изгнания из Советского Союза. Представлены спутники писателя за рабочим столом: очки в меховом вермонтском очечнике и удобная лупа со складывающимися ножками, а также полевая сумка и пенал-сапожок с маленькими карандашиками — его неизменные товарищи в путешествиях.

Не забыты и самиздатские книги, которые с риском для себя изготовляли и распространяли читатели Солженицына в Советском Союзе в 1970-е годы, им посвящена отдельная витрина.

На стене зала помещены две картины: портрет Солженицына, написанный Анатолием Зверевым (1978), и «Замок святого Грааля» работы С.М. Ивашева-Мусатова (1965), товарища Солженицына по марфинской «шарашке».

К открытию выставки организаторы выпустили ее каталог, расширенный статьями французских и российских солженицыноведов³⁶.

Музеи

В настоящее время в России функционируют два музея, посвященные Солженицыну, оба размещены в небольших выставочных залах, в которых представлены фотографии и личные вещи писателя. Один находится в средней школе поселка Мезиновский, где Солженицын учительствовал в 1956/57 учебном году, живя у Матрены Васильевны Захаровой после возвращения в Россию из казахстанской ссылки. Второй располагается в одной из аудиторий Рязанского колледжа электротехники, о котором написан рассказ «Для пользы дела» (1963). В «музее рассказа» — фотографии студентов и преподавателей — прототипов героев рассказа, книги с автографами Солженицына.

В октябре 2011 года на факультете русской филологии и национальной культуры Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина была открыта аудитория Александра Солженицына. Она расположена рядом с двумя другими мемориальными аудиториями: Сергея Есенина и Ивана Срезневского. В мемориальных аудиториях, имеющих постоянные экспозиции, проходят ежедневные занятия студентов. На стенах солженицынской аудитории размещены стенды с фотографиями, в витринах представлены книги и автографы писателя.

Филиалом Государственного литературного музея станет музей Солженицына в Кисловодске, в доме его тети Марии Захаровны Гориной, где писатель провел годы раннего детства. Дом сохранился, но находился в аварийном состоянии. В настоящее время идет его реставрация. Концепцию будущего музея разработал художник-дизайнер Ю.В. Решетников.

По решению московского правительства квартира семьи писателя, где он был арестован в феврале 1974 года (Тверская ул., д. 12, стр. 8) станет мемориальной. Сейчас в этом помещении располагается московское представительство Русского Общественного Фонда Александра Солженицына.

---

³⁶ См. выше примеч. 26.

Произведения А.И. Солженицына в искусстве

Безуспешные попытки экранизировать прозу Солженицына и поставить его пьесы на театральной сцене делались в СССР еще в начале 1960-х годов. В 1991-м замысел тридцатилетней давности осуществил главный режиссер Московского академического Художественного театра Олег Ефремов, поставив пьесу «Олень и шалашовка».

В год 50-летия победы в Великой Отечественной войне состоялась премьера спектакля Малого театра «Пир победителей» (режиссер Б. Морозов). Удивительна судьба этой пьесы: сочиненная устно в экибастузском лагере на общих работах в 1951-м, захваченная КГБ и едва не утраченная автором в 1965-м, она с большим успехом прошла на главной драматической сцене страны через полвека после создания.

Более десяти лет шел на сцене Театра на Таганке спектакль «Шарашка», поставленный Юрием Любимовым к 80-летию Солженицына. Сам Любимов, несмотря на преклонный возраст, в каждом спектакле выходил на сцену в роли Сталина.

Ежемесячно в авангардном московском театре «Практика» народный артист России Александр Филиппенко представляет моноспектакль — театрализованное чтение «Одного дня Ивана Денисовича». В Государственном академическом театре имени Евг. Вахтангова с 2008 года дважды в месяц на Малой сцене идет спектакль «Матренин двор» (режиссер В. Иванов, исполнители — Александр и Елена Михайловы).

В 2009-м состоялась российская премьера оперы Александра Чайковского «Один день Ивана Денисовича», поставленная Пермским академическим театром оперы и балета имени П.И. Чайковского (режиссер Г. Исаакян). В 1996–1999 годах оперу по роману «В круге первом» написал французский композитор Жильбер Ами. Назовем еще сочинение для хора без сопровождения петербургского композитора Юрия Фалика на текст «Молитвы о России» Солженицына, впервые исполненное в январе 2009 года в Глазуновском зале Санкт-Петербургской консерватории, а затем в феврале — в Большом зале Московской.

В 2006 году по российскому телевидению впервые был продемонстрирован многосерийный фильм режиссера Глеба Панфилова по роману «В круге первом». Это первая экранизация книги Солженицына на родине. Сценарий для российского сериала Солженицын писал сам. Фильм обогатили фрагменты его авторского чтения.

Семинар, посвященный трудам и дням писателя

В сентябре 2010 года в составе научного центра Дома русского зарубежья начал работу отдел по изучению наследия А.И. Солженицына. Из первых шагов отдела — организация семинара, задуманного как площадка для общения специалистов-солженицыноведов и читателей — поклонников творчества писателя. Первое заседание семинара состоялось в мае 2011-го, доклад о литературоцентричности романа «В круге первом» сделал литературовед А.С. Немзер. Осенью того же года были проведены еще два заседания: филолог И.Е. Мелентьева представила на обсуждение результаты своего исследования о Лескове и Солженицыне; ректор Высшего театрального училища имени М.С. Щепкина Б.Н. Любимов рассказал об истории постановки на сцене Малого театра пьесы «Пир победителей» (1995). В феврале 2012-го профессор Московского государственного университета Л.А. Колобаева прочитала доклад о «Раковом корпусе»³⁷. На апрельском заседании семинара Е.В. Иванова, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН, сделала доклад о соотношении действительности и вымысла в произведениях Солженицына. В мае первые результаты исследования темы Москвы в творчестве писателя были представлены И.В. Дорожинской, учителем русского языка и литературы московской гимназии № 1543, и Г.А. Тюриной, заведующей отделом по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья³⁸.

In memoriam

Александр Исаевич Солженицын скончался 3 августа 2008 года. Согласно его последней воле, по благословию Патриарха Московского и всея Руси Алексия II он был погребен в некрополе Донского монастыря, за алтарем храма Преподобного Иоанна Лествичника. Летом 2010 года на могиле был установлен памятный крест (работы скульптора Д.М. Шаховского). В дни памяти писателя здесь совершаются панихиды. На могиле постоянно появляются живые цветы — ручеек идущих благодарно поклониться памяти писателя не иссякает с течением времени и не зависит от погоды.

По решению правительства Москвы в 2009 году Библиотеке-фонду «Русское Зарубежье» присвоено имя писателя, а пролегающая неподалеку Большая Коммунистическая улица стала улицей Александра Солженицына.

³⁷ Первые четыре доклада, прочтенные на солженицынском семинаре, публикуются в настоящем выпуске «Тетрадей». См. раздел «Статьи, дискуссии, воспоминания».

³⁸ Последние два доклада будут опубликованы в следующем выпуске «Солженицынских тетрадей».

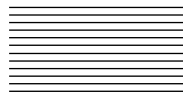
Улица его имени будет и в Ростове-на-Дону, где писатель провел детские и юношеские годы. Администрация Хабаровска также приняла решение о присвоении одной из улиц города имени Солженицына. Итальянцы назвали его именем аллею в одном из центральных парков Рима, а французы — сквер на площади Майо в Париже. Центральная площадь небольшого городка Крэ на юго-востоке Франции в 2010-м получила имя Александра Солженицына. В миланском «Саду праведников» в июне 2011-го посажено дерево Александра Солженицына.

В 2011 году открыта мемориальная доска с барельефом писателя на стене Ростовского государственного университета, где он учился. Ранее мемориальные доски были установлены на зданиях мезиновской средней школы и рязанской гимназии № 2 им. И.П. Павлова, где работал учитель Солженицын.

В апреле 2009 года правительство Российской Федерации учредило для студентов вузов, достигших выдающихся успехов в литературном творчестве, политологии и журналистике, 10 персональных стипендий имени А.И. Солженицына. Ежегодный конкурсный отбор стипендиатов поручен одному из авторитетнейших вузов, Российскому государственному гуманитарному университету (РГГУ).

В день рождения Александра Солженицына, 11 декабря, в Доме русского зарубежья собирается большое число близких и друзей писателя, почитателей его творчества. По уже сложившейся традиции представляется иллюстрированный «годовой отчет» об изданиях книг и связанных с его именем событиях. Фильмы или видеозаписи интервью с Солженицыным всегда вызывают живой отклик и теплое чувство сопричастности у зрителей.

11 декабря 2008 года начал работу официальный сайт Александра Солженицына, где можно найти актуальную информацию, эталонные тексты его произведений и литературу о нем: www.solzhenitsyn.ru.

ЛОТМАН И СОЛЖЕНИЦЫН: ВОСПОМИНАНИЯ, ПИСЬМА, ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ

*К 90-летию со дня рождения Ю.М. Лотмана
и 50-летию публикации «Одного дня Ивана Денисовича»*

*Публикация, подготовка текстов,
предисловие и примечания Г.А. Тюриной*

В феврале 2012 года отмечалось 90-летие со дня рождения Юрия Михайловича Лотмана. В ноябре — 50-летие выхода в свет рассказа «Один день Ивана Денисовича». Ю.М. Лотман высоко ценил опубликованный в 1962-м рассказ Солженицына и горячо поддержал его выдвижение на Ленинскую премию 1964 года. Когда в центральной печати началась кампания против этой кандидатуры, Лотман направил письмо в Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете министров СССР¹.

В этом прежде не публиковавшемся письме сложно сочетаются глубокие убеждения автора (в частности, соображения о «трудовом человеке», отразившиеся и в ряде научных работ, сравнение Ивана Денисовича с Василием Теркиным) и «этикетные формулы», необходимые «для пользы дела». Задача обращения Лотмана в Комитет по Ленинским премиям конкретна: он борется за награждение Солженицына, за официальное признание правоты писателя (и тем самым — осуждение преступлений власти) и ясно дает понять адресатам, что в поддержке Солженицына он совсем не одинок. Ссылка на суждения эстонских колхозников призвана указать на социальную и национальную принадлежность людей, высоко оценивших «Один день Ивана Денисовича». Это не только интеллигенция, это «представители» той «советской нации», что немало пострадала в сталинскую эпоху (в СССР декларативно превозносилась «дружба народов»).

Наряду с этим документом мы публикуем несколько писем и поздравительных открыток 1964–68 годов, сохранившихся в архивах Лотмана и Солженицына.

---

¹ История nepолучения Солженицыным Ленинской премии за рассказ отражена в дневниках главного редактора журнала «Новый мир» А.Т. Твардовского. См.: Твардовский А.Т. Новомирский дневник: в 2 т. М.: ПРОЗАИк, 2009. Т. 1. С. 200, 239, 245–251, 256–259.

Еще два архивных документа, впервые предлагаемые вниманию читателей, — форзацы «Блоковского сборника» 1964 года² и «Трудов по русской и славянской филологии» 1965-го³, с дарственными надписями Солженицыну рукой Лотмана и подписями некоторых авторов сборников. Примечательна история их сохранности в архиве писателя. После ареста и высылки Солженицына в феврале 1974-го перед его женой встала задача тайно переправить на Запад архив, необходимый ему для продолжения работы. По существовавшим правилам книги, изданные в СССР после 1945 года, можно было пересылать по почте. Тартуские сборники вместе с другими изданиями домашней библиотеки отправили открытой почтой, предварительно аккуратно вырезав из них форзацы с дарственными надписями (чтобы не подводить дарителей в случае проверки книжных посылок). А вырезанные листы достигли писателя в составе тайного архива.

История знакомства с Солженицыным летом 1963 года изложена Лотманом в его «Не-мемуарах», основу которых составили воспоминания о войне, учебе в Ленинградском университете, переезде и работе в Тарту. Уступая просьбам и уговорам близких, Лотман начал диктовать эти воспоминания менее чем за год до своей кончины, и они остались незавершенными. К первой публикации «Не-мемуары» были подготовлены сестрой автора Л.М. Лотман, сыном М.Ю. Лотманом и ученицей Е.А. Погосян⁴. Фрагмент о знакомстве с Солженицыным, дополненный дневниковыми записями Е.С. Булгаковой, еще раз был опубликован Т.Д. Кузовкиной в журнале «Вышгород»⁵. Мы вновь печатаем живой рассказ Ю.М. Лотмана об этой, по его словам, «совершенно булгаковской истории».

Личная встреча Лотмана и Солженицына оказалась единственной, хотя между ними возникла взаимная симпатия. После первой поездки в Эстонию в июле 1963-го Солженицын еще несколько раз бывал в Тарту, но в условиях жестокой конспирации: одинокий хутор близ этого города стал для писателя необходимым «Укрывищем», где был создан «Архипелаг ГУЛАГ». В одном из очерков мемуарной книги «Бодался теленок с дубом» Солженицын с благодарностью рассказывает о своих эстонских друзьях: лубяньском сокамернике Арнольде Сузи, его семье и близких, устроивших это надежное «Укрывище». «...Так прочно создался этот эстонский тыл, — вспоминает Солженицын, —

² Блоковский сборник. Вып. 1: Труды науч. конф., посвящ. изучению жизни и творчества А.А. Блока, май 1962 г. / отв. ред. Ю.М. Лотман; Тартуский гос. ун-т. Тарту, 1964.

³ Труды по русской и славянской филологии. VIII: Литературоведение / отв. ред. Б.Ф. Егоров. Тарту, 1965. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 167).

⁴ См.: Лотман Ю.М. Не-мемуары // Лотмановский сборник. М.: ИЦ – Гранат, 1995. № 1. С. 42–45. Переиздано в кн.: Лотман Ю.М. Воспитание души. СПб.: Искусство-СПб., 2003. С. 8–51 (о Солженицыне с. 45–47).

⁵ Кузовкина Т.Д. Вставная глава, или История одного знакомства // Вышгород (Таллин). 1998. № 3. С. 127–132.

что когда 13 сентября 1965 грянула гроза надо мной, узнал я о провале архива, а сидел в это время на всех заготовках и рукописях “Архипелага”, всё в клочках и фрагментах... — то и мысли не было другой, куда спастись своё сокровище, куда поеду я его дорабатывать, если уцелею, — конечно в Эстонию». «...Я проработал две зимы кряду, 1965–1966 и 1966–1967, действительно скрытый начисто от ГБ, и от слухов. <...> Связи с внешним миром я себе не оставил никакой... то всё, во внешнем мире, и не могло меня касаться: я соединился со своим заветным материалом на отшибе мира, и единственная и последняя жизненная цель была — чтоб из этого соединения родился “Архипелаг”»⁶.

Бывая проездом в Тарту, Солженицын не нарушал конспирации и ни разу не зашел к Лотманам. Обещание «Если буду в Тарту — зайду непременно» находим в тексте открытки Солженицына Лотманам, датированной январем 1968-го, то есть временем, когда корпус «Архипелага...» был уже в основном закончен. Но после того как летом 1967-го писатель забрал из «Укрывища» свою пишущую машинку, ему больше не пришлось побывать в Эстонии.

Приносим благодарность за предоставление публикуемых документов Н.Д. Солженицыной, Российскому государственному архиву литературы и искусства, отделу рукописей и редких книг библиотеки Тартуского университета (и лично сотруднику отдела Т.К. Шаховской).

Документы публикуются в хронологическом порядке вслед за рассказом Ю.М. Лотмана об истории знакомства с А.И. Солженицыным.

Ю.М. Лотман

[ИЗ «НЕ-МЕМУАРОВ»]¹

В доме, в котором мы жили (я, Зара Григорьевна и дети²), по тогдашней тартуской манере двери никогда не запирались. В Тарту тогда это не было исключением. Войдя с улицы через крошечную прихожую, можно было пройти прямо в самую большую из наших комнат, в которой помещалась столовая, приемная для гостей и мой кабинет.

Утром одного из воскресений, когда я, Зара Григорьевна и дети сидели за завтраком, кто-то энергичными шагами вошел с лестницы и кулаком по-

---

⁶ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 434–436.

¹ Публикуется по: Лотман Ю.М. Не-мемуары // Лотмановский сборник. М.: ИЦ – Гранат, 1995. № 1. С. 42–45.

² Речь идет о жене Ю.М. Лотмана Заре Григорьевне Минц и их маленьких сыновьях — Михаиле, Григории и Алексее.

стучал в дверь. В дверях стоял высокий человек с энергией в лице и фигуре, которая выражала полную готовность вступить в драку.

Нас осаждали заочники. Провалившись на экзамене, они часто не уезжали, потому что командировочные им оплачивали только при условии полной успеваемости. Я решил, что это очередной двоечник, который будет сейчас доказывать, что тройку он заслужил. Однако ситуация оказалось иной.

Вошедший представился. Это оказался в ту пору только что прогремевший своей первой повестью «Один день Ивана Денисовича» Солженицын. Не помню, как он представился, но и из слов, и из жестов вытекало, что он приехал бить мне морду. Для того чтобы объяснить ситуацию, придется немножко вернуться назад.

В это время наши старшие курсы были достаточно сильными. Зара Григорьевна увлеченно пользовалась несколько расширившимися возможностями вносить в программу новации. Курс советской литературы быстро делался интересным. «Лауреатов» удалось потеснить и за их счет частично ввести эмигрантскую литературу и репрессированных писателей. Все это было совершенно ново. Ни в Ленинграде, ни в Москве ничего подобного не было.

Так, на кафедре образовалась небольшая группа студентов, активно под руководством Зары Григорьевны изучавших творчество Булгакова. Один из них, подававший большие надежды парень, из местных русских, очень способный молодой человек, но с детства алкоголик и kleптоман (что нам было неизвестно), был участником этих занятий. С рекомендацией Зары Григорьевны и моей он был гостеприимно принят Еленой Сергеевной Булгаковой и допущен к чтению по машинописной копии еще не опубликованного тогда романа «Мастер и Маргарита». Через некоторое время он стал появляться на кафедре с машинописью этого романа (это был не первый экземпляр, но с карандашной авторской правкой). Он заверил, что получил эту рукопись легальным путем от Елены Сергеевны.

Дальше разыгралась совершенно булгаковская история. Елена Сергеевна взволнованно сообщила нам, что экземпляр «Мастера и Маргариты» выкраден, и что она крайне тревожится, поскольку ведет переговоры с Симоновым о публикации (переговоры довольно безнадежные и затянувшиеся, но не прекращавшиеся), и что если рукопись ускользнет за границу и там будет опубликована, то это навсегда (тогда казалось, что навсегда) закроет возможность издания ее в СССР³.

Я поехал к упомянутому студенту домой — он жил на самом краю Тарту в плотном, совершенно купеческом доме, построенном, вероятно, в 10-е годы, с богатым фруктовым садом и высоким забором с запиравшейся калиткой.

---

³ Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» впервые опубликован в СССР со значительными купюрами в журнале «Москва» (1966. № 11; 1967. № 1).

Первое, что мне бросилось в глаза, — на полках большое количество пропавших у меня книг. Я повел себя несколько театрально, в духе маркиза Позы, о чем сейчас, может быть, стыдно сказать, но из песни слова не выкинешь. Я сделал театральный жест и произнес голосом шиллеровского героя: «Вам нужны эти книги? Я Вам их дарю!» (конечно, надо было себя вести проще, но тогда я себя повел так, видимо, именно эта театральность произвела некоторый эффект). После этого я повернулся и опять-таки голосом маркиза Позы сказал, кажется, что-то в таком духе: что если в его душе есть остатки чести, он должен до вечера принести мне рукопись Булгакова, что шарить у него и делать обыск я не собираюсь. После этого я ушел.

Похититель, которого я ждал дома, не появлялся. Ночью (Зара Григорьевна и дети уже спали) я сидел у настольной лампы в темной комнате и ждал. Где-то около двух часов на лестнице раздались шаги. Через незапертую дверь просунулась рука и на стол в прихожей упало письмо (в моем архиве это письмо должно быть). После этого шаги удалились и дверь захлопнулась.

Письмо было совершенно ужасное. Такое письмо могла бы написать смесь Свидригайлова с Мармеладовым. Оно было покаянное, с отвратительными подробностями, с каким-то добавлением юродства, совершенно в духе Достоевского. Письмо сообщало, что рукопись уже отправлена Елене Сергеевне (деталь: бандероль он отправил незаказную, хотя тогда разница в стоимости исчислялась ничтожными копейками, зато незаказные часто терялись).

Эпизод этот закрыл его герою до этого бесспорно ему принадлежавшее место в аспирантуре. По распределению он ушел в пригородную школу недалеко от своего дома, а вскоре спился и умер. А кстати, очень красивый был парень.

И вот эта история получила неожиданное продолжение. Я уже знал от Елены Сергеевны, что вопрос исчерпан (ее задело, что отправлено было простой почтой, а мне как невольному соучастнику всей этой грязной истории потом было тяжело с ней встречаться, хотя никаких упреков или обвинений с ее стороны я никогда не слышал). Но оказалось, что Елена Сергеевна некоторое время не знала, что рукопись отправлена к ней. И именно в это «некоторое время» я и услышал в вокресенье энергичный стук в нашу дверь. К счастью, в первых же словах я мог успокоить Солженицына известием, что рукопись уже отправлена Елене Сергеевне и если еще не пришла, то должна прийти сегодня-завтра⁴.

---

⁴ Сведения о том, как состоялось его знакомство с Е.С. Булгаковой, Солженицын сообщил в 2001 году Л.И. Сараскиной: «Когда я был у Ахматовой второй раз (30 ноября 1962), Анна Андреевна спрашивает: “А вы не хотите ли познакомиться с Еленой Сергеевной Булгаковой?” Я отвечаю, что очень охотно. Она тогда и говорит: я сейчас набираю номер — потом дает мне трубку и соединяет с Еленой Сергеевной. Я потом очень подружился с ней, у нее прочел роман “Мастер и Маргарита”, одним из первых, еще никто не читал. “Театральный роман” прочел. Я вообще считаю Булгакова бесконечно близким себе. Хотя мы разные, но по какому-то складу и соотношению с советским временем чувствую в нем себя, свое, родное» (Сараскина Л.И. Солженицын. М.: Мол. гвардия, 2009. С. 504).

Разговор сразу принял другое направление. Я не помню, о чем мы говорили, но в центре, видимо, был «Один день Ивана Денисовича» и вопрос о возможности устройства в эстонскую обсерваторию или физический институт блестящего астронома NN⁵, который после лагеря хотел эмпирически проверить теоретические расчеты о выделении элементов воздуха (или каких-то газов?) на Луне и о возможности каких-то форм простейшей жизни — он тогда был без работы. Расстались мы уже совершенно спокойно, и в тот же день я зашел к нему в гостиницу и мы довольно долго ходили по Тарту. Позже мы обменялись несколькими письмами. К сожалению, больше встреч у нас не было.

ПИСЬМА, ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ

1. Ю.М. Лотман — в Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства¹

С большим удовлетворением узнал я о выдвижении на Ленинскую премию повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Дело не только в том, что повесть А. Солженицына принадлежит к произведениям, свидетельствующим о зрелом творческом мастерстве автора, — мне хотелось бы отметить другую сторону этого произведения: повесть А. Солженицына — живое свидетельство того благотворного влияния, которое оказали на нашу литературу постановления XX и XXII съездов КПСС, восстановление ленинских норм партийной и государственной жизни. Мне приходилось беседовать со многими читателями Солженицына, людьми разных интересов и вкусов, но неизменно я убеждался, что произведение Солженицына воспринимается как произведение глубоко партийное, органически связанное со смелым ленинским курсом нашего ЦК, с решениями XX и XXII съездов. Я не могу согласиться с теми критиками, которые не увидели в повести утверждающего начала и отнесли ее к произведениям чисто «критического» плана. Повесть Солженицына пронизана пафосом утверждения ленинского отношения к человеку. Более того, автор показывает, что и в тех неимоверно трудных условиях, в которые культ личности Сталина поставил его героев, они остаются советскими людьми. Нельзя согласиться и с тем, что главный герой повести — «маленький человек», он трудовой человек, он все умеет², он человек, для которого труд составляет все содержание жизни, ее

⁵ Возможно, речь идет о профессоре Николае Александровиче Козыреве (1908–1983), девять лет (1936–1945) проведен в лагерях. Его история описана в «Архипелаге ГУЛАГе». См.: Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования: 1918–1956 // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2010. Т. 4. С. 428–432.

основную потребность. Эту потребность труда не могут «отбить» у него даже те страшные условия, в которые он поставлен. Эта потребность труда, *умение, доведенное до степени творчества*, делает образ глубоко народным. И, вместе с тем, хочется подчеркнуть, что герой глубоко отличен от персонажей из народа в литературе критического реализма. Автор не только показывает человека, вся жизнь которого погружена в труд. Он подчеркивает, что даже в ненормальных, лагерных условиях труд сродни правде, он объединяет людей, отделяет их от тунеядцев, дает им радость творчества, он *социалистичен по существу*. Это очень хорошо видно на примере сцены строительства. Труд становится здесь критерием, по которому люди, советские по своей сущности, своему «нутру», отличаются от тунеядцев. Сцена строительства показывает, что даже самые чудовищные нарушения норм советского общества не могут затронуть его сущности, которая связана с наиболее глубинными чертами народной жизни. В этом смысле повесть сродни «Василию Теркину» — поэме о все умеющем труженике-солдате, которого война ставит в столь же чуждые его сути условия, сколь чужд, навязан извне героям Солженицына мир лагеря. Но в обоих этих случаях война и лагерь, враждебные самому духу советского общества, бессильны изменить сущность советского человека, человека из народа — «трудяги», труженика, пронизанного чувством созидания, тем особенным «хозяйским» отношением к жизни, которое рождается именно в социалистических условиях, у народа-хозяина.

Это может прозвучать парадоксом, но это именно так: очень существенно для понимания героя Солженицына то, что он чувствует себя хозяином каждой вещи. Он не хочет, чтобы что-нибудь, любая мелочь пропала без толку. Он все хочет на что-нибудь употребить, он органически чужд рабской психологии хищничества — «гори оно огнем». И его стремление, чтобы ничего не пропадало, совсем не связано с жадой приобретательства, он вовсе не рвется приобрести «себе». Но ему органически чужда психология разрушения, порождаемая буржуазным индивидуализмом. Поэтому я считаю, что, по самой сущности художественного метода, произведение Солженицына — произведение утверждающее, произведение социалистического реализма.

Хотелось бы отметить еще одну сторону дела: произведение Солженицына было сразу же переведено на эстонский язык и нашло широкий отклик у эстонского читателя. Люди, которым приходилось работать агитаторами, знают, какую помощь оказала им эта повесть. Мне приходилось слышать от эстонских колхозников одновременно горячие слова в поддержку ленинского курса ЦК, всего того нового, что пришло в жизнь нашего общества после разоблачения культа личности Сталина, и что эстонские колхозники чувствуют в своей повседневной жизни, и одобрение повести Солженицына: «Значит, к старым ошибкам, — говорили мне, — нет возврата».

Я думаю, что присуждение повести А. Солженицына Ленинской премии будет глубоко верным и в литературном, и в политическом отношении шагом.

Доктор филолог<ических> наук, проф. *Ю. Лотман*,
чл<ен> КПСС с 1942 г.,
адрес: г. Тарту, Эст<онская> ССР, ул. Кастанни, 9, кв. 7

---

¹ Архив А.И. Солженицына. 4 л. машинописи с рукописной правкой и подписью Ю.М. Лотмана синими чернилами. В конверт, адресованный в редакцию журнала «Новый мир», вложена также машинописная записка заместителю главного редактора А.Г. Дементьеву: «24 февраля 1964. Глубокоуважаемый Александр Григорьевич! Посылаю Вам копию того письма, которое я послал в Комитет по Ленинским премиям. Думаю, что отзыв о повести А.И. Солженицына представляет интерес для редакции Вашего журнала. Мне будет очень приятно, если мое письмо, хоть в какой-то степени, повлияет на исход дела. С сердечным уважением *Ю. Лотман*». На конверте штемпели: Тарту, 29.2.64; Москва, 1.3.64.

В числе других писем читателей это письмо Ю.М. Лотмана было передано в архив А.И. Солженицына из редакции «Нового мира».

² Здесь и далее курсивом передано подчеркивание волнистой линией в оригинале.

2. Дарственная надпись Ю.М. Лотмана и др. на форзаце книги «Блоковский сборник» (Тарту, 1964. Вып. 1)¹

21 октября 1964

Глубокоуважаемому Александру Исаевичу Солженицыну с искренней любовью и сердечным приветом — авторы этого тома

21.X.64

Тарту

З. Минц, Лотман, V. Adams, Д. Максимов, В. Беззубов, И. Чернов

---

¹ Архив А.И. Солженицына. Автограф Ю.М. Лотмана. Синие чернила.

Глубокоуважаемому
Александрю Исеевичу
Солженицыну с искренней
любовью и сердечным
приветом - автором
этой книги ЗМинин

21. X. 67

Тарту

Лотману и В. Седану

Ю. Мансином

В. Беззубовым

И. Суровым

Дарственная надпись Ю.М. Лотмана и др.
на форзаце книги «Блоковский сборник» (Тарту, 1964. Вып. 1)
Архив А.И. Солженицына

3. А.И. Солженицын — Ю.М. Лотману¹

3 ноября 1964

Многоуважаемый Юрий Михайлович!

Разрешите выразить Вам, а также передать через Вас В.Т. Адамсу, Д.Е. Максимову, В.И. Беззубову, И.А. Чернову и Заре Григорьевне мою живейшую благодарность за присылку «Блоковского сборника». Очень приятно сознавать, что русская литературная мысль не угасает в Вашем чудесном городе (который я так люблю).

Сожалее только, что Вы не поместили, к каким статьям относилось то шутивное объявление, касающееся сборника, которое мне пришлось видеть. Вам и Вашим коллегам желаю здоровья, бодрости и успеха в исследованиях!

Переименовали улицу², и адрес мой звучит теперь так:

Рязань-23, ул. Урицкого, 17, кв. 3.

---

¹ Архив Ю.М. Лотмана. Текст письма и фотография оригинала напечатаны впервые в упомянутой выше публикации: *Кузовкина Т.Д.* Вставная глава, или История одного знакомства. С. 132.

² В 1964 году 1-й Касимовский переулочек был переименован в улицу Урицкого и сохраняет это название и поныне.

4. Ю.М. Лотман — А.И. Солженицыну¹

Г. Рязань, 23. Ул. Урицкого, д. 17, кв. 3
Александру Исаевичу Солженицыну
Тарту, Кастанни, д. 7. Ю. Лотману

28 декабря 1964

Дорогой Александр Исаевич!

Сердечно поздравляю Вас и Вашу супругу с Новым годом, желаю Вам здоровья, «покоя и воли». Крепко жму Вашу руку

Ю. Лотман

Тарту 28.XII.64.

---

¹ РГАЛИ. Ф. 2511. Оп. 1. № 89. Почтовая новогодняя открытка. Автограф Ю.М. Лотмана. Фиолетовые чернила. Штемпель только отправителя: Тарту, 30.12.1964.

5. Дарственная надпись Ю.М. Лотмана и др. на форзаце книги «Труды по русской и славянской филологии» (VIII: Литературоведение. Тарту, 1965. Вып. 167)¹

23 октября 1965

Дорогому Александру Исаевичу Солженицыну с глубоким и искренним уважением

Ю. Лотман, Б. Егоров, З. Минц, П. Рейфман, С. Исаков

Тарту
23.X.65

---

¹ Архив А.И. Солженицына. Автограф Ю.М. Лотмана. Синие чернила.

6. Ю.М. Лотман — А.И. Солженицыну¹

Рязань, 23. Ул. Урицкого, д. 13², кв. 3
Александру Исаевичу Солженицыну
Тарту, Кастанни, д. 7. Ю. Лотману

30 декабря 1965

Глубокоуважаемый Александр Исаевич!

Сердечно поздравляем Вас с Новым годом и желаем Вам здоровья, душевного покоя, хорошей работы. Наилучшие новогодние пожелания Вашей супруге.

Ваши З. Минц Ю. Лотман

---

¹ Архив А.И. Солженицына. Почтовая новогодняя открытка. Автограф Ю.М. Лотмана. Черные чернила. Штемпели: 30.12.65 Тарту, 1.1.66 Рязань.

² В 1965 году нумерация домов по улице Урицкого изменилась, дом, в котором жил А.И. Солженицын, получил № 13.

7. Ю.М. Лотман — А.И. Солженицыну¹

[Декабрь 1967]

Дорогой Александр Исаевич!

Сердечно поздравляем Вашу супругу и Вас с Новым годом и желаем Вам от души доброго здоровья, радости, душевного покоя и хорошей работы. Если Вы окажетесь вблизи Тарту, мы всегда будем от души рады видеть Вас у себя.

Сердечно Ваши З. Минц, Ю. Лотман

---

¹ Архив А.И. Солженицына. Новогодняя открытка. Машинопись с рукописными вставками Ю.М. Лотмана и З.Г. Минц синей шариковой ручкой. Конверт утрачен.

8. А.И. Солженицын — Ю.М. Лотману¹

24 января 1968

Спасибо! Помню! И Вам — всего доброго! Если буду в Тарту — зайду непременно. Жму руки!

---

¹ Архив Ю.М. Лотмана. Почтовая открытка. Текст опубликован впервые: *Кузовкина Т.Д.* Вставная глава, или История одного знакомства. С. 132.

9. Ю.М. Лотман — А.И. Солженицыну¹

8 декабря 1968

Дорогой Александр Исаевич!

Позвольте сердечно поздравить Вас с Вашим 50-летием и пожелать Вам от души доброго здоровья и всего самого лучшего.

Желаю Вам душевного покоя, хорошей работы и новых произведений. Впрочем, этого я желаю не только ради Вас, но и ради русской литературы.

Сердечные приветы Вашей супруге.

Зара Григорьевна шлет Вам сердечные приветы и наилучшие пожелания.

Тарту, 8.XII.68.

Ваш Ю. Лотман

---

¹ Архив А.И. Солженицына. Автограф Ю.М. Лотмана. 1 л. письма синей шариковой ручкой. Конверт утрачен.

ОБ АВТОРАХ

Вахтель Эндрю Барух (Wachtel) — автор многочисленных научных трудов по русской литературе XIX и XX веков, южнославянским литературам и культурам, профессор Северо-Западного университета (Northwestern University) в штате Иллинойс (США), президент Американского университета в Центральной Азии (American University of Central Asia, Бишкек).

Колобаева Лидия Андреевна — автор 6 монографий и многих статей по проблемам истории русской литературы XX века, по преимуществу литературы Серебряного века, а также современной русской литературы, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы XX века филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Любимов Борис Николаевич — автор более 500 научных трудов, статей и монографий по истории русского театра, теории театра, а также русской литературе и русской религиозно-философской и общественной мысли, кандидат искусствоведения, заслуженный деятель искусств России, профессор, ректор Высшего театрального училища им. М.С. Щепкина (Москва).

Мелентьева Ирина Евгеньевна — автор ряда статей по истории русской литературы второй половины XIX века, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник отдела по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва).

Немзер Андрей Семенович — автор 9 книг и многих статей о русской литературе XIX–XXI веков, кандидат филологических наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики (Москва).

Солженицына Наталия Дмитриевна — редактор и публикатор текстов А.И. Солженицына, в том числе 30-томного Собрания сочинений, куратор Архива А.И. Солженицына, президент Русского Общественного Фонда Александра Солженицына (Москва).

Тюрина Галина Андреевна — автор монографии и ряда статей по греческой палеографии, истории классической филологии и образования в России, кандидат исторических наук, заведующая отделом по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва).

Шмелев Алексей Дмитриевич — автор 13 книг и более 300 научных статей, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета, заведующий отделом культуры русской речи Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва).

Чуковская Елена Цезаревна — публикатор и комментатор многочисленных материалов из архивов Корнея Чуковского и Лидии Чуковской, а также четырех томов их переписки с разными корреспондентами; составитель Собрания сочинений Корнея Чуковского в 15 томах и Собрания сочинений Лидии Чуковской в 11 томах; автор статей и воспоминаний об А.И. Солженицыне. Кандидат химических наук (Москва).

SUMMARY

In September 2010 an entity named the Section for the study of Solzhenitsyn was created within the Research Center located at the House of Russia Abroad, and a seminar dedicated to the study of the life and work of the writer, sponsored by this Section, began to function in May, 2011. Its purpose is to encourage the creative interaction between professional scholars and interested readers of Solzhenitsyn, and the appearance of the first issue of *Studying Solzhenitsyn* is the natural development of this project, not only because a number of presentations made in the context of this Seminar appear in the present issue in printed form.

The scholars associated with the Research Center together with the participants of the Seminar hope that the new annual publication will prove attractive to all who are undertaking the study of the works and fate of Aleksandr Solzhenitsyn, and that it will retain the deeply engaged, but sparkling and amicable spirit that characterized the discussions in the Seminar. Every issue of the new journal will feature publications from the papers of the writer and the huge corpus of correspondence that it contains, various documents bearing on his life or works, reminiscences about him or his times, analyses of specific works or the links between several of them, the direction of his development as a writer, his relationship to his predecessors and contemporaries — writers, philosophers, and politicians, the place of Solzhenitsyn in the history of literature and culture, and the role he has played in historical events of the twentieth century, including the current history of Russia. *Studying Solzhenitsyn* will naturally also attempt to keep abreast of developments in the study of Solzhenitsyn in general, noting significant publications of works by or about him, as well as conferences, exhibits, theatrical or cinematic productions, and the decisions of the jury concerning the Solzhenitsyn Prize in Literature.

The spirit that moved us in the course of preparing the first issue of this journal for publication was the belief that this undertaking will stimulate scholarly thinking and bring deep satisfaction to all those who have a true appreciation of both *One Day in the Life of Ivan Denisovich* and “Matryona’s Home”, both *In the First Circle* and *Cancer Ward*, both *The Gulag Archipelago* and *The Red Wheel*, both the heartfelt lyricism of his “Miniatures” and the intensely focused search for truth that characterizes his essays — in short, the genuine Solzhenitsyn, whole and undivided in all of his immensity.

* * *

The section titled **NEW PUBLICATIONS** presents two sketches from the series Solzhenitsyn has called his “Literary Collection”. In the introduction to these texts, N.D. Solzhenitsyna provides a list of sketches published earlier, and speaks of the way this cycle of texts came into being and of the goals the writer pursued in these notes on his fellow practitioners of the writer’s craft. In the sketch on Leskov, Solzhenitsyn examines a number of novels and stories — *No Way Out*, “Life of a Peasant Woman”, “Lady Macbeth of Mtsensk District,” *Cathedral Folk*, “Tale of the Cross-eyed Lefty from Tula and the Steel Flea”, “Leon, the Courtier’s Son”, “The Hairpiece Artist”, and “Ghost in the Engineering Palace”. While admiring Leskov’s historical acumen, his fine understanding of Russian life, and the rich variety of his language (the “Tale of the Cross-eyed Lefty” receives particular praise in this respect), Solzhenitsyn notes the weaknesses in the composition of some of Leskov’s longer works, the lack of psychological credibility in the depiction of certain of his characters, and a measure of stylistic carelessness. The sketch is followed by a list of words drawn from the works of Leskov that Solzhenitsyn chose to include in his *Lexicon of Russian Linguistic Expansion*.

The second sketch begins with thoughts about writers who have emerged from “the very midst of the people”, and proceeds to an account of the life and fate of Viktor Astafyev, followed by a general appraisal of his prose and analyses of his stories and tales — “Without Refuge”, “Feasting After the Victory”, “The Blind Fisherman”, “Gudgeon-Fishing in Georgia”, “Lyudochka”, and “Melancholy Detective Story”. Special attention is accorded to the dilogy *The Damned and the Killed*. While emphasizing the high merits of Astafyev’s prose in ethical and esthetic terms, Solzhenitsyn does not abstain from some fairly sharp critical comments that point to the substantial differences between the literary visions of these two contemporary writers.

The time has not yet come for the appearance of the complete correspondence between Solzhenitsyn and L.K. Chukovskaya, and the 18 letters chosen for the present publication were written in the early years of the writer’s forced exile (1974–1977). Matters discussed in these letters include Solzhenitsyn’s works first published during the indicated period (“Letter to the Soviet Leaders”, the essays in the *From Under the Rubble* collection, *Lenin in Zurich*, and the third volume of *The Gulag Archipelago* — a particularly profound analysis of which Chukovskaya provides in her letter of June 14, 1976), Chukovskaya’s work on her *Notes on Anna Akhmatova*, the new journal *Kontinent*, the efforts to open a Kornei Chukovsky museum in Peredelkino, the circumstances of the life of correspondents, and many other significant literary, cultural, and political events of the second half of the 1970s.

The materials contained in the section titled **ESSAYS, DISCUSSIONS, MEMOIRS** is mostly related to the presentations and subsequent discussions that took place at sessions of the Solzhenitsyn Seminar hosted by the House of Russia Abroad (Dom russkogo zarubezhya) in 2011 and 2012.

A.S. Nemzer's "Life and Poetry in the novel *In the First Circle*" addresses the specifically "literature-oriented" dimension of the novel, the close links between the lines of development of Volodin and Nerzhin, the effect that the action of an unknown diplomat has on the formation of Nerzhin as writer, and the resurrection of a vanished hero in the poetic universe of a former zek.

L.A. Kolobayeva's " 'A river flowing into the sands?'" analyses Solzhenitsyn's "literary prognoses" on the basis of *Cancer Ward*. The focus is on a novel quality of the writer's realism, in which the "polyphonic nature of personal goals" of the individual characters functions to structure his prose, on the unique features of the work's genre, its intertextual links and symbolic motifs, with the title of the presentation being one of the latter.

I.E. Melentyeva's "Solzhenitsyn's reading of Leskov" is an extensive commentary on Solzhenitsyn's sketch published in the first section. Melentyeva studied Solzhenitsyn's marginal comments on editions of Leskov's works and gives an interpretation of Solzhenitsyn's attitude toward this "excessive writer", identifying the points of attraction and repulsion, and showing how themes common to both writers have received very different literary and social interpretations.

A.D. Shmelev's "Solzhenitsyn's use of parentheses" shows, by citing a large number of examples, the stylistic function that this punctuation mark plays in Solzhenitsyn's works, pointing out the difference with the normative usage, and noting the much greater complexity of this feature in fictional narratives than in publicistic texts.

Andrew B. Wachtel's "One Day fifty years later" examines the context of the November, 1962 issue of *Novy mir* in which Solzhenitsyn made his public debut. Describing the complex editorial maneuvers of A.T. Tvardovsky, Wachtel indicates some of the conceptual correspondences between *One Day* and the poems of E. Mezhlaitis (translated by D.S. Samoilov and S.Yu. Kunayev), as well as the short story "A simple operation"; both shared the November issue with Solzhenitsyn's text. In Wachtel's opinion, these "liberal" and optimistic works, written in a mode entirely acceptable to the powers-that-be of the day, were meant to moderate the explosive force of an unmediated account of Stalinist camps and other crimes of the regime.

B.N. Liubimov presents a detailed account of the staging of Solzhenitsyn's play *Victory Celebrations* in the Maly Theatre in 1995. He describes the difficulties the cast experienced in their approach to this work, the meeting of the cast and director (Boris Morozov) with the author, some specific aspects of the production, and the reception by the public. The author also offers some reflections on the little-studied theme of "Solzhenitsyn and the theater".

The final part of this section is occupied by the record of a roundtable discussion occasioned by the appearance of a collection of translated Western critical writing on

Summary

Solzhenitsyn, *Solzhenitsyn: Myslitel', istorik, khudozhnik. Zapadnaia kritika*, published in Moscow in 2010. Participants in the discussion (including the compiler of the collection, Edward E. Ericson, Jr. and A.E. Klimoff, one of the authors), ranged in their comments from specific aspects of the collection (its overall structure, the content of particular articles, the characteristics of a view of Solzhenitsyn's work "from the outside") to more general issues (Solzhenitsyn as a Christian writer, Solzhenitsyn and modernity, unresolved aspects of Solzhenitsyn's oeuvre).

The section titled **THE ALEKSANDR SOLZHENITSYN PRIZE IN LITERATURE** begins with N.D. Solzhenitsyna's account of the history, intention, and characteristics of this award. This is followed by a citation of the formal statutes of the prize, a list of the laureates from 1998 to 2010 and of the books of these authors that have been published in the series linked to the Prize. The section concludes with information bearing on the last two years, when the laureates were E.Ts. Chukovskaya (2011) and O.O. Pavlov (2012): statements of the jury and the texts of the speeches at the awards ceremony.

The section titled **NOTES ON CURRENT EVENTS** was prepared by G.A. Tyurina and contains information on the latest editions of Solzhenitsyn's works, on scholarly studies or conferences focused on Solzhenitsyn, on special exhibits or permanent museum installations bearing on the writer, on new or imminent theatrical, cinematic, or musical interpretations of his works, and on the activity of the Solzhenitsyn Seminar hosted by the House of Russia Abroad.

The **ARCHIVAL DISCOVERIES** section features materials (prepared by G.A. Tyurina) whose appearance in print coincides both with the ninetieth anniversary of Yuri Lotman's birth and the fiftieth anniversary of the publication of *One Day in the Life of Ivan Denisovich*. Included in this section is the first publication of Lotman's letter to the Lenin Prize committee in which the celebrated philologist insists in the strongest terms on the need to award the prize to Solzhenitsyn on the strength of *One Day*. This is accompanied by the publication of letters exchanged by Lotman and Solzhenitsyn and of the texts of the inscriptions on two volumes of literary studies presented to the writer by Lotman and his departmental colleagues at Tartu State University.

CONTENTS

A. Nemzer. To the Reader	5
--------------------------------	---

NEW PUBLICATIONS

SELECTIONS FROM THE PAPERS OF ALEKSANDR SOLZHENITSYN

ALEKSANDR SOLZHENITSYN. Essays from the “Literary Collection”:	8
“Nikolai Leskov”	11
“Viktor Astafyev”	25

Edited with introduction and notes by N.D. Solzhenitsyna

“MOSCOW HAS CUT OFF DIRECT POSTAL CONTACT BETWEEN US IN BOTH DIRECTIONS...”: Selections from the correspondence between Aleksandr Solzhenitsyn and Lydia Chukovskaya (1974–77)	47
--	----

*Edited and annotated by E.Ts. Chukovskaya and N.D. Solzhenitsyna,
with a preface by E.Ts. Chukovskaya*

ESSAYS, DISCUSSIONS, MEMOIRS

A.S. NEMZER. Life and Poetry in the novel <i>In the First Circle</i>	101
I.E. MELENTYEVA. Solzhenitsyn’s reading of Leskov	118
B.N. LIUBIMOV. Staging <i>Victory Celebrations</i> at the Maly Theatre: On the history of the production	135
L.A. KOLOBAEVA. “A river flowing into the sands”?: Aleksandr Solzhenitsyn’s literary prognoses in <i>Cancer Ward</i>	147
A.D. SHMELEV. Solzhenitsyn’s use of parentheses	167
ANDREW B. WACHTEL. <i>One Day fifty years later</i>	184
<i>Authorized translation from English by N.P. Grintser</i>	
SOLZHENITSYN: <i>THINKER, HISTORIAN, WRITER</i> : A roundtable discussion	198
<i>Moderators: V.A. Moskvina, O.B. Vasilevskaya</i>	
<i>Comments by: N.D. Solzhenitsyna, Edward E. Ericson, Jr., A.S. Nemzer, N.P. Grintser, L.I. Saraskina, P.E. Spivakovskiy, I.B. Rodnianskaya, B.N. Liubimov, R.A. Galtseva, A.E. Klimoff, P.G. Protsenko, I.E. Melentyeva</i>	

THE ALEKSANDR SOLZHENITSYN PRIZE IN LITERATURE

N.D. SOLZHENITSYNA. Concerning the Prize	
Introduction	251
Recalling the past: Interview with the weekly <i>Knizhnoe obozrenie</i>	252
The statutes	257
Prize winners, 1998–2010	259
Book series	262
The 2011 Prize	
The jury's statement	263
The award ceremony	263
Moderator: N.D. Solzhenitsyna	
Comments by: L.I. Saraskina, P.B. Basinsky, A.A. Avdeev, E.V. Ivanova, M.V. Seslavinsky, N.V. Kaverin, E.Ts. Chukovskaya	
The 2012 Prize	
The jury's statement	287
The award ceremony	287
Moderator: N.D. Solzhenitsyna	
Comments by: P.V. Basinsky, V.O. Otroshenko, M.A. Anashkevich, O.O. Pavlov	

NOTES ON CURRENT EVENTS

Section prepared by G.A. Tyurina

Editions of the works of A.I. Solzhenitsyn	303
Literature on the works of A.I. Solzhenitsyn	305
Films, interviews	307
Conferences and symposia	308
Exhibits	313
Museums	317
Works of Solzhenitsyn reflected in theatrical, cinematic, and musical genres	318
Seminar on the life and works of Solzhenitsyn	319
In memoriam	319

ARCHIVAL DISCOVERIES

Lotman and Solzhenitsyn: Reminiscences, letters, and inscriptions. <i>On the occasion of the ninetieth anniversary of the birth of Yuri Lotman and the fiftieth anniversary of the publication of One Day in the Life of Ivan Denisovich</i>	321
YURI LOTMAN. Excerpts from his <i>Non-memoirs</i> ["Ne-memuary"]	323
Letters and inscriptions	326
<i>Edited, annotated, and introduced by G.A. Tyurina</i>	
Notes on contributors	333
Summary	335

СОДЕРЖАНИЕ

А. Немзер. К ЧИТАТЕЛЮ	5
---------------------------------	---

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ:

Из наследия АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Александр Солженицын. Из «Литературной коллекции»	8
Николай Лесков	11
Виктор Астафьев	25

*Публикация, подготовка текстов, предисловие
и примечания Н.Д. Солженицыной*

«Открытую почту нам Москва обрubiла в оба конца...»:

Из переписки Александра Солженицына

<i>и Лидии Чуковской (1974–1977) . . . . .</i>	47
--	----

*Публикация, подготовка текстов и комментарии
Е.Ц. Чуковской и Н.Д. Солженицыной,
вступительная заметка Е.Ц. Чуковской*

СТАТЬИ, ДИСКУССИИ, ВОСПОМИНАНИЯ

А.С. Немзер. Жизнь и Поэзия в романе «В круге первом»	101
И.Е. Мелентьева. Солженицын читает Лескова	118
Б.Н. Любимов. «Пир победителей» на сцене Малого театра: <i>Из истории постановки . . . . .</i>	135
Л.А. Колобаева. «Река, впадающая в пески»?: <i>Художественные прогнозы Александра Солженицына («Раковый корпус») . . . . .</i>	147
А.Д. Шмелев. Скобки у Солженицына	167
Э.-Б. Вахтель. «Один день...» пятьдесят лет спустя.	184
<i>Авторизованный перевод с английского Н.П. Гринцера</i>	

«Солженицын: Мыслитель, историк, художник»:
Круглый стол 198
Ведущие: В.А. Москвин, О.Б. Василевская
Выступления: Н.Д. Солженицына, Э.Э. Эрикссон, мл., А.С. Немзер,
Н.П. Гринцер, Л.И. Сараскина, П.Е. Спиваковский, И.Б. Роднянская,
Б.Н. Любимов, Р.А. Гальцева, А.Е. Климов, П.Г. Проценко,
И.Е. Мелентьева

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Н.Д. Солженицына. О премии
    Введение 251
    Из истории: *Интервью еженедельнику «Книжное обозрение»* 252
Устав 257
Лауреаты (1998–2010) 259
Книжная серия 262
Премия 2011
    Решение жюри 263
    Церемония награждения 263
Ведущая: Н.Д. Солженицына
Выступления: Л.И. Сараскина, П.В. Басинский, А.А. Авдеев,
Е.В. Иванова, М.В. Сеславинский, Н.В. Каверин, Е.Ц. Чуковская
Премия 2012
    Решение жюри 287
    Церемония награждения 287
Ведущая: Н.Д. Солженицына
Выступления: П.В. Басинский, В.О. Отрошенко, М.А. Анашкевич,
О.О. Павлов

ХРОНИКА

Раздел подготовлен Г.А. Тюриной

Издания произведений А.И. Солженицына 303
Литература о творчестве А.И. Солженицына 305
Фильмы, интервью 307
Конференции, симпозиумы 308
Выставки 313
Музеи 317

Произведения А.И. Солженицына в искусстве	318
Семинар, посвященный трудам и дням писателя	319
In memoriam	319

АРХИВНЫЕ НАХОДКИ

Лотман и Солженицын: Воспоминания, письма, дарственные надписи.	
<i>К 90-летию со дня рождения Ю.М. Лотмана</i>	
<i>и 50-летию публикации «Одного дня Ивана Денисовича» .....</i>	321
Ю.М. Лотман. [Из «Не-мемуаров»]	323
Письма, дарственные надписи	326
<i>Публикация, подготовка текстов, предисловие</i>	
<i>и примечания Г.А. Тюриной</i>	
ОБ АВТОРАХ	333
SUMMARY	335
CONTENTS	339

Солженицынские тетради: Материалы и исследования : [альманах].
С-60 Вып. 1 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына ; [гл.
ред. А.С. Немзер]. — М. : Русский путь, 2012. — 344 с. : ил.

ISBN 978-5-85887-420-1

Ежегодный альманах «Солженицынские тетради» призван способствовать общению профессиональных исследователей жизни и творчества писателя и его заинтересованных читателей. Альманах представляет неопубликованные тексты из наследия А.И. Солженицына, документы, связанные с жизнью и работой писателя, мемуары о нем и его эпохе, исследования, посвященные конкретным произведениям, их взаимосвязям, логике творческого пути писателя, его месту в литературе и культуре, роли в истории XX столетия и той истории, что творится сегодня.

В этом выпуске впервые публикуются очерки писателя из «Литературной коллекции» (о Н.С. Лескове и В.П. Астафьеве), фрагменты переписки А.И. Солженицына и Л.К. Чуковской (1974–1977). Хроника происходящего в солженицынском пространстве включает информацию о значимых изданиях книг писателя, новинках исследовательской и учебной литературы, конференциях, выставках, спектаклях, фильмах, очередных решениях жюри Литературной премии Александра Солженицына. Издание иллюстрировано репродукциями рукописей и фотоматериалами.

УДК 82.0
ББК 84(2Рос)6 + 83.3(2Рос)6

Литературно-художественное издание

Солженицынские
ТЕТРАДИ
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

1

Редактор: *О.Б. Василевская*

Расшифровка стенограмм: *Т.Ф. Приходько, Л.А. Эпиктетова*

Корректор: *О.А. Савичева*

Верстка: *Л.А. Фирсова*

Подписано в печать 21.10.2012. Формат 70x100/16.

Тираж 3000 экз.

ЗАО «Издательство «Русский путь»»

109240, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2. Тел.: (495) 915-10-47

E-mail: info@rp-net.ru

Сайт издательства: www.rp-net.ru

Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru

Типография «Наука»

121099, г. Москва, Шубинский переулок, д. 6

ISBN 978-5-85887-420-1

9 785858 874201 >